

Коллекция
Изборского
клуба

Виталий АВЕРЬЯНОВ

ИМПЕРИЯ И ВОЛЯ

ДОГНАТЬ САМИХ СЕБЯ

Москва • Книжный мир • 2014

Виталий Аверьянов

Империя и воля. Догнать самих себя. («Коллекция Изборского клуба») – М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014. – 384 с.

ISBN

Почему с нами произошло то, что произошло 20 лет назад? Смутные времена приходят в Россию с определённой периодичностью и как бы неожиданно, поскольку в периоды стабильности создаётся иллюзия, что стабильность держится сама собой, что это нечто незыблемое. Такое же ощущение было у наших предков в начале XX века – никто не ценил империю до тех пор, пока она не затряслась и не рухнула. То же самое произошло и в 80-е годы XX века. Все иронизировали над «застоем», над «уверенностью в завтрашнем дне» и не ценили того положительного, что было в советском укладе жизни. Пока и он не рухнул.

Мы крепки задним умом, долго запрягаем, но быстро ездим. История продолжается. Народ зреет. Государство созревает. И рано или поздно наступит момент, когда мы догоним самих себя. Когда наша внутренняя зрелость будет соответствовать нашему самосознанию и, наоборот: наше самосознание станет достаточно зрелым. Думаю, мы создавали Изборский клуб именно с этой целью, чтобы на новой основе, в новом непривычном виде, восстановить собственную идентичность, ту же идентичность, что была пронесена Россией через века.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN

© В.В. Аверьянов, 2014
© Изборский клуб, 2014
© Книжный мир, 2014

МЫ КРЕПКИ ЗАДНИМ УМОМ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Почему с нами произошло то, что произошло 20 лет назад? Смутные времена приходят в Россию с определённой периодичностью и как бы неожиданно, поскольку в периоды стабильности создаётся иллюзия, что стабильность держится сама собой, что это нечто незыблемое. Такое же ощущение было у наших предков в начале XX века – никто не ценил империю до тех пор, пока она не затряслась и не рухнула. То же самое произошло и в 80-е годы XX века. Все иронизировали над «застоем», над «уверенностью в завтрашнем дне» и не ценили того положительного, что было в советском укладе жизни. Пока и он не рухнул.

На мой взгляд, одной из причин произошедшего является наша давняя национальная беда – запаздывающая саморефлексия. Мы, находясь в постоянном трении, в постоянной борьбе с цивилизацией Запада, запаздываем в том, чтобы осмыслить новую сложившуюся мировую ситуацию, новую ситуацию в собственной стране и дать правильный ответ на очередной вызов. Об этом писали многие русские мыслители. Например, Розанов утверждал, что славянофильство как своеобразная форма русского национального самосознания должно было прийти раньше лет на 20, сразу после завершения Отечественной войны 1812 года, на волне этой грандиозной победы. Но оно пришло позже, уже в 40-х годах, поэтому не могло перехватить интеллектуальную инициативу у западников и не могло побудить государство к творческому, амбициозному, а не охранительному консерватизму. К созданию нового Земского Собора с русскими партиями в нём. Это запоздание было роковым и привело к тому,

что к концу XIX века Россия уже утрачивала собственную идентичность и скатывалась к заимствованным у Запада решениям, извращённому выходу из наслаивавшихся проблем.

Что касается советских времён, то в 1986 году вышла в свет коллективная работа «Революционная традиция в России». И там впервые за всё время Советской власти авторы посмели отойти от официальных догм и сказать о том, что миссия Ленина в нашей стране и мировой истории состояла не столько в том, чтобы осуществить «социалистическую революцию», а в том, чтобы вывести Россию из неравной конкуренции с другими мировыми «центрами силы» – вывести из системы навязанных правил игры в состояние особого проекта, который позволил бы ей восстановить и реализовать собственную историческую миссию, собственную цивилизационную идентичность.

Если бы советские мыслители осмелились это сказать лет на 15-20 раньше, и если бы эти идеи проникли в официальную идеологическую доктрину, если бы наша идеология тогда была более гибкой в этом отношении, – вполне возможно, что третьего по счёту в нашей истории и второго за XX век Смутного времени нам удалось бы избежать. В конце концов, ведь китайцам удалось решить эту задачу, – могло бы получиться и у нас. У нас появилось бы идеологическое оружие, с помощью которого мы смогли бы противостоять доктрине глобального либерализма.

Такое запаздывание типично, болезненно, но всё-таки не катастрофично: мы крепки задним умом, долго запрягаем, но быстро ездим. История продолжается. Народ зреет. Государство созревает. И рано или поздно наступит момент, когда **мы догоним самих себя**. Когда наша внутренняя зрелость будет соответствовать нашему самосознанию и, наоборот: наше самосознание станет достаточно зрелым. Думаю, мы создавали Изборский клуб именно с этой целью, чтобы на новой основе, в новом непривычном виде, восстановить собственную идентичность, ту же идентичность, что была пронесена Россией через века.

Часть I. СМУТА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

ТРИ СМУТНЫХ ВРЕМЕНИ В РОССИИ

Восприятие текущей политической действительности как исторического феномена дает возможность не только проводить параллели с прошлым, но и позволяет обнаружить устойчивые, ритмически повторяющиеся модели развития русской жизни. Внимательное изучение этих моделей, сопоставляемых с современностью, способствует более адекватному восприятию политической реальности. *«Чтобы видеть свое время, – говорил Хосе Ортега-и-Гассет, – надо смотреть с расстояния».*

Прежде всего, такой способ анализа имеет прогностическое значение. Однако помимо возможностей конкретных прогнозов создание моделей политической истории имеет и самостоятельное значение как форма выявления заложенного в отечественной истории культурно-исторического феномена: продуктивного рефлекса нации. Эта статья посвящена теме преодоления Россией как цивилизацией кризисов собственной национально-государственной традиции через особые шоковые состояния – Смутные времена. Модель «Смутного времени» представляется автору более точным и эвристически ценным, чем модель «революции». Переход от понятия «революции» к понятиям «мутации» или «смутные времена» позволяет, на мой взгляд, более адекватно описывать как уже произошедшие, так и происходящие в настоящее

время и предполагаемые в будущем исторические и культурные процессы¹.

Историософская ситуация XX века уникальна. В отечественной социальной мысли за это столетие был накоплен богатый опыт, связанный с переживанием трагического столкновения в России сил модерна и традиционализма. Однако имело место не только столкновение, но и переплетение, и хотя модерн одержал решительную победу, вместе с тем его масштабный проект (в виде СССР), во-первых, не смог закрепиться в России, а во-вторых, привел к пересмотру многих существенных черт самой современной парадигмы, привел к своеобразному русскому «сплаву» модерна с традицией.

Практика построения исторических моделей предполагает их тяжеловесную абстрактно-философскую нагрузку и носит отчасти игровой характер. Однако это не тот вид игры, который порождается постмодернистской формой сознания. Данная трактовка истории тяготеет к фольклорному сознанию, а именно: к «былинному» восприятию соотношения личного и стихийного. Фольклорное сознание противоположно модернизму в обоих терминологических различиях последнего: и в литературно-художественном, стилистическом, и в мировоззренческом (модерн как магистральное направление мысли в европейской культуре Нового времени). Традиционализм как спонтанная установка народного сознания не исключает частного отказа от традиции, но присоединяет вы-

1. Излагаемая здесь концепция в целом была представлена мной еще в середине 90-х годов (Аверьянов В.В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // *Общественные науки и современность* 1996 № 3). Затем она в измененном виде воспроизводилась в моих книгах. Надо сказать, постановка вопроса о трех «Смутных временах» со второй половины 90-х годов получила широкое распространение. Идея параллелизма Смутных времен в отечественной истории приобрела достаточную популярность как в публицистике, так и в научной литературе. Среди наиболее заметных работ можно назвать такие как: Кара-Мурза А.А. *Между "Империей" и "Смутой"*. – М., 1996; Булдаков В.П. *Красная смута: Природа и последствия революционного насилия*. – М., 1997; Кондаков И.В. *Архитектоника русской культуры*. Диссертация на соискание уч. ст. доктора философских наук в форме науч. докл. – М., 1998; Соловей В. *Россия накануне Смуты // Свободная мысль XXI*. 2004. № 12. – С. 38-48; см. также научную дискуссию: «Народ и власть в российской смуте» // *Власть*. – 2010. – № 4 (С. 14-17), № 5 (С. 10-14), № 6 (С. 13-17), № 7 (С. 9-14). Обзор «смутологической» литературы рубежа веков см.: Земляной С. *Куда идешь? О Смуте как парадигме консервативного мышления* // *Независимая газета* 22.06.2001.

дающееся, исключительное к своему культурному багажу. Для творцов фольклора историческая вежа или личность глубже индивидуализированная, более «отслоившаяся» от привычного хода вещей, не противоречит единому историческому духу, а, напротив, вносит в общую модель специфические элементы и дополняет ее смысл до подлинной универсальности. Так воспринимается ход событий в русских былинах, где личное и стихийное начала соединяются. Персонажи фольклора не являются историческими в строгом смысле, они – действующие лица большой панорамной картины действительности, своего рода народной историософии. Богатыри, калики переходные, князь Киевский, разбойники, голь кабацкая, сказочные звери, а также представители «чужих миров» (заморские цари, чудовища и змеи, поганое идолище, колдуны и т.д.) – это олицетворения определенных исторических начал, за каждым из которых стоит не одно какое-то историческое лицо, а целая совокупность лиц разных эпох и ситуаций, целые тенденции исторической жизни².

В традиционной культуре время и история осмысляются особым образом: так, в фольклоре время замкнуто, зафиксировано на определенное историческое состояние (на идеальную модель), сдвинуто «вправо», если сравнивать ее с литературой и исторической наукой³. Это объясняется тем, что **традиция не столько ищет причинно-следственный источник и контекст события, сколько дает модель, призму на всякое событие как «бывающее», как «вариант» исторического многообразия.** Освоение традицией истории осуществляется по собственным, более фундаментальным, чем в истории как науке, законам: смысл исторического случая «вбирается» более высоким

2. Созвучны этому взгляду мысли таких, к примеру, исследователей как В.Я.Пропп, полагавший, что народ в эпосе не стремится отражать исторические события, но описывает явления (Пропп В.Я. Русский героический эпос. – М., 1958. – С. 287); как И.Я.Фроянов и Ю.И.Юдин, писавшие: *В ходе былинного творчества один образ, более поздний наслаивается на другой, уже существующий в фантазии сказителей, в результате чего появлялся новый герой, заключающий в себе черты героев различных времен. И только внимательный анализ исследователя позволяет разобраться в этой сложной структуре былинных образов* (Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. – СПб., 1997. – С. 498).

3. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов, 1980.

состоянием, освещается через метафизическое измерение. Фольклорные произведения представляли собой древнюю форму моделирования и прогнозирования, позволяя носителям традиционного сознания давать четкие и верные оценки текущим событиям по их расположению не в актуальном политическом ряду, а в более объемном смысловом пространстве живого национального мифа, в «картине мира», игнорирующей частности и хаотичность текущей реальности, однако удерживающей константные критерии оценки добра и зла, пользы и вреда с точки зрения национально-культурной идентичности.

Автор далек от того, чтобы на протяжении многих веков истории усматривать в ней одинаковое политическое содержание или же, напротив, относиться к историософским моделям исключительно как к проявлениям голых ритмических повторов. Обогащенный конкретными фактами общеизвестный термин «Смутное время», гениально сформулированный в начале XVII века, до последнего времени рассматривался как предмет для публицистических параллелей. Каковы же критерии определения различных эпох как версий единой модели «смуты»?

Скептики-западники применяют понятие «смуты» практически на всем пространстве русской истории. Поэтому элементы этого явления, возможности для параллелей изыскиваются едва ли не всеми желающими применительно к особенностям своего времени или рассматриваемой эпохи прошлого. Растаскивание модели на элементы и компоненты вызвано непониманием (перемешанным с неприятием) системного, целостного характера самой модели. Эти аналитические увлечения связаны с некоторой дезориентацией в череде смутных и спокойных эпох. На деле российская история не только не представляет собою одной большой и нескончаемой «смуты», но и вовсе не изобилует большими (моделируемыми) «смутными временами»⁴. Смутное время в Рос-

4. Можно говорить о «малых смутах» как о любых значительных восстаниях или волнениях (пугачевская смута, дворянская смута 1825 года), но не как о термине и безотносительно к целостной модели «смуты».

сии – явление всегда исключительное (хотя и повторяющееся) и не продолжительное по сравнению с временами «несмутными»: активное течение его в открытой фазе не превышает обычно 15 лет. За всю свою историю Россия пережила не более трех подобных периодов.

Предварительно можно указать, что «смута» – это всегда период с особенно высокой степенью непредсказуемости разрешения исторического кризиса. Само название, порожденное народными авторами, подсказывает, что в момент политической ломки решительность, разрешаемость и четкость очертаний таятся под крайне неопределенными покровами, смущающими и размытыми личинами событий и их участников. Поэтому внутри Смутного времени историку совсем нелегко найти основания для приемлемой классификации и периодизации, нелегко восстановить причинно-следственные связи. Смутное время способно «смутить» (иррационализировать) мысль и современника, и историка. Оно всегда меняет облик самой Истории, стремительно демифологизируя и затем ремифологизируя ее.

Триада «смутных времен» России открывается многовластием начала XVII столетия (и не ранее; почему – это вопрос очень серьезный и не входящий в задачи этой работы), продолжается «революциями» первых десятилетий XX века и замыкается современными событиями. Рассмотрим теперь модель «смуты» в разнообразии ее этапов и исторических проявлений.

Этап первый: отказ от традиции (1598-1605, 1905-1912, 1985-1991)

Как уже говорилось, периодизация явления Смутного времени достаточно условна. Мы имеем дело со стремительным калейдоскопическим карнавалом событий, цепью не всегда реализуемых «революционных ситуаций», мятежей, случайных союзов и ложных узнаваний. Поэтому и три случая «смуты» неоднородны по своей структу-

ре, вариативны по формам, определяемым духом времени, конкретностью исторических обстоятельств и узлами традиции.

Собственно, *узлы традиции* (подчас гордиевы) – развязываемые, разрушаемые, по-новому завязываемые – ключевая метафора предлагаемой модели. Так, первый большой этап «смуты» связан с отказом от традиции политической легитимации и приходится на ее первые 6-7 лет. Внутри этого этапа, конечно, можно различать еще меньшие, но это будет либо чрезмерной повествовательной обстоятельностью, либо возведением калейдоскопической действительности к уровню концептуальному.

Отказ от легитимирующей традиции, носителями которого всегда выступают «верхи», причем абсолютные «верхи» власти, в условиях начинающегося Смутного времени очень скоро делает власть *рабой делегитимации*, ею же близоруко лелеемой. Впрочем, всякий раз отказ от традиции оказывается не просто закономерным, но и подготовленным предшествующими десятилетиями.

Уникальны события начала первой «смуты» (конец XVI века). Тогда фокусом процесса разрушения старых и формирования новых узловых политических традиций стала проблема непрерывности монархического престолонаследования. Первая русская «смута», столь тесно связанная с пресечением династии Рюриковичей, с порушенным таким образом механизмом легитимации, указывает на его в своем роде единственно реальную весомость для тогдашней политической традиции. Не исключено, что сменивший старую династию новый царь Борис Годунов именно по этой причине упорно считался причастным к убийству «царевича», единственного наследника Рюриковичей. Эта неприязнь к Годунову («яко не сподобися великого царя дару, печати славы небесная»⁵), к внешне благополучному началу его вынужденного царствования по происхождению своему иррациональна.

5. Так пишет в целом объективный по отношению к Борису И.Хворостинин (Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII вв. – М., 1987. – С. 436).

Собственно, Годунов был правителем (и удачным правителем) еще при царе Феодоре Иоанновиче, самодержце, как принято считать, благочестивом, но к государственному труду неспособном. Традиция освящала роль Годунова-правителя, но она отвергала Годунова-царя («рабоцаря», по формулировке Ивана Тимофеева) несмотря на его формальную «избранность». Годунов, тяжело переживавший фактическую делегитимацию своей власти, старался умиловить все сословия и кланы, отличался либерализмом и любовью к иностранцам.

Кризис политической традиции начался едва ли не в самой «умной голове» (как называл Бориса в конце 80-х годов юродивый Ивашка Большой Колпак⁶), когда та сидела на плечах еще правителя Руси. Для тщеславного Бориса, в качестве царского шурина постигшего видимую изнанку дворцовой жизни, разница между понятиями «царь Божией милостью» и «хороший правитель» представлялась минимальной.

В своем сознании именно Годунов стал первым «самозванцем». А феномен «самозванства» равновелик феномену самой первой «смуты». «Рабоцарь» (= самозванец, не правда ли?), действительно, мог быть причастным к убийству царевича, «свято место» которого пустовало все годы «смуты» и самую свою пустоту эту «смуту» продуцировало. Пресечение династии в таком случае перестает быть досадной для историков случайностью, а становится следствием отказа от традиции, осуществляемого не самим монархом, а за него.

В этом и причины уникальности, и вместе с тем основа своего рода «непроизвольности» возникновения первой «смуты». Две другие были порождены более определенным отказом от существующей политической традиции. Манифест 17 октября 1905 года был продолжением тенденций, возобладавших еще при Александре II. Точно так же предтечей горбачевских новаций следует признать Никиту Хрущева. (Правда, и в случае с Годуновым можно

6. Скрынников П.Г. Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. – Новосибирск, 1991. – С. 354.

говорить о подготовленности целого ряда элементов «самозванства», «смуты» и секулярной по своей тенденции концепции царя-правителя в определенный период царствования Иоанна IV Грозного.)

Три этих лица – Годунов, Государь Николай II первого десятилетия XX века и Горбачев – при всем несходстве своем стремились сочетать в себе *обе традиции*: отвергнутую и едва наметившуюся, старались (насколько это возможно) не замечать их несовместимости. При этом Николай II и Горбачев не просто стремились сочетать противоречивые традиции, они в полном мере олицетворяли собою это противоречие. За период «отказа от традиции» 1905-1912 годов царь Николай много сделал для того, чтобы делегитимизировать самодержавие. Его последовательную политику организации прочной законодательной сферы власти можно рассматривать только как подготовку общества к утверждению конституционной монархии. Слева политическая позиция царя граничит с думской платформой кадетов («оппозиции Его Величества»), с лагерем Н.Милюкова, в то время как ее внутреннее равновесие обеспечивается политическим курсом правительства Столыпина. Эта «правая» составляющая позиции Николая II периода «отказа от традиции» проявляла себя в жесткой политике во время событий 1905-1907 годов, при роспуске двух первых Дум, при «мрачной» реакции конца 1908-1912 годов. И только после убийства Петра Столыпина царская власть решительно отбросила конституционную идею. Можно говорить, что на первом этапе смуты Государь изжил в себе и в близком ему окружении определенную политическую и мировоззренческую иллюзию⁷.

Подобным образом за период 1985-1991 годов Горбачев делегитимизировал властные прерогативы КПСС, но при этом умудрился остаться генсеком до самого конца – практически до того времени, когда перестал быть уже и президентом. Ситуация «перестроечного» этапа

7. Связанную с неоправданными историософскими экстраполяциями – опытом «английской революции» для либеральных реформаторов и опытом «французской революции» для непримиримых радикалов.

третьей «смуты» осложняется двойственностью геополитического плана: всем известно, что сложность территориальной структуры СССР, противоречия между союзными республиками сослужили плохую службу верховной власти. На выгодность «российской» карты Ельцину, по всей видимости, впервые указал вдохновитель «смуты» Андрей Сахаров. Горбачев в отличие от Годунова и Николая II боролся не просто с центробежными силами государства, но еще и с отсутствием прочной «федеративной основы» империи.

Если бы не эта специфика последней «смуты», она могла бы еще долго продолжаться под знаком Горбачева. Ведь оставался же до 1917 года на троне Николай II, подержавший «крутые меры реакции». Тогда сама губернская территориальная система Российской Империи долгое время играла на руку старому порядку. По сути, в этой версии Смутного времени путч образца 1991 года был не нужен – царь уравнивал ситуацию, подавляя одни политические импульсы и канализируя другие (в частности, в рамках IV Думы). В то же время результатом сдерживания развития событий в 1908-1913 годах было необычайно стремительное их развитие в 1917 году, вместившем в себе многие моменты Смутного времени, которые в других версиях проявляются несколько раньше⁸.

Горбачеву не удалось удержать энергию «народовластия» в рамках тех институтов, которые были ему подконтрольны и неразрывно связывались с его президентством. Да и эти подконтрольные институты в результате его двойной игры ускользали из рук: лукьяновский Верховный Совет во время августовского путча почти успел солидаризироваться с ГКЧП. В первой «смуте» Годунов также не

8. Миссия последнего Государя династии, как это видится теперь, состояла в том, чтобы обузывать, насколько это было возможно, разгорающуюся ярость общественной стихии, удерживать центробежные силы и «примирять» раздирающие государство политические полюса. Когда Государь Николай осознал невозможность конституционно-монархического (то есть по существу либерально-консервативного, компромиссного) разрешения смуты, он отождествил себя с консервативным полюсом государства. Однако предпочел он не путь искоренения «революционного» слоя, но путь сдерживания «революции» до конца и принесения себя ей в жертву. В этом состоит благородная, мученическая, святая миссия консерватизма в России начала XX века.

успел создать весомых гарантов перетекания своей личной власти в легитимно-самодержавную и наследственную. Скоропостижная смерть Годунова в 1605 году ввиду приближения войск Лжедмитрия I по-своему разрешила исход первого этапа «смуты». На основе своей личной власти и авторитета Борис наверняка смог бы дать отпор самозванцу, но у наследника престола Феодора Годунова такой опоры уже не было. Ближайшие сподвижники отца изменили ему, не поддержали его вопреки присяге ни войска, ни московские средние сословия. Старые принципы династического наследования были разрушены, новые не вступили в силу настолько, чтобы выдержать испытания кризисного времени.

Завершение первого этапа смут (1605, 1912, 1991) всегда ознаменовано мощной *реакцией* на отказ от традиции, это момент высокого накала страстей. Реакционеры выступают представителями попорченной традиции, дискредитированных священных авторитетов. Однако торжество реакции даже в лучшем случае исчисляется только годами. «Беззаконное царство» Лжедмитрия I (принятого за царевича Димитрия Иоанновича), «самодержавное мракобесие» и «черносотенный угар» (стояние за Россию Государя Николая II), «потерявшие всякий стыд и совесть путчисты» (как вскоре выяснилось, последние защитники Союза ССР) – под такими именами остается эта реакция в политическом дискурсе после Смутного времени. На первом этапе смут отчетливо выступает их характерный признак: неумение власти увидеть реальные причины политической дисгармонии, самоубийственное распиливание несущих конструкции государственности.

***Этап второй: шизогония власти
(1606-1611, 1912-1918, 1991-1997)***

Переход от одной стадии «смуты» к другой – точка особо высокой альтернативности событию, когда «субъ-

ективный фактор» истории плодит самые невероятные политические комбинации. Смерть Годунова сделала Москву почти на целый год заложницей Лжедмитрия I и пришедших с ним казацко-польских войск. Алогично развивались и события августовского путча 1991 года – несогласованность действий и некомпетентность заговорщиков поразили тогда всю страну. Несмотря на ввод войск в столицу, путч запечатлелся в народном сознании как феномен «смешного страшилища». С точки зрения карнавального аспекта истории ГКЧП и Лжедмитрий I могут быть поставлены на одну доску. Однако многие другие аспекты заставляют сравнить с самозванцем не только потерпевшие фиаско, но и победившие в августе 1991 года силы. Немало карнавальности в эту пору нес в своем облике и Президент СССР, который сыграл роль подставного лица, фиктивной маски власти, обманувшей реакционеров.

Оппозиции Годунов-Лжедмитрий по-своему соответствует не только оппозиция Горбачев–ГКЧП, но и оппозиция Горбачев-Ельцин. Всяк может выбирать, что ему по душе, тем более что толкования августовских событий ходят самые разноречивые. Как и популист Ельцин, Лжедмитрий I опирался на народное самосознание и сочетал апелляцию к попоранной традиции с радикальным новаторством (религиозный индифферентизм, абстрактный национализм, планы по созданию «сената», введению свободы перемещения, нареkanie себя «инператором»)⁹. В 1604-1605 годах народ зачитывался подметными листами самозванца и даже после его скоротечного краха еще называл его «нашим Солнышком ясным» (вот он, попоранный принцип легитимации!).

В Лжедмитрии есть что-то и от ГКЧП, и от Ельцина. Но Ельцин сумел победить своих противников и овладел ситуацией, поэтому легче закрепляется за ним параллель с Василием Шуйским, царем, «избранным криками» и главным организатором расправы над самозванцем. В контексте «смуты» и Годунов, и Шуйский, и Отрепьев при-

9. Здесь есть указания на очень интересную, но нас сейчас не отвлекающую тему сопоставления политического духа Отрепьева и Петра I.

частны в той или иной мере к феномену «самозванства». Этого нельзя сказать о Николае II, неизменно легитимном охранителе-реформаторе (в нем сочетаются и одновременно отменяются внутренние возможности и Годунова, и Шуйского, и Горбачева, и Ельцина).

На втором этапе рассматриваемых эпох возникают новые оппозиции, как бы «самовозрождающаяся смута». Шуйский – Лжедмитрий II (Тушинский вор) и Ельцин – Белый дом (силы Руцкого-Хасбулатова). Характерно, что Шуйский в свое время поддержал на Лобном месте расстригу Отрепьева против Феодора Годунова. Не случайно и то, что Ельцин, Хасбулатов, Руцкой – это три главных «победителя» над путчистами, они же и три высших лица российской власти, личные средоточия ее легитимности.

На этом этапе утрачивается всякая определенность властных преемственностей, наблюдается текучая релевантность политического знака. Уровень легитимности враждующих лагерей в определенный момент объективно совпадает, и возникает режим более или менее устойчивого параллельного сосуществования властей, период взаимных оскорбительных манифестаций, осад, блокад, выкуривании и вышибаний. От группы былых соратников отпочковываются более мелкие группы и, завалив нового общего противника, вновь организуются для борьбы между собой. Второй этап «смуты» обнажает ее ключевой феномен – шизогонию власти, доходящую до полного размывания легитимности, когда как народные низы, так и респектабельные сословия не знают, кого признать вполне правомочным. Шизогонизирующая власть раскалывает все общество. И если это групповое рассредоточение общественности царь Николай II до поры связывал рамками Государственной Думы и покрывал своей монаршей мантией, то начиная с февраля 1917 года Смутное время наверстывает упущенное и оформляет политическую жизнь в виде биполярной оппозиции – так называемого двоевластия.

В 1917 году в альтернативу «думскому» правительству создавались Советы, в 1993 году помог сам принцип

разделения властей, творить новые политические формы было не нужно. В результате упразднили старые формы – октябрь 1993-го покончил с теми самыми Советами. Наиболее длительной была открытая конфронтация «властей» в XVII веке – Москва и Тушино в течение 3 лет были «двумя столицами» Руси, в то время как по ее просторам шныряли банды своих и чужеземных головорезов. Поляки, казаки, значительная часть боярства и чернь нашли себя в этих обстоятельствах и, вероятно, могли бы долго поддерживать существующее положение вещей, если бы не истощение сил бедствующего народа.

В разгар «смуты» народное сознание подхватывает всякую критическую информацию о власти и раздувает ее до мифа. Особенно резкие формы обрела эта мифология в отягощенной мировой войной России 1915-1917 годов. Неуважение к царю, дурные слухи о Григории Распутине перекликаются и с мифопоэтическими представлениями первой «смуты». Пристрастием к колдовству и астрологии («звездочетству»), как говорили, отличались Шуйский и Отрепьев. Символом колдовского наваждения на Русь стала «царица» Маринка (в девичестве Мнишек), сожительствовавшая с обоими Лжедмитриями, а в промежутках между ними и после них с «холопами».

Шизогония власти не была прекращена ни Шуйским, сумевшим было разгромить тушинцев, ни Ельциным, штурмовавшим Дом Советов и в значительном мере подчинившим законодательную ветвь власти. Но Лжедмитрий II вновь приступил к Москве, и Шуйского свергли с престола; Ельцин на выборах в декабре 1993 года и 1995 года был вынужден смириться с поражением радикальной демократии, своей идеологической опоры. Состав V и VI Дум оказался ничуть не более выгодным, чем состав съезда, октябрьские «мятежники» и августовские «путчисты» были вскоре амнистированы парламентом и заняли видные места в Думе.

Как сверхбольшую мафиозную разборку восприняли многие начавшуюся в конце 1994 года «оккупацию» Чечни правительственными войсками. Но «дудаевская»

проблема во многом связана с «хасбулатовской», а сама «чеченская война» представляет собой момент высшего напряжения и военный очаг *самопоедания* шизогонизирующей российской власти. Шизогония – трудноизлечимая, как видим, до поры совершенно непреодолимая историческая болезнь.

Плачевно закончилась шизогоническая политика Временного правительства, пытавшегося проигнорировать Советы рабочих и солдатских депутатов и в то же время не смеявшего их запретить. *«Может быть два выхода, – говорил в феврале 1917 года В. Шульгин, – все обойдется – государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власти, то подберут другие...»*¹⁰ На точно таких же основаниях после свержения Шуйского в Москве учредилась Семибоярщина (власть Боярской Думы). В этой версии «смуты» альтернативой самозванству и власти черни в 1610 году изначально представлялось призывание на царство иностранца Владислава – сына польского короля Сигизмунда III. *«Лучше служить королевичу, чем быть побитыми от своим холопов и в вечном работе у них мучиться»*, – говорили бояре¹¹. Так и Милюков, выступавший в середине 1917 года за войну до победного конца и захват Босфора, чуть позже, осознав большевистскую угрозу, уже возлагал свои надежды только на немецкую оккупацию. Неудачной оказалась и попытка правого большинства Временного правительства обуздать радикализацию смуты корниловской диктатурой – кадетов подвел социалист А. Керенский, неожиданно объявивший об измене генерала. Неудачей, как и «корниловский мятеж», закончилась национально-освободительная кампания патриарха Гермогена и главы народного ополчения Прокония Ляпунова, поддержанных частью Семибоярщины – анархический разгул грабителей и разорение Москвы в 1611 году достигли небывалого масштаба. Это время в на-

10. История политических партий России / Под ред. А.И.Зевелева. – М., 1994. – С. 134.

11. Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Ч. IV. – СПб., 1913. – С. 511, 512.

роде было прозвано «лихолетьем». В XX веке «лихолетье» соответствовало начало Гражданской войны, кровавый 1918 год.

В декабре 1610 года произошла еще одна много разрешившая случайность первой «смуты» – скончался Лжедмитрий II (Тушинский вор). Учитывая его возраставшую как на дрожжах популярность, можно предположить, что с этой смертью была бы сравнима гипотетическая смерть Ленина, скажем, в середине 1917 года. Нельзя исключать того, что на месте Михаила Романова со всей последующей династией русских царей мог оказаться и победитель-самозванец.

После Лжедмитрия II радикальные силы «смуты» уже не успели поднять на щит претендента, который снискал бы значительную поддержку. Между тем в 1918 году именно Ленину и его дисциплинированной команде довелось покончить с шизогонией центральной власти и перенести фронт гражданской непримиримости из столиц на периферию европейской части России. Тот же, кому удастся преодолеть шизогонию смуты, тот и пишет впоследствии историю «смуты» так, как это ему по душе.

Подводя итоги второго этапа Смутного времени, следует сказать, что в эти трагические для судеб страны годы не существует власти в обычном смысле этого слова, политические институты не являются *чем-то позитивным*, они представляют собой **самопоедающую государственность**, причем в последней, третьей «версии» русского перелома «смута» была особенно институциализирована, замаскирована под государственность. Шизогонизирующая власть успешно разрушает остатки былого политического уклада, растрчивает накопленные предшественниками резервы и средства, транжирит и продает золотой и нефтяной запас, влезает в долги к другим государствам; она борется за государственный «пирог» и впоследствии, перераспределив места и сбалансировав силы, делит этот «пирог». Эта материализованная и персонифицированная «смута» (воображающая себя Властью) является таковой

потому, что она не способна или не желает обеспечить себе как власти прочное стратегическое будущее.

***Этап третий: преодоление острой смуты
(1611-1613, 1918-1920/21, конец 1990-х годов)***

«Лихолетье» XVII века прямо обернулось шведской и польской интервенцией, Сигизмунд III перестал скрывать свои завоевательные планы, разуверившись в возможности посадить в Москве «легитимного» ставленника. Интервенцией был отмечен и 1918 год. В обоих случаях зарубежные державы стремились не допустить исключения России из мировой политической системы. В XVII веке это означало расширение католического влияния (папа был глубоко заинтересован в «смуте» и всячески воздействовал на самозванцев, добиваясь от них различных обещаний, в первую очередь связанных с церковными реформами, которые позволили бы Риму создать в Восточной Европе мощный блок против Реформации). Разрыв большевиков с Антантой и заключение Брестского мира означало курс на рост внутренней самооценности государства (до Ленина никто и не думал решаться на такой радикальный курс). Для России включенность в мировую политическую систему всегда приводила либо к господству в мире, либо к геополитической капитуляции. Понятно, что в условиях Смутного времени ослабленная Россия могла рассчитывать только на второй вариант.

Этот существенный аспект роднит пришедших к власти большевиков с теми силами «земского войска», которые начали брать под контроль ситуацию к началу 1612 года. Однако существуют и другие аспекты. Недоброжелатели советской революции указывают на засилье в большевистских рядах польско-грузино-еврейского элемента. На роль князя Пожарского в 1918 году справедливо притяжал и адмирал А. Колчак (продолжатель дела Л. Корнилова, которого я уже сравнивал с Ляпуновым, предтечей Мина и Пожарского). Хотя Колчак и сотрудничал с интер-

вентами, в контексте белогвардейского мировоззрения это было лишь продолжением союзничества с Антантой, отнюдь не враждебной по отношению к России на протяжении всей второй «смуты» (народный герой XVII века М. Скопин-Шуйский сотрудничал со шведскими наемниками и успешно громил смутьянов). Белогвардейцы как неудавшиеся спасители России и освободители Москвы в оппозиции к Ленину как одолевшему их Тушинскому вору, вождю черни (и кстати «немецкому шпиону») – вполне допустимый вариант.

Но по-своему приемлем и другой, «авангардный», вариант Минина и Пожарского как Ленина и Троцкого, блестяще организовавших Красную Армию, выдержавших фронтную блокаду бояр-изменников и отразивших интервенцию. Однако доводом против данного варианта является подозрение большевиков в участии в «международном заговоре» против России. Пожарский и Колчак возможность такого подозрения сами по себе исключали.

В отличие от Семибоярщины (действительно, весьма напоминающей по своей неоднородности и непоследовательности Временное правительство) оба крупнейших самозванца начала XVII века выделялись после прихода к власти своим упорным национализмом: Лжедмитрий I в 1605 году дал окорот притязаниям Римского папы и шведского короля, а Лжедмитрий II еще в 1608 году, сидя в Тушине, отказался подчиняться своему патрону Сигизмунду III, «ставленником» которого он как будто являлся. В третьей версии «смуты» радикальные демократы неизменно предстают в виде ставленников Международного валютного фонда, Всемирного банка и прочих институтов Бреттон-Вуда. Однако поддержка Западом Ельцина и в августовских (1991), и в октябрьских (1993) событиях, а также продолжение вестернизации России указывали на большую вероятность победы на следующем историческом этапе противоположных тенденций.

Выход из Смутного времени конца XX века объективно начал происходить еще при Ельцине (начиная с правительства Примакова). Поздний Ельцин – это уже

во многом иная политическая фигура, политик с другим ценностным знаком, хотя и сумевший соблюсти определенную «преемственность». Преемственность эту, впрочем, не следует переоценивать, поскольку события 1991-1993 годов не несли в себе положительного, созидательного содержания в плане строительства государства. Эти годы были разгаром Смутного времени и началом этапа шизогонии власти. В плане ценностей Ельцин был пост-модерным правителем, однако ему удалось пройти через этап «пустоты» ценностей и провести через него Россию без большого кровопролития. Он навсегда останется символом Смутного времени.

Ельцин не решил страшных проблем своей эпохи, но он обеспечил передачу власти тому, кто призван был эти проблемы разрешить. Ельцин образца 1999 года – это символ стремления выйти из Смутного времени, уход Ельцина 31 декабря – акт, когда «смута» сама уступает свое место новому, уже достаточно определенному политическому курсу. Курс этот – жесткое подавление шизогонии во всех сферах российской жизни, дипломатичная, но самостоятельная внешняя политика, возрождение на новых основаниях традиционной российской государственности. Возвращение к традиции, завязывание нового узла традиции означает частичный возврат к советскому и одновременно дореволюционному представлению о ценностях.

Выход из Смутного времени будет полностью закончен, когда Путину удастся завершить изменение статуса малых «лжегероев» Смутного времени – «олигархов», президентов автономий и губернаторов, оппозиционеров, криминальных авторитетов, субъектов массовой информации. Последствия Смутного времени будут еще долго сказываться на социальной атмосфере России, менталитет «смутьянов» долго будет оставаться заметным и многое определяющим в общественной среде. Кроме того, существуют риски как рецидивов острой Смуты, так и перехода ее из острой в хроническую стадию, что озна-

чало бы вялотекущий распад и десуверинизацию России как цивилизации.

По-настоящему глубинный смысл динамика Смутных времен обретает в более широкой историко-философской перспективе. Кроме того, при анализе конкретного Смутного

Если после Смутного времени удастся собрать свои константы пусть и в новой не вполне привычной конфигурации — это означает решающую победу. Рано или поздно, но через мутацию нового исторического этапа мы как общность приходим и к выработке национально-традиционалистского мировоззрения, развиваем нашу цивилизационную реакцию.

времени огромную роль играет международный фактор, влияние которого способно задержать или ускорить развитие «смуты», обострить ее течение вплоть до смертельно опасных для государственности кризисов. Все три Смутных времени в России были в значительной степени спровоцированы этим внешним, международным фактором и всякий раз имела место интервенция — как военная, так и духовная. В третьем Смутном времени 1986-2000 годов военная составляющая, если не считать подпитываемой западными финансами чеченской «язвы», оказалась излишней — расчленение СССР произошло легко и организовано, издержки и жертвы этого расчленения были на первый взгляд минимальны. Однако последовавшие и следующие до сих пор огромные моральные, демографические и экономические жертвы, которые были принесены народами бывшего Союза на алтарь спровоцированных извне местных «национализмов», не уступают по своей значимости потерям России и ее подданных в первых «смутах»¹².

12. Феноменологическая модель Смутного времени может быть перенесена и на другие событийные ряды, использована в истории других народов и государств. Однако, такого рода построения не входят в задачи нашей работы. Отметим лишь, что западной историософии чужда подобная постановка вопроса. Некоторые авторы отдаленно приближаются к ней. Так, например, понятие «смутного времени» было даже излюбленным для А.Тойнби, который, правда, рассматривал его внутри изобретенной им парадигмы «спада-и-оживления». У Тойнби «смутные времена», свойственные разным цивилизациям, растягиваются иногда на несколько столетий, как, например, в империи инков (X-XV вв.) или в Древней Греции (V-I вв. до н.э.), что во многом обесмысливает термин «смутного времени», приравнивает ее к понятиям «надлома» и «спада».

Наиболее сложным является вопрос о происхождении первого Смутного времени, о созревании ситуации, благоприятной для этой цепной реакции событий, определившей во многом дальнейшую русскую историю¹³. Смутное время конца XVI – начала XVII века было весьма болезненной первоначальной мутацией государственно-го организма – последствия этих событий должны быть расценены как глубочайшая трансформация всех сторон социальной жизни, то есть глубочайшая мутация самого развития России, мутация программы развития.

Первое Смутное время постигло Россию практически сразу (по историческим меркам) после ее складывания как качественно своеобразного государственного организма. Если зарождение Московского государства относится к XIV столетию, а региональное лидерство Москвы окончательно определилось уже во второй половине этого же столетия, то национальный характер оно приобрело к началу XVI века, при Иоанне III. Складывание Московского государства как достаточно зрелого организма, как самостоятельной державы с единым центром происходило при Иоанне Грозном, первом венчанном русском царе. Время его правления следует считать определяющим и решающим для всей последующей исторической судьбы нашего народа. Эпоха Иоанна Грозного в отличие от эпохи первого Смутного времени является **положительно определяющей**. Если Смутное время следует считать корнем болезненной мутации государственного организма, то эпоху Грозного-царя – завершением первоначального роста и структурного формирования этого организма. Государство Грозного царя эпохи реформ навсегда стало фундаментальным образом России, несмотря на все последующие мутации. Историки среди причин и истоков происхождения Смутного времени указывают обычно на

13. Что касается происхождения второго и третьего Смутных времен, то его конспирологическая подоплека нашла отражение в большой по объему литературе. Определяющая роль международного фактора, фактора напряженного противостояния цивилизаций и необходимости для Российской империи отвечать на вызов модернизации, а Советского Союза – на вызов всего западного мира, вряд ли может быть поставлена под сомнение.

два главных фактора – кризис государства в «опричнине» 60-х – 70-х гг. XVI века и вмешательство иноземного фактора, агрессия прокатолических сил и западных соседей, обеспокоенных имперскими амбициями Москвы, проявившимися в Ливонской войне и войне со шведами. Что касается этого второго источника Смутного времени, то оспорить его совершенно невозможно. Что же касается первого источника – «опричнины», трактуемой обычно как опасный надрыв в государственном строительстве, как непоследовательность в плане формирования национально-государственной традиции – то его роль в складывании ситуации Смутного времени определить гораздо сложнее¹⁴.

Итак, **первое Смутное время, равно как и два последующих, следует рассматривать как вызванные усложнившимся форматом борьбы цивилизаций, борьбы, из которой Московское государство в XVII веке вышло с огромными потерями – и территориальными, и людскими, и организационными (регресс к «вотчинной» системе землевладения от уже закрепляющейся «поместной», ослабление самодержавия, в том числе ослабление и самой легитимности власти, скатывание от сбалансированной социальной системы к крепостному праву, зафиксированному не в последнюю очередь благодаря кризису Смутного времени).** Главная потеря Смутного времени – ущерб, который понесла национальная и духовная идентичность. Эпоха борьбы самозванцев и нелегитимных «царей», эпоха «семибоярщины», эпоха шизогонии власти, эпоха страстей, в которой единство сословий и групп оказалось эфемерным, была весьма травматичной. На короткое время Московское государство вновь почувствовало себя удельной Русью, то есть Русью в некотором смысле не существующей, «погибшей», находящейся в огне междоусобиц и под натиском иноземного ига. Лицемерие и подлость, которые продемонстрировали многие русские люди, когда они присягали самозванцам да

14. См. в настоящей книге работы «Сусанин наоборот» и «Опричнина – модернизация по-русски».

и просто участвовали в партийной борьбе эпохи шизогонии власти, врезались в сознание народа. Смутное время является в первую очередь тяжелейшей моральной травмой – только что сросшаяся воедино молодая общность, только что прошедшая этап складывания своего национально-государственного организма, победившая в первых завоевательных войнах, прошедшая через очистительный и закаляющий ее государственный стержень огонь опричнины, только что удостоившаяся быть увенчанной Московским Патриархатом (1589 год), Московская Русь более чем на 10 лет висела над бездной, стояла под вопросом¹⁵.

Более резкие и молниеносные черты мутация носила в ходе второго Смутного времени (1905-1920 гг.) и после него. Тогда выход из Смутного времени возглавили не «реставраторы», а радикалы-«революционеры». Мутация носила тотальный и острый характер, хотя и нельзя говорить о необратимости ее течения – сначала введение Лениным нэпа, затем постепенный разворот Сталина к символическим и идеологическим принципам «досмутного» времени говорит о своеобразном вращении все той же национально-государственной традиции, хотя и вращении ее с очень большой амплитудой. Перемены в России после первого Смутного времени были не менее глубоки, чем после второго. Разница состояла в том, что в XVII веке развитие мутации носило замедленный характер и происходило под покровом реставрационного курса. Но уже при Алексее Михайловиче церковный Раскол а затем кардинальные реформы при Петре Алексеевиче проявили последствия и глубину этой исторической мутации, размах которой был очень большим.

Сущность мутации в контексте историософии Смутных времен может быть определена как корректировка цивилизационной идентичности, причем корректировка не однозначная, а осуществляемая зачастую путем проб и ошибок. С одной стороны, происходит перемена

15. Подробнее о генезисе и последствиях Смутных времен см.: Аверьянов В. Природа русской экспансии. – М., 2003.

в представлении народа о своем прошлом и своем происхождении, с другой стороны, через эту переменную завязывается новый узел той же исторической традиции¹⁶. С одной стороны, Смутное время демонстрирует русскому человеку, что его идентичность в чем-то ущербна, что она недостаточно зрелая и не вполне подготовлена к историческим испытаниям. С другой стороны, **Смутное время укрепляет стержневую природу национальной идентичности, оно через прививку самого образа «гибели» цивилизационного архетипа заставляет собрать вновь в новой невиданной доселе конфигурации те же фундаментальные константы цивилизации, которые вложены в нее и действуют в ней не только как неотъемлемое ее достояние, но в первую очередь как личное начало самой цивилизации, ее неотделимый от своего источника голос, ее уникальный путь, единое русло родовой памяти всех ее носителей.**

В диссертации И.В.Кондакова изложены взгляды, очень близкие моей концепции «трех смутных времен», которые автор определяет как «три социокультурных перехода». В ходе этих переходов культура перекодируется, открывается новая «социокультурная эпоха»¹⁷.

Достаточно глубокую трактовку Смутного времени на примере русской этнической истории предложила С.В. Лурье. *Изменение традиционного сознания*, – утверждает Лурье, – *происходит в результате катастрофы, когда прежняя этническая картина мира начинает резко*

16. У В.Соловья, предпочитающего объяснительную модель «революции», и намеренно скрепящего два понятия (термин «смутореволюция»), данный вопрос, так же как и у нас, трактуется в качестве «функциональности Смуты», в которой старая русская традиция сменяется новой (Соловей В.Д. *Кровь и почва русской истории* – М., 2008. – С. 263). Главное отличие наших подходов в следующем: Соловей считает, что всякая революция обязательно «сопровождается» смутой, мы же считаем, что революция как модель «правильного переворота» является ничем иным как частным случаем и моментом смуты, некоторой идеализации ряда исторических вариантов. Смута как модель комплексной социокультурной мутации масштабнее и объективнее, в ней не заданы оценочные установки на «правильность» схемы описываемого исторического процесса. Оценочность модели революции легко видеть в таком суждении Соловья как: «Смута была неудавшейся, проигравшей революцией».

17. Кондаков И.В. *Архитектоника русской культуры*. Диссертация на соискание уч. ст. доктора философских наук в форме науч. доклада. – М., 1998. – С. 39, 41.

противоречить реальности, а альтернативных традиций, обладающих большими адаптивными свойствами, у этноса нет. В условиях временного дефицита этнос должен создать абсолютно новую культурную традицию, поскольку состояние смуты, хотя и может продолжаться годами и десятилетиями, тем не менее, грозит распадом этнической культуры. Тогда и происходит спонтанное переструктурирование этноса, которое можно назвать одним из самых удивительных явлений в жизни этноса и оно тем более удивительно, что встречается довольно часто. Этнос, не способный к спонтанному переструктурированию, погибает в результате исторических катаклизмов, наоборот, мобильность механизмов переструктурирования обеспечивает «живучесть» этноса¹⁸. По мысли Лурье, в такие моменты этнос формирует «совершенно новую» картину мира не посредством какой бы то ни было традиционной преемственности, а непосредственно через «центральную зону» его этнической культуры. На мой взгляд, Лурье не приводит убедительных аргументов в пользу того, что такие носители действительно предлагают этносу «совершенно новую» картину мира и не описывает достаточно внятно признаков, по которым можно судить о таких носителях. Из описания Лурье и приводимых ею примеров можно вынести впечатление, что речь идет о представителях глубинного духовного знания традиции. В таком случае, Лурье во многом права, но эта ее правота, если она имеет место, дана лишь в виде намеков, а не определенных указаний. Более определенную трактовку того, что Лурье называет «личностным сознанием», можно найти в работах Т.Б.Щепанской, материалы которой Лурье несомненно использовала. Щепанская много лет занималась проблемой «динамики хаоса» в народной культуре и попыталась построить модель русской самоорганизации в условиях социокультурного кризиса. Тему Смуты она затрагивает, когда описывает феномен самозванства. Щепанская приводит многочисленные примеры «странного лидерства»,

18. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. – СПб., 1994. – С. 69.

которые можно обнаружить в столь непохожих явлениях как пугачевщина, христовщина, «пророки», самозванцы, самосвяты, «посланники» от о. Иоанна Кронштадтского и т.п.¹⁹ Щепанская приходит к выводу, что явлением пророков и самозванцев национальная культура отвечает на кризисные явления в обществе, когда уровень кризисности достигает общенационального и «идеологического», востребованным оказывается миф об избавителе, который исправит произошедшие глобальные нарушения.

Таким образом, кризисность традиции оставляет обществу два главных возможных выхода: через внезапное «принудительное» откровение (пророк), меняющее конфигурацию традиции, либо через саморазрушение (самозванец, сознательно надевающий на себя личину альтернативной власти). Выход из Смутного времени сопряжен с легитимацией одного из двух указанных выходов, позволяющей заново отстраивать традицию вокруг вновь обретенного (восстановленного или реконструированного) «сакрально-мифического» стержня²⁰.

Если после Смутного времени удастся собрать свои константы пусть и в новой не вполне привычной конфигурации – это означает решающую победу. Рано или поздно, но через мутацию нового исторического этапа мы как общность приходим и к выработке национально-традиционалистского мировоззрения и вместе с его развитием развиваем в своей деятельности и нашу цивилизационную реакцию. Стихия мутации и начало традиции находятся между собой в сложной диалектической борьбе, так что в результате традиция возрождается и традиционализм одолевает оппонировавшие ему мировоззрения, но происходит это в иных символических, правовых, институциональных формах, чем мы ожидаем.

Сейчас, в самом начале XXI века Россия стоит не перед выбором своего пути, но перед своего рода исторической неизбежностью. Мы вновь вынуждены нести в себе, в

19. Щепанская Т.Б. Странные лидеры. О некоторых традициях социального управления у русских – в сб.: Этнические аспекты власти. – СПб., 1995.

20. Подробнее см. Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. – М., 2012.

своих сердцах распрю мутации и традиции, мы вновь в чем-то возвращаемся к до-смутному (теперь это означает – советскому) времени, в чем-то к предыдущему до-смутному времени (России петербургского периода), а в чем-то и в «девственную» Московскую Русь. Но при всем при этом мы входим в XXI век с его вызовами и угрозами – и то, что стоит за нашими плечами, наша национально-культурная традиция сегодня уже гораздо более зрелая и опытная сущность, чем в XVII веке, более богатая историческим содержанием, опытом «обманов» и «превращений» чем даже 20 лет назад. Не исключено, что пройдя через череду Смутных времен, мутаций и реакций, мы как традиция-цивилизация приблизились к нашей собственной идентичности так, как сами собою, в спокойном развитии, мы бы никогда не приблизились.

Окончательный выход из Смутного времени, преодоление его последствий осуществляется через встраивание мутации в традицию-систему, переваривание мутагенных сил силами традиционного порядка, перестройку цивилизации с тем чтобы адаптироваться к мутагенным агентам, **превратив яд в прививку**. Ответ на кризис Смутного времени нельзя подсмотреть, скопировать у соседей, он может быть почерпнут только в сокровытых кладях самой национальной традиции. Ответы на Смутные времена и выводы из них, как правило, запаздывают у всех и всегда. Россия неоднократно переживает этот опыт цивилизационной борьбы со своим конкурентом, играющим на опережение.

НАША «КАЗАНСКАЯ»

Праздник окончания Смуты

Символическое иногда бывает важнее буквальной злобы дня.

Не хочу скрывать, что считаю введение нового праздника символически позитивным сдвигом к здоровой историософии. (А историософия в России всегда была важнейшим фактором кристаллизации стабильного мировоззрения – пока не «устаканится» представление о собственном прошлом, русские не способны активно строить настоящее и проектировать будущее.)

В отличие от праздников-симулякров ельцинского времени – 12 июня и 12 декабря – с их абсолютно фальшивой риторикой (мнимым освобождением ЭрЭфии; Конституцией, мнимо всенародной, на деле же сочиненной «книжниками» и «законниками» не на основе «духа народа» и не исходя из его истории) новый праздник, напротив, отвечает духу народа, исходит из истории, являет архетип сегодняшнего исторического момента – выхода из очередной Смуты.

Фактически мы имеем дело с первым церковно-государственным праздником после разделения Церкви и государства в 1917 году. Рождество таковым не является, поскольку его введение в реестр красных дат представляет собой иную мысль нашего государственного разума, а именно: аналог-дополнение к гражданскому Новому году. Здесь произошла своего рода реституция самых очевидных из наших духовных традиций, но еще не воссоединение церковного и государственного представлений о празднике.

Что объединяется в этом празднике?

Итак, 4 ноября, «Казанская» (в конечном счете, именно под таким, неформальным, названием этот новый нерабочий день и будет употребляться в широких массах) – синтез в первую очередь церковного представления о национальной истории с представлением государственным (выход из опаснейшего кризиса власти) и земским, то есть общественным, общинным, связанным с мнением народным (выход из глубочайшего социального кризиса).

Если говорить о конкретных лицах, в которых воплощается этот синтез, то мы должны вспомнить в первую очередь Священномученика Патриарха Ермогена, который был непосредственным участником событий явления Казанской иконы в 1579 году а затем вдохновителем преодоления Смуты и указателем на Казанскую Божию Матерь как символ этого преодоления. Затем следует вспомнить о государственных деятелях, таких как Скопин-Шуйский, воеводы Шеин и Ляпунов, наконец, князь Пожарский. Земское начало было представлено народным ополчением, которое стало главной ударной силой, очищающей Русь от иноземцев и всевозможного отребья (возглавляющих его самозванцев, по-народному, «воров», коррумпированных боярских кланов изменников и тогдашних ОПГ – как казачьих, так и великоросских). Иван Сусанин, Козьма Минин, многочисленные известные и безымянные герои и мученики стали навсегда этими символами русского земского духа.

В такого рода празднике как Казанская осуществляется синхронизация исторического сознания, выведение некоего единого для национального организма ритма. Собственно, все церковные праздники представляют собой подобное временное воплощение органического ритма, живого дыхания Церкви-организма. Однако в данном случае через синхронизацию ключевых точек годового цикла единый ритм задается не только церковной, но и всей национальной культуре.

История почитания Казанского образа весьма познавательна и показывает, как пронизана русская государственность духовными токами. Положительное содержание праздников Казанской иконе связано с историей взаимоотношений Москвы и Казани, которые до середины XVI в. были по существу главными конкурентами за господство над степной полосой Восточной Европы. Икона была явлена спустя несколько десятилетий после взятия Казани Иваном Грозным, однако, по свидетельству самой Богородицы, явившейся в 1579 году, этот образ был создан и спрятан в Казани еще во время татарского владычества.

Символика Казани с первым из драконов, поверженным Московским Победоносцем в Евразии – глубоко значима и впечатана в подсознание русских людей. В церковном сознании подспудные импульсы выходят на свет Божий и приобретают ясные черты и измерения. (К слову, о восточном драконе, исторические источники приводят данные о некоем «змее огненном», который покинул городище местных волхвов накануне Казанского похода нашего царя.)

Сохранить внутреннюю мощь

Если первый праздник Казанской (обретение иконы, отмечаемое в июле) связан с самими формированием мировой державы, овладевшей акваторией Волги и вошедшей в просторы Азии, то смысл второго праздника (4 ноября) достаточно прост: народ смирил своей волей силы всевозможной мятежной «украины», спонсируемые иезуитами, очистил Русь от шляхетского произвола «панов», которые не гнушались помощью голытьбы и разбойного люда с тем, чтобы поживиться на в первую очередь крестьянской беде. Первый праздник утвердил внешнее могущество России, второй – помог найти в себе силы сохранить внутреннюю мощь.

Нельзя не приветствовать политиков и духовных деятелей, которые стремятся с помощью праздников про-

вести ясный водораздел между центростремительными, народными и органическими началами русской жизни и противостоящими им силами центробежными и расхищающими. В конце концов, Смута была преодолена не благодаря разрушенной уже монархической системе, а благодаря «царю в голове», который не успел выветриться из народного сознания за годы лихолетья.

Даже если многие из поддержавших инициативу политиков люди не верующие и слабо воцерковленные – сам факт доброй их воли не пройдет бесследно: введением такого праздника мы возносим своеобразную молитву к Божией Матери, ежегодно вспоминая о Ее помощи в былые трудные времена.

«ВЕРНУЛИСЯ ПОЛЯКИ, КАЗАКОВ ПРИВЕЛИ»

После 1612 года празднование Казанской иконе Божией Матери (4 ноября) отмечали как дату славной победы – освобождения Мининым и Пожарским Москвы и преодоления Смутного времени. Учитывая исторический контекст, этот праздник мог бы стать очень важным политическим инструментом, обладающим глубоким символизмом и задающим основной вектор нашей эпохи. Ведь «Смутное время» – не просто название кризиса начала XVII века, когда Россия стояла на грани крушения и расчленения. Это имя подходит и для других глубочайших кризисов русской государственности.

Однако в России, к нашему стыду, никто всерьез не занялся разъяснением символического смысла «нашей Казанской», никто не воспел ее, никому не показалось своевременным углубиться в исторические аналогии. Может быть, объяснение в том, что с «миропорядком смуты» 90-х годов так и не покончено. Мы живем в условиях неустойчивого равновесия, а выбор – не возвращаться в смуту – не столь очевиден, как хотелось бы. Значительная часть элиты кровно заинтересована в том, чтобы 90-е годы общество настоящей Смутой не признало, чтобы, пусть с натяжками, пусть со скрипом, но это время и его итоги приняли как норму.

Лидер ДПНИ Александр Белов, который взял на себя роль души Русского марша, выступая на конференции в гостинице «Даниловская», как всегда, подчеркивал определенную внеидеологичность и прагматизм своей политической позиции. И даже отчасти бравировал этими качествами. Правда, судя по расколам (выход из оргкомит-

тета Русского марша ряда православных участников, выход из Общественного совета марша его председателя – депутата Госдумы Бориса Виноградова), прагматизм начинает да-

Значительная часть элиты кровно заинтересована в том, чтобы 90-е годы общество настоящей Смутой не признало, чтобы, пусть с натяжками, пусть со скрипом, но это время и его итоги приняли как норму.

вать сбои. Отсутствие сколько-нибудь внятной идеологии для всех русских людей отчасти компенсируется «здоровой агрессией» и националистической риторикой. Белов видит главной задачей националистов «втягивать в свою орбиту как можно больше людей, и чем более размытой будет идея, тем лучше», поскольку только **«как можно более расплывчатая идея»** даст максимум участников событий. Для чего нужно собирать большие массы людей – остается не вполне понятным. То ли это нечто вроде акции устрашения, то ли нужен более мощный «эффект толпы» (как на Ходынке или во время тоталитарных парадов).

Другой видный организатор марша Дмитрий Rogozin на той же конференции заявил: *«Я был свидетелем и участником многих смут, с оружием в руках. И я кожей чувствую, как приближается что-то. Люди из администрации президента тоже это понимают и начинают вострить деревянные инструменты, чтобы валить из страны. А нам будет суждено оказаться в гуще событий, и надо быть готовым, чтобы Россия вышла из смуты более сильным государством».*

Простому лозунгу – выбить оккупантов из Кремля – соответствует расхожее представление об историческом смысле самого праздника 4 ноября. Но **Смутное время ни в коей мере не сводилось к иностранной интервенции.** Главная беда эпохи – разброд и шатания среди самих русских людей. Россия не могла в течение 10 лет обрести прочной власти, шатаясь между самозванцами и демократически избранными боярскими «царями», между олигархией (семибоярщиной) и силами народного ополчения, между бунтовской стихией Болотникова и казачьей

вольницей Заруцкого и других атаманов-разбойников...
Вспомним, как описал это состояние А.К. Толстой:

*Вернулись поляки,
Казачков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,
Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.*

Проблема националистического движения в том, что в него проникло большое количество «казачков», которые на деле заинтересованы в возобновлении Смуты. После 1612 года у сил «народного ополчения» ушла еще уйма времени на то, чтобы утихомирить казачков и вернуть их к исполнению своих традиционных обязанностей. Сегодня наши казаки последовательно «мутят» народ, уговаривают его включиться в борьбу против иммигрантов, против ислама, против засевшей повсюду «неруси». Наиболее оголтелые из них, не понимая, что они полностью разоблачают себя, придумали даже лозунг: «Кондопогу – в каждый дом».

Стоит задача свергнуть Россию в состояние множества «вольниц» на местах по типу казачьих. И если опыт Кондопоги перенести на масштабы всей России и сделать это одновременно – центральная власть рухнет. Более эффективного сценария для реализации планов расчленения России, о которых известно из старых утечек ЦРУ, трудно придумать.

СУСАНИН НАОБОРОТ

В русской историографии сложилась пусть не всеобъемлющая, но очень весомая традиция трактовать «опричнину» как некий радикальный «перелом» политики Иоанна Грозного, распадающейся как будто на два противоположных этапа (до введения опричнины и после этого введения), некое опрокидывание и даже своего рода «провал» реформ 50-х годов, как неоправданное террористическое и милитаристское насилие над страной. Собственно, и Смутное время многие маститые историки возводят не столько к его несомненным истокам, как то: пресечению династии Рюриковичей и агрессии западных сил, воспользовавшихся этим пресечением, чтобы спровоцировать политический кризис в Московии – но более спорными, тенденциозными и в конечном счете мифологическими (в дурном смысле) ссылками на «опричное» извращение государства, повлекшее за собой упадок, «поруху». Более того, в подобных трактовках, как правило, смешивается неприятие «опричнины» как социально-политического курса царя и неприятие самого царя как личности, якобы предопределившей своим неуравновешенным характером и пресечение династии. Мне представляется, что все эти смутные оценки Иоанна Грозного должны быть отброшены, а рассматриваемые факторы прояснены и упорядочены¹.

В современной историографии с новой обостренной версией традиции восхваления реформ молодого царя и критикой периода опричнины выступил профессор Нью-

1. Сразу отмечу, что в эпохи, подобные XVI веку в России, история ставит перед народом столь неповторимые задачи, что для решения их она выдвигает и соответствующего масштаба личности. Иоанн IV заслуживает имени Великого государя, и не только потому, что он был необыкновенно одаренным человеком (свидетельства чего хорошо известны), но и потому, что он обладал несомненными способностями формулировать государственные проекты и консолидировать вокруг своих проектов единомышленников и последователей. Неуравновешенность Грозного-царя тесно связана с масштабностью его личности и тем необыкновенным темпом, который он стремился развить, дабы закончить складывание стратегически прочных форм российской государственности.

Йоркского университета Александр Янов, специализирующийся именно на исследовании Московской Руси в ее «классический» век. В книге «Россия: У истоков трагедии» бывший советский, а ныне американский историк Янов, чтобы объяснить загадочную природу «русской революционности», попытался найти ее в самой самодержавии, из чего у него рождается новый термин «самодержавная революция» (так Янов определяет опричнину). Это едва ли не самая фантазмагорическая реинкарнация революционной мифологии, распространяемой на всю историю человечества. Позиция Янова состоит в первую очередь в том, что большевистская революция и последовавший за ней сталинизм явились своеобразными перевоплощениями многовековой самодержавной политической традиции России. Однако же эти черты возрождения через «революцию» и вопреки государственной традиции не есть проявление положительной преемственности, как то могло бы показаться (и как это на самом деле есть), но, по мнению Янова, это одностороннее извращение реальной природы исторической России, страны, с ярко выраженным европейским, западным потенциалом. *Из обыкновенного абсолютистского корня выросла блудливая уродливая ветвь, ушедшая далеко в сторону и пожелавшая забыть свое начало*, – говорит Янов о русском самодержавии².

Опричнина в таком представлении оказывается разрывом с тем положительным реформистским содержанием, которое многие русские историки связывали с «европейским курсом» Иоанна III. Это был якобы жесткий конфликт между политикой деда (Иоанна III) и внука (Иоанна IV), это был разрыв преемственности в истории

2. Янов А. Россия: У истоков трагедии. 1462-1584. – М., 2001. – С. 300. Обращает на себя внимание несколько странная позиция Янова-публициста – а его как аналитика и эксперта очень жалуют российские либеральные СМИ. Так вот, в своем монологе в рамках обсуждений «Клуба 2015» Янов указывает на неоднократно повторяющиеся в русской истории срывы русского государства, неоднократно «национальное самоуничтожение». В результате у Янова оказывается, что Россия в течение долгих столетий постоянно занимается «национальным самоуничтожением», снова и снова попадает в «капкан имперского национализма». Но как ни бьются «православие, самодержавие и русский национализм» (sic!) над уничтожением России, Россия почему-то до сих пор не исчезла с карты мира. Интересно, что бы случилось с Россией, если б это бесконечное самоуничтожение прекратилось и реализовался «сценарий Янова»?

Московского государства, это было подавление «ростков Нового времени» и наметившейся Реформации Русской Церкви. В борьбе двух тенденций, западной (мнимой) деда и изоляционистской (тоже мнимой) внука Янов видит одно из выражений «фундаментальной двойственности русской политической культуры». Позиция Янова настолько обострена и радикализована в сравнении с позициями его идейных предшественников, что достаточно просто цитировать некоторые места самого историка, чтобы получилась выпуклая и самопородившаяся его характеристика: так, например, в главке под выразительным названием «План игры» Янов раскрывает одну из центральных предпосылок замысла своей книги в следующем вопрошании: *Как доказать в отношении России то, что доказал Шлейзингер в отношении Америки, то есть что при всех отклонениях Россия в конечном счете такая же ветвь европейской цивилизации, как и США?*³

В результате такого стремления «снять» досадные отклонения русской истории, Янов не ограничивается своими достаточно глубокими и парадоксальными рассуждениями о смене «вотчины» «отчиной», о борьбе с официальной Церковью «ересей» жидовства и нестяжательства (последнюю он тоже походя определяет как ересь), о контрастности Церкви, опасющейся инфекции лютеранства и т.д. и т.д. Во всем этом можно видеть некую последовательную, хотя и странную для русского историка партийную позицию. Однако Янов не ограничивается этим «переворачиванием» истории, перекрашиванием черного в белое, вернее он заходит в этом перекрашивании настолько далеко, что обнаруживает вдруг в Смутном времени начала XVII века свой историософский идеал – идеал воистину вопиющий. Носителем этого идеала и образом «упущенных возможностей» России оказывается никто иной как боярин Михаил Салтыков. Тот самый Салтыков, которому король Сигизмунд в самый разгар Смуты пожаловал богатейшие русские волости, принадлежавшие до этого Годуновым и Шуйским. Тот самый Салтыков, который служил Тушинскому вору и состоял в кружке «из-

3. Янов А. Россия: У истоков трагедии. 1462-1584. – М., 2001. – С. 256.

менников» при польском воеводе Госневском. Тот самый Салтыков, который издевался над святым Патриархом Ермогеном, вдохновителем народной борьбы со Смутой, посадив Патриарха под надзор и вымогая у него благословения на венчание царским венцом польского королевича Владислава. Надо отдать должное – очень «современный» и актуальный идеал отыскал в русской истории профессор Янов. Трудно найти более одиозный антиидеал русской государственности, который можно по праву назвать «Сусаниным наоборот».

Весь фокус этой оскорбительной для любого мало-мальски патриотического историка выходки состоит в том, что Салтыков огласил 4 февраля 1610 года договор «российской делегации» с королем Сигизмундом, который Янов вслед за Василием Осиповичем Ключевским называет «основным законом конституционной монархии». Но если Ключевский бегло и отчасти иронически говорит об этом явно несбыточном вне оккупационного режима «конституционном» проекте, то Янов делает из него абсолютные, радикальные выводы о наличии в русской боярской элите особой западной традиции, вершиной которой и был проект Салтыкова – проект монархии, ограниченной Земским собором и думой. Что же за всем этим стояло реально? Реально за этим стояла попытка сдать русское государство завоевателю, осуществляемая в «компромиссных», «приличных» формах, поскольку безоговорочная сдача трона была бы вовсе позорной. Государство сдается польскому королю Салтыковым и его единомышленниками на условиях «ограниченного» думой властвования, таким образом происходит изобретение «конституционной монархии» задолго до англичан, что вызывает бешеный восторг профессора Янова⁴.

4. Как я уже отмечал, англофильское представление о революции лежит в качестве центрального мифа в основании мировоззрения русских либералов. В данном случае Янов довел тезис либералов до последней крайности – он «вчитал» в русскую историю тягу нашей элиты к парламентаризму и конституционной монархии аж за 80 лет до «славной революции» в Англии и принятия «Билля о правах». «Славная революция» была осуществлена англичанами именно через приглашение иностранного монарха – Вильгельма III Оранского, который впоследствии стал правителем одновременно двух республик: Английской и Голландской – двух «неблагодарных республик торговцев селедкой», как насмешливо называл их король Людовик XIV.

Собственно, не было бы смысла столь подробно останавливаться на этой модной сейчас книге, написанной хотя и талантливо, но слишком радикальной в плане ее концепции, чтобы эту концепцию можно было обсуждать всерьез. Однако сделал я это потому, во-первых, что никто лучше Янова не смог бы продемонстрировать антисамодержавную, антиправославную, антиавтохтонную линию русской (=антирусской) историографии; во-вторых же, потому что это дает мне повод остановиться на другом важном вопросе – смысле «опричнины» в контексте созревания русской национально-государственной традиции.

Первое, что следует подчеркнуть – нет никакого разрыва между линией Иоанна III и Иоанна IV в том, что касается базовых задач, поставленных последним перед опричниной. Факт этот давно уже по-разному обсуждается в русской историографии, о чем можно прочесть и у самого Янова, который, правда, пытается подорвать эти устоявшиеся аргументы. Прообраз «опричнины», на мой взгляд, легко угадывается в политике покорения Новгорода Иоанна III. Иоанн III очень долго, целое десятилетие, пытался мирным, «либеральным» путем добиться лояльного вхождения Новгородской земли в Московское государство. В результате пришлось пойти на жесткие акции, как символические (вывоз колокола), юридические (отмена вольностей), так и репрессивные (казни, «изведение крамолы»). И тем не менее вся эта комплексная политика оказалась недостаточной – пришлось покушаться на право собственности новгородских вотчинников и новгородской церкви, конфисковывать земли, проводить переселение купцов и «житьих людей» (всего около 7000 человек). Вотчины Новгорода, а позднее и многие вотчины Твери были заменены «поместьями» – государь переселял вольнолюбивых бояров с их семьями в «низовые» земли, а в Новгородской земле «изпомещал» дисциплинированных московских служилых людей. Так зарождалось сословие «помещиков», дворян.

В первой половине XVI в. при Василии III и в малолетство Иоанна IV продолжался медленный рост помещичьего землевладения и к моменту введения опричнины

внутренние резервы государства в сфере землепользования были уже исчерпаны. Страна была в основе своей экономически двухкладной – состояла из земель помещиков, поместий, распределяемых государством между дворянами в соответствии с их заслугами (службой), и вотчинных земель старых княжеских, боярских родов, равно как и земель, принадлежащих Церкви. Так как в Новгородской земле поместная система полностью вытеснила светское вотчинное землевладение, эта «реформа» Иоанна III была для его внука привлекательным образцом переустройства всего хозяйства страны. После проведения комплексных реформ государства, взятия Казани и Астрахани Иоанн Грозный вынашивал великие замыслы в отношении своего царства. Государство вышло в 50-е годы на качественно новый уровень. С точки зрения царя, требовалось не медленное продолжение предыдущей линии (освоение восточных земель, сдерживание крымской и турецкой экспансии), но кардинально экспансионистская политика, переход к тактике упреждающей реакции на внешние угрозы. Нужно было подкрепить проведение структурной, юридической и административной реформы качественно новой материальной и кадровой базой – только такое всесторонне переустройство государства могло бы дать царю элиту и войско, которые были бы способны вести длительную войну (как Ливонская) и противостоять многочисленным противникам (как и произошло впоследствии – «война на три фронта» с Ливонией, Швецией и крымским ханом). Единственным решением представлялось насаждение поместного землевладения во всех землях государства. Символически это означало утверждение самодержавной концепции государства с исключительной ролью имперского центра и лично государя, юридически это выражалось в констатации обязательности военной службы и с поместий, и с вотчин и, далее, изобретении новой юридической формы землевладения – «жалованной вотчины»⁵.

5. С точки зрения доивановской старины, «жалованная вотчина» – оксюморон, попытка скрестить сами принципы поместья и вотчины, дворянства и боярства, вывести некий гибрид национальной аристократии.

Апофеозом поместной политики стали две «опричины» (1565-1572, 1574-75 гг.). По существу это была попытка провести коренную смену государственной элиты. «Опричнину» нельзя рассматривать вне символического и идеологического и юридического аспектов самодержавной политики, как это часто делают. Этот курс содержал установку на формирование качественно новой государственной элиты, отвечающей качественно новому государству, созданному Иоанном Грозным. За короткий срок государство было существенно преобразовано – земли были перераспределены, участки вотчинников, попавшие в территориальную зону опричины, делились на новые поместья для служилых людей. Если не сводить опричнину к ее репрессивному аспекту, то смысл происшедшего становится прозрачен, и личный характер царя перестает быть чем-то существенно важным, каким-то чрезмерным «субъективным фактором» истории. Что же касается остроты репрессивной политики, то в ней следует видеть идеологический подтекст – репрессиям подвергались последовательные противники насаждения нового уклада (во всех его измерениях, а не только в экономике). При чем сопротивление этих сторонников старины могло реально выражаться только как «крамола», то есть сообщение с Литвой – идеологическое несогласие с курсом царя по существу отождествлялось с «государственной изменой». Это было так, поскольку никто из представителей элиты (за исключением святителя Филиппа) прямо против опричины не выступал. Князь Курбский выступил со своей критикой царской политики только после своего бегства, оппозиция опричнине была скрытой, заговорщической по самой природе тогдашних государственных отношений.

Опричина как таковая не была причиной складывания ситуации первого Смутного времени. Опричина была итогом трансформаций социального уклада Руси, завершением складывания национально-государственного организма. Смутное время в этом смысле отбросило Московское государство назад, поскольку в 10-е годы XVII века произошел регресс к вотчинному землевладению, к олигархической форме монархии, тем не менее, буду-

щее все равно было за «жалованными вотчинами», изобретенными при Иоанне Грозном, а также за развитой им концепцией самодержавия как имперского центра в символическом и административном смысле. Тот принципиальный замысел, который реализовал Иоанн Грозный, воплощался затем и в XVII веке, и далее в Российской империи. Что касается духовно-политического смысла опричнины, то он выражался в складывании завершеного образа русской цивилизации – как не античного (городского, «гражданского»), но супранационального типа государства, как оплота православия и самодержавия, как самостоятельного цивилизационного пути. Важно отметить, что это была творческая линия на создание своеобразного последовательно христианского государства, тогда как древнерусские и античные формы государственности несли на себе глубокую печать дохристианской политической формации. По существу линия Иоанна Грозного была единственно возможной линией такого (то есть самостоятельного) развития – именно в XVI веке решалась судьба самостоятельности нашей цивилизации. Без опричнины проект Москвы как Третьего Рима, как державы христианского Востока оставался бы под очень большим вопросом.

Что же явилось действительной причиной Смутного времени? Как ни странно, внутреннего социального кризиса в России конца XVI века (неважно, с чем он был связан – с «порухой», подрывом экономики в Ливонской войне, катастрофическими неурожаями), было явно недостаточно для того, чтобы началось Смутное время. Социальный кризис был фоном, на котором развивались события Смутного времени. Главной же причиной, как уже говорилось, был кризис легитимности верховной власти. Гибель царевича Димитрия в 1591 году явилась третьей роковой смертью сыновей Иоанна Грозного, что означало по бездетности Феодора Иоанновича пресечение династии. Роковой характер смерти первенца Иоанна Грозного – Димитрия и его последнего сына – Димитрия Углицкого – вдохновляет поэтическое народное сознание и художественную историческую мысль, поскольку в смертях этих усматривается существенная «мистическая» составляющая.

Но и кризис легитимности был бы преодолен (и он уже было угас благодаря четкому курсу Бориса Годунова), если бы не международная почва враждебности к новой восточной империи, которая подпитывалась универсалистскими планами папского Рима. Роль папы и иезуитов в организации первых актов русской драмы начала XVII века трудно переоценить. Следует ли в этой связи говорить о первом Смутном времени как следствии стечения роковых обстоятельств? Нет, скорее следует говорить о том, что западный мир воспользовался кризисом легитимности в Московском государстве – если б этого кризиса тогда не произошло, западный мир все равно искал бы (и находил) пути и возможности для экспансии на Восток, в том числе и провокационными, подложными (как организация самозванства) средствами. Недаром смерть царевича Димитрия Углицкого многими историками и в ряде преданий своего времени рассматривалось как спланированное убийство. Кто был возможным организатором царевубийства – навсегда останется исторической загадкой.

Природа Смутного времени такова, что оно не только травмирует национальное сознание, но и влечет за собою глубинную мутацию в национально-государственном организме. Процессы мутации еще совсем молодого государства в первой половине XVII века были сглажены и сдержаны благодаря «субъективному» фактору – высшая государственная элита в первые десятилетия после выхода из Смутного времени была всесторонне консолидирована вокруг Романовых. Специфика ситуации состояла в том, что высшую власть в государстве представляли в этот период отец и сын – Патриарх Филарет (Феодор Никитич Романов) и государь Михаил Феодорович. Юный государь Михаил находился под плотной опекой своего рода и коалиции бояр, созданной в 1613 году на Земском соборе. Энергия мутации, которой русское государство было заряжено в годы Смутного времени, сдерживалась еще и потому, что правительство Романовых повело курс на полную реставрацию символично-юридических черт «традиционного» Московского государства. Реставрация эта носила даже гипертрофированные черты – например, Ве-

ликий Земский собор продолжался 9 лет, являя собой по сути беспрецедентный факт «сословно-корпоративного парламента». И в дальнейшем Земские соборы собирались часто и наполнялись важными государственными функциями так, как этого не было ни при Иоанне IV, ни при Годунове. Именно первая половина XVII века стала временем классического русского Земского собора.

Это была борьба не с Западом, это было перебалывание «западничеством», самоотрицательным вирусом, духом саморазрушения, вызвавшим болезненную мутацию; это была борьба самостоятельного цивилизационного направления с русским «западничеством», привившимся через Смутное время.

И тем не менее энергия мутации национально-государственного организма, несмотря на несколько десятилетий консервативной реставрации, вскоре дала себя знать. Уже при втором государе династии Романовых в Русском государстве стали прорезаться совершенно новые черты, говорящие о глубокой трансформации. Само по себе столкновение с западным миром не могло вести к подобной трансформации – ни Ливонская война XVI века, ни Смоленская война (1632-1634 гг.) не могли вызвать мутации, но понуждали к реформам в русле уже существующей актуальной формы государственной традиции. Это была борьба не с Западом, это было перебалывание «западничеством», самоотрицательным вирусом, духом саморазрушения, вызвавшим болезненную мутацию; это была борьба самостоятельного цивилизационного направления с русским «западничеством», привившимся через Смутное время. Смутное время как особо сложное критическое противостояние с Западом, сложная инфильтрация западных начал внутрь юной русской цивилизации было коренным признаком и первоисточком мутации – Смутное время принуждало к завязыванию не по форме, но по содержанию нового узла нарушенной национально-государственной традиции.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПАДЕНИЕ (К 15-летию ГКЧП)

*В 91 году в Москве был блестяще отработан под-
рывной метод «оранжевой революции», как ее стали
называть позднее. Наш «майдан» состоялся у Белого
дома на Краснопресненской набережной. Но почему это
случилось в день Преображения?*

События 15-летней давности – трагические дни отече-
ственной истории. На них лежит отсвет какого-то затме-
ния, как будто мрачная тень накрыла Россию, накрыла
сердца людей. Смутные предчувствия эпохальных пере-
мен, смутный страх перед силами тех, кого окрестили
«противниками перемен», столь же смутное чувство эй-
фории и странный массовый невроз, чувство какого-то ги-
бельного восторга, в котором большинство нации празд-
новало, пусть и недолго, начиная с 22 августа 1991 года,
события «бескровной революции». Смутное время. С это-
го момента его ход был уже необратимым.

Кем же явились члены Комитета – «потерявшими стыд
и совесть путчистами», «предателями» или последними
рыцарями Союза, не почувствовавшими народной под-
держки и в силу того не пошедшими на крайние меры?
А может быть чем-то четвертым, о чем вообще не принято
говорить?

Версия Ельцина: во всем виноват Горбачев

По мысли Ельцина, Горбачев был в сговоре с путчи-
стами, сам организовал эту реакцию, чтобы устранить
набирающее силу российское руководство. Этой позици-
ей Ельцина объясняется и его либеральное отношение к
узникам Матросской тишины: впоследствии он допустил
многих из них в парламент. Однако, этой его позицией не

объясняется положение Горбачева, свободно выступающего в ельцинской России, создающего здесь свои фонды и издающего книги. По идее, если версия Ельцина верна и действительно соответствует

24 августа 1991 года произошла чудовищная подмена: под предлогом борьбы за законность была разрушена государственная структура СССР, ведь КПСС давно уже была не партией, а стеновым хребтом державы.

его убеждениям, в Матросской тишине должен был бы сидеть в первую очередь сам Горбачев.

Версия Горбачева:

«дурилка картонная» меж волков и предателей

По мысли Горбачева, «организаторы августовского заговора сорвали обозначившуюся возможность сохранить Союз путем его преобразования в Федерацию и КПСС – путем ее реформирования в политическую партию левых сил». Они перечеркнули «надежду на реформирование КПСС, превращение ее в демократическую, современную партию», почему Горбачев и пошел на фактический роспуск партии. Уже в сентябре Горбачев незаконно, в нарушение всех норм союзного права, отпускает «на волю» республики Прибалтики. Позднее он оправдывает свое незаконие «беловежским сговором», который, дескать, помешал запустить механизм переговоров по формату отделения Балтии. Таким образом, сам Горбачев оказывается кругом чист и невинен – это гэкачеписты предали его, это лидеры союзных республик затем оттерли его от власти и т.д. Из всех участников событий для Горбачева милы и представляются благородными только страны Запада: в отличие от соотечественников они сумели по достоинству оценить «политическое искусство» Gorbju.

Версия Валентина Павлова,

одного из лидеров ГКЧП:

разрушительная провокация

Путч разыграли и использовали одновременно Запад через Горбачева и сепаратисты, крупнейший среди

которых – Ельцин. Павлов пишет в своих воспоминаниях: «Горбачев решил использовать нашу преданность делу и своей стране, народу, чтобы расправиться нашими руками с Ельциным, подталкивая нас на кровопролитие». В свою очередь Ельцин «тоже решил использовать нас, откорректировав сценарий Горбачева. Он решил нашими руками убрать Горбачева и затем, также организовав кровопролитие, ликвидировать нас».

Так или иначе, реакция охранителей была использована как предлог для окончательной победы разрушителей государства. Но была ли эта реакция спровоцирована напрямую и непосредственно, и если так, то не было ли среди застрельщиков ГКЧП агентов из враждебного лагеря? Внимательный анализ событий 19-21 августа показывает, что сами «спасители отечества» как будто искали инициативы со стороны – не брали ситуацию в свои руки, выжидали. Глава КГБ Крючков не стал даже посвящать своих сотрудников в дела «переворота» – в стороне от дел ГКЧП остались все спецслужбы, кроме группы «Альфа» (впрочем, фактически также соблюдавшей нейтралитет). При таком поведении немудрено, что «переворотом» воспользуются внешние силы, разыграют его в несколько рук. Так оно и произошло, и, возможно, так оно было задумано. Фиктивный вызов со стороны сил реакции, по замыслу внешних режиссеров, должен был привести к «схлопыванию» суверенитета СССР, параличу союзной государственности.

Рассмотрим ход событий, некоторые узловые точки, в которых раскрываются реальные пружины происходящего в этот роковой год. Отметим три предпосылки того «розыгрыша», который состоялся 19-21 августа под видом введения чрезвычайного положения (введения, надо сказать, вполне законного, юридически выверенного и осуществленного высшими должностными лицами государства – почему называть его «путчем» или «переворотом» было бы совершенно несправедливо).

1) Провозглашение российского суверенитета 12 июня 1990 года на I Съезде народных депутатов РСФСР. Акт абсурдный, о чем не имеет смысла долго распространяться. Как объяснить это помрачение? Даже Валентин Распутин, один из тех, кто может претендовать на звание совести патриотической общественности, не удержался от того, чтобы годом раньше на Союзном Съезде народных депутатов заявить, обращаясь к национальным республикам: *«Вы, разумеется, согласно закону совести распорядитесь сами своей судьбой. Но, по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а, может быть, России выйти из состава Союза, если во всех бедах вы обвиняете ее?»* В словах этих – нечто вроде русского юродства, попытка усостыжить окраины. Но это какое-то дурное юродство, с долей настоящей придури. Ведь Россию федеративную противопоставили не какому-то абстрактному Союзу, а России исторической. При всем уважении к Распутину, в его словах, так же как и в тогдашних работах Солженицына, сказывалось не начало **преображения исторической России**, а начало ее **падения**.

2) Однако же 17 марта 1991 года Референдум о сохранении Союза, казалось бы, перечеркивал усилия сепаратистов и разрушителей. Правда, Референдум не проводился в Грузии, Армении, Молдавии, Литве, Латвии и Эстонии – то был своеобразный бунт национальных окраин. Однако результаты его были совершенно недвусмысленными и они явились прямым юридическим основанием для введения ЧП 19 августа. Известно, что за два дня до референдума руководство США в лице Бейкера советовало Горбачеву «выйти после референдума к народу и сказать: „Республики, вы свободны. Я вас отпускаю». Такая воля, по мнению американцев, способствовала бы созданию нового Союза на более справедливых, ясных, приемлемых для всех условиях. Горбачев, хотя и не пошел на это после референдума, однако же, фактически повел именно такой курс – на переустройство СССР – позже. Тем не менее, буквально через неделю после Референду-

ма, в Москве начал работу внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР. Было понятно, что, вдохновленные западной поддержкой, российские власти будут нагнетать сепаратистскую истерию и выступить за ускорение «мирного развода» союзных республик. Фактически Горбачев и Ельцин шли по одному и тому же пути, хотя и несколькими разными темпами. Для Ельцина это означало – расцвет его карьеры, для Горбачева – скорее ее закат. Никто тогда всерьез не рассматривал политическую интригу как путь к распаду страны: говорили все только о борьбе за власть, об освобождении от диктата коммунистов, о демократизации.

Так или иначе, в эти дни в Москве решено было провести массовую манифестацию сторонников Ельцина с требованием отставки Горбачева и союзного правительства (фактически готовился московский «майдан»). И вот ночью 28 марта по распоряжению Горбачева в город были введены танки, бронетранспортеры, воинские подразделения. Подходы к Кремлю блокировали. Это была своего рода **репетиция путча**, показавшая, в конечном счете, атрофию властных инстинктов у политической элиты СССР. Под совместным давлением Запада, Ельцина и других национальных лидеров Горбачев был вынужден отступить и вывести войска. Однако ж и «майдан» тогда не состоялся.

3) Далее Горбачев открывает так называемый **ново-огаревский процесс** в целях создать «обновленный Союз ССР» фактически на конфедеративной основе. По выражению Анатолия Лукьянова, президент СССР на консультациях с руководителями республик «петлял» между разными модели федерализма, разогревая сепаратистов. Ново-огаревский процесс мог привести даже не к конфедеративному устройству, а вообще к союзу суверенных государств (что и произошло впоследствии при создании СНГ, уже без участия Горбачева). На этом фоне весьма убедительно звучат слова из Обращения ГКЧП: *«Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта*

нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему. Ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины». Как бы мы ни относились к членам Комитета, надо признать, что их обличение происходивших политических процессов были разумным и адекватным.

Однако подлинный механизм августовского «розыгрыша» становится понятен по его плодам. Интересно отметить некоторые детали, которые уже забыты обществом, но проливают свет на реальные мотивы тех или иных действий.

Среди последствий ГКЧП бросается в глаза то, что происходило по горячим следам (ведь Беловежский сговор, при всей его важности, состоялся не сразу – его тщательно готовили, для него создавались благоприятные условия). По точному определению И.Фроянова, «меры, осуществленные между 23 августа и 6 сентября 1991 г., не являлись непосредственным результатом так называемого путча, т.е. не находились в прямой причинно-следственной связи с событиями 19-21 августа».

• **24 августа** Горбачев сделал заявление о сложении с себя обязанностей Генерального секретаря и «самороспуске» ЦК КПСС. Горбачев обвинил партию в том, что она изменила своему генсеку и не противодействовала перевороту. Единоличное решение о капитуляции генсек подкрепил тем, что дал санкцию опечатать здание ЦК КПСС. В те же дни Ельцин издает Указ «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР». Любой, кто стал бы активно сопротивляться этим действиям верховной власти, рассматривался бы как проходящий по «делу ГКЧП», то есть по делу об «антиконституционном перевороте». Так произошла чудовищная подмена: под предлогом борьбы за законность разрушалась государственная структура СССР, ведь КПСС давно уже была не партией, а становым хребтом державы.

- **23 августа** принималось решение о новом руководителе КГБ и юрисдикции этой структуры. Если бы юрисдикция КГБ СССР перешла к российскому Комитету госбезопасности, можно было бы говорить о сохранении централизованной структуры. Однако, в течение этого дня, по свидетельству многих очевидцев, шла чехарда политических решений, в результате которых КГБ СССР временно сохранил свое верховенство над республиканскими комитетами. Это на первый взгляд нелогичное решение объясняется просто: КГБ необходимо было децентрализовать и расчленить, чтобы он, хотя бы и на уровне России, не превратился в фактор восстановления пошатнувшейся государственности, раскрытия небывалого кризиса национальной безопасности, тем более что и во главе российских спецслужб стояли люди достаточно самостоятельные. КГБ таил в себе возможность не фиктивной, как ГКЧП, а **настоящей реакции** против разрушения страны. Роль расчленивателя КГБ была отведена В.Бакатину, лично преданному Горбачеву и пришлому в системе КГБ. Как пишет в своей книге «Борис Ельцин – от рассвета до заката» А.Коржаков, «искали человека, способного развалить зловещего “монстра”». И это не наговор. Сам Ельцин в своих «Записках президента» подтверждает: «стояла задача разрушить эту страшную систему подавления».

- Завершающим условием, необходимым для гладкого роспуска СССР стал **сговор республиканских лидеров и Горбачева** против оставшихся ослабленных после ГКЧП сил имперских, союзных. В начале сентября 1991 года на Съезде народных депутатов СССР, где было немало сторонников сохранения государства, Президент Горбачев вместе с главами 10 союзных республик принял заявление, в котором предлагал депутатам распустить основные союзные органы власти, а на их месте учредить органы консультативные, переговорные. Уже на следующий день после принятия соответствующих решений Государственный Совет СССР предоставляет независимость Латвии, Литве и Эстонии. Дальнейшая работа органов союзной власти показала – это был стремительный распад систе-

мы, дезинтеграция всех ее частей. Через самороспуск прежних органов устранены последние препятствия на пути разрушителей.

За провалом ГКЧП последовала серия ударов по исторической России, по державе, едва ли не самых болезненных за многие столетия. В этом свете становятся буквально пророческими слова из Обращения к советскому народу от 19 августа, которое зачитывали дикторы Гостелерадио: *«Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени»*. Между тем, смутное время только разгоралось – ему способствовали и безволие верховной власти, вялость и нехаризматичность самих участников ГКЧП, их боязнь кровопролития и вообще жестких действий, лукавая позиция уходящего правителя, желающего остаться в стороне от любой ответственности. Уверенный и точный текст обращения вступил в вопиющее противоречие с неуверенными и непоследовательными действиями членов ГКЧП, с каким-то нетрезвым карнавалом и опереттой, в которые выродилась попытка спасения страны. Не нашлось героя, который взял бы на себя ответственность. На таком безрыбье героем оказался один Ельцин, забравшийся на танк.

Кто видел киевский майдан, не может не отметить сходства – **толпа была разыграна в две руки**, в совсем нехитрой комбинации. И не потому, что народ недалекий, а потому, что в некоторых ситуациях он превращается в массу, в толпу. Толпа не бывает мудрой. 19 августа, день Преображения Господня, в 91 году стал началом грандиозной подмены. Тогда в Москве был блестяще отработан подрывной метод «оранжевой революции», как ее стали называть позднее. Наш «майдан» состоялся у Белого дома на Краснопресненской набережной. Но почему это случилось в день Преображения? Может быть, потому, что через Смутное время и его невероятные падения Россия призвана все-таки преобразиться – из безбожной стать духоносной, из угрожающей миру вновь стать собирающей страны и народы.

ОТ ЮБИЛЕЯ РЕВОЛЮЦИИ К ИСЦЕЛЕНИЮ ОТ СМУТЫ

Обесценивание революционного мифа

Анализируя историческую трагедию России 90-летней давности, не лишним будет вновь вернуться к тематике Смуты, к тому, как соотносятся два понятия: Смутное время и Революция. Вне аналогического ряда, вне продления категорий в «историческую вечность» смысл их употребления размывается. Если «Смутным временем» мы называли бы единичное событие, – то это наименование звучало бы как имя собственное, и не стоило бы рассуждать, насколько такое наименование соответствует описываемому феномену. Но если Смутные времена повторяются, если это явление не исключительное, а закономерное и имеющее свой генезис в жизни народов и государств – то разговор становится гораздо серьезнее, и затрагивает, в том числе, и текущие политические и мировоззренческие интересы. В таком случае мы соприкасаемся со злобой дня, даже если говорим о том, что произошло 300 или 100 лет тому назад.

За последние 10 лет понятие «Смутное время» в России отвоевало большой участок смыслового пространства. Оно говорит людям гораздо больше, чем в первой половине 1990-х годов. Надо сказать, что расхожая тогда среди либеральных демократов версия еще горячих событий, гласившая, что в 1991-ом году произошла очередная «революция» в России, сейчас стала совсем непопулярна и о ней как-то забыли. События 1991-го, так же как 1993-го года, не только консерваторы, но и либеральные демократы стараются не называть революцией. И это не случайно.

Постановка вопроса вкратце такова: в XIX-XX веках миф революции был настолько популярен, а затем и

принудительно-каноничен, что его как объяснительную схему стремились накладывать практически на любые значимые социальные перемены, использовать как модель любой мутации цивилизационных, политических, экономических порядков.

Понятие «революция» стало затычкой в каждой бочке. К снижению его эвристического потенциала привело именно такое неумеренное и по существу схоластическое использование данной концепции, которую в наиболее развернутом виде мы встречаем у Маркса, предложившего видеть в социальной революции переход от одной исторической формации к другой. В советское время концепция революции приобрела ритуальный характер. Великую Октябрьскую Революцию рассматривали как сакральный акт, положивший начало новой эре. Другие революции – как некую семью исторических событий, группирующуюся вокруг Октябрьской Революции, «святое семейство» прогресса и продвижения человечества к своему счастью. В международной политике понятие «революции» использовалось как заклинание теми, кто хотел идентифицировать себя в качестве противника капиталистической системы, либо в качестве сторонника ее перекройки, кто стремился к ассоциации с освободительными ценностями и «прогрессивностью».

Во многом та пропагандистская и ритуальная ценность понятия, которая в нем усматривалась изначально, постепенно деградировала. А значимость революции как научной (или социально-философской) концепции девальвировалась. С падением СССР, с крахом доминировавшей в нем марксистской философии те скрепы, на которых этот миф держался, во многом распались.

Два ракурса – формационный и цивилизационный

В отношении советского периода важно отметить и еще одно обстоятельство. В штудиях тогдашних историков и теоретиков обсуждалась не научная догматика, а другие во-

просы: например, почему внутри «пятичленки» переходы от одной формации к другой не всегда протекают в ярко выраженных «революционных» формах. Ответы на такие вопросы не были и не могли быть вразумительными. Но это никого не смущало. Дискуссия велась строго в рамках ортодоксальной парадигмы, в которой как максимально еретические рассматривались предположения о ревизии «пятичленки», введении взамен ей «четырёхчленки» или углубленном исследовании так называемого «азиатского способа производства» как побочного пути исторического становления. Скользкие вопросы, на которых запнулись Маркс и Энгельс, старались не трогать или трогать крайне осторожно.

Между тем как в вопросе об исторических формациях, так и в вопросе об альтернативных способах производства обозначались не просто трудные места марксизма, но и его границы. Как минимум, речь следовало бы вести о двух основных ракурсах взгляда на социальные мутации, на государственные и общественные перевороты. Один из этих ракурсов связан с доктриной истории человечества как становления общей цивилизации, в которой все разнообразие сводится, в конечном счете, к нескольким ступеням развития (формациям). Следует признать, что полновесная концепция революции, и ее главный миф вызрели именно в рамках этой формационной доктрины – доктрины единой общечеловеческой цивилизации.

Однако другой ракурс, правду которого фактически вынуждены были признать марксисты в связи с самой постановкой вопроса об «азиатском способе производства», состоит в том, что **единой цивилизации никогда не существовало и не существует**. И даже если когда-нибудь человечество сойдется в единый цивилизационный формат, тем не менее, вся его история до этого суть история не сливающегося воедино потока, а потоков раздельных. Не было, и нет единого цивилизационного мира, но параллельно существуют многочисленные цивилизационные миры. В контексте этого подхода, по существу неопровержимого, Россия, так же как и Западная Европа, Индия,

Китай, целый ряд древних цивилизаций, которых уже нет, развивались по собственным законам. Каждой цивилизации подобает писать особое обществоведение, а не предписывать нормы и термины, придуманные для описания и объяснения других цивилизаций.

Глобализация может уничтожить или фальсифицировать старые летописи, но она не в силах заставить летописцев воскреснуть и переписать эти летописи.

Глобализация, допустим, наступает повсюду, но ее победное шествие, во-первых, не предопределено, а во-вторых и в-главных, оно не вольно изменить прошлое, переиначить что-то в уже ушедших исторических мирах, в уже состоявшихся культурах. Глобализация может уничтожить или фальсифицировать старые летописи, но она не в силах заставить летописцев воскреснуть и переписать эти летописи.

В этом состоит коренное отличие – у общечеловеческой цивилизации (глобализации) нет отцов-родоначальников, оживающих в сынах. Отцы есть у конкретной традиции-цивилизации, они постоянно «воскресают» в своих потомках, оглашают свою волю спустя века и даже тысячелетия. Миф о смене исторических формаций есть в этом смысле отречение от прежних поколений. А где формационная логика не работает или работает лишь опосредованно, там и понятие революции утрачивает свой потенциал.

Революционно-формационная логика истории сегодня способна предложить России два пути:

1) **стандартизацию** – то есть приведение России к тому же знаменателю «нации-государства», как и страны Средней Европы, и самоопределившиеся постсоветские республики, вхождение в стандарт другой цивилизации – западноевропейской (**подмена цивилизации «нацией»**);

2) **растворение** – то есть тезис о неминуемом исчезновении наций как таковых в процессе глобализации, размывание и смывание своеобразия в едином потоке истории (**подмена конкретной цивилизации «общечеловеческой цивилизацией»**).

Цивилизационная логика также предполагает как минимум два сценария будущего:

1) **абсорбцию** – то есть прекращения существования России как нежизнеспособного политического образования, с последующей интеграцией ее элементов в другие государства, культуры и зоны экономического влияния в рамках «утилизации» имперского наследства (**подмена цивилизационных интересов России партикулярными интересами ее частиц, индивидуумов**);

2) **активное восстановление собственной идентичности**, построение многополярного мира с ведущими функциями, лидерскими прерогативами нашей цивилизации.

Для патриотического сознания в России из четырех вариантов приемлем лишь один.

Вырваться из линейной логики

На мой взгляд, если мы рассматриваем Россию как самостоятельную цивилизацию, как ту страну, которая не призвана раствориться в общечеловеческой цивилизации, не обязана воспроизводить стандарты, созданные вовне, не предназначена к абсорбции другими цивилизациями, а нацелена на возрождение собственной идентичности, то и события 1990-х годов, и события 90-летней давности, и тем более, события начала XVII века должны определяться как «Смутное время» и не должны определяться как «революция».

В чем здесь будет принципиальная разница? Разница – в оценке событий, в их смысле, поскольку с точки зрения «общечеловеков» революция канализирует энергию народа в русло модернизации, делает из данного общества нечто абсолютно новое, создает новый тип человека. С точки же зрения цивилизационной идентичности, модернизация возможна, но она имеет совсем другой смысл: это непрерывный, то активизирующий, то затихающий, процесс приспособления к геополитическим и технологическим сдвигам, к внешней среде. При-

способление к среде – но одновременно и приспособление самой внешней среды к себе, к своей пользе и своему благополучию. Таким образом, мы совсем по-другому смотрим на проблему развития, чем наши оппоненты. И, прежде всего, мы не возводим смысл событий собственной истории к архетипам буржуазных или каких-то других западноевропейских революций.

Здесь выстраивается целый ряд оппозиций.

Как уже отмечалось выше, наши оппоненты планируют построение в России новой формации: либо растворения, либо стандартизации, либо абсорбции. Исходя из современной логики, революция имеет смысл только в формате поступательной глобализации. Вне этого формата она становится метафорой, чрезвычайно зыбкой и приблизительной. **Для нас же характерно говорить о преобразении России, о восстановлении ее идентичности после «системного сбоя» – Смутного времени горбачевской и ельцинской эпох.** Возможно и желательно – о прорывном развитии, но на основе идентичности, а не отказа от себя.

Опять же, наши оппоненты, когда наступает некий переломный момент постреволюционной эпохи, пытаются найти ему аналоги в истории других революций. Например, говорят о термидоре, о «термидорианском пере рождении». Или о «реакции» неких хтонических сил данной нации, стихийных, спонтанных сил «неисправимой» культуры, порочном «русском ДНК» и т.д.

Мы же в данном случае говорим о компенсационной экспансии, о регенерации, о том, что национально-государственная традиция восстанавливает себя.

Наши оппоненты видят политический ход дел в линейной логике: акции-реакции, прогрессе-регрессе. Как будто Россия – это упрямый мул, которого нужно не под уздцы, так пинками протолкнуть в запланированное будущее.

Совсем другой, органический взгляд на социальное развитие дает цивилизационный подход. Разные мыслители давали этой органике разные имена. Например,

Арнольд Тойнби предлагал говорить вместо революций и консерваций о постоянном процессе «смерти-и-воскресения» культуры, ее «ухода-и-возврата». Наш современник замечательный историк **Андрей Фурсов** так описывает девальвацию линейной концепции:

«Реакция или революция? И то и другое. А точнее, ни то ни другое, а нечто третье, в чем снимается противоречие между реакцией и революцией. И это не ситуация, в которой, как писали Маркс и Энгельс, реакция выполняет программу революции, а нечто качественно иное. Когда возможности реального исторического развития данной системы исчерпываются и начинается передел, “пересдача Карт Истории”...»¹

А в 1920 году **Вячеслав Иванов** в «Переписке из двух углов», пытаясь убедить **Михаила Гершензона**, следующим образом обосновывал дискретность и преодоление дискретности в традиции:

«Пуста свобода, украденная забвением. И не помнящие родства – беглые рабы или вольноотпущенники, а не свободнорожденные. Культура – культ предков и, конечно, – она смутно сознает это и теперь, – воскрешение отцов»².

1. Фурсов А.И. “Биг Чарли”, или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория (К 180-летию со дня рождения К.Маркса) – Русский исторический журнал. – М., 1998. – Т.1, № 2.

2. Иванов В. Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 134

О ПРИЧИНАХ РУССКОЙ «РЕВОЛЮЦИИ»

Каждой цивилизации подобает писать особое обществоведение. Глобализация как процесс, как бы мы к нему ни относились, в этом смысле ничего не меняет. Если даже где-то когда-то все человеческие культурные потоки сольются воедино, это не значит, что эти потоки всегда были едиными – напротив, они всегда были различными. Глобализация может уничтожить старые летописи или подменить их, но она не может заставить летописцев воскреснуть и переписать эти летописи.

Общечеловеческая глобализация не имеет своих отцов-родоначальников, потому что она вся в «революциях», в отречениях от прежних поколений. В конкретной традиции-цивилизации есть отцы и они постоянно воскресают в своих потомках. В этом смысле для истории России важнейшим принципом является принцип воскрешения отцов, воскрешения предков, воскрешения духа, восстановления традиций вопреки всем переломам. Это, конечно же, не повторение одного и того же, не дурная бесконечность. Всякий раз после выхода из Смутного времени происходит сложнейшая мутация национальной традиции. Однако при этом мы спустя какое-то время признаем в ней ее самою, видим, что то дело, которое делали наши предки, и то, что мы делаем сегодня, в конечном счёте, единое великое дело.

Говоря о причинах и факторах русских «революций», в начале я бы сделал важное методологическое уточнение. С точки зрения теории хаоса, нужно смотреть на революции в свете той перацентрировки, которая предложена этой теорией. В частности, Пригожин указал на то, что история систем представляет собой не революции как

разрывы между большими стабильностями, а, напротив, короткие промежутки стабильных состояний, паузы между флуктуациями. Иными словами любая социальная система есть постоянное балансирование, переход от одного качества равновесия к другому, от одной сложности сочетания множества сил к другой. История должна исходить из описания состояний неустойчивого равновесия, которые время от времени опрокидываются в состояние полной неустойчивости, коллапса. Эти опрокидывания можно назвать Смутными временами и в них закладываются эмбрионы будущих долгоиграющих тенденций, длительных мутаций (или флуктуаций)¹.

Существует широко распространённый взгляд на причины революций, ставящий во главу угла конспирологическую версию, версию заговора. Есть большая традиция на Западе, идущая от Жозефа де Местра, Меттерниха и т.д. В наиболее объективированном виде этот подход проявился у американского исследователя Теодора фон Лауэ, который называл все революции XIX-XX вв. «революциями извне». Иными словами, революции индуцированы внешним западным влиянием. Интеллигенция в странах, подвергающихся этим процессам, в значительной своей части выступает проводником западноевропейского влияния. Иногда это либералы, иногда радикалы, зачастую и те, и другие вместе – при этом они пользуются идеологической, политической, финансовой поддержкой Запада. Надо сказать, что Лауэ за его теорию крепко доставалось от его американских коллег.

В конечном счёте, у всех так называемых революций всегда одна главная причина. Это то, что значительная часть реальной элиты вступает на путь сепаратистского по отношению к собственному народу встраивания в кажущиеся ей привлекательными глобальные порядки. Это касается в определенной мере даже Великой Французской революции, поскольку участники тогдашних революцион-

1. Данный подход к истории описан мной в концепции динамического консерватизма как модели развития социальной системы в сложных нестабильных условиях среды (Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М. 2012. С. 648-662).

ных кружков думали, что встраиваются в высшую секту духовидцев, иллюминатов. (А за революционным проектом в его эзотерическом плане «торчали уши», конечно же, Великобритании.) При этом революционеры должны на кого-то опираться внизу, поэтому они выступают как подстрекатели недовольных толп.

В конечном счёте, у всех так называемых революций всегда одна главная причина. Это то, что значительная часть реальной элиты вступает на путь сепаратистского по отношению к собственному народу встраивания в кажущиеся ей привлекательными глобальные порядки.

Исключение из этого правила – иранская «революция» 1979 года. В этом случае мы имеем дело со своеобразным взрывом реакции в обратную сторону, сторону самобытности. Вообще говоря, в Иране сама этимология понятия революции оказалась оправданной. Ведь это латинское слово означает возвращение на предназначенную траекторию развития. Пожалуй, только иранская «революция» оправдывает эту этимологию, потому что там от монархии перешли к более раннему (генетически, исторически) этапу, – теократическому управлению. В случае же с другими революциями происходит подмена изначально-го смысла этого слова.

С другой стороны, и это тоже уже давно замечено, многие революции, особенно в XX веке, предъявляя радикальную программу переустройства мира, на выходе давали откат от глобализации обратно, внутрь своего национального порядка, то есть фактически производили более мощную реакцию, чем если бы революции в данном обществе вообще удалось избежать².

Все Смутные времена, по моему глубокому убеждению, происходят на определённых демографических циклах. Существующая структурно-демографическая теория

2. Подробнее об этимологии революции и о революциях как превращённых формах национальной и цивилизационной реакции на внешние вызовы, сложнейших мутациях, выполняющих иногда задачи не уничтожения, а воспроизводства традиционных институтов и моделей – см.: Аверьянов В. Природа русской экспансии. М., 2003. С. 27-69.

(Д. Голдстоун, Ч. Даннинг, у нас – С. Нефедов) пытается описывать причины революций или «брэйкдаунов» на статистических цифрах динамики народонаселения, процессов колонизации, увеличивающими экологическую нишу этноса. В оптике этой теории два процесса, демографический и колонизационный, накладываясь друг на друга, создают ту самую канву, на которой можно увидеть, в какие моменты может произойти революция, а в какие нет. При этом учитываются взаимоотношения в треугольнике: народ – элиты – государство. Однако базовым фактором всего процесса является динамика народонаселения и связанная с ней динамика цен и стоимости рабочей силы. Эта теория более тонкая, чем старая мальтузианско-рикардианская теория, выведившая линейную взаимосвязь между количеством населения и нуждой. Здесь речь идет о других зависимостях, в частности, зависимости социального и юридического напряжения системы от перенаселения. Такого рода перенапряжения возникают после того, как долгое время идет «демографическое сжатие»³.

Представим себе, говорит Голдстоун, что крестьяне за 20-30 лет удвоились в числе. Что произойдет на выходе в стране с господством майората (системы, когда наследство достается старшему сыну)? Количество безземельных крестьян, не получающих долю, возрастет за этот период не в два, а в десять раз. Естественно, это будут в первую очередь люди молодые. Эту социальную агрессию, эту свободную энергию во избежание социального взрыва нужно куда-то направлять.

Я не являюсь сторонником структурно-демографической теории, тем более классического мальтузианства, которое много поработало над обоснованием различных людоедских идеологий. Многие в этих теориях неточно и прямолинейно⁴. Но фактор демографического взрыва, изобилия людских ресурсов как одной из главных

3. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.

4. См. критику современных неомальтузианцев в контексте объяснения причин русских революций в книге: Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М. 2014.

движущих сил Смуты представляется для меня несомненным. Государство «взрывается» изнутри под напором изменившихся пропорций как в элите, так и в массе населения. Когда «излишки» людских ресурсов «сбрасываются» в исторических катастрофах, риск Смуты отступает.

Поразительно, что, начиная примерно с середины XVIII века и до событий 1917 года, у нас каждые 50 лет происходило удвоение населения. Причем в последние 50 лет перед 1917 годом у нас не увеличивались пахотные земли, не происходило значительной колонизации новых территорий, но рождаемость не падала. С точки зрения и мальтузианской, и структурно-демографической теорий, должно было происходить спонтанное ограничение рождаемости, однако, оно не происходило. Теоретики (тот же Нефедов) объясняют это только одним – росла урожайность. Крестьянам удавалось за счет роста урожайности прокормить своих детей, но прокормить их на уровне бедности, на грани близкой к нищете.

После отмены крепостного права большое количество крестьян пошло в отходники, часть пошла в пролетариат. Но в этих слоях, на мой взгляд, как раз накапливалась самая острая социальная агрессия – наряду с «природными» носителями революционной идеи (либеральными западниками, радикальными нигилистами и инородцами, отрицающими имперский уклад). Потому что, будучи оторванными от родного гнезда и оставаясь в сущности крестьянами, представители «новых слоев» не находили себе в этой жизни того оптимального места, которое в их культурной картине мира они должны были бы занимать. По свидетельству знатока крестьянской психологии А.Н. Энгельгардта, все бывшие крестьяне, ушедшие в наемные работники, даже преуспевшие при этом, считались в народе батраками или лакеями, и эта доля рассматривалась как несчастье, поскольку в ней видели утрату человеческого достоинства (свободный крестьянин, кормилец, который сам себя и других кормит, превращался в наймита, угождающего тому, кто ему платит). Раскрестьянивание порождало среду мощного социального дискомфорта.

Столыпинская реформа была попыткой разрубить узел накопившихся проблем. При этом испуганная 1905 годом, наша элита разрабатывала и гораздо более смелые планы аграрной реформы. В частности в высших кругах ходило предложение о том, чтобы вообще передать основной фонд помещичьих земель крестьянам. Несомненно, реализация такой идеи – фактически «черного передела» сверху – могла бы в принципе предотвратить 1917 год.

Столыпинская реформа – это было движение в ином направлении, пошли по так называемому «прусскому пути развития», была поставлена задача – постепенно уничтожить общину. Возникает вопрос, а почему встала такая задача? Ведь в русской консервативной и народной традиции община считалась высшей формой социальной организации, залогом будущего счастливого развития. Об этом писали славянофил Хомяков, западник Кавелин, великий ученый Менделеев. И даже Карл Маркс в своем письме Засулич такую трактовку поддержал.

В общине верхи усмотрели угрозу существованию государственного строя по двум причинам. Во-первых, община воспроизводила старую демографическую ситуацию и побуждала крестьян рожать детей. По традиции, она выделяла молодым семьям землю по количеству едоков. В этом смысле община была источником демографического взрыва. А во-вторых, события 1905 года, когда впервые столь масштабно запылали помещичьи усадьбы по стране, показали, что сельский сход стал той формой самоорганизации, которая могла приговорить согласно принципу круговой поруки: всем участвовать в разграблении имения барина. И это были факты достаточно распространенные⁵.

Не поэтому ли наши верхи захотели превратить деревню в буржуазную, атомизировать её, сделать более «правильной», более европейской, а излишки населения сбросить на Дальний Восток и в Сибирь? Столыпин не успел

5. В этом смысле события 1905 года как будто подтверждали пророчества Герцена и Чернышевского, которые видели в общине естественную ячейку будущей освобожденной от самодержавия республики.

развить скорость и размах соевей реформы – ему удалось лишь слегка сгладить тот бурный демографический рост в Центральной России, который объективно создавал питательную среду будущей Смуты.

Демографический взрыв отражал процесс взрывного роста энергетического потенциала русского народа, его жизненных сил. Выросло число людей, наполненных предощущением лучшего будущего, перемен, необходимости переустройства жизни. Определяющей причиной событий 1917 года стало не недоедание, не нужда⁶ (перебои с поставками хлеба послужили лишь поводом для волнений и никто не воспринимал их тогда как политически серьезное событие). Определяющие факторы следует искать в том, что необычайно выросли ставки и амбиции активных социальных слоев общества, было огромное самомнение и интеллигенции, и духовенства, и низших классов. Всем казалось, что «мы сами с усами».

С моей точки зрения, истинные причины революции с разных сторон описывают, но до конца не ухватывают обе спорящие стороны. Историки-демографисты (С.А. Нефедов) улавливают ключевой фактор социальной динамики, создающий ситуацию Смуты, но впадают в вульгарный схематизм и вынуждены отрицать факты реального роста благосостояния низов общества. Им не приходит в голову, что **революции делаются не голодными и забитыми, а довольно-таки сытыми и самоуверенными людьми и группами**. Сторонники подхода «издержек модернизации» (Б.Н. Миронов) верно указывают на то, что революционный кризис был болезнью роста, а не упадка или конца развития, однако у них революция оказывается почти что случайностью, результатом «особых обстоятельств» и поэтому они вынуждены преувеличивать фактор войны.

В воздухе империи носился электрический заряд предчувствия переустройства жизни, тоски по такому переустройству. В значительной степени к переустройству

6. В этом, кстати говоря, коренная ошибка неомультиазянцев. Уровень жизни в предреволюционные десятилетия в России в целом, и в крестьянской среде, в частности, не падал, а неуклонно рос. Эти цифры и факты, безусловно, старались замалчивать в советской историографии.

жизни стремилась и власть в лице Государя Николая II, к которому я отношусь с большим уважением. Этот Государь, во многом оклеветанный перед потомками и недооцененный современниками, двигался в правильном направлении, но при этом по темпам явно отставал от задач времени.

Величина задач переустройства русской жизни была огромна. Необходимо было в исторически короткие сроки перераспределить трудовые и социальные ресурсы и потоки, осуществить бурную экспансию, прорывное развитие. Это могла бы быть военная экспансия, тогда для неё нужно было радикально модернизировать армию и промышленность. Это могло бы быть освоение Сибири и Дальнего Востока, то есть преимущественно инфраструктурная модернизация. В любом случае здесь требовался масштаб Ивана Грозного или Петра Великого. Поскольку Романовы и правящие элиты личность такого масштаба предложить не смогли, произошла так называемая «революция», которая такого востребованного лидера стране предложила.

При всем уважении к достижениям Сталина, его прорыв был осуществлен не просто не оптимальным, а предельно радикальным сценарием, вынужденным и извращенным. В результате этого прорывного развития **мы надорвались**. Но виноват в этом, собственно, не Сталин. Он сумел найти выход из ситуации почти безнадежной. Ведь его программа прорывного развития была реализована с большим историческим запозданием – начав реализацию этой программы на несколько десятилетий раньше, Россия избежала бы Смуты и ее трагических издержек. Сам Сталин в разговоре с Черчиллем в 40-е годы оценивал период коллективизации начала 30-х годов как самый страшный и тяжелый в своей политической судьбе. С внутренней русской точки зрения, этого не должно было быть в нашей истории – такая цена модернизации была чрезмерной. И в то же время зададимся вопросом: могла ли сталинская система иначе выйти из ловушки, в которую загоняли ее международные хищники?

В итоге Смуты и ее последствий «излишки» русских сил были «сброшены» в ходе двух мировых войн и гражданской войны, перешедшей из горячей фазы затем в продолжавшийся несколько десятилетий социальный террор. Мы потеряли темп роста и из бурно растущей нации уже в середине XX века превратились в демографически стагнирующую. А могли бы, как прогнозировал Менделеев, быть на 200 миллионов больше, с иной пропорцией между русскими и азиатами в империи и с принципиально другим укладом жизни. Не с выкорчеванной крестьянской цивилизацией, а с современной цивилизацией на органичном традиционном фундаменте. Следующая наша Смута, 90-е годы, привела в этом плане к еще более катастрофическим последствиям.

Демографический рост сам по себе не является причиной Смут, но он является материальным выражением процессов роста жизненной энергии нации – роста не всегда созидательного, зачастую слепого и опасного. В начале XX века имел место **извращенный исход из ситуации, когда возрастающий напор жизненных сил народа требовал изменений в структуре общества, создания новых институтов развития для экспансии этих сил; вместо правильной перестройки и создания передовых институтов началась разрушительная перестройка – Смута, породившая катастрофы, в которых этот напор был распылен, растрочен впустую и в результате ослабел.**

Другой важный фактор «революции» – империя не успевала переваривать присоединенные территории. Присоединение Украины в XVII веке породило церковный раскол. Царь Алексей Михайлович очень долго не хотел этого плохо подготовленного воссоединения Украины с Россией. Присоединили страну с её Киево-Могилянской духовной академией, с ее церковными структурами, наспигованными иезуитами и агентами западного влияния. Раскол был фактически предрешен.

Второй пример – Польское царство и Финляндия, присоединенные в 1812 году, которые стали движущими си-

лами Смуты начала XX века (без этих поляков и евреев, давших львиную долю революционеров, сепаратистские элиты просто не нашли бы достаточной опоры внизу). Привисленский край, наряду с описанными выше аграрными проблемами России – это еще одна причина 1917 года. Вероятнее всего, без этого фактора ни Февральской, ни Октябрьской революций не было бы. (Говоря это, я ни в коей мере не унижаю, и не принижаю значение внутренних «русских» факторов Смуты, не пытаюсь выдать их за несущественные; я лишь указываю на то, что привнесение чужеродных культурных и религиозных компонентов в национальную жизнь, приводит к трудно предсказуемым последствиям.)

Третий пример, который ярко описывает известный британский историк Доминик Ливен (сам он из рода остзейских баронов) – присоединение при Сталине в 1938 году Прибалтики и Галиции. Ливен считает, что, если бы Сталин отказался от прямого включения в СССР Прибалтики, Бессарабии, Западной Украины, то горбачёвская перестройка не сумела бы разрушить Советский Союз, субстрат этой «революции» был бы недостаточен.

Я не хочу сказать, что такая точка зрения есть истина в последней инстанции. Однако Галиция, безусловно (и мы это видим сегодня на Украине в ее текущих событиях, «евромайданах» и проч.) была той лабораторией, в которой вывели альтернативное «украинство», не свободное, а подчиненное западной цивилизации на уровне культурного кода.

Все это означает, что при расширении империи нужно закладывать механизмы переваривания и абсорбции этих пространств, этих человеческих масс, их культурной интеграции.

Все это нам уроки на будущее.

Часть II. ИМПЕРИЯ – МЕЖДУ МОНАРХИЕЙ И ДИКТАТУРОЙ

ЦАРСТВО РОССИЯ

Мутация идеологий

Попытки выстроить российское политическое поле в соответствии с классическими учебниками политологии приводят к тому, что вместо представителей реальных общественных запросов, существующих внутри нации, мы видим вокруг некие политические химеры. Внешне они похожи на консерваторов, либералов, социалистов – по существу же они представляют не реальные страты нашего социума, но административно-предпринимательские кланы. Поведение многих наших политиков наводит на мысль, что им в принципе все равно, какую идеологию поднимать на своих знаменах.

Ситуация усугубляется тем, что и сами базовые идеологии современности стремительно мутируют, их смысловые контуры оплывают, их идейные стержни «потекли». Так, например, либерализм, всегда провозглашавший главной ценностью идеал «свободы», эмансипации от сковывающей опеки государственных и традиционных институтов – в нашу эпоху становится инструментом для насаждения самой отъявленной политкорректности. В неолиберализме прорезаются клыки тоталитарности.

Социал-демократы по идее должны отстаивать ценности «социальной справедливости», главной из которых

является древняя заповедь «кто не работает – тот не ест». Однако на деле классическое левое наступление труда на капитал в

В зеркале «нации» русским свойственно видеть свое Царство – аналог таких понятий как «мир», «космос», «вселенная».

современную эпоху обернулось формированием нового кастового строя, строя потребителей с засильем меньшинств и диктатурой паразитических слоев общества. Излишне говорить о том, что эта диктатура меньшинств с ее культом толерантности несправедлива. Однако защитников новой «левой» идеи социальная справедливость, похоже, уже не интересует. Их интересует **социализация асоциального**, гармония со всеми не трудящимися, всеми отщепенцами и раскольниками, всеми тунеядцами и изгоями общества. Особо уродливые проекции эта идеология получает в обществах более бедных и ущемленных в социальном плане чем сытый Запад, где несправедливость переживается гораздо острее.

Что касается национализма, о котором пойдет речь далее, то традиционно данная идеология была призвана защищать почву и суверенитет. Мутация национализма оказывается наиболее глубокой и вопиющей, потому что под видом отстаивания национальной независимости идет сдача цивилизационной и культурной идентичности, ее размывание. «Национализм» постиндустриальной эпохи незамысловат: он предполагает, что нация свободно и добровольно отказывается от своей идентичности, происходит ее десуверенизация, подчинение транснациональным структурам и внешнему цивилизационному субъекту. Прикрываясь национальной идеей, продажные элиты попросту решают свои проблемы, встраиваясь в большой глобальный мир. Более органично это получается у элит малых наций, всегда живших на границах больших цивилизационных ареалов, в зонах столкновения между ними. Переходя в качестве геополитических трофеев из рук в руки, эти «буферные нации» уже привыкли к роли перебежчиков и цивилизационных оборотней, к ощуще-

нию себя то ли жертвой, то ли пионером исторического процесса.

Пост-русские националисты

В России обычно упускают из виду, что перестройка в начале 90-х годов увенчалась демонтажом СССР именно под лозунгами европейского национализма (то есть борьбы за national state в «приличном» западном понимании). С как-бы-националистическими лозунгами выступили те, кого сейчас мы называем либеральными демократами. Историческая аберрация не дает многим этого сегодня осознать – но наши демократы требовали тогда для России и «россиян» именно «националистического будущего» – счастливого цивилизованного житья-бытья европейской нации. (В эпоху поголовного «интернационализма», впитанного советскими людьми с молоком матери, «россияне» как символ освобождения от этнокультурной идентичности еще не противопоставлялись «русским» ввиду другой идеологической конфигурации: противопоставление двух этих понятий началось позже.) Однако прямым следствием и родным братом перманентной революции наверху должен был явиться и через несколько лет явился в действительности рост агрессивного и деструктивного экстремизма в низах общества.

Готовность «распустить» державу, глашатаями чего в 1990 году выступили столь авторитетные деятели патриотического направления как А. Солженицын и В. Распутин – обернулись хаосом и разрухой для всех. В этом смысле наши писатели, а в еще большей степени вдохновители и реализаторы «провозглашения суверенитета» РСФСР А. Сахаров и Б. Ельцин – выступили как прародители современных «странных националистов» (возможно, того не желая). Тем не менее, мне близок резкий ответ на известную формулу А. Зиновьева про коммунизм и Россию – *«кто куда метил, тот туда и попал»*. Точнее говоря, среди диссидентов были, конечно, и искренне заблуж-

дающиеся. Но среди геополитических противников СССР никто не заблуждался: им было мало дела до коммунизма как такового, их беспокоили только величие и самостоятельность России.

Новый феномен «пост-русских»¹ начал формироваться именно тогда, возникнув как чувство расхлябанности и безответственности, преимущественно интеллигентское, а затем разившись до грандиозного предательства многих поколений предков, пядь за пядью собиравших земли Российской империи. И иначе быть не могло, потому что главными подстрекателями и выгодоприобретателями этой бесхребетности и этого предательства выступили на тот момент США и их союзники, крупные ТНК, и уже в третью очередь – руководство союзных республик, пожелавшее «покняжить» суверенно, не сообразуясь ни с историей, ни с мнением собственных народов (высказанным на референдуме 1991 года о сохранении СССР). Именно им была выгодна Россия без идентичности, безликая, терявшая саму себя, с продуктами ее распада – с одной стороны, ксенофобами, с другой, озабоченными дискредитацией собственной страны антинационалистами.

Спор публицистов и теоретиков об империи и нации в 2005 году² был бессмыслен еще и потому, что ни в ны-

1. Аверьянов Виталий. Пострусские грядут? // Литературная газета № 33 (9 августа 2006).

2. Со стороны бутафорских националистов на арену были выпущены подпольные идеологи с призывами изобрести новую Русь, открыть свои «ведические корни», родить себе веру, заклать и вызвать великих языческих богов и т.д. Востребованным оказался поэт Широпаев, ненавидящий Византию, святого князя Александра Невского и называющий православие «осколком хазарского влияния», а историческую Россию – «торьмой для русского народа», и даже – знакомые штампы! – страной рабства и кнута. Востребованным оказался некий профессор Петр Хомяков, призывающий покончить с Россией, «имперско-византийской» традицией и сформировать демократическую конфедерацию «Русь» с обязательным отделением Северного Кавказа и обязательным же проектом интеграции русских в Запад и НАТО. Официальной религией новой нации Хомяков предлагал сделать язычество. Актуализировались региональные диссиденты, ненавидящие Москву (кто-то театрально, а кто-то и по более серьезным причинам – будучи вынужденным бежать в провинцию от московских преступных группировок). Нашлись и бутафорские «имперцы», которые с пеной у рта начали отождествлять вышеупомянутые клинические случаи с русским национализмом вообще. Они противопоставляли язычникам абстрактный Третий Рим, клерикальную идею, византизм в его архаизированном и догматизированном понимании и прочие книжные концепции. Poleмика в горячей фазе продолжалась до 4 ноября («Правого марша»). Как по команде, в ноябре искусственный спор утих.

нешней ситуации (условной демократии), ни в ситуации приближающейся национальной диктатуры (если угодно, «пятой империи», «диктатуры развития» или как-то еще) – этот спор ровным счетом ничего не решает. Ведь пока наша нация не имеет никакой возможности строить реальную империю, если конечно не считать ею проект «либеральной империи» Чубайса. В чем же был смысл профилактических выпадов против «имперства» под видом «этнонационализма»? Смысл, который вкладывался в эту борьбу ее режиссерами, довольно прост: не дать состояться национал-державной консолидации на общественном уровне, намеком на что стало воодушевление в патриотических кругах в связи с Правым маршем в 2005 году. Ведь трудно найти более удачную поддержку национальной диктатуре, чем зрелая и состоявшаяся общественная среда, которая сознательно подставит плечо политическим силам, решившимся на мобилизационный проект.

Такой зрелый национализм раз и навсегда положил бы конец «пост-русским националистам», решившим, что история «отпустила нас на свободу». Что поколения предков, строивших и защищавших Отечество, можно больше не принимать в расчет.

Модель Константина Крылова

Один из самых одаренных этнонационалистов Константин Крылов в своей статье *«Русские ответы. Статья вторая: культурофилия»* на сайте APN.ru рисует гипотетический образ будущего, когда коллапс России приведет к захвату власти в ней со стороны «богатой и вооружённой до зубов Чечни», которая устроит «всероссийский джихад». Похожий сценарий известен аналитикам как «план Джемаля», публично заявившего, что кавказцы являются основным источником формирования нового революционного класса, призванного перевернуть Россию.

У Крылова антиутопическое моделирование **чеченской пост-России** строится на трех тезисах:

- оккупанты будут вынуждены использовать в качестве государственного русский язык,
- через какое-то время верхний слой начнет называть себя «русскими» (при этом для собственно русских рабов уже сейчас существует новый этноним – «русня»),
- наконец, они усвоят в некоем усеченном формате русскую культуру и возможно даже примут православие (если Церковь поведет себя гибко и дипломатично).

Эту метафору Крылов приводит для того, чтобы обосновать центральный тезис своей статьи: *«Причастность к русской культуре – и в аспекте «знания», и в аспекте «предпочтения» – не делает человека русским»*. Между тем эта метафора повстанческой революции и новейшего чеченского ига, которую Крылов разыгрывает явно в парадигме пророчества вещего Авеля про «три ига» на Руси, совершенно не годится для объяснения феномена нации. Для подтверждения или опровержения культурофильской трактовки национального начала вопрос должен быть поставлен иначе: каковы пределы нации, каковы те границы, переходя за которые человек или группа людей уже не могут удерживаться в поле нации?

Дело в том, что ответ на вопрос этот разнится в случаях, когда мы говорим о малых нациях (субъектах national state) и когда мы говорим о таком сложном и исторически тяжеловесном явлении как **русская нация**. Это, так сказать, два совершенно разных порядка. Примерно как *царство* и *класс* (или *отряд* и *семейство*) в биологии. Почему и чеченцев противопоставлять великороссам в прямом смысле и неверно, и даже где-то оскорбительно в отношении законов «живой природы».

В «Русской доктрине»³ мы пришли к тому, что пределы большой нации задаются не этническим, не культурным ее измерениями, не измерением политического форма-

3. Русская доктрина / под общ. ред. А. Кобякова и В. Аверьянова – М.: Яуза-пресс, 2007. (В скобках отмечу, что Константин Крылов относится к числу экспертов Русской доктрины, предоставлявших для нее свои материалы.)

та (все эти факторы являются разновеликими частями единого паззла или, выражаясь по-русски, сложной ма-трешки). **Пределы большой нации задаются ее цивилизационными характеристиками.** Большая нация может состояться только как цивилизационный субъект, то есть как субъект системный, и перед этим масштабом меркнут частные моменты. С другой стороны, это не означает, что большой масштаб должен затмевать нужды и чаяния отдельного русского человека.

Но априорно приравнивать среднего русского к ординарному западноевропейцу, новоиспеченному гражданину «суверенной Эстонии» или, скажем, уроженцу Гвианы – это тоже перебор. Нагрузка на русского как носителя национально-цивилизационной традиции и нагрузка на варвара, который выпал из мировой истории или участвует в ней по касательной – мягко говоря, не одинаковы.

Собственно, тот публицистический эффект, на который рассчитывает Крылов, он несомненно производит. В частности, производит он его, когда говорит в другом тексте⁴: *«Откровенно говоря, русские всегда несли на себе основную тяжесть государственного строительства, а вот к общему котлу их подпускали последними... Даже если не брать в расчёт историю ордынского ига (хотя, может, и стоило бы), а посмотреть на времена исторические, то мы обнаруживаем странную закономерность. Русские всегда были оттеснены от самого вкусного: доходных бизнесов, управления, власти».*

Далее логика Крылова развивает не вверх, а вниз, не к достоинству, а к ущербности, не к сложности, а к упрощению: *но теперь наш «народ осознаёт, что никакой внешней идеи над ним больше нет, и единственная его святыня – он сам. Его национальные цели и есть то божество, которое отныне «не терпит других богов перед лицом своим». Народ, научившийся служить, служит отныне самому себе как своей же идее. Это и есть состояние Нации, совершеннолетие народного духа».*

4. Крылов К. Рождение нации. // Спецназ России № 9 (120). Сентябрь 2006 года.

Крылова не смущает тавтологичность такой постановки вопроса. Что же есть нация, если носитель национального начала совлекает с себя все содержательное? Что останется, если содержанием нации является сама нация? Кровь? Этничность? Даже это сомнительно. Дух? Но как уловить его? Где тавтология, там и двусмысленность. Понятия «нация» превращается в зеркало, заглянув в которое этнонационалист рискует увидеть абсолютную пустоту.

Что есть русские – другая модель

Разница между Святой Русью и самосвятством не просто велика. Это полярные противоположности. Вот как широк и глубок, оказывается, русский национализм! Вот в какие крайности можно впасть, оставаясь, казалось бы, в одном смысловом поле – поле националистическом. По верному замечанию Александра Юсуповского, *«этничность соотносится с национальным развитием как соска-пустышка с полноценной бутылкой молока, принося лишь иллюзорное удовлетворение массовому этническому самосознанию»*.

Приведу свою метафорическую модель, которая, как мне кажется, более корректна и с абстрактно-теоретической, и с конкретно-исторической точек зрения чем высокохудожественное допущение Константина Крылова. Моя метафора будет не конструированием невозможного будущего (потому что, вопреки Джемалю, чеченцы, даже вооруженные книгой «Революция пророков», никогда не захватят власть в масштабах «большой России»), а примером из истории другой цивилизации. Я имею в виду падение Западной Римской империи. Метафора России как Рима, конечно же, не нова, но она достаточно точна, особенно если учесть, что в 1991 году начался процесс нашего распада и в каком-то смысле мы являемся современниками и жертвами возможного падения Третьего Рима (для меня, как и для основных соавторов Русской доктри-

ны Россия не была отлучена от мистической реальности Третьего Рима ни в XVIII, ни в XX веке).

Само по себе разорение «вечного города», так же как неурядицы в римских провинциях и спорадические узурпации власти генералами, не могли означать и не означали конца империи. Конец Первого Рима произошел, когда имперское (гражданское) начало склонилось перед варварством. Конец ему положили разбежавшиеся патриции и отказавшиеся от своего гражданства плебеи. Приложили руку к этому концу, конечно же, и победители-варвары, отославшие императорские инсигнии в Константинополь (Второй Рим). Вождь варваров Одоакр мотивировал это тем, что сами италийцы и римский сенат считают существование самостоятельной империи на Западе ненужным. Иными словами, **прекращение «римской нации» связано не с победами варваров, а с самоликвидацией римлян.**

С этого момента кровь римлян (этнически еще вполне римлян) становится материалом для новых цивилизационных проектов, в том числе и для новых наций, например, будущих итальянцев. Культура римлян тоже становится материалом – для новых поколений культур. Политический формат римлян становится классикой науки о власти и используется всеми государствами⁵. Но эти государства – уже не Первый Рим.

Итак, что говорит нам о сущности нации ситуация падения Рима? Фактически мы имеем дело с трупом нации, элементы которого растаскиваются как строительный материал для иных форм исторической жизни. Значит, возвращая Константину Крылову его же аргументы, не только культура, не только территория, не только политическая форма, но и сами этничность, кровь, родовые связи не служат определяющими основами для нации. **Рим пал, когда его сердце уже не билось – когда дух цивилизации**

5. Поэтому неверно было бы говорить о победе римлян над греками как победе более низкой культуры над более высокой. Не во всех аспектах культура греков превосходила римскую: римская политическая культура была по своему потенциалу гораздо богаче и мощнее. Почему она и несла в себе даже в республиканскую пору идею империи, а впоследствии развернула эту идею в прямом смысле. И те же самые греки, восприняв власть римлян, восприняли вместе с нею и идею империи, что сделало затем возможным Второй Рим.

отошел от «вечного города». Именно этим метафора с падением Рима ближе к нашей действительности (как гипотетическая угроза), чем метафора с исламским нашествием, хотя в роли нынешних «варваров» могут выступить и силы агрессивного ислама.

В отличие от «нормальных», «ординарных» наций мы обладаем на чей-то взгляд, может быть, и печальным качеством – мы непобежденные. Даже когда русские терпят поражения, даже когда на время попадают под иго, они оставляют в сердце место непокоренное, место для своего «царства». Более того, мы те, о которых сказано, что русского мало убить, его надо еще повалить.

Россия – это не столько культура, сколько «царство». Сродни понятию «царство» в биологии (*regnum, kingdom*), о котором я уже упоминал выше. То есть особый цивилизационный мир со своими законами, своими конститутивными принципами. В зеркале «нации» нам свойственно видеть свое Царство, которое в русском языке звучит как аналог понятий «мир», «космос», «вселенная».

Россия беременна не нацией, а диктатурой

Конечно, у новых «вечевых национал-демократов», а они практически все сориентированы на демократический сценарий развития русского национализма, как и у демократов 1990 года, нет реалистического представления о будущем. Будущее их «виртуальной нации» покрыто мраком. Идея, что можно захватить власть на уровне подъезда или микрорайона – это либо детское сознание, либо осознанная провокация.

Обсуждение такого сознания само по себе представляет не очень большой интерес. Но есть в нем один момент, который обычно упускается из виду как критиками вечевого национализма, так и его застрельщиками. Обходят стороной, что через увеличение хаоса, через расшатывание и демонтаж существующей системы – короткая и прямая дорога к диктатуре.

Искусственный спор об этнонационализме и имперской идее, о котором уже говорилось в этой работе, также стыдливо обошел эту тему. И это понятно: ведь русская диктатура (имперско-национальная или национал-имперская, что, в общем-то, одно и то же) светит нам в любом случае, ее приход – неумолимый закон истории. Собственно, и сама мысль о демонтаже, и идея конфедерализации русских в России (на языке ЦРУ: «расчленения РФ») – не что иное как скрытое или бессознательное стремление увильнуть от этой неизбежной перспективы.

Некоторые люди думают, что спор идет о национализме или об империи. На самом деле **единственный вопрос момента – когда придет «русский Бонапарт» и закроет дискуссию о демократии, нации и империи.** Он не «родит» нацию, а восстановит естественное состояние уже существующей более 600 лет нации. С демонтажом России или без демонтажа, он должен прийти. Если начнется демонтаж, наш «Бонапарт» в условиях полного краха государства может обнаружиться быстрее, но у нации уйдет тогда больше сил на обратную сборку. Без демонтажа – диктатор вырастет внутри нынешней системы, но произойдет это постепенно (уже происходит) и раскроется в другом формате. Для автора этих строк изначально представлялось несомненным, что Путин пришел не для того, чтобы уйти с поста верховной власти в 2008 или каком-то другом, обусловленным демократической процедурой, году⁶. И сейчас многие сторонники «третьего срока» старательно вуалируют, в том числе и для самих себя, ту непростую истину, что для них важен не только Путин, но и сам сдвиг от демократии к национальной диктатуре, как таковой.

Единственный вопрос – это скорость, с которой она утвердится, вопрос ее ускорения или отсрочки. Никаких других серьезных политических вопросов на повестке дня сегодня в России не стоит.

6. Мне доводилось писать об этом, например, в этой статье: Аверьянов В. Генсек Владимир Грозный. – APN.ru, 20 августа 2004 года.

Александр Невский или Даниил Галицкий?

В нашей тысячелетней истории распады уже случались. Каждое Смутное время влекло отчленение от России ее окраин. Но распад может быть и знаком конца цивилизации как большого исторического цикла – таковым был распад Киевской Руси на удельные княжества в XII веке, который носил поначалу легитимные формы, а затем стал неуправляемым. Это был процесс во многом аналогичный распаду Западной Римской империи, о котором шла речь в первой статье. Реальную выгоду на короткий момент получили удельные князья, которые не переставали дробить Русь на все более мелкие регионы. Но «сливки» сняли монголы (а могли бы снять рыцари-католики, которые в таком случае искоренили бы в Восточной Европе православие как конфессию). Россия как цивилизация никогда не смогла бы состояться, если бы не возобладали линия Александра Невского, прямого предка великих московских князей, предпочетшего эгоцентричному католицизму веротерпимую Золотую Орду. Западные земли, вероятно, вошли бы в католический европейский мир, восточные – отошли бы к степному ареалу, и восточнославянское население среднерусской возвышенности и прилегающих регионов постепенно растворилось бы в неславянских стихиях истории. Были у этой линии и русские сторонники (князь Даниил Галицкий), который, кстати говоря, проводил очень своеобразную этнокультурную и миграционную политику, не делая ставку только на славян (но и на армян, евреев, западноевропейцев и т.д.).

Линия Даниила Галицкого, не князя и не царя, а «короля», коронованного Римским папой, была по-своему очень логичной. Это была линия цивилизационной капитуляции, включавшая принятие Русью католичества и клонирования буферных зон между Западом и степью (подобных Польше и балтийским рыцарским орденам). Ведь по идее после распада XII-XIII веков Руси уже не должно было больше быть. В буквальном смысле ее уже больше и не было – на место Руси через какое-то время пришла

новая цивилизация Россия. Благодаря маловероятному стечению обстоятельств русские как пост-народ древнего «киевского» цикла и прото-народ, носитель нашей нынешней более чем 600-летней цивилизации, не рассыпались, не расщепились, избежали этой участи растворения, которой – в сходных обстоятельствах – не избежало большинство народов мировой истории. Собственно, то, что Московское государство сумело подняться в XIV веке и утвердиться в XV-XVI вв. – историческое чудо. Однако, то, что это чудо произошло, не повод рассчитывать, что оно повторится с нами в XXI веке, после конфедерализации, новой регионализации и удельности, подобной той, что развивалась в XII веке. Мир в XXI веке гораздо агрессивнее и в нем уже невозможно спрятаться на время от социальных бурь, забившись в глухие леса.

Нет ничего более предательского по отношению к славянскому началу, чем проповедовать рекреационный национализм, национал-троцкизм или антимосковскую конфедерализацию Руси. **Надеяться на то, что, пожертвовав Россией как цивилизационным проектом, мы сохраним хотя бы свое славянство, свою этничность – это самообман.** Все сказанное мною не означает принижения священности русского начала и великороссов как соли нашей земли. Наоборот, сказанное подтверждает высокое предназначение народа в самом прямом, родовом и кровяном смысле слова.

Фактически как-бы-националистическая капитуляция приведет к разделу территории России и растаскиванию и без того скудного людского ресурса между несколькими зонами влияния возрастающих в своем могуществе сверхдержав, в первую очередь Китая. Когда национал-регионалисты мечтают об освобождении от московской опеки и спокойном возделывании «своего сада», они забывают уточнить, что «свой сад» при таком раскладе мы будем возделывать не в качестве хозяев, а в качестве рабов Садовника Поднебесной.

Но дело даже не только в рабстве. Русские не перестанут быть русскими, если они погибнут в бою. Не пере-

станут быть русскими, если попадут в плен и будут обращены в рабство. Но они перестанут быть русскими, если прекратится Россия как цивилизация, если они позволят этому свершиться. С гибелью русского целого как живой традиции русский перестает быть русским в полноценном смысле, перестанет быть как носителем своей цивилизации, так и носителем своей нации. Причина же в том, что он выбросит из сердца идеал «русского царства», «русской правды», русских справедливости и милосердия, забудет о своем предназначении, хотя бы и не до конца сформулированном и понятом в текущий момент.

Сворачивание России или компенсационная экспансия?

Кровь, почва, территория, культура, политические и религиозные традиции – все это священно. Но перед русским царством как удержанием своего собственного мира все это частные, а не глобальные факторы. Россия без этих факторов немислима, но нельзя и измерять ее по внутренним меркам этих факторов.

Скажу в этой связи об одном чрезвычайно тонком и опасном вопросе, который для меня как православного верующего представляет одну из затаенных болей сердца. Когда иные из православных деятелей заявляют, что допустимо и потерять Россию, главное заняться миссионерством среди китайцев, раз уж китайцы оказались жизнеспособнее русских – они недопустимым образом измеряют целое по меркам частного. Православие вне и без России – это не такое уж ясное и духовно корректное решение, как может показаться иному из горячих неофитов и ревнителей не по разуму. Дело в том, что нельзя прямо сопоставлять Россию с православием. Россия – это личное имя. Оно сопоставимо с другими личными именами: именем Христа, именем Богородицы. Но не с православием. Россия – это живой личный субъект. «Вера», «культура», «государство» – это формы, в которых живет этот субъект.

ект, его жилище, его орудия. Отказаться от существования России ценой сохранения православия – это похоже на позволение убить человека, раз уж его твердо решили погубить сильнейшие, ценой сохранения здания школы, в которой его учат, со всей ее мебелью и учебными пособиями. Но дело в том, что и сама школа, без человека, ради которого она создана, теряет смысл. В это здание вселится другой хозяин, другой субъект и неминуемо обратит храм в хлев, в лучшем случае создав маленький музейный уголок, куда соберет кое-что от старого хозяина в пользу «любителей древностей».

Православие было учреждено не в последнюю очередь для России и для русских. А в эсхатологической перспективе предназначение русских в священной истории может оказаться гораздо весомее, чем мы даже способны представить. И с устранением этого субъекта «царства России», само православие на данном историческом этапе может утратить свой смысл. Во всяком случае, высокоумным богословам не стоит дерзать рассуждать на эти темы и подражать свт. Амвросию Медиоланскому, подвергшему сомнению ценность существования Римской империи как явления временного перед лицом Церкви как вечного установления. Хотя бы даже потому, что Россия – это все-таки не Римская империя, а «четвертому Риму не быти», и нам просто некому будет передать свою традицию (китайцы в тех масштабах, в каких это необходимо, не готовы будут ее принять). Поэтому и здесь под видом православного «объективизма» реально проступает недалёковидность, граничащая с предательством как России, так и православия.

Так оно в сущности и оказалось бы.

Тем не менее, Россия и на этот раз не погибнет, не растворится, выйдет на новый виток своего развития. Она вновь постыдит всех воронов, каркавших о необратимости ее сворачивания и ликвидации. Существование же «царства России» окажется истиной не менее весомой чем многие богословские догматы. И не исключено, что эта истина будет внятна и многим неправославным, как прав-

да живого царства России, державы «Белого Царя» была внятна мусульманам, буддистам и даже безбожникам в разные века ее истории. Поэтому православные, которые сейчас гнушаются нашей политической многострадальной судьбой, нашей кровью и почвой, спешат отвернуться от наших гробов и от праха нашего – будут посрамлены самой историей. И «ревность» их зачтется им на высшем суде совсем не так благоприятно, как они возомнили.

Все сказанное мною не означает принижения Церкви и святости православия. Наоборот, сказанное подтверждает высокую пророческую правду имени «Святая Русь». Но я ни за что не отступлюсь от следующего утверждения, пусть кто-то даже обвиняет меня за это в ереси: **надеяться на то, что, пожертвовав Россией как цивилизацией, мы сохраним свою веру, свое православие – это малодушное обольщение и прелесть.**

Тем более смехотворны для любого человека, преданного своему Отечеству, какие-то тезисы против драгоценности России как она есть, построенные в виде аргументов с позиции культуры, с позиций цивилизаторства и абстрактно-гуманистического совершенствования человека и социальной жизни. Здесь самообман уже совсем очевиден. Действительно, отставание в технике, несовершенство культуры и быта не являются поводом для того, чтобы поставить под сомнение наше царство Россию.

Исторически у нас нет выбора кроме новой компенсационной экспансии, занятия вновь тех позиций, которые мы потеряли в 1991 году и геополитически, и с точки зрения соответствия нашей жизни внутренним мерилам. Россия уже неоднократно являла миру чудеса компенсационной экспансии. Явит их и на этот раз⁷.

Как я подчеркивал выше, понятие «нация» можно рассматривать двояко: или как некий идол, который ничего не отражает, но только требует энергии извне, или как зеркало для своего традиционного «Я», глядяваясь в которое, можно лучше постичь себя, свою природу, свои

7. Подробно эта тема разбирается в моей книге: Природа русской экспансии. – М.: Лепта, 2003.

слабости и свои сильные стороны. Заглянув в зеркало, нация должна увидеть в ней не пустоту и не чужую рожу, а себя – свою кровь, свою культуру, свою традицию, свою идентичность. Увидеть не что-то одно из этого джентльменского набора, а весь набор, пусть потрепанный, пусть обгоревший в смуту, но весь. В противном случае, если зеркало ничего не отражает, а только требует медитативного внимания, магически засасывает в себя личность смотрящего, лучше его разбить; а от понятия «нация» – отказаться как не годного ни к чему доброму.

Россия и на этот раз не погибнет, не растворится, выйдет на новый виток своего развития. Она вновь постыдит всех воронов, каркавших о необратимости ее сворачивания и ликвидации. Россия уже неоднократно являла миру чудеса компенсационной экспансии. Живит их и на этот раз.

Цивилизационный материк

Наш выдающийся историк В.О. Ключевский писал: *«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои нравственные растерянные силы и воплотит их в одном великом человеке или нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».* Знаменательны эти слова о возвращении на свою дорогу, на свою покинутую траекторию. Эти слова не могут не отозваться в каждом русском сердце – потому что нам свойственно видеть причину собственных неурядиц, в конечном счете, в себе самих.

Нация не какая-то плоскость, не усеченность народной жизни до одного поколения, тем более до физических потребностей и интересов «этих людей». **Нация – это национальная традиция**, которая живет в людях. Эта традиция разворачивается в цивилизацию, пока она живет, и сворачивается в библиотечно-антикварное наследие, когда

умирает. Если традиция в конкретных носителях русского начала утрачена, если механизм ее регенерации сломан, если люди «устали» быть русскими, устали от сложности национальной жизни – то их формальная «русскость» становится не конструктивным, а деструктивным фактором для России-цивилизации и нации как таковой. Эти люди, спасая свое частное правовое пространство, ограждая свои «шкурные» интересы – готовы пожертвовать в том числе и самой «шкурой нации».

Сегодня вопрос, определяющий как историософски, так и идеологически смысл русского национализма – это отношение к 1991 году. Если мы принимаем как аксиому конец русской цивилизации (существовавшей на тот момент в формате СССР), то мы – пост-русские. Иными словами, при сохранении всего набора принадлежности нации, мы этой нацией уже не являемся. Если же поражение 1991 года мы не признаем окончательным, значит нас еще рано хоронить.

Попытка столкнуть Россию в новый срыв «демократизации» и вестернизации, своего рода повтор 1991 года, может оказаться на этот раз уже окончательным и безоговорочным нашим поражением. Мобилизационный же проект, проект восстановления царства России будет выглядеть как диктатура развития, достаточно жесткая и бескомпромиссная. Внешне сегодня мне видятся два анти-проекта, призванных не допустить перерастания путинского либерально-консервативного балансирования в национальную диктатуру. Во-первых, это проект «преемник президента», который под видом надуманной «проблемы 2008» аналитики и политтехнологи обсуждают уже около 4 лет (начали обсуждать еще до того, как Путин был избран на второй срок). Здесь все дело в том, кого удастся протолкнуть в преемники и какими обязательствами его повязать. Во-вторых, это проект спасения демократии и европейского выбора России неконституционным путем (вариант 1993 года) – по аналогии с «цветными революциями». Наиболее вероятный сюжет этого рода – объявление о фальсификации президентских выборов. Так или иначе, оба сценария строятся в привязке к выборам 2008 года.

Что же касается будущей диктатуры, то как всякая диктатура она будет основываться на данностях, а не на заданностях. Эта диктатура будет имперской и одновременно национальной по определению. Несомненно, она будет более национальной чем большевизм. Но, вероятно, менее национальной чем Московское царство Иоанна Грозного, относившееся к покоряемым инородцам не как к конкурентам, а как к сиротам, которых нужно пожалеть и усыновить – но после полного военного разгрома.

Говоря о самостоятельности и суверенности своей родины, мы ведем речь о статусе особого «человеческого материка». Россия сильно отличается от других исторических миров, у нас особый, уникальный, ни на что не похожий цивилизационный континентальный климат. Внешний мир не столь дружелюбен к нам, как того хотелось бы. Но есть в нем и незадействованный потенциал комплиментарности по отношению к России и русским, который особенно велик на Востоке и юге, среди бедных и беднейших обществ. Запрос на братские отношения, на идеологию новой справедливости и милосердия в массах азиатских обществ, в странах Третьего мира огромен.

Есть поле для работы и с западными народами – но там ситуация сложнее, а комплиментарность может быть вызвана не столько открытостью с нашей стороны (которая на данный момент чрезмерна), сколько способностью быть сильным. В любом случае, и на Западе, и на Востоке проецируемые русские братство, правда и милость должны основываться на мощи, на убедительной силе, на способности одерживать победы. На сегодня симпатии с Западом, напротив, строятся на основе слабости, зависимости России, заискивания нашей элиты перед сильными, богатыми и цивилизованными, пасующего и пассивного жеста в ответ на коварство и двойные стандарты.

На алтарь сближения с Западом русские неоднократно приносили слишком большие жертвы. Пора становиться взрослее – и на этот раз стать уже взрослее навсегда.

Царство Россия превыше всего.

ОПРИЧНИНА – МОДЕРНИЗАЦИЯ ПО-РУССКИ

*Как во тереме живет православный Царь,
Православный Царь Иван Васильевич.
Он грозен, батюшка, и милостив,
Он за правду милует, за неправду вешает.*

Народная песня

*Глупцы только, которые не знают обстоя-
тельств его времени, свойств его народа и великих
его заслуг, называют его тираном.*

Петр I

17 февраля 2010 года в Институте динамического консерватизма прошел круглый стол об актуальности опричнины. Он дал неожиданные результаты. Как минимум, настоящим событием в нашей социально-исторической мысли явилась работа А.И.Фурсова «Опричнина в русской истории», получившаяся на основе сделанного им доклада. Несомненно, глубокими и нетривиальными были также выступления Максима Калашникова, Александра Елисеева, Егора Холмогорова и других участников. Началась заинтересованная полемика как противников, так и сторонников «новой опричнины».

Что касается статьи Фурсова, то в ней впервые столь отчетливо была показана исключительная сложность опричнины XVI века, нестандартность ее как политической инициативы, целенаправленно преобразующей властные и социальные отношения. Кроме того, Фурсов убедительно показал положительную сторону внутренней связи опричнины и нео-опричнины в русской истории, а также диалектику **трех полюсов** русского государства: **олигархии, опричнины и самодержавия**, – диалектику, рисующую лицо России как своеобразное, ни на что не похожее. (За-

мечу в скобках, что опричнина выступает как своего рода «странный аналог» демократизации власти, русское прочтение демократического принципа, не фантазийного, не манипуляторского, как современная «демократия», а реального рабочего принципа – «к народности через чрезвычайку».)

1. На крючке, но не чекистском

В спорах о путях модернизации сегодня как будто сам собой всплывает вопрос об опричной русской идее. Хотя некоторые по давно внушенной привычке видят в ней лишь эвфемизм бесчеловечности и крови, на деле в опричнине сказался творческий поиск выхода из тупиков.

Сейчас Россия снова в тупике, в патовой ситуации. Одна половина головы заявляет стремление к развитию, к выходу из равновесия как удела отставших и сдавшихся на милость победоносным акулам внешнего мира. Другое полушарие – боится перемен и мертвой хваткой цепляется за пусть мелкое и неприглядное, но осязаемое наследство РФ 1991-2010 годов, наследство тех, кто согласен прочно сидеть на внешнем – не чекистском! – крючке и не суетиться под глобальным клиентом. (Прошу не понимать все это банально-упрощенно: я не имею в виду под полушариями двух первых лиц в государстве. Эта граница проходит как-то по-другому.)

Властному истеблишменту свойствен консерватизм самого последнего, самого подлого образца из тех, какие можно себе представить. Это консерватизм для себя, охранительство того, что удалось урвать, самоподдержание застойных процессов в «элите», которые длятся де факто с брежневских времен. Этот консерватизм замешан на неверии не столько даже в свою страну, сколько в самих себя. Может быть, в неэстетичности его и объяснение самой раздвоенности – надо же ведь как-то эту неприглядность прикрывать.

Последняя попытка приукрасить его – назвав «модернизационным» – лишь усугубляет впечатление. «Единая Россия» – классическая партия «боярского царства», молчаливики мирской злобы, конвертировавшие свое терпение в земные блага, которые говорят и пишут лишь по поручению, а думают – «в бороду» и «в стол». Массовка «Единой России» враждебно-безразлично слушает речи тех, кому дана власть вещать о модернизации, инновациях, программах развития, сильной России, выходе в великие державы, преодолении коррупции и т.п.

В манифесте «Единой России, где было заявлено о консервативной модернизации, хорошо просматривается одна из излюбленных мыслей кремлевских идеологов. На протяжении веков в России цена человеческой жизни, – скорбят они, – была почти ничтожна, великие успехи и победы часто доставались очень дорого. Убойный аргумент – который, на взгляд этих идеологов, способен оправдать все что угодно, любые нынешние неудачи и поражения. Что скрывается за этим аргументом? За ним скрываются «человеческая жизнь», неприкосновенность самих квази-бояр, а заодно в скрытом виде неприкосновенность их кланов, собственности и устоев. Все можно поменять в стране, но только не элитарный «застойный процесс». «Победить коррупцию, – провозглашают единороссы, – можно, лишь изменив социально-экономическую ситуацию и качество государственного управления. Это нельзя сделать за один день, – но это нужно делать каждый день». Сиречь нужно не побеждать коррупцию, а бороться с ней перманентно, «консервировать» ее – классическая мечта бюрократии. В этом, в сущности, и заключен весь официозный «российский консерватизм».

Не считая комичной кампанейщины по веерному сооружению ФОКов и пропаганде здорового образа жизни, они, разглагольствуя о жестокостях прошлого, а значит и намекая на собственную гуманность, не расшифровали, как собираются поддерживать человеческий потенциал. Партия агрессивных квази-бояр тайно кровожадна – сберегать и преумножать народ в действительности она не

намерена. Ведь у элитариев уже вошло в поговорку, что «с народцем нам не повезло», а потому предпочтительнее те, кто лишен «иждивенческих» комплексов, кто подешевле в труде, поговорчивее в коррупционных схемах и менее склонен ко всяким традиционно русским политическим неожиданностям, вроде той же опричнины – предпочтительнее гастарбайтеры, иммигранты, прописавшиеся в РФ этнические кланы, склонные к данническим отношениям и к «земляческой» тактике выживания в среде пассивного и несолидарного большинства.

Итак, подведем первоначальный итог. Консерватизм для себя означает:

- Коррупцию как потребление стабильности всей системы;
- Неприкосновенность политического и кланового статус-кво;
- Игру в нефеодалную олигархическую «удельность», то есть сговор частей и меньшинств против самой возможности предъявления целей целого, национальных интересов большинства;
- Как следствие из всего предыдущего: бесконечную имитацию созидательного и производительного начала (партия «конкретных дел», как они сами себя именуют).

Знающие историю люди не усомнятся: ситуация похожа на княжески-боярский олигархат XVI века, в борьбе с которым царская власть выработала модель самодержавия. Достигнуто это было через опричнину.

По мнению многих, опричные принципы и модели срабатывали в России после Иоанна Грозного еще не раз, причем в критические моменты. Не наступает ли вновь такой момент?

2. Шизо-консерватизм

Модернизационный консерватизм, который был принят на съезде нашей боярской партии в прошлом году,

шизофреничен как короткое замыкание. В ее манифесте заявлена «идеология стабильности и развития», то есть одна часть этой идеологемы блокирует другую. Эта идеологема и все «находки» спичрайтеров партии мало согласуется и с консерватизмом, и с модернизацией, поскольку за медоточивой риторикой просматривается осторожное желание, как бы не наплевать в лицо ненавистному прошлому и как бы не наклепать неведомое будущее. За официозной шизофренией скрывается нечто более страшное, чем болезнь – бессилие. Именно бессилие и безволие, воплощенное в нынешней системе, блокирует как развитие, так и самовоспроизводство национальной идентичности (то есть подлинный консерватизм). Развития в этой системе не происходит, но и национальное лицо размывается, деградирует.

Формула шизо-идеологии, если смыть с нее мощный слой макияжа, в сущности проста: ни консерватизма, ни модернизации! – что отражается в более приличной формуле умеренности и аккуратности, обозначенной в том же манифесте – продвижение вперед «без застоев и революций». Ирония в том, что нынешний застойный процесс в элите был закреплен русской «оранжевой» революцией 1991-1993 годов. Застой и революция не антиподы РФ, а ее базовые столпы. Ельцин скрестил революцию с застоєм, а Путин подморозил этот противоестественный союз, сплотив государство, крупный бизнес и верхушку криминала вокруг олигархической узурпации. В современной России, признанной недавно страной-лидером по числу долларовых миллиардеров в Европе, ни самодержавия, ни опричнины даже в остаточном виде не осталось, все средства и соки страны откачены в пользу горстки миллиардеров – триада Фурсова усечена до монады без примесей – **«олигархичнейшей олигархии»** или плутократии. Плутон, римский бог ада и мертвецов, что любопытно, по совместительству был также богом преступного мира и земного богатства. Отсюда и глубинный смысл понятия «плутократия» – власть мертвечины, мертвого золота над

живыми душами, понукание государством со стороны преступников, имеющих неправедные богатства.

У нашей топ-элиты есть только один шанс «инновационного прорыва» на локальном участке – если они убедят крупный международный капитал, внешние центры силы в том, что часть инновационного бизнеса (международного) имеет смысл разместить в России. Ведь инновационные технологии и мозги легко переводятся из одной географической точки в другую. Это не тяжелая индустрия, требующая долгой наладки производства и его вставания корнями в почву. И база, и мозги могут быть мгновенно переброшены, – туда, куда велят Большие деньги.

Похоже, кого-то из золотых, «плутократических» акул глобального мира уже убедили. И такой инновационный кластер в РФ под исполнительным руководством, к примеру, Чубайса, вероятно, подготовят к запуску. Главное – не дать «соскочить» России (и «шизо-консерваторам» вместе с ней). Кто знает, что она станет вытворять, избавившись от крючка?

3. Почему он не динамический?

В «Русской доктрине» и следующих за ней книгах мы говорили, конечно, про другое инновационное развитие. Мы имели в виду не шизофренический консерватизм, галлюцинирующий темой модернизации, а консерватизм динамический. В динамическом консерватизме, в отличие от модернизационного, нет оксюморона.

Консерватизмом он является потому, что, будучи способен к быстрому обмену между полушариями национального мозга, в этом круговороте смыслов и действий удерживает целое. Динамический он потому, что учится жить в состоянии неустойчивого равновесия, упреждая реакции внешней среды. Стать динамическими консерваторами значит, оставаясь русскими и опираясь на Россию, превратиться в виртуозов неустойчивости, нестабильности, не подчиняющихся хаосу, не заражен-

ных его вирусами, а владеющих им. Такие «динаконы», агенты социальной негэнтропии, чувствующие себя в быстроменяющихся условиях как рыба в воде, сами отчасти похожи на исчадий хаоса (в смысле своей вооруженности и скорости действий). Это играющие на опережение активные иммунные элементы, сбрасывающие хаос ниже пороговых барьеров социальной системы, туда, где ему место, – не обороняющиеся, но непрестанно атакующие, согласно правилу А.В. Суворова, когда «голова хвост не ждет», когда инициатива захватывается. Переход, трансфигурация для них – привычное состояние, а не что-то критическое или временное. Вот уж где действительно не остается места ни для застоя («динаконы» постоянно взрывают энтропию), ни для революции (понимаемой как прорыв хаоса и авария в системе – такие сбои «динаконами» вычисляются и заранее устраняются).

Именно в **перехвате инициативы**, на мой взгляд, состоит глубинный смысл и русской опричнины.

Теоретическое отступление.

Динамический консерватизм, не занимается шарлатанскими фокусами и подменами субъекта развития и объекта устойчивости, – устойчива в нем сама субъектность, а не абстрактное развитие.

Развитию недостаточно быть обновляющим. Новизна новизне рознь, обновление ради самого обновления не есть благо. Чтобы обновиться, необходимо сначала найти то, на что можно твердо опереться. Иначе самообновление смоеет самое себя, превратив субъекта развития в бог знает что, в мокрое место.

Развитию недостаточно быть устойчивым, ибо главное в нем – его направленность. Устойчивым и необратимым может быть и болезнь, и разложение. Развитие должно начинаться с видения во-первых собственных целей и во-вторых

перспектив, то есть целей, осложненных трудностями их достижения.

Как пел по поводу двух этих подмен Башлачев:

*Хорошие парни, но с ними не по пути.
Нет смысла идти, если главное – не упасть...
(...)
Смотри – от нас остались черные дыры!
Нас больше нет, есть только черные дыры...*

Устойчивым, самовоспроизводящимся должно быть не развитие, а то, что развивается. Если же процесс развития становится самодовлеющим, это значит, что за ним прячут транснационального бафомета (идеологи «устойчивого развития») или кровожадного общечеловеческого молоха (либеральные консерваторы). Динамический консерватизм противоположен обоим этим упрощениям, вновь прописывающим России рецепты «зависимого развития»: имитационным программам Юргенса и К и иллюзорной эволюции без скачков через соблюдения правил «цивилизованного мира» Иноземцева и К. Сегодня, в 2010 году, читать такие проповеди уже не смешно. Режим безнадежно устарел вместе со своим интеллектуальным интерфейсом. Стране вновь нужна причина, то есть реализация очищения нашего больного общества от «черных дыр» и ходящих, чтобы не упасть, «хороших парней» с их «конкретными делами».

В.Ю. Сурков в интервью «Ведомостям» как будто опровергает устарелость режима, демонстрируя понимание того, что для подлинной модернизации нужна не предлагаемая юргенсами предварительная политическая модернизация (читай – либерализация № 2), а, напротив, утверждение авторитарной модели: *«Консолидированная власть в России – это инструмент модернизации.*

И смею вас уверить, он единственный».

При этом Сурков признал, что авторитарно-дирижистские методы на данный момент и так задействованы «на пределе» возможностей нынешней системы. Так это или

нет, но Сурковым де факто признана та самая патовая ситуация – к гипер-либералам повернуться лицом нельзя, потому что тогда не будет модернизации, но и укрепить авторитарную модель нельзя, потому что система, либеральная по сути, этого не выдержит.

Для реальной технической и инфраструктурной модернизации России, повторим мы, нужна модернизация по-русски, или новая опричнина, нужно перетряхнуть сложившуюся систему и стать консерваторами не для себя, а консерваторами для Бога и народа, консерваторами для будущих поколений. Нужно, как сказал бы царь Иоанн, **«перебрать людишек»**. Потребуются новые люди и в науке, и в управлении, и в обеспечении безопасности. Нужен новый социальный порядок: когда в чести тот, кто служит.

Как страшно для шизо-консерваторов! Ведь это означает разрыв с уютным «миром стабильности», отказ от демонстративного гуманизма. Но идеологема «стабильного развития» изначально придумана не для России, это идеологема не годится для донора, а только для глобального вампира. И заявленная партией тех кто «себе на уме» гуманность по отношению к «элитарным людишкам» есть лишь риторическое прикрытие для незатруднительной жизнедеятельности коллективного вампира.

Означает ли это, что напрашивающаяся опричнина (страхнуть вампирический морок со страны!) – крайняя, вынужденная мера? Отчасти да. Отчасти нет. Поскольку опричнину можно ввести позже, а можно и раньше, не дотягивая до последнего предела, до крайности, которые

так часты в истории России. **Но чем дольше будет коллапсировать «квази-боярская модель», тем более жестокой и разрушительной в социальном плане окажется новая опричина.**

4. За что до сих пор ненавидят Иоанна Васильевича?

Иоанн Великий – вечно актуальный царь. Он и спустя 500 лет вызывает любовь и ненависть. Почему он вызывает любовь – вплоть до того, что некоторые горячо ратуют за его причисление к лику святых? (Сразу скажу, эту тему сегодня оставим в стороне как недостаточно актуальную – речь не о том, чтобы вступать в непродуктивный спор с канонизаторами или антиканонизаторами.) Многие интуитивно ощущают, что **Иоанн Грозный увенчал собою феномен «русского чуда» XV - XVI веков.** Школьные факты истории говорят сами за себя: при нем произошел прорыв к Волге, открытие путей экспансии в Сибирь, на Восток. Его царствование было историческим мгновением, за которое территория и мощь Московского государства возросла кратно. Это был действительно великий царь, хотя сегодня, после ожесточенных и истеричных выпадов неолиберальной волны, это как будто вновь нужно доказывать.

К сожалению, немногие из наших историков смогли осилить сложность всего царствования Иоанна Грозного, дробя его вслед за ненавистником царя Курбским на светлый и темный периоды. Одним из немногих исключений был К.Д. Кавелин, который в «Ответе «Москвитянину» (1847 год) первым обратил внимание на удивительную особенность: *«Все то, что защищали современники Иоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищал Иоанн IV, развилось и осуществлено; его мысль так была живуча, что пережила не только его самого, но века, и с каждым возрастала и захватывала больше и больше места. (...) Нам осталось дело Иоанна; оно-то пока-*

зывает, насколько он был выше своих противников»¹. На фоне большинства других наших историков XIX века мысль поразительно зрелая!

Почему Иоанн Грозный вызывает ненависть? Разрушил страну? Нет, такие обычно у потомков ненависти не вызывают, потому что в разрушенной стране некому справлять поминки по прошлому. Обидел народ? Народ в своем эпосе вспоминает о нем как о выразителе своих чаяний.

Ненависть к нему связана со страхом перед невероятно усилившейся Россией. Что означает Иоанн Грозный для внешних сил? Жуткий **феномен русской альтернативы, северо-восточной альтернативы Западу**, соизмеримой с ним расово, соизмеримой с ним культурно, наконец, религиозно соизмеримой. Грозный царь стал одним из главных источников русофобии. В нем и его Руси – Запад увидел реинкарнацию проклятой Византии. Ярче всех это ошеломляющее чувство появления нового гиганта в Европе описал Карл Маркс: *«Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя»*². Это Маркс пишет про эпоху Иоанна III, деда «игумена всея Руси», которого тоже называли и Великим, и Грозным. Иоанна III многие интеллигенты вслед за классиками либеральной историографии противопоставляют (на мой взгляд, неоправданно) его опричному внуку. Но сказанное Марксом еще более справедливо по отношению к XVI-му веку, чем к XV-му.

Иоанн Грозный – сущностно русское явление и он всегда переплелся с русским духом, вошел в фундамент России как цивилизации. Ненависть к нему – явление не русское, оно родилось в сознании крамольников, пере-

1. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989. – С. 92-93.

2. Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века. // Вопросы истории, 1989, №4. – С. 3.

бежчиков, тех, кто поставил себя против России. Среди наших современников яд по отношению к Грозному источает профессор Нью-Йоркского университета Александр Янов, который увидел в его опрочине «самодержавную революцию», прообраз и источник как будущих русских революций, так и самодержавия, одинаково ненавистных Янову³.

Иоанн Грозный не был счастливым человеком, который оседал благоприятные тенденции роста и развития своего государства. Он был бойцом, который позволил этим тенденциям развернуться, который убирал с их пути серьезные препятствия. Созидательная, производительная деятельность Иоанна IV была огромна.

Помимо Великого и Грозного (последнее наименование в понимании самого царя отсылало в первую очередь к образу Архангела Михаила, Канон которому он написал) встречаются и другие эпитеты. Любопытно, что эпитет «Мучитель», распространенный в антигрозненской пропаганде, остался чисто книжным, в народном эпосе не прижился. Но есть одно прозвание, о котором почему-то никто не вспоминает. Оно звучит в русских исторических песнях и балладах – там царя Иоанна Васильевича называют «**Прозрителем**». Не больше и не меньше как. Интересно, почему? Может быть, как раз потому, что он в текущем усматривал вечное, а за тем, что происходит в данный момент, видел целое? И в том числе, как отмечено было Кавелиным, сумел начертать такие формы, которые утвердились и опередили свое время на несколько столетий?

Очевидно, что **в эпосе народном дежурные и проходные идейки не оседают, отсеиваются, остаются только прочные смыслы.** Дореволюционный исследователь фольклорных источников И.П. Сенигов, автор целой работы, посвященной образу Иоанна Грозного в народном сознании, отмечал: «*Первым в ряду московских государей, который пользовался большим расположением народа, чем кто-либо другой из них, является Иван Васильевич Грозный. (...) Кроме казней бояр, другою причиною по-*

3. См. статью «Сусанин наоборот» в настоящем издании.

пулярности Ивана Грозного является то обстоятельство, что он не только знал русский народ, его мысли, чувства, нравы и обычаи, сочувствовал его тяжелому экономическому положению, но и верил в него, в основные начала велико-российского племени»⁴.

Замысел, который показал первый русский монарх-помазанник, учредитель Московского царства и автор основных принципов самодержавия, был для его последователей, спустя век (первые Романовы), два века (Петр I), четыре века (Сталин) убедительным, несомненным, подтвержденным русской жизнью. Это делает его главным родоначальником имперского строя России. И хотя реализация его замысла была временно свернута преемниками, перечеркнута Смутным временем, отбросившим страну в до-опричные времена, будущее все равно было за «жалованными вотчинами», за развитой им концепцией самодержавия как имперского центра в символическом и административном смысле, за идеологией государственного служения сверху донизу, впервые продемонстрированной в опричнине.

Одновременно, этот же замысел стал источником ненависти и страха русофобов. Сегодня **глухая и глумливая критика опричнины политически весьма актуальна**. Она важна для нашей олигархо-бюрократической верхушки как профилактика того, что они называет «политическим экстремизмом». Главный смысл критики и царя, и опричнины – не допустить такой власти, которая бы решительно пресекала крамолу в элите. Более того, заклеив террор Грозного и его опричнину, связав его с террором Сталина в некотором клише «злодея на троне», им важно не допустить даже самой мысли о такой власти. Блокируя развитие, загноившаяся система стремится заблокировать и сами воспоминания о хирургических решениях, способных положить ей конец.

4. Сенигов И.П. Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного. – СПб., 1892. – С. 47.

5. Кто детей опричниной пугает?

Вслед за Александром Яновым, посмеявшимся назвать русское самодержавие «самоуничтожением России», в наше время тема опричнины зажгла творческое вдохновение новых «мастеров культуры». Самым нашумевшим обличением опричнины стал, конечно, фильм Павла Лунгина «Царь». Лунгин прямо, хотя и косноязычно, повторяет Янова, когда в одном из интервью поясняет замысел своего «Царя»: *«Грозный в силу своей личности такой невероятной – очень много было в нем силы, безумной – он как бы остановил тот естественный процесс развития и надломил что-то и не допустил Возрождения...»*

Сейчас таким как Янов или Лунгин вольготно рассуждать о патогенности русской политики и цивилизации. Автор сценария фильма «Царь» писатель Алексей Иванов скромнее в своих претензиях. В своем интервью «Аргументам и фактам», комментируя выход лунгинского фильма, он пускается в довольно банальную проповедь о недопустимости обожествления власти, веры в царя как святого. Из этого интервью видно, что «Царь» работает на укрепление базового стереотипа РФ о кровавом наследии России, в котором представления об Иоанне Грозном и Сталине, об опричнине и НКВД слипаются в образ опасности, постоянно возрождающейся в России а потому подлежащей искоренению.

Несмотря на успех у консервативной части киноаудитории предыдущей картины Лунгина «Остров», следящие за его режиссурой критики не могли быть удивлены той русофобией и опрично-фобией, которую Лунгин щедро выдал в новом своем творении. Что касается святости и ее трактовки в фильме «Царь», то здесь на ум приходит фраза из «Луна-парка»: «Русский человек в России может быть только клоуном». В сущности, через всю свою биографию этот обласканный на Западе режиссер воспроизводит одну и ту же тему **русской жизни как абсурдной клоунады**: столкновение жлоба с непризнанным гением

(«Такси-блюз»), конфликт тупого быдла с просветленным еврейским шалопаем («Луна-парк»), Россия как скопление трагикомических рыл, без единого человеческого лица («Свадьба»), глумливые шуточки по поводу убийства комиссарами Царской семьи («Бедные родственники») и т.д.

После фильма «Царь» по-другому должен смотреться уже и фильм «Остров», сделанный достаточно аккуратно и в силу этого производящий имитацию «духовного кино». Становится понятно, что и в «Острове» изображен не святой, а шут в его максимально приближенной к юродивому ипостаси. Но, как бы то ни было и ни «казалось», расстояние между шутотом и юродивым – бездна.

Лунгин ни в «Острове», ни тем паче в «Царе» так и не поднялся до православного юродства (на которое был так богат XVI век). Да и не мог подняться. Святой у него предстает либо как интеллигент-шестидесятник, по точному замечанию протоиерея Всеволода Чаплина, либо как клоун. Другим содержаниям просто не может найтись места в душе режиссера, им там не за что зацепиться.

Самым ярким образом клоунады Лунгина несомненно стал персонаж, исполненный Иваном Охлобыстиным. Повидимому, неслучайно после того как священник Охлобыстин сыграл расстригу, придворного шута-еретика, он был запрещен в служении Патриархом Московским.

Святой был изображен в «Царе» как клоун, царь – тоже как клоун. Клоуном, само собой разумеется, был и шут Вассиан (впрочем, исторически недостоверный).

В фильме показаны три шута, и при этом нет ни одного

юродивого!

Фильм Лунгина несомненно представляет собой бледное и постыдное явление на фоне фундаментального «Ивана Грозного»

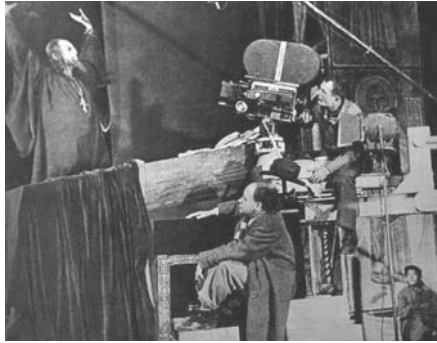
Сергея Эйзенштейна. Та картина стала одним из великих исторических фильмов в мировом кинематографе. Эйзенштейн явил в ней сплав театра и новейших средств подачи материала, показал пути, по которым искусство кино может развиваться в будущем.

Разными в двух этих случаях были не только масштабы талантов. Разными были и заказчики картин. Заказчик Эйзенштейна на встрече с ним и Черкасовым в Кремле раскритиковал вторую серию фильма, отдав должное первой. Его замечания вошли в постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О кинофильме «Большая жизнь» 1946 года: *«Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма «Иван Грозный» обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, – слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета».*

Что касается «заказчика» фильма Лунгина, то по сути он не менее могуществен и тираничен, чем Сталин 40-х годов. Конечно, таковым заказчиком не может быть Церковь в силу явной слабости образа митрополита Филиппа. Неубедительность и бледность Филиппа в картине неорганично дополнена эпизодом с чудотворением. Этот эпизод, так сказать, внешне, искусственно «пришит». Заказчик фильма Лунгина – **современная плутократия, которая в глубине души страшится опричнины, не понимает и не приемлет тех сил, которые вызвали ее к жизни в XVI веке, и могут вызвать теперь.**

Что же касается конфликта Иоанна Грозного и митрополита Филиппа – этот сюжет в историографии имеет весьма неоднозначные оценки. Нельзя считать доказанным, что сведенный с митрополии и заточенный в монастырь владыка был задушен по приказу царя. Многие историки склоняются к тому, что такого быть не могло (тщательно составленные царские синодики с поминовением опальных имени митрополита не содержат, а царь не имел обыкновения лукавить перед Богом).

Первым попытался приписать царю вину в смерти святого Патриарх Никон, автор церковного раскола XVII века. Никон, обладавший огромным влиянием на царя Алексея Михайловича, сна-

чала заставил его принять участие в покаянной церемонии, связанной с канонизацией свт. Филиппа. В лице царя Алексея власть должна была как будто покаяться за деяния Иоанна Грозного. В соответствии с этой церемонией и замыслом Патриарха было составлено и отредактировано и Житие Филиппа. Существуют сведения, что это Житие писалось на основании данных, предоставленных лицами, лжесвидетельствовавшими против самого Филиппа на соборе 1568 года⁵. Многие из деталей этого Жития были заимствованы из более древних житий по принципу перенесения канонических сюжетных линий, некоторые из этих деталей были исторически недостоверны. Любопытно, что голова брата или племянника, которую целует после казни владыка Филипп, перекочевала в лунгинского «Царя» именно из этого странного жития.

Митрополит Иоанн (Снычев) считал, что владыку погубили не царь с Малютой Скуратовым, а новгородские заговорщики, видя в нем опасного свидетеля в «новгородском деле». Историк Ю.Е. Кондаков в своем исследовании приводит аргументы в пользу того, что канонизация митрополита Филиппа была непосредственно связана с наложением запрета на деяния Стоглавого собора: *«Филипп привлекал Никона тем, что не побоялся воспротивиться царю и напомнил ему о праве Церкви выносить приговор светским правителям. На Соборе 1666 года, где проходил суд над Никонем, Алексей Михайлович еще раз*

5. История государства Российского: Жизнеописание. IX-XVI вв. – М., 1996. – С. 368.

подтвердил, что историю конфликта Ивана IV и Филиппа ему преподнесли в неверном свете. На Соборе была зачтена грамота Никона Константинопольскому патриарху, в которой упоминалось, что Никон переносил из Соловецкого монастыря мощи Филиппа, несправедливо мучимого Иваном IV. Алексей Михайлович по этому поводу заявил: **«Для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну блаженные памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси написал»**⁶.

Царь Алексей разочаровался в Никоне и в его антигрозненской аванюре. Это не значит, что святитель Филипп подлежит деканонизации. Об этом даже не может быть речи. Филипп мученик, но пострадал он, по всей видимости, не от опричнины, а от крамолы. Второе мученичество Филиппа – посмертное – связано с тем, что его использовали в политических играх, пытаясь подчинить государство церкви, столкнуть их (а такое может вести только к расколам страны и веры). На Руси святые не бывают противогосударственными, не бывают диссидентами, хотя отношения их с властями всегда не безоблачны. **Попытка превратить Филиппа в святого диссидента – была провокацией, провокацией и остается, и смысл ее прозрачен.**

Наряду с фильмом «Царь» другим примером борьбы с опричной идеей стала повесть Владимира Сорокина «День опричника», которой он, по мнению экспертов, ответил на роман Михаила Юрьева «Третья империя». Что касается Юрьева, то он построил нечто вроде утопии новой опричной России XXI века. Хотя сам Юрьев оговаривается, что не надо понимать этот термин буквально, тем не менее, у него там есть глава, в которой он описывает новую опричнину как служилый класс новой имперской России. Опричнина у Юрьева – это нечто вроде военного ордена, куда принимаются и мужчины, и женщины, дающие для этого специальные обеты, и проходящие школу

6. Последняя цитата приводится Кондаковым по книге: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М. 1996. Т. 2. С. 126

экстремального эффективного воинского искусства. Сорокин в своей повести строит пародию на утопию Юрьева, показывая новых опричников в стиле перестроечных трактовок «кровавого разгула» НКВД. При этом Сорокин намеренно сгущает славянофильский стиль речи и мысли опричников, отчего его текст, вопреки желанию автора, на уровне «письма» способен вызвать к опричникам скорее симпатию, нежели антипатию. Другое дело, что в самом сюжете у Сорокина, как обычно, заложены тяжелые извращения – которые, конечно, портят общую картину.

В интервью «Известиям» Сорокин раскрывает подоплеку своих взглядов, которые опять же сильно напоминают писанину Александра Янова: *«Грозный был по-настоящему больным человеком. И его личная шизофрения воплотилась в идею опричнины. Я бы сказал, шизофрения по параноидальному типу. То есть он разделил русское общество и натравил одну часть на другую, это стало зарождением гражданской войны в России. Это был такой черный орден. Я считаю, что это сугубо патологическое явление легло в России на очень плодородную почву. Опричнине и её идеям откликнулась русская метафизика. Я полагаю, что все наши смуты, революции, потрясения и моря пролитой крови – все это последствия опричнины».*

Как видим, и у Лунгина, и у Сорокина, вслед за Яновым, четко просматривается их отношение к России как к патогенной стране. Любопытно, что сам Сорокин в молодости признавался, что, начиная писать художественные тексты, никак не ожидал, что его станут рассматривать как писателя. Через свою «литературу» Сорокин, по собственному признанию, стремился избавиться от личных психологических проблем. Однако, благодаря вниманию западных издателей в 80-е годы, Сорокин был извлечен на свет божий и превратился в одного из литературных гуру постсоветской действительности. Что знаменательно, все трое – Янов, Сорокин, Лунгин – в особых сентиментально-интимных отношениях с западными странами и в особых патологических «контрах» с Россией.

И это убожество учит наших детей метафизике русской жизни!

6. Кремлевский инноватор

На примере русского XVI столетия остро чувствуется главнейшая сегодняшняя проблема – дефицит национального политического творчества. Иоанн Грозный – символ своеобразного творчества, создания в России ее собственных, изнутри выработанных государственных форм и институтов. Не оторванных от мирового опыта, но и не представляющих собой бездумную кальку с иноземных образцов. В те времена в этом отношении мы как нация стояли на очень высоком уровне, не боялись творить свое. Сегодня в нашей политической практике творчество отсутствует напрочь.

В наш век дела царя Иоанна назвали бы реальными инновациями, причем осуществлялись они во всех сферах жизни – это были инновации социальные, политические, духовные, юридические, культурные, эстетические и архитектурные, торгово-экономические. Наконец, были и собственно технические инновации (внедрение минносаперных технологий при взятии городов, создание передовой и мощной артиллерии, доведение до совершенства русского гуляй-города, имевшего решающее значение в грандиозной битве при Молодях 1572 года, введение книгопечатания и мн. др.).

Главными инновациями эпохи, помимо техники, стали Земский собор, новое постоянное стрелецкое войско, жалованная вотчина, утверждение взамен великого княжения самодержавного (национально-имперского) принципа власти. Как видим, суть преобразований лежала в смене социальных порядков. Это была последовательная социальная трансформация, **все виды инноваций были производными от социальных** и вдохновлялись ими.

Основные инновации царя осуществлялись в ходе двух волн преобразований. Первая волна 1550-х годов

в сущности, вопреки мифу Курбского, не отличалась разительно от второй волны (преобразований, связанных с опричниной). И хотя две волны преобразований чаще всего противопоставляют друг другу, олицетворяя их именами разных политиков (Сильвестра и

Адашева для первой волны, опричных деятелей – для второй), тем не менее, прав С.Ф. Платонов, считавший царя Иоанна и в молодости, и в зрелости прекрасным, самостоятельным организатором и автором государственных проектов. *«Мы имеем дело, – писал Платонов, – с крупным дельцом, понимавшим политическую обстановку и способным на широкую постановку правительственных задач. (...) Он выступает перед нами с широкой программой и значительной энергией. Сам ли он ведет свое правительство или только умеет выбрать вожжаков, – все равно: это правительство всегда обладает необходимыми политическими качествами, хотя не всегда имеет успех и удачу»*⁷.

Первой волне реформ были свойственны такие черты как закладывание имперского отношения к другим племенам (в частности, санкционированное государством усыновление русскими семьями «сирот казанских», после окончательного подчинения волжских ханств), упорядочивание документооборота, унификация судебных порядков, устройство земских и губных структур, введение приказной системы управления.

Чрезвычайно важно, что это была также и эпоха складывания устойчивых черт духовного лица нашего государства. Стоглавый собор, создание сводных летописных

7. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории в 2-х ч.: Ч. 1. – М., 1994. – С. 187.

трудов, Степенной книги, составление митрополитом Макарием Четьих Миней, начало введения в языковой обиход таких символических понятий как «Святая Русь» и «Россия» – все это осуществлялось при непосредственном участии и сочувствии Иоанна IV.

Первая волна преобразований может быть названа **устроением земщины** – в ней государство и земля обрели более логичную форму, земское самоуправление и обновленная административная и судебная системы органично дополняли друг друга. На этом этапе преобразований царь умело опирался на старую боярскую и княжескую знать, апеллируя к ее интересам. Были разработаны Государев родословец, разрядные книги и другие инструменты для оптимизации внутриэлитных отношений. Бояре и удельные князья выступали в эту эпоху не только феодалами-индивидуалистами, но фактически и главами тогдашних корпораций и кланов, представителями «землячеств» (в этом были большие минусы, поскольку интересы кланов и групп нередко парализовывали деятельность в интересах страны как целого, вели к конфликтам и затрудняли отправление функций верховной власти, – это черта, роднящая доопричный период с нашей современностью).

Вся эта первая волна не была чем-то самодостаточным (хотя так могли думать князья и бояре, требовавшие от царя править «по старине»), она стала, с точки зрения Иоанна, подготовкой второй волны реформ – «опричного» скачка из античной, древнерусской в своеобразно русскую духовно-политическую формацию, из «кланово-тейповой» модели – в модель империи. В этом смысле опричнина не противоречит земщине с ее олигархической властью и низовой демократией, а достраивает ее до более совершенного и сложного порядка с высокой сопротивляемостью внешним вызовам и угрозам. По мысли современного историка Д.Н. Альшица, сутью опричнины стало вовсе не разделение государства, а строительство его верхнего этажа.

Иными словами, это был не раскол, а преодоление раздробленности страны на уделы, кланы, землячества

в объединяющем всех служении царю и Русской земле. Читателю можно настоятельно рекомендовать обратить особое внимание на трактовку А.И.Фурсовым в его новой работе по опричнине основных значений этого слова в Древней Руси. Обычно все сводят лишь к одному значению корня «опричь» – «кроме» (откуда и издевательская пародийная кличка «кромешники», придуманная Курбским). Фурсов показывает, что значений у этого слова было как минимум четыре. Причем все значения, перечисленные историком, «бьют в десятку». Одно из них: опричнина как крестьяне одной категории, совместно записавшиеся в монастырь. Здесь мы как раз видим коренной смысл второй волны преобразований: «землячество», связь по принципу территории, сословия, совместной жизни и совместных занятий преобразуется в «братство», связь орденского типа, связь служения (служат Богу или царю как «игумену Руси» – и в том, и в другом случае подходит термин «опричники»). Случайное, то, что сложилось спонтанно, само собою, трансформируется в то, что подчиняется высшей законосообразности. Уклад старой жизни подвергается метафизическому пересмотру, духовному выбору и отбору, перемене ума для тех, кто на это способен. На одном этом примере видно, насколько глубже и сложнее был замысел создания братства царских опричников, чем его плоская и желчная трактовка Курбским («кромешники»).

Главное отличие точек зрения царя и антиопричной оппозиции состояло в том, что первый мыслил скорее стратегически, а вторые – исходили из идеала эластичности и гармонии уже сложившейся системы. Бояре хотели лишь «оптимизации» того, что имели. Замысел царя простирался гораздо дальше, он добивался **качественно нового витка развития**, поскольку реальные силы народа на протяжении жизни одного поколения значительно возросли и требовали себе дороги. (Как увидим ниже, демографический взрыв XVI века имел не только благоприятные, но и роковые последствия для судьбы преобразований на их позднем этапе.)

Помимо фактора внутреннего роста России, были еще и внешние факторы, значимость которых доказана было спустя пол-столетия самим ходом Смутного времени. Эпоха Иоанна Грозного – век глобальных сдвигов (Реформация в Европе, начало освоения Америки, инновационный взрыв, увеличивавший технические возможности передовых держав, возрастание мощи и влияния Турции, из-под носа которой царь уводит волжские и сибирские ханства). Первая волна преобразований, взятие Казани и Астрахани не делало Русь неуязвимой, но вводило ее в **состояние рискованного равновесия с соседями как на Западе, так и на Юге. Держава не стала сильнее основных конкурентов, но лишь поднялась вровень с ними.** Необходимо было не задерживаться в этом состоянии, а переходить к новому, более благоприятному равновесию, занять новую историко-геополитическую нишу, выработать способность государства к упреждающим реакциям на угрозы, к перехвату инициативы. Нужно было подкрепить проведение структурной, юридической и административной реформы качественно новой материальной и кадровой базой – только такое всестороннее переустройство государства могло бы дать царю элиту и войско, которые были бы способны вести длительную войну (как Ливонская) и противостоять многочисленным противникам (как и произошло впоследствии – «война на три фронта» с Литвой, Швецией и крымским ханом).

Прообраз опричнины царь видел в политике покорения Новгорода Иоанна III, «жалованные вотчины» он изобрел, глядя на земельную политику своего деда на новгородчине и в Твери. Так как в Новгородской земле местная система полностью вытеснила светское вотчинное землевладение, эта реформа Иоанна III была для его внука привлекательным образцом переустройства хозяйства страны. Опричнина была в этом смысле не срывом, а продуманной политикой, вторым решающим наступлением главы новой империи.

Исходя из стратегической логики национального развития, опричнина хорошо вписывалась в линию более

ранних реформ царя, хотя характер его замыслов до конца реконструкции не поддается. Что касается инновационного духа двух волн преобразований, любопытную трактовку их предложил современный историк С.А. Нефедов, который усмотрел в реформах Иоанна Васильевича творческое использование турецкой социально-политической модели. Общеизвестно, что на османские порядки ссылался публицист Иван Пересветов, который в своих сочинениях побуждал царя к решительным преобразованиям. Говоря о «Челобитной» Пересветова, Нефедов утверждает: *«Это была целая программа преобразований, предполагающая заимствование турецких порядков, и одним из пунктов этой программы было создание стрелецкого войска по образцу корпуса янычар. (...) Летом 1550 года, спустя девять месяцев после подачи Пересветовым его «Челобитной», был сформирован корпус «выборных стрельцов». (...) Уже при жизни Грозного некоторые авторы, в частности, Франческо Тьеполо и Александр Гваньини, сравнивали стрельцов с янычарами»*⁸.

По мысли Нефедова, поместная система также имела аналоги в Порте: это были турецкие «тимары». Даже и опричнина в целом может трактоваться как аналог османского института «хассе», включавшего дворцовые земли, султанскую казну и гвардию. Нефедов приводит мнение востоковеда И.П. Петрушевского, что слово «опричнина», есть, в сущности, хороший русский перевод слова «хассе»⁹.

Последняя мысль Нефедова о заимствовании идеи опричнины вряд ли верна, так же как и в целом значение так называемой «диффузии» османских институтов он несколько абсолютизирует. Тем не менее, турецкий след в русских инновациях XVI века, действительно, просматривается. В этом нет ничего удивительного или зазорного.

8. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург, 2005. – С. 140, 142.

9. Там же, С. 162, 163

Османская империя в тот период была на пике своего геополитического и этнобиологического подъема, она воплощала самые совершенные и изобретательные порядки в военной и социально-политической организации. Это была не голая физическая мощь, как часто представляют себе интеллигенты, воспитанные на европоцентристских мифах, но мощь цивилизационная.

Тем не менее, в преобразованиях царя Иоанна доля европейских диффузий была несомненно выше турецких. Не стоит спорить о том, западником или евразийцем был царь. В определенном смысле он был и тем и другим: но не раболепствуя перед чуждыми Руси стихиями истории, а по возможности ставя себе их на службу. **Иоанн Грозный не «онемечивал» и тем более не «отуречивал» Русь, он русифицировал и немецкое, и восточное.** Окрестил в русскую веру и призвал к служению и татар, и кабарду, и представителей западных народов. Построил храм Василия Блаженного, который не воспроизводил казанскую архитектуру как конструкцию, а смело вплетал в бурно развивающийся новый шатровый стиль восточные орнаменты и элементы. Придал импульс к движению не только на Балтику и на сближение с Западом, но и к движению на восток, в частности, к сближению с Китаем. По мысли историка Русского зарубежья В.Ф. Иванова, именно Иоанн IV дал программу движения в Сибирь и одновременно программу движения в Туркестан, другие русские государи и правительства были уже скорее исполнителями им начертанного. В целом мы имеем дело не с подражательной деятельностью, а со своеобразной моделью развития, в которой царь смело соединял черты разных культур, не боялся находить

собственные решения. Он последовательно организовал земщину, для того чтобы затем дополнить ее опричниной и увенчать всю эту архитектуру новой концепцией самодержавной власти.

7. Странности нашей историографии

Иоанн Грозный не был счастливым, который оседлал благоприятные тенденции роста и развития своего государства. Он был бойцом, который позволил этим тенденциям развернуться, который убирал с их пути серьезные препятствия. Созидательная, производительная деятельность Иоанна IV была огромна и она по своему размаху действительно напоминает «сталинские пятилетки». В этом смысле параллели между царем и Сталиным очевидны, причем, говоря о таких параллелях, честному историку заикливаться на одном лишь терроре не пришлось. Ни политика Иоанна в целом, ни сама опричнина к террору не сводились, так же как невозможно свести Сталина к ГУЛАГу и 1937 году.

Английский дипломат Джером Горсей, которого нельзя причислить к апологетам Иоанна, писал: *«Царь, среди многих других подобных своих деяний, построил за время царствования 155 крепостей в разных частях страны, установив там пушки и поместив военные отряды. Он построил на пустующих землях 300 городов, названных «ямами» (yams), длиной в одну-две мили, дав каждому поселенцу участок земли, где он мог содержать быстрых лошадей столько, сколько может потребоваться для нужд государственной службы»*¹⁰. На важную черту, отражающую сущность этой грандиозной стройки, обращает внимание американский исследователь Ричард Пайпс. Он отмечает, что именно цепь острогов от Донца до Иртыша очертила новое жизненное пространство русского народа, под ее защитой крестьяне осмелились вторгнуться в области, бывшие доселе вотчиной кочевников.

10. Джером Горсей. Записки о России XVI – начало XVII. – М., 1991. – С. 93.

Важно обозначить, что именно при Иоанне Грозном кончился длительный период «русского полона», когда тысячи и десятки тысяч (в некоторые годы до 50 тысяч!) русских рабов, плененных татарами в южных областях страны, угонялись на ближневосточные рынки. После 1572 года этот канал «живой силы» был навсегда пресечен, что нанесло удар и по невольничьим рынкам, и по средиземноморской торговой буржуазии, в частности, венецианской. (Все это говорит о том, что неподконтрольная верховной власти и народу олигархия в России вступает в сговор с транснациональными структурами – это историческая закономерность; и сегодня она также никем не отменена.)

По свидетельствам иностранцев, царь был «гуманным правителем» (купцы из Любека), «праведным судьей» называет его посол Липпомано в 1575 г., то есть уже во время так называемой «второй опричнины». Но эти свидетельства были в явном меньшинстве. С противоположной стороны мы слышим нестройный, но многоголосый вой ненавистников-иностранцев.

Одна из поразительных странностей нашей историографии эпохи Грозного царя состоит в том, что значительное большинство наиболее вопиющих «фактов», обличающих Грозного, заимствованы из мемуаров и записок шпионов враждебных России государств либо западных пропагандистов времен Ливонской войны. С.Ф. Платонов писал об этих источниках: *«В Германии «московиты» представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листовок и брошюр. Принимались меры к тому, чтобы не допускать ни московитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобзив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политиче-*

скую клевету, принять ее за объективный исторический источник»¹¹. В.Б.Кобрин также признает, что сведения об Иоанне Грозном, передаваемые иностранцами, напоминают игру в «испорченный телефон».

Из отечественных источников до сих пор многими совершенно не критически воспринимаются сочинения князя Курбского. Его «Историю о великом князе Московском» Пушкин характеризовал как «озлобленную летопись». Что же касается переписки его с царем, которую князь-ренегат вел из воюющей с Россией Литвы, то один остроумный интернет-пользователь сравнил ее с вещанием радио «Свобода» времен холодной войны. Параллель для XVI века вполне уместная, тем более что Иоанн Грозный не считал за неприличие вести с изменником острую полемику.

Тем не менее, как «свидетельства», так и домыслы Курбского продолжают оставаться важнейшим источником для историков-профессионалов. Многих не смущает тот факт, что перебежчик впоследствии воевал против Руси, почему сегодня в публицистике его все чаще стали называть генералом Власовым XVI века. Курбский был не Власов, но хуже Власова – он не просто возглавил часть ливонских войск в войне со своим отечеством, но выступил как подстрекатель к новым походам на Русь, инспирировав, по подсчетам Карамзина, вторжение 70 000 польского и 60 000 крымского войска.

Письма Курбского к царю Иоанну стали манифестом и прототипом дальнейшей «партийной», антигрозненской историографии. По верному замечанию Бахрушина, Курбский *«стремился в них оправдать перед потомством свою измену и талантливо изобразил злосчастную перемену в характере Ивана IV»*¹². Что можно вынести из этих писем? У читателя со вкусом они оставляют неприятное впечатление, – написаны гладким приторным стилем с намеренной демонстрацией собственной уче-

11. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории в 2-х ч.: Ч. 1. – М., 1994. – С. 200

12. Бахрушин С. Иван Грозный. – М., 1942. – С. 6.

ности, впрочем, довольно эклектичной, наполнены не в меру патетическими попытками обличать и морализировать. Зная реальную историю жизни Курбского, эту высокоморальность трудно принять за чистую монету. В то же время Курбский современному человеку понятнее царя. Он предатель, человек без устоев в себе, при этом давит на жалость и на совесть, он рационален и в то же время сентиментален. Однако, внимательное прочтение его писем

То, что проделал с образом Иоанна Карамзин, напоминает перестроечные байки про Сосо Джугашвили, сухорукого параноика, злобного помешанного. При этом возникает вопрос: каким образом двум таким «пациентам» как Иоанн и Иосиф Грозные удавалось поднять великую державу и удерживать ее в мобилизованном состоянии в течение десятилетий? Как им удалось оставить по себе государственную систему, которая еще долго была конкурентоспособной и возрождалась (в случае с Иоанном) через века? И почему у психически полноценных, «нормальных героев» нашей либеральной интеллигенции удавался только развал станы?

способно обнаружить проговорки. Так, на мой взгляд, Курбский напрямую проговаривается, что изначально втайне ненавидел оппонента. Считая себя родовитее Иоанна (Курбский относился к старшей ветви Рюриковичей), он в одном из писем, не удержавшись, страстно восклицает обо всей семье Иоанновой: – «Ваш издавна кровопийственный род»!

Другой генератор утонченной неприязни к Иоанну – Н.М. Карамзин, подошедший к царствованию Грозного как эстет. Известный историк Н.Д. Тальбрег полагал, что Карамзин по какой-то причине буквально ненавидел этого государя. На мой взгляд, Карамзин искал не столько художественной правды, сколько художественных красот, сильных страстей, интересного характера. Схожего подхода – умышленного и последовательного «нагнетания ужасов» – придерживался в своих сочинениях преемственный к Карамзину Костомаров. Он не находил разумных объяснений жестокостям «сумасбродного тирана». Сегодня на совсем уж популярном уровне, но в том же ключе собирания всех эффектных басен пишет о царе Иоанне

Эдвард Радзинский. Похоже, этот поток неиссякаем, он отвечает каким-то глубинным потребностям нашей вечно оппозиционному государству интеллигенции. Им потребен в истории русский изверг, «Синяя Борода», русский архетип Dark Fantasy. Им греет душу, что такой изверг тождественен самому средоточию русской государственности – величайшему в ее истории царю.

Что касается Карамзина, по всей видимости в XVI веке он увидел повод для подражания ранним готическим романам. Приведу один пример (хотя главы об Иоанне Грозном у него буквально испещрены нелепостями). Карамзину как беллетристу с возбужденным воображением не давал покоя жезл Иоанна Васильевича. Он называет его «кровавым жезлом». По Карамзину, этот жезл царь вонзил в ногу Василия Шибанова, слуги Курбского, привезшего от него обличительное письмо и так, стоя, посадистски опершись на жезл, пронзивший рану, слушал чтение письма. Факт этот вымышленный – Шибанов был брошен Курбским в России и арестован во время расследования обстоятельств бегства, о чем можно прочитать у К.Ф. Валишевского и у других историков, опирающихся на документы. Однако сюжет с Шибановым вошел в наше искусство (баллада А.К. Толстого, картина В.Г. Шварца и др.).

Этим же кровавым жезлом царь, согласно Карамзину, «пригребал угли», когда поджаривал на пыточном огне князя Михаила Воротынского, великого военачальника, одного из полководцев в решающих битвах эпохи. Однако историк В.Г. Манягин, известный сторонник канонизации царя, обнаруживает странные разночтения: по одним источникам князя до смерти пытали на углях в 1565 году, по Карамзину и словарным статьям – в 1573 году. Первое, очевидно, нелепо. Второе также противоречит тому, что в 1574 году Воротынский собственноручно подписывает устав сторожевой службы (на что есть ссылка в книге: Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. – М., 1982. – С. 217). Манягину, конечно, следовало бы лично проверить дату этого документа, поскольку в книгах, бывают, встречаются и опечатки. Но если это не

опечатка, и за данными историков стоит подлинный документ не 1571 (как считает большинство историков), а 1574 года, то Манягину удалось разоблачить коллективную и многолетнюю фальсификацию фактов. Тогда сюжет с жезлом и углями обращается в клеветническую легенду, источником которой является один лишь Курбский.

Наконец, тем же жезлом Карамзин «убивает» сына Иоанна, чем довершает свою эстетскую готическую линию. Знаменитое сыноубийство царя, которое стало едва ли не любимым сюжетом для русских художников исторического направления, зиждется на не самом надежном источнике (этот источник – враг Иоанна и России иезуит Антонио Поссевино, не сумевший одолеть царя в словесной полемике о преимуществах западного и восточного христианства, затем проведший большую работу по организации войны польского короля Стефана Батория с Россией и уже в конце своей жизни горячо сочувствовавший тем кругам на Западе, которые поддерживали Лжедмитрия I в Смутное время). Другой иностранец Жак Маржерет утверждает, что Иоанн Молодой был ранен ударом, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье. Достаточно вероятно смерть его от отравления, поскольку при вскрытии останков в 1964 году в его костях было обнаружено количество ртути, во много раз превышающее допустимую норму, так же, кстати, как и в останках самого царя Иоанна. (Этот сюжет с ртутью и останками весьма квалифицированно и убедительно проанализирован тем же Манягиным, что вообще является сильной и требующей внимательного отношения стороной его изысканий.) Еще одна немаловажная деталь вскрытия: антропологический тип Иоанна Грозного явно свидетельствует в пользу того, что он был сыном своего отца – то есть не был незаконнорожденным, как то измышляли его противники.

Насколько увлекся Карамзин, показывает один характерный и по-своему забавный эпизод. Историк медицины Я.А. Чистович попытался понять загадку характера Иоанна Грозного с точки зрения психиатрии – но рассматри-

вал свидетельства о Грозном только лишь на основании трудов Карамзина. Чистович пришел к следующему выводу: **«Карамзин не догадался, что Иван IV не изверг, а больной»**. По мнению Чистовича, царь Иоанн IV страдал неистовым помешательством, вызванным и поддержанным яростным сладострастием и распутством¹³. Немудрено сделать такие выводы на основании художественного произведения Карамзина. Перефразируя самого исследователя, следует уверенно сказать: **Чистович не догадался, что Карамзин в своей «Истории» не летописец, а баснописец**.

Однако Чистович был не единственной жертвой карамзинских художеств. Знаток древнерусских источников Н.П. Лихачев подверг обстоятельному разбору популярные в XIX веке психопатологические концепции, объясняющие личность Иоанна Грозного и показал их несостоятельность¹⁴. То, что проделал с образом Иоанна Карамзин, напоминает перестроечные байки про «Сосо Джугашвили», сухорукого параноика, злобного помешанного. При этом возникает вопрос: каким образом двум таким «пациентам» как Иоанн и Иосиф Грозные удавалось поднять великую державу и удерживать ее в мобилизованном состоянии в течение десятилетий? Как им удалось оставить по себе государственную систему, которая еще долго была конкурентоспособной и возрождалась (в случае с Иоанном) через века? И почему у психически полноценных, **«нормальных героев»** нашей либеральной интеллигенции, удавался только развал станы?

Что касается психической вменяемости Иоанна Грозного доказывать ее нужды нет (спор о психике Иоанна и Сталина в последний раз был актуален в 80-е годы, когда на нас обрушился поток «психоаналитической» историографии, изготовленной в советологических лабораториях Запада). Напротив, следует вести речь о психическом превосходстве царя над окружением. Даже В.А. Кобрин, историк перестроечной эпохи, сделавший себе обще-

13. Чистович Я. История медицинских школ в России. – СПб., 1883. – Прил. С. IV-IX.

14. Лихачев Н.П. Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино. – СПб., 1903.

ственную репутацию отнюдь не на обелении Иоанна Грозного, а скорее на его жесточайшей критике, тем не менее, находил, что царь был сильной и одаренной личностью, не нуждался в том, чтобы окружать себя слабыми советниками: *«Поражает память царя. Он явно наизусть цитирует в обширных выдержках Священное писание. Это видно из того, что библейские цитаты даны близко к тексту, но с разночтениями, характерными для человека, воспроизводящего текст по памяти. (...) Думается, сочетание больших природных способностей, интеллектуальной и литературной одаренности с властолюбием способствовали развитию в царе Иване некоего «комплекса полноценности», превосходства над жалкими «людишками», не знающими того, что ведомо царю, не умеющими так выразить свои мысли, как умеет царь»¹⁵.*

По выражению Н.К. Михайловского, наша литература об Иоанне Грозном представляет собой удивительные курьезы, когда умные люди «вступают в противоречие с самими элементарными показаниями здравого смысла». Но почему такое произошло? Тому можно найти несколько объяснений. В случае с Россией начиная с XVI века Запад и в первую очередь латинский Рим применяет новый метод борьбы – **психологическую пропагандистскую войну**. Общественное мнение Европы во время Ливонской войны формировалось с помощью многочисленных «летучих листов», изображавших царя Иоанна монстром, а русских – насильниками и извергами. Но этим пропаганда, конечно, не ограничивалась. Иоанн Грозный в силу исторических и политических обстоятельств попал под шквальный огонь войны нового типа. Его дискредитация стала делом чести врагов России как при его жизни, так и после смерти. Он спутал карты западных стратегов, римских миссионеров, ливонских рыцарей, польских и шведских агрессоров (еще одна черта, роднящая его со Сталиным). Однако, специфика этой пропагандистской войны состоит в том, что она не деактуализируется с годами.

15. Кобрин В.Б. Иван Грозный. – М., 1989. – С. 143.

8. Между крамольниками и кремешниками

В отношении к эпохе Иоанна Грозного у меня как у философа накопилось к историкам-профессионалам много претензий. Тематика Иоанна Грозного и опричнины в нашей историографии чем-то напоминает тематику запретных тем, призванных быть под опекой официальной политкорректности. Историческая достоверность отступает, — язык ее как будто немеет, а разум историков дает в этом пункте характерные сбои и в силу вступает так называемая «коммеморативная практика» (ритуализированная форма заклинаний и одергиваний неполиткорректных). В коммеморативную практику обличения тирана были с большим вкусом вложены огромные силы и средства сначала Западом, а потом, по всей вероятности, и некоторыми из Романовых, которые таким образом самоутверждались за счет ослабления в народной памяти образа одного из самых значительных Рюриковичей. Не в том ли объяснение странностей и искажений в нашей историографии, ее местами неряшливости и безалаберности, неспособности замечать очевидные факты и упрямое стремление не замечать фальсификации?

Учитывая относительную скудость источников XVI века, все это составляет серьезную проблему. Иоанна Грозного не понимают и не хотят понять, его просто принято «не любить», это считается хорошим тоном, потому что так воспитали историков их учителя. Один из откликнувшихся на нашу дискуссию публицистов на сайте АПН привел аргумент, который хорошо иллюстри-

рует только что сказанное: *«В числе моих преподавателей на истфаке были выдающийся русский историк Аполлон Кузьмин, человек радикальных патриотических взглядов, Николай Павленко, один из крупнейших современных историков и знаток эпохи Ивана Грозного либерал Владимир Кобрин. Так вот, несмотря на различные взгляды, разные исторические школы и пр., все трое ненавидели Грозного».*

Но ведь именно это и должно настораживать! Много смущает в нашей историографии и в историках-профессионалах. Тяжело признавать, но при всем уважении к Кузьмину и к другим преподавателям МПГУ, каноны их профессии в случае с Иоанном IV и особенно с опричниной не срабатывают, над сознанием профессионалов начинают тяготеть мотивы, далекие от профессионального долга и пресловутой «приверженности источникам». Трудно сохранить веру в профессионализм, когда один за другим историки цитируют одни и те же клеветнические и пропагандистские свидетельства, не удосуживаясь отделить сведения наверняка подлинные от сомнительных (согласно методике Е.Ф. Шмурло). При этом наши историки еще и крайне эмоциональны в оценках, примешивая к ним не столько даже партийные, сколько ложно понятые гуманистические и индивидуалистические критерии.

Вывод из этого запутанного дела прост: **эпоха опричнины еще ждет своего настоящего серьезного исследователя.**

Весьма ярким исключением в литературе об эпохе опричнины стал митрополит Иоанн (Снычев). Не имея возможностей построить мощную историческую картину исследования, опровергающую клевету на царя и отражающую всю иррациональную ненависть к нему, он нашел в себе духовные силы этой клевете и ненависти противостоять. Это настоящий подвиг, учитывая, что он зашел на «поляну» профессиональных историков. Историкоремесленники с их копанием в источниках, с их жонглированием ссылками и ссылками на ссылки, с их казуистикой, превышающей нередко казуистику юристов в суде,

конечно, в своем ремесле стоят выше владыки Иоанна. Но его подвиг открывает дорогу новым исследованиям, которые обязательно будут проведены. Сегодня можно назвать несколько крупных историков (Фроянов, Фурсов, Альшиц), которые свободны от антиопрличного мифа.

Естественно то, что владыка Иоанн в ряде моментов допускал фактологические ошибки. Так, например, неправильны его подсчеты казненных – он преуменьшал масштабы казней, когда написал, что за время правления Иоанна Грозного приговаривалось к смерти, включая уголовных преступников, менее 100 человек в год. Вместе с тем, профессионалы, решившие обличить Высокопресвященного, максимум что смогли доказать, это то, что казнил царь несколько более 100 человек в год. Цифры говорящие, учитывая, что к концу царствования Иоанна население Московского царства по разным оценкам насчитывало от 6 до 9 млн. человек (прирост населения с середины до конца XVI в. составил около полумиллиона человек).

Так же долгая и зубодробительная полемика между сторонниками канонизации Грозного царя и противниками этой канонизации приводит к следующему результату: если первые утверждают, что в Новгороде в результате карательного похода 1569 года было казнено 1500 человек, то противники поправляют – не 1500, а 2200. Это очень «принципиальная» поправка на фоне тех данных, вокруг которых вращалась классика антигрозненской историографии (до второй половины XX века, когда подход к документам стал строже, назывались цифры новгородских жертв в 15 тысяч, 20 тысяч, 60 или 70 тысяч человек – последние две цифры превышают даже реальное население тогдашнего Новгорода – около 30 тысяч, по подсчетам А.П. Пронштейна). В шпионско-пропагандистской литературе встречается цифра в 700000 жертв, которой любят оперировать на интернет-форумах. И добросовестные историки, прошедшие школу «строгих проверок» исторических цифр, продолжают впадать в неряшливость. Так, например, уже под конец XX века цитированный нами

Кобрин, видевший в опричнине явные параллели сталинских репрессий и «игравший» на этих параллелях, говорил о многих тысячах жертв на основании братских могил в Новгороде. Кобрин здесь проигнорировал страшную чуму, которая свирепствовала там же через несколько месяцев после опричного похода. Этим объясняются и сами братские могилы – зачумленные трупы просто не успели как следует захоронить. Судя по количеству погибших от эпидемии, чуме было чем поживиться в Новгороде после репрессий. Поскольку долгое время не находилось исследователей, способных трезво взглянуть на источники, сама чума обличила оголтелую пропаганду, взятую на веру нашей исторической наукой. **Наука эта до некоторых пор была похожа на азартный аукцион, ставками в котором было количество жертв Иоанна Грозного.** К счастью, сейчас положение все больше и больше выправляется – еще лет 50-100, глядишь, Иоанн Грозный и перестанет быть «пугалом» для маленьких детей.

Конечно, 2200 жертв за один поход – это немалая цифра. Она должна ужасать не знающих контекст «новгородского похода» и той измены, которая созрела в Новгороде. Не буду приводить для сравнения с ними число жертв Варфоломеевской ночи, подавления крестьянских бунтов в Германии, испанской инквизиции и прочих цивилизованных стран того же века. Приведу другие цифры: при Алексее Михайловиче, прозванном в народе не «Грозным», а «Тишайшим», в 1662 году было одновременно казнено 7000 человек. Эта цифра, судя по всему, превышает всю сумму жертв репрессий Иоанна Грозного за весь период его царствования. Современный историк Д.М. Володихин, обличая первого русского царя, называет его самым жестоким, а про Алексея Михайловича говорит, что тот был вынужден пойти на суровейшие казни в связи с открытым злым бунтом¹⁶. Трудно разобраться, какой бунт был опаснее. Дело даже не в этом. «Медный бунт» 1662 года был все-таки не просто восстанием озлобленной черни. Он был вызван политикой недальновидной,

16. Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. – М., 2006. – С. 201.

попустительством чудовищной коррупции и невиданным в тогдашней России финансовым махинациям. А за это царь должен платить по счетам истории так же, как если бы он был душегубцем и злодеем.

Русскому исследователю естественно было бы искать в Иоанне Грозном и в его эпохе величия, и если он упорно не желает этого делать, значит в нем живет вирус самоотрицания. В русских ненавистниках Иоанна Грозного проявляется внутренняя слабость, самоедство, чужебесие по Крижаничу, смердяковщина по Достоевскому.

Важно понимать еще одно обстоятельство. Те, кто направляет огонь критики против нравственного облика опричнины, как правило, молчат про нравственный облик «крамолы» XVI века, про ее духовные и политические корни. Проще всего игнорировать тему «крамолы», считая ее мнимой величиной. Так же и в перестройку считалось за честь всех репрессированных при Сталине рассматривать как невинных жертв. Но история в конечном счете – строгий суд, а не игра в одни ворота.

Наиболее ответственные из историков второй половины XX века факт заговоров века XVI вынуждены признавать. Но суть проблемы я бы видел не в анализе заговоров и их хитросплетений (что всегда очень сложно осуществить), а в анализе «боярского царства». **Опричнину недопустимо рассматривать в отрыве от ее подлинного антипода.** Причем речь стоит вести не только о том «боярском царстве», которое было во времена детства Иоанна Грозного, но и о его юности, когда уже готовились и начинались его славные преобразования.

Никоновская летопись (VII, 48) свидетельствует, что после кончины Василия III резко выросло насилие, мздоимство, небрежение о Русской земле от супостатов, *«во градах и селех неправда умножися, и восхищения и обиды, татьбы и разбои умножишася, и буйства и грабленія многа. Слезы и рыдание и вопль мног по всей Русской земле».* Другой летописец свидетельствует: *«Многие промеж бояр бяше вражды о корыстех и о племенех, всяк*

своим печется, а не государьским. (...) И воздвигоша велию крамолу между себе, и властолюбия ради друг друга коварствоваху... на своих друзей востающе, и дома их и села себе притежаша и сокровища свои наполниша несправедного богатства»¹⁷.

В эпоху олигархии Шуйских необычайно расцвело своеволие и насилие, на Руси царил криминальный разбой, не было защиты от государства. А к русским разбойникам добавлялись постоянные набеги крымских и казанских «преступных группировок», действующих под прикрытием а иногда и под непосредственным оперативным руководством своих ханов. Именно в этот период поток русских рабов на невольничьи рынки был неиссякаемым. «Безгосударством» назвал это состояние страны в ужасе бежавший из России итальянский архитектор Петр Фрязин, строитель ряда русских крепостей и каменной стены Китай-города.

Если в малолетство Иоанна, по единодушному мнению историков, происходило невиданное обкладывание народа поборами, приведшее к повсеместным бунтам посадских людей, то в пору его юности то же самое боярское царство продолжало править страной в скрытом виде. Современные историки все больше склоняются к тому, что так называемый «синклит» («Избранная рада» в ублюдочной терминологии Курбского) действовал в интересах княжеско-боярской олигархии, в критические моменты проявлялось, что деятели синклита фактически стояли на стороне двоюродного брата царя Владимира Старицкого. Одним из первых сущность «синклита» начал раскрывать С.Ф. Платонов, который полагал, что этот круг служил орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики, и ограничивал царскую власть не в пользу учреждений (думы), а в пользу известной общественной среды (княжат).

И.П. Фроянов обоснованно показывает связь боярской модели правления с ересью жидовствующих, которая была частью идеологической войны Запада против

17. Полное собрание русских летописей. Т. 21. – П. 2. С. 634.

России, а опричнину рассматривает как подрывание корней у развития этого вируса внутри страны. А.А. Зимин а вслед за ним А.И.Фурсов считают, что заключенное Адашевым перемирие 1559 года пагубно сказалось на ходе Ливонской войны, поскольку после этого в нее оказались втянуты несколько европейских держав. Это чрезвычайно осложнило обстановку в России в 60-е и 70-е годы, обусловило напряжение всех сил государства и народа, вымотало и обескровило страну. Фурсов считает, что Ливонская война была бы выиграна, если б Адашев не имел тогда столь обширных полномочий, и царь Иоанн Грозный, победитель не только Казани, но и Ливонского ордена, въехал бы в историю на «белом коне».

Какой бы миф мы не избирали в качестве своего – миф о «крамольниках» или миф о «кромешниках» – мы не имеем права игнорировать ни факты в пользу первого, ни факты в пользу второго. Крамольный характер боярского царства, несовместимость боярской модели со строительством национально-имперского типа державы, пагубность олигархического диктата (прямого или косвенного, как в случае с «синклитом»), наконец, жесткое сопротивление царю князей и бояр, выразившееся в многочисленных бегствах их в Литву, а также в нескольких заговорах – все это не подлежит замалчиванию. На эти факты нельзя закрывать глаза и смотреть сквозь пальцы, тем более что сейчас мы живем в сходных

условиях квази-боярской плутократии, растаскивании национального пирога сверхбогатыми социальными хищниками.

Смутное время показало, что именно через боярско-олигархическое разложение государства Запад мог одолеть Россию, расчленив ее или посадить на престол своего ставленника (самозванца как в 1605 году или польского королевича, как предлагала семибоярщина). Опричнина выковывала альтернативный тип государства, в тенденции неуязвимого для подрывных технологий. Не потому ли историография периода опричнины напоминает растянувшееся на несколько столетий совместное заседание обществ «Мемориал» и правозащитных организаций, обличающее репрессии и требующее реабилитации своих идейных родственников?

9. Virtuозное решение – шедевр в результате

В чем же был смысл опричнины? Смысл этот многоаспектен. Важно понимать, что царь осуществил через нее не коренную смену элиты (как некоторые представляют), не тотальный отрыв князей и бояр от их удельных земель, а смену самих принципов власти и собственности. Сущность опричнины состоит в том, что вместо «удельности» как высшего закона, стоящего над государством и «православным христианством» (так называли тогда «народ», «нацию»), был выдвинут принцип служилой элиты. Было объявлено, что собственностью, честью, безопасностью, славой будет обладать в конечном счете тот, кто служит государству как целому, кто укрепляет его, кто оберегает его от врагов внешних и внутренних, кто о нем «радеет» (формула посланий царя из Александрой слободы в 1655 году). Опричнина ни в коей мере не сводится к террору и казням. Репрессиям были подвергнуты противники преобразований из всех слоев, хотя де факто таких противников было больше всего в среде родовитого олигархата.

Знаменательно то, как была учреждена опричнина. Попробуем реконструировать ход мыслей Иоанна Васильевича. Он удалился в Александрову слободу, но это был шаг не эскаписта, как можно подумать, а человека, начавшего предельно серьезную «духовную брань» с главными своим неприятелями. Доказательство тому – плоды царского «бегства».

Своим шагом он обнажил всю нищету «боярской модели». Он как будто предложил народу вновь остаться один на один с плутократией. Такая «игровая ситуация», по замыслу Иоанна Васильевича, должна была вызвать в памяти народной образ лихих годов «боярского царства». Эта память была еще жива в старшем поколении, и весь народ знал, чем чреват олигархический беспредел. В ответ на грамоты царя, читанные на площадях и в церквах, посадский и торговый люд выразил готовность «потребить» изменников за своего царя. А самого государя широкие слои народа звали вернуться к отправлению власти, дабы защитить их от притеснений «сильных». Мы видим обоюдоострое оружие политической игры Иоанна: он обретает себе сторонников в лице демократических слоев, и в то же время во всенародном призыве обретает легитимность защитника против олигархической верхушки. В этих обстоятельствах князья и бояре, боясь эксцессов, были вынуждены скрепя сердце присоединиться к делегации в Александрову слободу, призывавшей Иоанна вернуться в Кремль. Важно правильно понять нравственный смысл этой игры – **царь не стравливал народ и феодалов, царь констатировал, что он не заодно с олигархами, что ему ведома иная правда.** Это был своего рода референдум о доверии: кого предпочтет народ.

Результатом референдума стало выделение в государстве особой зоны, специально организованной под царя и не имеющей тесной взаимосвязи с насквозь пропитанной духом олигархии земщиной. Этот «развод Царя с Землею» означал намерение начать вторую волну преобразований уже не в опоре на всю полноту имеющейся элиты. Такая опора была признана негодной. Фактически царь объяв-

лял о создании для себя новой опоры, собственно царской опоры, поскольку старое не дает хода новому, блокирует развитие. Если старый «двор» государя вырос из других институтов государства и был накрепко с ними связан, то теперь он устроил «двор, где был бы полным хозяином», по выражению С.Б. Веселовского.

Таким образом мы видим **главный структурный силуэт политики опричнины: смыкание верховной власти с широкими слоями народа – их союз против «сильных» конкурентов верховной власти.** Можно сказать даже больше: само понятие верховной власти на Руси еще не устоялось. Даже при венчании на царство это понятие еще до конца не выработалось в политическом сознании. Чтобы внедрить его в умы, нужны были новые преобразования, нужно было наглядно показать верховенство царской власти, его отличие от княжеской и великокняжеской. До опричнины сила авторитарной власти зависела от воли и характера великого князя. В опричнине сила верховной власти переходит уже в сам ее институт. В титуле «царя» нагнетается политическая трансценденция, концентрируется полюс политической мощи предельной по отношению к земле, к элите, к государственному аппарату, к отдельному человеку.

В опричнине как замысле виден мотив окольного обходного маневра, стремление решить задачи быстро, обманув историю и «срезав» дорогу. Такой окольный и обманный маневр против олигархии как реальной управленческой власти «мира сего» роднит Иоанна Васильевича с духом православного юродства. Царь нередко использует в своих поступках и в своих письмах архетип юродства. Один из его литературных псевдонимов – Парфений Юродивый – и это весьма красноречиво. Отношения царя с подлинными юродивыми – Василием Блаженным в Москве, Николой Салосом в Пскове – показывают, что он был адекватным православным верующим, задумывающимся о правде Божией, о совести, о духовной силе своего народа. Врагов опричнины царь трактует не как личных недругов, а как преграду на пути потока народной

жизни (впрочем, свою личность царь не мыслит отдельно от национального целого, поэтому личные враги для него равносильны «врагам народа» в силу своей вражды к царю). В опричнине он увидел возможность обойти и устранить эту преграду, средостение между народом и властью. Политическое юродство, конечно же, отличается от духовного, оно более жестоко, более примитивно. Но даже в казнях отсвет духовного взгляда на происходящее просматривается.

Из современных историков эту тематику попытался разработать А.Л. Юрганов. Он интерпретирует опричные казни как своеобразное русское чистилище перед Страшным судом, когда царь, подобно испанской инквизиции, печется о спасении душ грешников, которых он обрекает на смерть. Подвергая их мучениям в этой жизни, он якобы надеялся облегчить мучения их в веке будущем. Юрганов рисует образ Иоанна как человека с напряженнейшим переживанием эсхатологии, ожидающим скорого конца света. Сами казни, по Юрганову, дифференцируются по тому, как судия оценивал грехи и пороки преступника¹⁸. В целом небезынтересное истолкование опричнины Юргановым открывает новое направление в исследовании духовного смысла опричнины. Однако сам Юрганов и его соавторы обладают слишком профаническим мировоззрением, далеким от аутентичного православия и комплекса представлений XVI века. Поэтому их реконструкция сознания Иоанна Васильевича носит несколько вычурный и фантазмагорический характер.

Возможно, ближе к правде те, кто видят в мировоззрении царя сильный языческий элемент¹⁹. В исследовании Булычева показано, что это полужычество носило во многом бессознательный характер, будучи органической частью средневекового менталитета. Мотивы, о которых пишет Булычев (магическая составляющая в опалах и магическое отношение к умершим), более органичны для

18. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. – М., 2003. – С. 68-115.

19. Булычев А.А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. – М., 2005.

XVI века, чем юргановская дешифровка опричного царства как запутанного и мрачного космоса тайных символов, искусственных метафор и метонимий. По Юрганову получается, что царь жил в превращенном мире мифотворца, взявшего в заложники своего мифа всю страну. По Булычеву, он использовал свои знания как оружие в мистической войне, жил полнокровной духовной жизнью, страдал, каялся, сокрушался о собственных грехах и грехах своих противников, искренне переживал за опальных и казнимых.

Вернемся от духовно-метафизического к социально-политической и экономической подоплеке опричнины. Как я уже отмечал, Иоанн IV применил меры, во многом повторяющие меры Иоанна III в Новгороде (которые таким образом могут быть признаны фактически протоопричными). В начале опричнины не было большого числа казней, в ссылку было отправлено примерно 180 лиц, большинство из которых являлись князьями. Однако, дальнейший ход событий показал, что земельный террор не был направлен конкретно против удельных князей. По точному замечанию Р.Г. Скрынникова, Иван Грозный не помышлял о том, чтобы полностью избавиться от своей «меньшой братии», – с помощью опричных конфискаций царь 1565-1566 годов старался подорвать родовое землевладение суздальских князей и тем самым покончить с их исключительным влиянием.

Несомненно упрощенным следует признать классовый подход к опричнине, которому были вынуждены следовать многие историки в советское время. Однако, в позднесоветское и послесоветское время разоблачению теории о разгроме в результате опричнины вотчинного землевладения, восходящей к С.Ф. Платонову, было посвящено слишком много сил. Как бы то ни было, в результате всех разоблачений не состоялось опровержения главной мысли Платонова о том, что в опричнине царь видел коренную реформу земельной собственности. Опровергнут был лишь узко-классовый подход советских интерпретаций темы. Действительно, Иоанн Грозный опирался

на все классы общества, не делая предпочтения дворянам или посадским перед боярами или дьяками – точно так же все классы общества страдали от репрессий (но землевладельцы пострадали больше тех, кто землей не обладал).

Иоанн Грозный вел дело к тому, чтобы вырвать корень обособленности, автономности землевладельцев, превратить их собственность

в функцию государственного служения. Отсюда и идея «жалованной вотчины». Он не хотел искоренения родовитых самого по себе, он хотел укоренить службу и служение не только в индивидуумах, но и в семьях, династиях. Это была не классовая борьба в ее вульгарном понимании, а борьба со старой формацией, со старыми правами и независимостью элиты. Иоанн Грозный не признавал права перехода феодалов от сюзерена к сюзерену. Он не признавал удела как нерушимой собственности, право которой стоит выше права государя.

В целом трактовка реформы земельной собственности у историков XX века была адекватной. Относительность этой трактовки связана с «прогрессивистской» идеологией, когда историческое явление оправдывалось только потому, что считалось «прогрессивным» для своего времени. В таком случае явления старой формации воспринимались как «пережитки» а опричнина – как борьба с пережитками раздробленности, удельности, вотчинности и т.д.

Что касается вакханалии казней и расправ с неугодными, картина далека от однозначности. Так, например, известно, что некоторые из бежавших или списывавшихся с Литвой бояр или князей, были прощены не один, а два

или три раза, прежде чем их казнили. Иоанн IV довольно-таки терпеливо ожидал исправления «крамольников». Большинство казненных опричниками бояр уже бывали прощены по тем или иным существенным обвинениям. Иными словами, они были рецидивистами.

В антиопричной риторике стало расхожим огульное обвинение опричников в трусости, в неспособности воевать на настоящей войне. (Вновь мотивы из арсенала правозащитников-антисталинистов!) Такое обвинение не только не верно, но и не может быть верным по существу, потому что в структуре опричнины «особый» отдел, исполнявший функции тайной полиции, составлял максимум одну десятую часть личного состава. Большая часть опричнины представляла собой военную гвардию, постоянно участвовавшую в боевых действиях. Эта гвардия показала себя как превосходное войско.

Антиопричные историки и публицисты любят ссылаться на поход Девлет Герей 1571 года, в результате которого была сожжена Москва. Причиной этого поражения называют трусость опричников, военную несостоятельность опричнины, а само это поражение рассматривают как главную причину разочарования Иоанна в опричнине и ее последующей «отмены». Впрочем, большинство крупных историков не считают сожжение Москвы крымцами поражением опричнины.

Обстоятельства 1571 года были чрезвычайными. Страшный неурожай 1567-68 годов привел к голоду. В 1570 году началась одна из самых опустошительных в истории России эпидемий чумы. *«Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни»*, – пишут современные исследователи²⁰. По мысли А.А. Зими́на, Девлет Герей воспользовался бедственным положением России после чумы.

Что же касается трусости «кромешников», то здесь, как водится, забывают проверить противоположную вер-

20. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. – М., 1987. – С. 178.

сию – про активность «крамольников». О трагедии Руси и обнажении южных рубежей крымскому хану донесли перебежчики, они же и указали ему обходной путь к Москве, так что основные русские войска остались в тылу у крымцев²¹. Наконец, те, кто смакуют московскую беду 1571 года, как правило, игнорируют кампанию 1572 года или бывают очень скупы в ее оценках. Между тем, в ходе этого противостояния состоялась великая битва XVI века, произошедшая на южных подступах к Москве: вторая попытка Девлет Герее достичь Москвы окончилась его полным и окончательным разгромом при Молодях, причем активнейшее участие в этом разгроме приняли опричные войска. (В интернете можно найти замечательную статью о битве при Молодях А.Прозорова.)

Одним из выводов настоящей статьи является то, что опричнина Иоанна Грозного победила стратегически. Однако, разногласий в историографии и в оценках той эпохи было бы гораздо меньше, если бы опричнина победила еще и тактически. Однако, это не так. Тактически опричнина была скомкана, и в 70-е годы XVI века, эпоху, которая в ряде летописей получила название «порухи», созидательный потенциал роста государства был исчерпан. Это было связано с целым клубком неблагоприятных обстоятельств.

Само собой разумеется, антиопричные писатели видели главную причину порухи, упадка национального хозяйства в опричном терроре и бесчинствах царя. Между тем, анализ всех факторов способен показать, что причины порухи лежали не в опричнине, а в первую очередь в демографической динамике, главном источнике деградиционных тенденций развития страны. О демографическом сжатии XVI века весьма аргументировано пишет в своей монографии С.А. Нефедов: *В соответствии с неомальтузианской теорией рост численности населения должен был постепенно привести к недостатку пахотных земель, росту цен, падению потребления и частым голодными годам. (...) В середине XVI века проблема нехват-*

21. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. – С. 163.

ки земельных ресурсов встала во весь рост. Специалисты утверждают, что уровень распахек в это время был близок к максимально возможному при тогдашней агротехнике, что дальнейшее расширение пашен было невозможно. Скудные почвы и суровый климат ограничивали емкость экологической ниши, и, казалось бы, обширные пространства Московии в действительности не могли прокормить растущее население»²².

Так называемое демографическое сжатие началось еще в 50-е годы, однако последствия его во всем масштабе проявилось лишь в конце 60-х годов. Нефедов рисует цепь причин, приведших к «демографической катастрофе» 1568-1571 годов, следующим образом:

- демографический и технический факторы;
- природно-климатические;
- эпидемиологические;
- военно-политические факторы.

Кроме того, Нефедов указывает на дополнительный – налоговый – фактор (в условиях войны государство было вынуждено налоги повышать, что усугубляло кризисную ситуацию, поскольку приводило к изъятию у земледельцев хлебных запасов, страховавших их на случай неурожая). Итак, в налоговой политике царя Иоанна действительно можно видеть вину (не причину, но один из факторов) упадка 70-х годов. Что же касается опричнины как таковой – она в череде значимых факторов, приведших к «порухе», не значится вовсе.

«Два неурожайных года, – суммирует Нефедов, – породили страшный голод, а вслед за голодом пришла чума. Крымский хан воспользовался эпидемией, чтобы нанести Москве страшный удар – к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная катастрофа. Период конца 1560-х – начала 1570-х годов соответствует неомальтузианскому пониманию экосоциального кризиса. Хотя кризису предшествовало Сжатие, он был су-

22. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург, 2005. – С. 50, 52.

щественно ускорен чрезмерным налоговым давлением государства, которое сужало экологическую нишу этноса. Ситуации такого рода достаточно часто встречаются в истории...»²³

Хотя войну «на три фронта» государство Иоанна блестяще выдерживало, оно не могло справиться с наплывом других обстоятельств, понимание и прогнозирование которых было не во власти государя. В силу названных причин на рубеже 60-х – 70-х годов страна очутилась в глубоком кризисе. Однако царь обладал непреклонной волей – это выражается и в блестящей организации обороны 1572 года (разгром крымцев, навсегда положивший конец массовому угону русских в рабство), и в новых победах на ливонском фронте, и в активнейшей дипломатической борьбе, которую он не переставал вести.

Мог ли Иоанн Васильевич найти мудрое решение в связи с этим многофакторным кризисом? Сложный вопрос. Во всяком случае, теоретически решение было найдено. Оно было изложено публицистом Ермолаем-Еразмом в работе под названием «Правительница». Суть этого решения заключалась в перераспределении общественного пирога в пользу крестьянства как реальной хозяйственной опоры государства. Что касается элиты, часть ее Ермолай-Еразм предлагал перевести из земельных собственников в служилых людей, получающих, по выражению А.И. Фурсова, «продпаек». Вероятно, такая реформа могла бы значительно смягчить последствия «демографического сжатия», найти в государстве скрытые резервы. Это была бы гипер-опричнина. Однако, нужно понимать, что, несмотря на гений и огромную внутреннюю силу царя Иоанна, изнасиловать историю и дух своего времени он не мог. Достаточно было уже и того, что он сумел осуществить просто опричнину. Гибкость средневекового менталитета имеет свои лимиты и гипер-опричнину (замену поместий и вотчин на жалованье и продуктовое обеспечение) тогдашняя реальность скорее всего отторгла бы.

23. Там же, С. 70.

Что касается отмены опричнины в 1572 году, А.И. Фурсов достаточно аргументировано опровергает этот миф. Правда в том, что тогда был отменен термин «опричнина», но не сама его функция в государстве. То, что наследовало опричнине, отныне называлось «двором» (был избран более традиционный и менее пугающий термин). Главное – не было никакого разочарования в опричнине. Задачи, перед ней поставленные, она в основном решила.

То, что царь не разочаровался в ней, на мой взгляд, подтверждается в его завещании, черновик которого был составлен, по всей вероятности, в 1572 году и никак не раньше. В нем Иоанн написал: «А что есмь учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинил готов»²⁴. Иными словами, опричнина передается детям как наследство и завет царя, более того, как **готовый образец**.

Первоначально опричнина была использована государем как **инструмент перехватывания реального суверенитета** (в этом состоял главный политический аспект опричнины). Суверенитет был перехвачен чрезвычайно эффективно и в чрезвычайно короткие сроки. То, что в истории занимает обычно столетия, было проделано за несколько месяцев. То было виртуозное политическое решение, инновация, которая привела к возникновению своеобразного русского типа власти – самодержавия.

*«Социальное происхождение самодержавия, – отмечает Д.Н. Альшиц, – неразрывно связано с опричниной. А происхождение, как известно, можно отрицать, но нельзя «отменить»»*²⁵. Огромное значение царского ордена, с точки зрения Альшица, показал Собор 1561 года, в ходе которого опричнина выполняла роль эффективной диктатуры по отношению к другим институтам.

В опричнине, на мой взгляд, было осуществлено **выращивание имперского позвоночника России**. Это было

24. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. – М.-Л., 1950. С. 444.

25. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного» – Л., 1988. С. 242.

достигнуто путем перепахивания элиты, лишения ее родовой силы, связи с землей, феодальными кланами, путем **разрушения малых местных пирамид-землячеств и построения вместо них большой и всевластной опричной иерархии, «особой царской территории»** (территории как в географическом, так и в символическом смысле) – превращение государства в по сути национальное и христианско-имперское. Тех, кто представлял интересы частей и готов был идти за них до конца, Иоанн за время своего царствования «перековал» в служителей национально-имперского единства. Кого-то он перековал силой убеждения, кого-то через страх и насилия. Кого-то, кто по тем или иным причинам не мог быть перекован, он просто уничтожил. И хотя полностью изменить элиту он был не в силах, но импульс, преданный им русской аристократии, вектор, который он задал, оказался стратегически победоносным.

Это была виртуозная политика – и в результате ее Россия получила шедевр самодержавия, систему более сложную и совершенную, более устойчивую чем европейские абсолютные монархии и восточные деспотии. Сила и устойчивость самодержавия объясняются, в частности, тем, что через его эмбрион-опричнину произошло теоретическое «уравнивание всех пред лицом государя» (С.Ф. Платонов). Более того, в опричнине сложилась прямая «сферы связи с царем» для тех, кто прошел тщательный государев отбор (или «перебор людишек»).

Опричнина – это правда России XVI века. Дух опричнины правдив и сейчас, отвечает и сегодняшним задачам жизни. Опричнину нельзя законсервировать, увековечить, так же как нельзя приложить ко всем ситуациям и эпохам диктатуру, или чрезвычайный режим. Каждое время и эпоха требует своего инструментария. Если при Иоанне Грозном опричнина означала созидание империи, то завтра она будет знаменовать ее восстановление.

ИМПЕРИЯ И ВОЛЯ¹

Цель этого доклада не академическая, а скорее полемическая. С академической точки зрения было бы довольно трудно в рамках круглого стола анализировать такие понятия как «нация» и «империя», поскольку один лишь вопрос об определении каждого из этих понятий по своему масштабу потянет на солидную диссертацию. Фактически, мы сегодня не имеем консенсуса по данному вопросу и в научной, и в публицистической среде.

Два национализма

Возьмем понятие «нации» и примыкающее к нему понятие «национализм». Слова очень многозначные. Одна из модных сейчас трактовок нации – воображаемое сообщество, «неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (Бенедикт Андерсон). Нация трактуется при этом как «новый способ связать воедино братство, власть и время», изобретенный в XVIII в. и с тех пор находящийся в процессе модульного перенесения и адаптации, приспособляющийся к разным эпохам, политическим режимам, экономикам и социальным структурам. В итоге эта «воображаемая общность» проникла во все мыслимые современные общества.

При этом важно отметить, что воображаемое не означает его иллюзорности. Мы часто воображаем и то, что есть в действительности, или то, что может произойти реально. Собственно, Бенедикт Андерсон именно этот смысл и вкладывал в данное словосочетание. Для него существенно было подчеркнуть момент создания нации на основе индивидуальных сознаний участников данного сообщества, будущих членов будущей нации. Гораздо бо-

¹ В виде статьи этот текст впервые опубликован в журнале «Москва» (2012, №1. – С. 180-193). В 2013 году статья была отмечена премией «Русский позитив» в номинации «Публицистика».

лее радикальная трактовка встречается у другого известного исследователя Эрнеста Геллнера, который утверждает, что нации Нового времени создаются как будто из ничего, конструируются из некоего пассивного субстрата волей политического субъекта: *«Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует»*. *«Руристанцы раньше думали и выражали свои чувства на языке семьи и деревни, самое большое на языке долины и, возможно, иногда на языке религии. Но теперь, втянутые в тигель индустриального развития, они не имели больше ни долины, ни деревни, а порой и семьи»*. И если у Геллнера в роли творящего нацию субъекта представлены журналисты или учителя, то нужно заметить, что, хотя это было очень важное звено в формировании наций, однако звено не ключевое. Основным агентом и субъектом формирования наций Модерна был, конечно, крупный капитал. Почему многие напрямую связывают нацию с индустриальным периодом развития.

Здесь возникает вопрос, а что, без капитала нация не может возникнуть? Может быть, тогда и для наших современных националистов это ключевой вопрос? И если это так, то как у нас обстоят дела с национал-капиталистами? Где те капиталисты, которые поддержат создание национального государства в России? И если таковых не обнаруживается, не получается ли, что осуществить запуск *national state* у нас могут лишь иностранные субъекты? Вопросы непростые и довольно-таки неудобные. Но в практической политике на них приходится отвечать.

Но я бы хотел сказать, что этот вопрос может решаться иначе. Потому что существует и другая традиция понимания нации, не связывающая ее зарождение с Модерном. И уже в XIX веке у нас были такие выдающиеся и самобытные теоретики как Николай Григорьевич Дебольский, построивший развернутую концепцию «национальности», «национального начала». И в его трактовке как раз получается, что народ изначально нагружен очень серьезными и культурными, и государственными, и религиозными

связями, системными связями. Без них он неполноценен, ущербен и по существу народом назван быть не может. «Историческое достоинство племени, – писал Дебольский, – состоит в его силе для борьбы за свой духовный тип». «Для всякого народа величайшее и важнейшее целое есть он сам». При этом идея народности еще нигде не достигла даже приблизительно полного осуществления.

У Дебольского есть очень интересная мысль, которую воспроизводят сегодня и на Западе, и у нас. Это мысль о том, что с либеральной точки зрения, будущее народа строится по неким предвзятым, отвлеченным правилам, а, с точки зрения начала национальности, это будущее должно быть укоренено в прошлом, в самом ходе предыдущего развития. Что такое это предвзятое, отвлеченное правило, если посмотреть на него конкретно? Предвзятое, отвлеченное правило – это внешний образец. «Национальное государство», в первую очередь, это конечно, английский образец. Сегодня уже говорилось о британских политических образцах. Однако, Англия дала образец не только империи, но и предложила самую влиятельную и самую воспроизводимую в Новое время модель для националистов. Здесь Дебольский подчеркивает, что если мы хотим стандартизировать себя по лекалам англичан или других стран, которые создали национальные государства, то фактически мы встаем на путь именно либерального национализма. И эту точку зрения косвенно подтверждают сегодня очень многие исследователи. Вот несколько примеров.

Немецкий исследователь Кон делит национализм на два типа: западный и восточный. Причем, в восточный тип у него попадают и немцы, и Восточная Европа, и русские. А Бирнбаум то же самое называет другими словами: государственный и культурный типы национализма. Отмечают, что западный, или государственный, национализм тесно связан с либеральной идеей, он либерален по своему происхождению. И здесь, помимо Дебольского, упоминается его современник Константин Николаевич Леонтьев, который указал на то, что западный либеральный

национализм фактически способствует денационализации в глубинном, коренном смысле слова. Это парадокс национализма космополитического, национализма, который, по мысли Леонтьева, через государственные институты губит культурный и бытовой национализм. То есть ведет к лишению народа его сущности, его специфичности.

Итак, мы имеем дело с двумя национализмами. С одной стороны, либеральным, создающим те самые national state, «нации», из которых, как из кирпичиков, складываются и старые международные европейские союзы, и Лига наций, и затем ООН, и нынешнее «международное сообщество», которое обеспечивает согласованную расправу сильных держав над «тиранами» и теми, кто не вписывается в передовые стандарты демократии, политкорректности и глобализации.

Но кроме него существует древний «национализм», который в разных народах именовался по-разному, на языках этих народов. Это понимание «нации» можно трактовать как приверженность «алтарям и нивам» родины, «ларам и пенатам» своего города и своего царства, связан с такими идеалами и ценностями как Отечество, Семья, Земля (Русская земля, о которой читаем еще в «Слове о полку Игореве»). Он крепко связан с народными представлениями о вере предков, о церкви как «народе Божиим» (не родоплеменной общине, а именно народе, предстоящем в храме перед лицом Божества). В этом смысле я абсолютно согласен с теми, кто говорит о складывании русского государства-нации задолго до появления новых «наций» буржуазной эпохи. Представляет точной мысль А.Н. Савельева, что основы современной русской нации проявились уже на Куликовом поле.

В чем корень различия двух национализмов? Первый порожден капитализмом, второй является наследником вечной традиции патриотизма. Первый есть реакция на антинациональную власть мировых сетей, попытка к ней приспособиться. Второй существовал всегда и поэтому есть надежда, что он переживет капитализм и саму глобализацию. Понятно, что «восточный» национализм не про-

тиворечит имперской идее, но органично с ней стыкуется. Такой национализм, если бы он развился до международного уровня, дал бы совсем иные плоды, чем «либеральный национализм» англосаксов. Приведу еще одну цитату из Дебольского на сей счет, которая отражает русский дух – как дух русских «колонизаторов» Сибири, так и дух русских путешественников, дух Миклухо-Маклая: *«Туземцев Океании то истребляли выставленною отравою, как крыс или мышей, то устанавливали для них демократически-конституционные государства... Не гораздо ли рациональнее и нравственнее относиться к каждому человеческому типу сообразно его особенностям и, признавая его право на самосохранение, предоставлять ему возможность достигать этого самосохранения доступными для него путями? Именно к этой цели и направляется международная нравственность, основанная на начале народности. (...) Чем менее высший тип вмешивается в жизнь низшего, тем лучше».*

Что касается Британской империи, она явилась своего рода инициатором либерального национализма и в Европе, и в Азии. Известный английский деятель лорд Маклей, который был одним из руководителей колониальной Индии, создал программу возвращения индийцев-космополитов. Он говорил: *«Нам нужно создать особый класс людей – индийцев по крови и цвету, но англичан по вкусу, мнению, морали и интеллекту. (...) Ни один индеец, получив английское образование, не остается всей душой привязан к своей религии... Мое твердое убеждение состоит в том, что если последовать нашим планам образования, то уже через тридцать лет в respetабельных классах Бенгалии не останется ни одного идолопоклонника».*

И вот спустя 100 лет несколько поколений этих «по цвету индийцев, а по духу англичан» проводят мощную кампанию по национально-освободительной борьбе индийской нации (известно, что в до-колониальной Индии представления о едином народе не существовало, это был конгломерат весьма разнообразных племен и язы-

ков, лишь частично объединявшихся в имперском проекте Великих Моголов). Фактически можно сказать, что через формирование местной элиты-медиатора, сословия **двуязычных космополитов**, была создана среда, в которой созрел эмбрион будущего либерального национализма XX века, конструирующего новые «нации» в освобождающихся от колониализма странах. Это не значит, что Маколей был недалек от истины и не учитывал всех последствий культивирования элиты-медиатора. Напротив: даже уходя из своих колоний, Британия оставляла в них такие элиты, которые самой своей внутренней конституцией гарантировали, что эти народы и государства уже не вернутся к своим сакральным и политическим традициям, а будут впредь развиваться в русле цивилизации-лидера. Здесь достаточно явно видна духовная связь и внутреннее родство либерализма и космополитизма.

Формат *national state* активно использовался и сейчас продолжает использоваться как едва ли не единственный образец и цель всех революций в странах периферии, как стандарт их эмансипации от любых видов старых элит. Это формат, предлагаемый для контрэлит, которые очень часто приручены или даже заранее выпестованы Западом. Это тот же макалеевский принцип – но реализованный уже не в колониях, а в зарубежных государствах. Контрэлита-медиатор в данном случае выступает как революционный передовой класс, призванный внушить массам идею о преодолении собственной «отсталости» и устранении традиционной несправедливости. Уже упоминавшийся Бенедикт Андерсон чувствует некоторую двойственность, когда говорит о такой стандартизации – в первом издании своей книги о воображаемых сообществах он оговаривается, что *«в политике «строительства нации», проводимой новыми государствами, очень часто можно увидеть как подлинный, массовый националистический энтузиазм, так и систематичное, даже по-макиавеллиански циничное впрыскивание националистической идеологии через средства массовой информации, систему образования, административные предписания и т. д.»* В следующих изданиях он отказывается от этой мысли, предлагая

другое объяснение, а именно: естественности и спонтанности того единообразия, с которым колониальные общества переходят в пост-колониальный порядок. Андерсон предлагает для этого эффекта копирования форматов одних обществ другими метафору «пиратства» и шутит по этому поводу, что «революция» и «национализм» суть изобретения, на которые невозможно заполучить патент. Однако с еще большим успехом феномен трансфера революций и national state можно объяснить вовсе не «пиратством», а тем, что эти транслируемые образцы действуют как **вирусы в межцивилизационном пространстве**. «Заразительность» этих вирусов может быть истолкована как в медицинском, так и в зоопсихологическом смысле (рефлекс подражания, мимикрии, стадного поведения и т.п.). Именно таким образом – как цепные реакции подражательных рефлексов – могут быть объяснены «парады» суверенитетов, бархатных революций и «просыпающихся» национализмов. Подражание же обеспечивают как раз западнические элиты и прослойки в странах периферии.

Другой пример, который бросает свет на природу распространения «национального государства» на месте разрушаемых империй – это мысли Вальтера Шелленберга, которые он озвучивал для своих коллег по управлению имперской безопасностью по поводу того, как необходимо организовать российское социальное пространство после покорения Советского Союза: *«Едва ли двухсотмиллионный народ можно удерживать в подчинении с помощью иностранной полиции... В конце концов, это, вероятнее всего, подтолкнет их к какому-нибудь империалистическому панславянскому движению. Я думаю, нам следует создать несколько автономных образований и поощрять их национальных лидеров. Тогда мы сможем сыграть на их взаимной вражде. Подумайте хотя бы об украинцах, грузинах, белорусах, людях типа Мельника и Бандеры...»* Цитата красноречива. План Шелленберга не был тогда реализован, как вы понимаете. Он реализуется сейчас.

Злободневные события в арабских странах последних месяцев, текущие события в Ливии отражают дальней-

шую стандартизацию незападного мира. Их нельзя интерпретировать иначе, чем процесс «приведения в соответствие» по зловещим рецептам, прописанным мировым хирургом. И дело здесь не столько даже в нефти, сколько в готовности либо неготовности конкретных режимов быть лояльным глобальному проекту, этой вездесущей «империи добра».

Империя и цивилизация

Я думаю, что корень противопоставления национального государства и империи лежит в том, что имперская государственность, какой бы она ни была (а они чрезвычайно разнообразны), в принципе, несовместима с глобализацией. Имперская государственность сама представляет собой частную глобализацию на своем пространстве. Поэтому имперские проекты не могут не противоречить той глобализации, которая является по отношению к ним внешней. Я думаю, что существует связь существует между империями и принципами протекционизма, ведь в экономической политике империи, как правило, эти принципы реализуются. А национальное государство вполне может позволить себе вступать в так называемый «свободный», открытый рынок.

Определить империю, так же как и нацию, чрезвычайно трудно. Практически сегодня в науке мы слышим уже такие определения империи, что они полностью размыывают суть разговора. Перечислим лишь несколько исторически сменявших друг друга вариантов интерпретации этого понятия. Древнее латинское представление об империуме как просто «власти» расширяется под влиянием греческого представления об ойкумене, которое греки подарили римлянам. Отсюда классическое представление об империи как о политической вселенной, особом мире. Есть представление об империи как о гражданской религии, которое тоже восходит к античности. Есть взгляд Монтескье на империю, как явление азиатское, деспотию восточного типа, и это несмотря на то, что сам он был современником Священной Римской империи германской

нации (существовавшей на тот момент уже 7 веков). Есть взгляд на правильную империю, как колониальную державу.

Ну и наконец, пункт, который мне представляется очень интересным. Империя может трактоваться как **политический псевдоним самостоятельной цивилизации**. Или быть неким уточняющим указанием на политический аспект

самостоятельной цивилизации. Иногда уместно говорить об империи как политическом лице цивилизации в стадии ее полноценного раскрытия (порою на ранних стадиях имперская идея может проявляться неотчетливо, а на поздних стадиях – затухать).

Самые свежие трактовки империи исходят из того, что попытки уловить ее сущность через какие-то отдельные черты (сакральная вертикаль, особый тип элиты, специфическая структура центра и периферии и проч.) неэффективны. Новые определения империи призывают к простоте. Так, например, Доминик Ливен считает, что нужен расширительный подход, только он способен объяснить, что реально происходит. Согласно его определению – империя есть государство, управляющее многими народами и землями – получается, что на сегодняшний день империями являются Китай, Индия, Индонезия, ну и, конечно, США. (У самих американцев, несмотря на обычную для них неприязнь к империи, встречаются и другие оценки, например, мнение А. Гамильтона, портрет которого печатался на десятидолларовой купюре, что Соединенные Штаты являются «империей, во многих отношениях самой интересной в мире».)

Весьма любопытную трактовку предложили Хардт и Негри в своей нашумевшей книге-бестселлере, в ко-

Империя может трактоваться как политический псевдоним самостоятельной цивилизации. Таким образом, отрицание «имперскости» либо со стороны либералов («все империи разрушаются»), либо со стороны так называемых националистов («хотим жить в нормальном национальном государстве») суть не что иное как западническая интеллигентская идиосинкразия по отношению к Русской цивилизации. А аргументы здесь – дело вторичное.

торой речь идет не о тех империях, которые были, а о той империи, которая грядет. У них получается, что сама транснациональная система, сама глобализация представляет собой итог развития всех империй. Эта мысль очень интересная, мне казалось, что наши националисты должны были бы как-то отреагировать на эту книгу, достаточно глубокую, во всяком случае, не пустую. *«Наиболее важный сдвиг, – пишут авторы «Империи», – происходит в самом человечестве, ибо с окончанием современности также наступает конец надежде обнаружить то, что могло бы определять личность как таковую. (...) Здесь и возникает вновь идея Империи, не как территории, не как образования, существующего в ясно очерченных, определенных масштабах времени и места, где есть народ и его история, а скорее как ткани онтологического измерения человека, которое тяготеет к тому, чтобы стать универсальным».*

Эта сетевая, нетократическая империя порождена тем, что, на мой взгляд, глобализация, упершись в пределы географии, перенаправлена вглубь и начинает пере-страивать саму сущность человека, поскольку в физическом пространстве и в истории обществ и экономик у нее остается слишком мало пищи. Главным полем битвы становится теперь духовная культура и те границы (национальные, религиозные, языковые), которые сохранялись до сих пор как структура различия между традициями, многообразия образцов слова, поступка и даже бездействия и молчания. Глобализация подступилась к той внутренней свободе, которая всегда оставалась интимной и потому неприступной для коллективных «левиафанов» стороной человеческого бытия, той свободе, что расцвела благодаря деспотии и вопреки эмансипации.

То, что западная империя переходит в такую форму, превращается в сеть, превращается в некое распределенное, дифференцированное сообщество, которое внедряется повсюду и везде репродуцирует обслуживающую ее интересы элиту, тех самых «бенгальцев», которых Маколей в свое время культивировал в Индии, – по-моему, это факт.

И если я оговорился, что считаю правильным понимать империю как переименование цивилизации, необходимо добавить, что здесь, по-моему, есть ответ на очень многие вопросы. В том числе и на вопрос: а почему они такие разнообразные? Ведь в истории нет ни одной империи, во всем похожей на другие. И сколько бы ни говорили об образцовости, никаких образцов для империй в действительности тоже нет. Британская империя вовсе не образец. И есть Римская империя, которая во многом объясняет, почему Россия не такая, как колониальные державы Запада.

Здесь заложена еще одна хитрость. Цивилизация, так же как и нация, двойственное понятие, и так складывалось уже с самого начала XIX века. Двойственность в трактовке цивилизации – тема известная, но я бы хотел обратить внимание на то, что сама игра понятий чрезвычайно показательна. В смешении цивилизации как особого культурного мира, «культурно-исторического типа» в терминах Данилевского, «суперсистемы» в терминах Питирима Сорокина, и с другой стороны цивилизации в ее технологически-организационном понимании (начиная от Кондорсе, Бокля и заканчивая современными поборниками «глобальной цивилизации») таится целый клубок подмен.

В основе этой двойственности лежит полисемия между цивилизациями как особыми культурными мирами и абстрактной (объективисткой) цивилизованностью, уровнем цивилизации². Два этих значения понятия «цивилизация» несводимы друг к другу. Эта полисемия, на мой взгляд, является если не всегда обманом, то почти всегда самообманом. Выход из этой двусмысленности не так уж сложен, он состоит в том, чтобы отдельно употреблять понятия «цивилизация» и «цивилизованность», потому что русский язык, богатый наш язык, в отличие от многих других языков, такую возможность дает. Для космополитической прослойки, этой «нации поверх наций», между

2. Иными словами, цивилизация интерпретируется как некоторый уровень продвинутой по пути преимущественно технологического и организационно-технического оснащения, критерием степени развития при этом выступают принципы конкуренции

двумя понятиями цивилизации разница несущественна. Но для всех остальных людей и сообществ, пока они не переварены мировой сетью, пока их не сожрали и не отравили в клоаку пост-истории, разница эта очень и очень существенна.

Если речь вести о цивилизованности, то мы имеем один дискурс империи, если речь вести о цивилизации, то это совсем другой дискурс. Во второй половине XX века первому дискурсу соответствует «мировая цивилизация» С. Хантингтона, которая у него сочетается с тезисом о неизбежном столкновении различных цивилизаций (вновь игра понятий!), «транснациональная система» У. Мак-Нила, «срединная цивилизация» Д. Уилкинсона (у обоих они вступают во взаимодействие с локальными цивилизациями с тем чтобы постепенно их ассимилировать – опять та же игра!). Второму же дискурсу соответствует, скажем, теория суперэтнотосов Л.Н. Гумилева или концепция «большой длительности» Ф.Броделя, в которых возрождается собственно «цивилизационный подход» в его классическом понимании. Концепция «империи» Хардта и Негри, кстати говоря, воспроизводит представления Уилкинсона о финале истории локальных цивилизаций через их полную и окончательную интеграцию в глобальной системе, поскольку все они неизбежно «конвергируются» с так называемой срединной или центральной цивилизацией, ядро которой мигрирует (в настоящий момент оно расположено на Западе, но не в географическом смысле, а в смысле происхождения транснациональных сетей). Отсюда становится понятной и подоплека логики «конца истории», когда одна суперсистема должна была поглотить вторую и тем навсегда завершить процесс сосуществования параллельных, суверенных русел развития.

Империи в истории действительно очень друг на друга не похожи, и в то же время между каждой из них есть что-то общее. Если проанализировать эти соответствия, то выяснится, что в Российской империи ничего «странного», противоестественного и не имеющего аналогов не было – вопреки тому, что последнее время пишут идеоло-

ги антиимперской национал-демократии. По всем основным своим чертам наша империя на что-то да была похожа. Это труднее сказать о Советском Союзе, потому что Советский Союз в значительной степени был уникальным образованием, экспериментальным, авангардным проектом, и здесь параллели находить гораздо труднее.

Рассмотрим кратко основные претензии, которые предъявляются к Российской империи. Говорят в этой связи о крепостничестве, хотя известно, что крепостничество было отменено и в Германии практически в то же время, что и у нас. Приводят сильный и справедливый аргумент о нещадной сверхэксплуатации русских. Действительно, подати в отношении русских в XIX веке были в 2-3 раза выше, чем в отношении большинства нерусских подданных. Но и здесь мы видим явный аналог в Османской империи с ее сверхэксплуатацией анатолийских крестьян. В ментальном плане в Порте это проявлялось даже острее, поскольку само понятие «турок» в устах высших сословий было синонимом понятия «мужик», «деревенщина». Такого нельзя сказать о понятии «русский» в Российской империи.

Русские несли не просто большую часть тягот, а фактически определяли своей жертвенностью успех империи. Приведу статистический пример. Новейший анализ воинской повинности, показывает, что в самом конце XIX века из призванных в российскую армию 90% были русскими (включая малороссов и белорусов), и точно такая же цифра высвечивается в 40-е годы, во время Великой Отечественной войны. Хотя эти цифры могут показаться неприятными для многих этнических меньшинств и представителей неславянских республик бывшего СССР, но факт этот нельзя замалчивать. Иными словами, в великих войнах нашего прошлого воевали русские, побеждали русские, и если терпели поражение, то тоже русские. Кстати говоря, я считаю, что значение этих испытаний, которые выпали на долю наших предков, неотразимый аргумент в пользу того, что русские **имеют право** на Россию. Но о том, как может быть оформлено это право, поговорим чуть позже.

Массированное включение в элиту инородцев, как вы понимаете, типично для многих империй, в том числе и

Римской империи (в поздний период там это распространилось в гораздо больших масштабах, чем в любой период нашей истории). Создавая слой элиты-медиатора, посредствующего между властью и нерусскими народами, наша империя далеко не всегда шла по пути вассалитета и призыва на службу местных князей, но часто назначала русских наместников либо создавала аппарат «попечителей». И сочетание этих методов позволяло удерживать социокультурное разнообразие огромного пространства в едином формате.

Наделение благами культуры и цивилизации в ущерб и в обход нациобразующего ядра – упрек в адрес нашей империи справедливый, преимущественно когда это касается советского периода. Такая политика может объясняться издержками концепции интернационализма, концепции, которая в сущности своей не может быть признана имперской, а является авангардной, чем-то вроде противоядия, предложенного марксистами симметрично против транснационального космополитизма капиталистического мира. Попытки привязать к себе другие страны и народы через преференции, братскую помощь были вызваны не только широтой и добротой русской натуры, но также и изначально более слабыми конкурентными позициями советского блока по отношению к Западу.

Что касается раскола народа с элитой, живущей зарубежными образцами, это тоже явление довольно распространенное, подавляющему большинству империй свойственное. В той же Римской империи, известной своим патриотизмом и гордостью римским гражданством, тем не менее, греческие влияния на время полностью навели культурную жизнь элиты, а затем и простонародья.

Если же говорить о Британской империи, то отсутствие раскола рядового англичанина XIX века со своей элитой было куплено ценой уничтожения в более раннюю эпоху низших слоев несколькими волнами «огораживаний», пауперизации и вынужденного выселения бедноты из Англии. Хаос, создаваемый в империи через подавление низов, сбрасывался на периферию (типично английское ре-

шение!). Прежде чем исповедовать националистическую или имперскую англоманию, стоит разобраться, кто был более жесток по отношению к своему народу – английские джентльмены или российские и турецкие крепостники.

Самый абсурдный аргумент против Российской империи состоит в том, что она не проводила колониальную политику по образцу Британской. В самой мысли о сопоставлении России с островной Англией есть вопиющая несоразмерность. Россия в этом отношении всегда была типичной «теллурократией», то есть континентальной державой, а потому она стремилась к минимальной конфликтности при включении в свой состав новых провинций. Практически все теллурократии избегали геноцида присоединяемых этносов, рекрутировали в имперский класс местные элиты, исповедовали веротерпимость и осуществляли мягкую адаптацию малых культурных и экономических укладов к имперскому порядку. Сопоставлять в этом отношении Россию с колониальной Британией – дело бессмысленное. «Континентальность» – не просто русская судьба, но и черта русского духа, для которого **соседние племена всегда люди**, а человечность является гарантом мирного общежития. На сей счет красноречива цитата из сочинений Вернера Зомбарта: *«Мы стали богатыми, так как за нас умерли целые расы и племена, целые части света были обезлюдены для нас...»* Выше я уже говорил о русском прочтении национализма и русском отношении к другим народам. Нам никогда не было свойственно «путать» людей с животными. (При этом были в истории нашей империи и жестокие решения, но как правило они были вызваны жестокими обстоятельствами – пример: выселение огромного числа черкесов в Турцию в 1860 году.)

Итак, Россия не может быть признана «странной» империей. Она была империей вполне нормальной, более того норма имперских успехов была явно превышена и по многим показателям русские как имперский народ могут быть признаны чемпионами. «Странность» и уникальность России состоит вовсе не в «империи наоборот»,

а в необычайной способности строить великую цивилизацию в крайне неблагоприятных климатических условиях. Русская природно-экологическая ниша – самая холодная и неурожайная из тех, что служили базисами великих цивилизаций мировой истории. Для такой цивилизации, учитывая к тому же ведущий земледельческий уклад ее ядра, нужен был особенный, очень могучий, неунывающий и жизнестойкий народ.

Уникальность России состоит вовсе не в «империи наоборот», а в необычайной способности строить великую цивилизацию в крайне неблагоприятных климатических условиях. Русская природно-экологическая ниша – самая холодная и неурожайная из тех, что служили базисами великих цивилизаций мировой истории. Для такой цивилизации, учитывая к тому же ведущий земледельческий уклад ее ядра, нужен был особенный, очень могучий, неунывающий и жизнестойкий народ.

Политику Российской империи и СССР по отношению к русским нельзя оправдать. Отсутствие оправданий этому – вывод из нашего прошлого, который мы обязаны сегодня сами себе предъявить, вывод, на который мы обязаны опираться. Но с другой стороны, извлечение уроков из прошлого не должно затмевать того факта, что русский тип империи предполагал опору на головной народ как на свой оплот. Российская империя всегда держалась на русских, осознавала это и делала упор в своей политической воле на идею служения. Самый жестокий император Петр Великий не жалел не только своих подданных и солдат, он, как известно, не жалел и себя – подавая другим пример труда и служения. Неоправданность и несправедливость сверхэксплуатации русских не означает, что сегодня национальные силы могут впасть в обратную крайность: объявить о «национальном государстве» как режиме русской релаксации.

Время отпуска и всенародных «каникул», который был объявлен Горбачевым и запойно отмечено Ельциным, истекает. Для нас «каникулы», как можно видеть, оборачиваются бедой и вымиранием. Секрет наших успехов в том, что мы неунывающий народ. А жизнь «для себя», замыка-

ние на обывательском уровне бытия вызывает в русских уныние. И в отличие от более ограниченных и плоских народов протестантской Европы для нас такое уныние будет равносильно медленному самоубийству, алкоголическому и наркотическому угасанию.

Русская мощь и воля

Насколько тяжела была сверхэксплуатация русского мужика? Модная сегодня тема, связанная с юбилеем отмены крепостного права, закрыла для нас тот очень важный факт, что русская самодержавная власть, начиная по крайней мере с императора Павла, последовательно шла к крестьянской реформе. Русскому народу послабления и новые возможности для его вольного развития предоставлялись еще задолго до 1861 года. Так, в начале XIX столетия все крестьяне могли свободно заниматься промыслами и торговлей. К примеру, закон, изданный в декабре 1812 года, давал возможность заниматься этими промыслами и торговлей в очень большом масштабе. В том числе предоставлял право на торговлю, «присвоенную купечеству».

И что же вы думаете? Оказывается, наше сверхугнетенное крестьянство за несколько десятилетий существенно потеснило гильдейское купечество. Петербургские купцы того времени жаловались на крестьян: *«Собираясь в компании или по их общему названию артелями, приходя на биржу и скупая целым грузом иностранного судна надобные для них товары и разделяя между собой по всем своим лавочкам ... здешним купцам великий подрыв и сущее разорения наносят»*. Приобретать специальные свидетельства, за которые взималась пошлина, было необходимо только при крупной оптовой торговле с оборотом в несколько тысяч рублей. Число таких свидетельств, полученных крестьянами, составляло в 1830 г. 4027, а к 1850 г. возросло до 7 482. Кроме торговли и промыслов, эти свидетельства давали право входить в казенные и частные подряды и откупа. (Крепостные могли получать такие свидетельства с согласия помещика.)

Но особенно ощутимо значение «торгующих крестьян» было в мелкой розничной торговле – это известные афени, коробейники, которых становится как никогда много. Если в Москве в 60-х гг. XVIII в. число торгующих крестьян составляло менее 3% от торгующей части населения, то в 1845 г. оно достигло 45%³. Все это говорит о том, что еще до отмены крепостного права в России поднимался зажиточный народный слой.

И здесь уместно было бы обратиться к некоторым демографическим цифрам. В конце концов, демография такая вещь, которую трудно «объехать» какими-то риторическими приемами. Посмотрим две диаграммы, подготовленные известным аналитиком В.А.Башлачевым, делавшим доклад в нашем институте.

Мы видим в первой диаграмме, что несмотря на крепостное право, происходил стабильный рост русского народа. Это динамика именно русских, включая белорусов и украинцев, поскольку тогда они официально считались одним народом. Динамика четкая, ясная, в арифметической прогрессии, цифры говорят сами за себя. Обратимся ко второй диаграмме, показывающей демографический рост в среде вольных людей и крепостных. Если в 1719 году вольных было 3,5 миллиона, то есть, более чем в два раза меньше, чем крепостных, то в конце XVIII века их было уже больше чем 50% от числа крепостных, а к моменту отмены крепостного права фактически число вольных и

³ Данные приводятся по: История России. XIX век: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 2001. – Ч.1. С. 199.

крепостных уравнилось. По мнению Башлачева, эти данные говорят о том, в империи реально развивался и бурно размножался вольный слой государственных крестьян. Это не удивительно – вообще история многих империй, в частности, ханьской в Китае, показывает, что они расцветают именно тогда, когда опираются в своем развитии на слой вольных крестьян. С другой стороны, само введение крепостного права в России было связано с кризисом старой аристократии и необходимостью обеспечивать новый мощный служилый слой. Это была тогда жизненно важная задача для самосохранения государственности.

Мне видится в этих цифрах и схемах еще и другая, чрезвычайно важная логика. Дело в том, что, как мы можем заметить, вольных русских людей становилось с каждым десятилетием все больше, а в итоге крепостное право вообще отменили, то есть вольными стали все. В этом видна определенная политика, проводившаяся через века. И такое не могло быть случайностью. В конце концов, могли бы и закрепить кого-нибудь дополнительно, никто не мешал. К примеру, могли закрепить часть крестьян на секуляризуемых землях (то есть землях, отчуждаемых у Церкви). Однако создавать и наращивать слой государственных крестьян, подотчетных лишь императору и больше никому, было выгодно империи. Это был взаимопользительный курс для царя и для народа. Из всего вышесказанного следует, что **Российская империя шла и к**

свободе, только понимаемой, конечно, по-своему, а не по-либеральному, она шла и к народному строю, к вольному и богатому народу, она шла к союзу царя и народа без посредников, без элиты-медиатора. (Конечно, возростала роль чиновничьего аппарата, но это были «слуги» царя и народа, а не суверенные господа, и говорить они должны были с «верхом» и «низом» империи на их языке.) При этом народ оставался самобытным, укорененным в своей исконной вере и культурном укладе.

Итак, не стоит вешать всех собак на Российскую империю. Не стоит и говорить, что эта сверхэксплуатация крестьян была каким-то злым умыслом или заговором против русского народа. Более точное и верное объяснение происходившему тогда – «семейное» отношение к русским как к старшим, наиболее сильным и работоспособным, наиболее цивилизованным и надежным. В семье никому и в голову не пришло бы уравнивать в «правах» старших и несовершеннолетних детей. Так же как и детей родных и приемных. (Это, конечно, не отменяет издержек и эксцессов, на которые указывают критики и обличители империи – но путать издержки с магистральным вектором национального и цивилизационного развития недопустимо.)

Любопытна схема расселения русского народа. Сегодня Максим Калашников вспомнил образ головастика с хвостом на Дальнем Востоке и головой на западе России. Сейчас, когда русские вымирают, это выглядит как головастик, а в эпохи расселения это скорее был клин, который проникал на Восток и при этом занимал стратегическую позицию по Амуру, отсекая Китай, Монголию и Корею и формируя пространство своей империи и своей цивилизации. В том числе отсекались будущие газово-нефтяные богатства от возможных конкурентов. Этот клин фактически явился осью, на которую как кольца нанизывались многие малые народы и племена.

Кто был субъектом этого геополитического замысла? Это было не государство, которое с трудом поспевало за своим народом. Поскольку шли туда вольные, не крепостные, шли они туда сами, по доброй воле. Уже потом приходили воеводы, губернаторы с войсками, строили остро-

ги. Значит, субъектом распространения русской цивилизации был вольный русский народ, первопроходцы, казаки, переселенцы, охотники и торговцы, добытчики пушнины и других благ, а уже во вторую очередь солдаты и освобожденные каторжане.

Каково было положение русских в элите? Сейчас стали чаще писать о немецком засилье в империи. Тем не менее, и элита в стержне своем была русской и основную тяжесть государственного управления несли на себе опять же русские. В.В. Розанов в статье-ответе Философому 1912 года показал это очень четко. Философов вбросил провокационный тезис о том, что творческим слоем в империи являются окраинные народы и меньшинства, – известный аргумент, который и сейчас воспроизводят. Розанов отвечает: *«Таких лиц, как чистокровные русские Никита Панин, Сперанский, граф Киселев, Вышнеградский, как роды Шереметевых, Строгановых, Блудовых, – «окраины» нам не дали. Иностранческие умы, может быть, от давления мелкой провинциальной жизни, все более мелочны, чем коренные русские характеры и умы».*

Что касается Советского Союза, действительно, национальная политика в нем была довольно противоречивой. С одной стороны, взрастили как минимум 14 прожорливых местных элит, которые на поверку оказались космополитическими в начале 90-х годов. Любопытно, что в большинстве бывших союзных государств все 90-е годы правили еще старые коммунистические руководители. Это говорит о том, что эти элиты отвергали не советскую идеологию, не советский империализм как таковой, но, вкусив власти, они захотели беспрепятственно разделить и собственность, созданную союзной экономикой, и напрямую подключиться к новым возможностям транснациональной элиты, элиты-победителя в холодной войне. Республиканские нацкадры формировались путем нескольких волн «коренизации», то есть кампаний по искусственному выдавливанию русских из местных аппаратов управления. Такие кампании несколько раз проводились в советское время вплоть до 60-х годов. С другой стороны,

была и кампания пропаганды роли русского «старшего брата». Была и система контроля над нацкадрами, когда каждый второй секретарь крупного комитета партии был русским и назначался туда, по мнению местных, как надсмотрщик. Практика, с имперской точки зрения, вполне нормальная и даже мягкая.

Что нужно русским сегодня?

На нашем круглом столе уже звучал вопрос о том, каковы реальные возможности у национального государства на постсоветском пространстве. Ну а зачем нам далеко ходить? Мы имеем перед собой два восточнославянских государства, Украину и Беларусь, фактически это две части русского народа. Можно крепко поспорить, является ли Беларусь *national state* или она остается осколком империи. Лидер этого государства постоянно подтверждает свой имперский вектор. Последняя его цитата, произнесенная месяц назад, очень красноречивая и логика в ней абсолютно имперская, поскольку Лукашенко ясно различает двойные стандарты Запада: *«У вас одна демократия для России и для Беларуси, у вас другая демократия для Европейского союза, третья демократия для Китая, четвертая – для Ирана, Венесуэлы. Пятая демократия, как оказалось сегодня, для Израиля и шестая – для арабской дуги. Вот ваша демократия...»*.

Я думаю, что у нас, несмотря на все сказанное в дискуссии, действительно есть почва для консенсуса «народников» и «державников» внутри русского национализма. И эта тема не может быть исчерпана, потому что имперская идея в России не является чем-то косным, раз и навсегда данным, это скорее русло нашего развития. А внутри широкого русла развития могут быть разные сценарии, ответвления, пороги и т.д. Здесь можно вспомнить Ф.М.Достоевского, утверждавшего следующее: *«Если идея верна, то она способна к развитию, а если способна к развитию, то непременно со временем должна уступить другой идее, из нее же вышедшей, ее же дополняющей, но уже соответствующей задачам нового*

поколения». Имперская идея это не моно-идея, а целый ряд преемственных идей. Имперская идея самообновляется. Суть ее в том, что мы, русские, создаем и несем в себе самостоятельную цивилизацию. Это наше наследие, наш союз с предками-хранителями и потомками, которые должны будут раскрыть закладываемый нами потенциал. Потому что **невозможно строить нацию в горизонте одного поколения** – такие вещи делаются надолго, на века. В противном случае, лучше их не делать вообще.

Если отвлечься от мистических аллюзий, связанных с предками и святыми покровителями народа – нация воплощает **веру в свое-высшее**, в иерархию, которая связывает народ, род, семью и человека с их высшими и лучшими состояниями. Для верующих – это жизнь святых, для атеистов – это победы и подвиги предков. И в этом своем качестве нация не только согласуема с империей, но и предполагает ее как политическое воплощение того мира, который естественно формируется вокруг народа, вокруг его веры, как развертывание духа и жизненных этого народа.

Слова Александра III «Россия для русских и по-русски» в сегодняшнем контексте звучат не так, как тогда. Если тогда они обретали смысл в контексте многовекового служения как элиты, так и народа, то сегодня мы имеем контекст «антислужения», контекст свободы, утвержденной как несолидарность, несuverенность, несамостоятельность и даже бесхребетность. При таких подменах данный лозунг может звучать лишь с акцентом на предлоге «для». Это значит, что Россия вновь представляется источником обогащения, дойной коровой, предметом для распила, пирогом, который нужно разделить. Россия в таком прочтении превращается в объект, бессловесный материал и ресурс для самоутверждения этих якобы русских, взявших за образец поведения всех прочих «доярков», которых слишком много развелось на нашей земле. Это «национализм» не только «уменьшительный», но и «понижательный».

В прицеле национально-имперского возрождения лозунг скинхедов и болельщиков нужно добавить всего одно слово: **Россия – мать для русских!**

Не может быть соревнования дояров и доноров. Либо соревнование дояров, либо доноров. Не может быть признана честной дуалистическая постановка вопроса «народ для других» или «народ для себя». Ни первое, ни второе не соответствует ни исторической правде, ни духу и архетипам русского народа. Это навязываемый нам выбор между мнимым колониальным рабством (никогда не свойственным русским) и филистерским жлобством, всегда противным и омерзительным для нас.

Либо нынешнее поколение русских берет реванш и встраивается в систему добывания России – восстанавливает свои пропорции в числе олигархов, в госорганах, в системе управления, в доступе к благам и услугам, иноэтнические кадры при этом частично либо полностью оттесняются. (Де факто это будет означать реванш не русских вообще, а русского этнического капитала.)

Либо формируется национально-имперское ядро, которое отказывается от логики «Россия для меня любимого» в принципе, заявляет свои права на Россию а значит отказывает в праве быть полноценными гражданами всем, кто не в силах отказаться от своего «для»-тства. Всех дояров, компрадоров, крупных и мелких мошенников – возрожденная империя угостит поганой метлой. Независимо от их этнической принадлежности. Не стоит навязывать русским извращение иноэтнических «дояров» – ведь для последних Россия точно не мать, а мачеха, временная родина и объект использования. Разве это повод самим русским отказываться от долга перед своей матерью?

Поскольку сегодня мы не видим никакой сплоченной группы русского капитала, то для националистов в России реальным может стать только второй вариант – национально-имперский.

Есть, правда, еще третий вариант: под лозунгами «Россия для русских», «Кавказ для чеченцев», «Якутия для якутов» и далее «Московия для москвичей», «Кубань для казаков», «Урал для уральцев» клонируются «националисты», финансируемые из-за рубежа. Исходом этого сценария, во многом повторяющего парад суверенитетов 1991-1992 годов, станет сначала раздробление русских, а затем

их рассеяние. При этом звучать на словах все будет очень красиво и убаюкивающее. (Ельцин также внушительно говорил в начале 1991 года о необходимости сохранения Союза ССР в обновленном формате, призывая при этом голосовать против старого Союза.)

Для консолидации народа сегодня нужно не образование русских республик (предложение Ельцина 1989 года и нынешних нацдемов), и не голый добровольный отказ нацреспублик от своего особого статуса (предложение единоросса Султыгова), а провозглашение русского цивилизационного проекта. Русские движения и русское государство без такого проекта скорее всего вообще растворятся, а в лучшем случае – свалются в буржуазную энтропию.

Могут задать вопрос: а как можно сегодня провозгласить русский проект, если русские друг друга не поддерживают, не солидарны между собой? На это можно ответить, что в условиях большой беды солидарность русских оказывается налицо. Данный факт хранится в нашей культурной памяти. И мы знаем, что эти русские дружба и солидарность были подтверждены и в афганскую кампанию, и в чеченскую кампанию. Здесь доказательство того, что консолидирующий русских проект жизненно необходим. Хитрость нынешней войны по удушению русского народа и свернутой в русских имперской идеи заключается в том, что нас уничтожают не в лобовой атаке, а через медлительную и лукавую духовную и информационную «эвтаназия». Русских усыпляют.

Представление о прошлом нашей страны как о сплошном мраке видится мне одним из инструментов такого усыпления, а вовсе не пробуждения. Если позади только мрак, то и пробуждать некого. Поэтому государство-нацию необходимо воссоздавать, но делать это надо творчески, и имперская идея является неременным условием для такого делания. Нет смысла замыкаться на том, что империи сводятся к прошедшему времени. Мы можем и должны создавать сегодня новую реальность, новое могущество, воплощая то, о чем мечтаем и избавляясь от тех недостатков, которые мы видим в своем прошлом.

СТАЛИН И РУССКИЕ (из не-сократических диалогов)

I

Он был верующим, по-православному, может быть, в какое-то время он и терял веру, но потом во всех борениях укрепился в ней.

о. Димитрий Дудко

Недавно, буквально на днях, в купейном вагоне, снятом организаторами солидной московской конференции, встретила разношерстная кампания. Профессор-историк из МГУ, известный философ, седовласый физик из атомного академгородка и четвертая, весьма колоритная личность – исламский шейх, родом из бывшей советской республики, в юности живший в Москве и учившийся в московском вузе. В руках его был толстый журнал, и, как вскоре выяснилось, он дочитывал роман-эпопею Леонида Леонова «Пирамида». Историк был также знаком с этим романом и несказанно удивился, узнав, что его читает шейх.

Шейх: Роман очень насыщенный и требует большого внимания и погружения в язык на каждой странице. Не так давно я дочитал чрезвычайно важный эпизод – беседа Сталина с воплотившимся ангелом...

Историк: А-а-а... Да, это пожалуй кульминация всей книги. Ну и как Вам эти сцены?

Шейх: Мысли, вложенные в уста Сталина, поразительны. Больше всего меня поражает проникновение в душу нерусского правителя России. Я и сам часто думал на эту тему. Но вот что пишет Леонов: «На приведенном эпизоде выпукло прослеживается характерная для иноземного

правителя утрата национальных черт по мере погруженья в русскую стихию...»¹

Философ: А я, к сожалению, роман не читал. Но темой Сталина занимаюсь... Может быть, прочтете что-нибудь наиболее сильное?

Шейх: Почему бы нет?.. Вот Вам пару цитат из монолога Сталина, я их подчеркнул карандашом. «Правителю иноземного происхождения, если не с однодневным кругозором, плохо спится в московском Кремле. Недружественные тени обступают его бессонное ложе. И без того выросшему в провинциальной тесноте и после многолетнего подполья немудрено заболеть необъятным русским простором – как он видится с кремлевского холма, который нынче выше хребтов Гималайских». Далее Сталин говорит о какой-то «секретной присадке к русской стали», которая позволяла веками наращивать мощь государства. И далее: «Только глупый вояка списывает в переплав пусть устаревшее туземное оружие прежде, чем опробует принятое взамен... Речь идет о пригодности русского племени как главного инструмента в решении поставленной задачи». Далее вождь признается ангелу: «За годы ссылки мне почти не приходилось слышать в простонародной беседе точного именования их отчизны. В обиходной же *Расее* не любовь к материнскому гнезду, не гордость дедовским подвигом слышится, – скорее виноватая неумелость извлечь из своей громады некую *всеобщую* полезность, способную в глазах мира оправдать несусветные масштабы обладаемого...»

Историк: А можно прочесть то место, где Сталин говорит, как русские (великороссы то есть) смотрят лично на него?..

Шейх: Да, у меня это тоже подчеркнуто. «Оттого что ум труднее скрыть, чем камень за пазухой, я и считаю опущенный среди беседы взор красноречивой уликой запретной надежды, следовательно, полуизмены... Но *эти* с детским бесстрашием смотрят мне прямо в лицо, а в

1. Леонов Л. Пирамида. Выпуск 3. (Журнальная публикация) – Наш современник, 1994. – С. 206, далее 202, 204.

сущности *сквозь меня*, примериваясь к поре, когда меня не станет. Иной же с ухмылкой преданности совсем откровенно запоминает меня впрок, чтоб потом изобразить похлеще...»

Физик: Не совсем понятно из этого, обрусел ли сам Сталин, или же русские так и остались для него загадкой?

Шейх: Одно другого не исключает. Я вообще думаю, что иноземная примесь в правителях России – это историческая закономерность. Нужна какая-то нечеловеческая сила, чтобы русские объективировали сами себя. Поэтому в лице правителя, своего, кремлевского, но немножко иноземца, России легче решить эту задачу – подойти к самой себе со стороны, выявить в себе невиданную ранее оформленность, непривычно строгую меру, выковать новую грань русского национального характера...

Философ: Вы хорошо знаете Россию, и Наверное сами, как Сталин, себя называете русским?..

Шейх: За границей я чувствую себя русским, а здесь – немножко иностранцем, совсем чуть-чуть, примерно как Сталин. (*Шейх улыбнулся.*)

Историк: Давайте поговорим о Сталине. Сегодня его имя вновь поднимают на щит и даже более серьезно, чем после ухода Хрущева или при Андропове. В общем ощущается веяние нео-сталинизма... Как думаете, с чем это связано?

Философ: Возникла потребность в личности, которая соединяла бы практику и мысль... Нуждаются в большой личности не как частной индивидуальности, но как общественном достоянии...

Историк: Но ведь именно такая потребность и порождает «культ личности»...

Философ: Собственно, культ личности Сталина – это и есть сталинизм, но сталинизм еще при жизни вождя. Символ личности, венчающей государственное целое, востребован прямо сейчас и здесь, происходит встреча мифа и реальности, их переход друг в друга. Потерявшая самодержавие страна компенсировала эту утрату, преумножив компенсацию через обоготворение пост-монарха.

Физик: Насколько я понимаю, такое происходило и во Франции после крушения монархии (Бонапарт), и в Германии после падения Вильгельма (Гитлер)...

Философ: Совершенно верно. Такая компенсация обязательно происходит.

Но она ограничена и очерчена несколькими десятилетиями...

Историк: Но вот в Англии реставрация носила буквальный характер и, строго говоря, продолжается до сих пор. Кстати, на место казненного короля новый король пришел уже через 11 лет...

Шейх: Я думаю, что в беседах о «возвращении» Сталина современные русские выражают предчувствие и ожидание имперского вождя. Но Сталин создал все-таки квази-империю, а сегодня разрешить кризис России смогла бы только империя подлинная, то есть со священным в себе измерением. Я давно отстаиваю мысль, что в нынешних условиях российская держава может состояться только в опоре на стратегический союз с исламом.

Философ: Вы имеете в виду эсхатологическую перспективу?

Шейх: Да.

Физик: Но грозит ли теперешний сталинизм вылиться во что-то серьезное? Или это нечто вроде ностальгии?

Шейх: На этот вопрос можно ответить, только если постигать само явление – Сталин и его «образ», его «отражение». В конце концов, «Пирамида» Леонова – это все-таки роман. Но как реально соотносились русские и Сталин при его жизни? На мой взгляд, Сталин строил свое превосходство на могуществе, а не наоборот. Он был загипнотизирован Россией и хотя пришел к власти вслед за Лениным и старыми большевиками, которые сами стремились быть гипнотизерами страны и тем самым навязывали ей свое коммунарное сожительство – по существу он хотел толь-

Физик: Непонятно, откуда такая любовь к России? У большевика, революционера, наконец, грузина... Шейх: Россия умеет приковать к себе иноземца, заставить его полюбить себя. Вы чистокровный русский и, как это часто бывает у вас, недооцениваете Россию...

ко одного: воспроизвести сильные черты России, помочь русским стать собою. Не в смысле повторения задов, а в смысле нового расцвета... Чтобы и державу сохранить, и себя не потерять...

Физик: Непонятно, откуда такая любовь к России? У большевика, революционера, наконец, грузина... Мне кажется, ваши мысли не соответствуют действительности. Это какие-то мифы. История вынесла Сталину другой суд...

Шейх: Россия умеет приковать к себе иноземца, заставить его полюбить себя. Вы чистокровный русский и, как это часто бывает у вас, недооцениваете Россию...

Философ: Я думаю, что мифологичны как раз суждения о «суде истории». Кто кого здесь, собственно, судит? Почему история судит только ушедших, «отсутствующих», да и история ли это тогда? Ведь она (история) соприкасалась с ними и при их жизни, вступала с ними в непосредственный контакт, но тогда она не только не судила их, но была *завораживаема* ими. Выходит, история «берет» только долгою лет и пользуется тем, что человеческие существа смертны и подвержены старению. Нет, судят всякий раз историки и публицисты, эта нескончаемая вереница многословных присяжных заседателей, и суд продолжается бесконечно. Судия же находится слишком высоко и далеко, за пределами истории, собственно. Кассация и обжалования решений никогда не кончатся. Что скажете, профессор?

Историк: Труд историка состоит в накоплении данных. А когда накопление сведений перестает быть фактором № 1, здесь вступают в силу сложнейшие комплексы мышления – интерпретация историком с этого момента зависит уже не от восприятия им интерпретируемых фактов, а от восприятия реальности вообще (т.е. реальности не сугубо исторической). Поэтому волна нео-сталинизма сегодня связана с запросами дня, с попыткой вызвать в народе какие-то задремавшие в нем силы, пробудить подземные токи...

Физик: А Вы, профессор, не разделяете тех взглядов на Сталина, которые были так распространены в перестройку?

Историк: Что Вы имеете в виду?

Философ: Он имеет в виду образ «Сосо Джугашвили» – сухорукого и рябого садиста, патология которого носила ярко выраженный паранойяльный характер. И, трясясь за свою власть, дурковатый деспот изводил миллионы порядочных людей, в том числе тех, которых никогда не видел и никогда бы не увидел...

Физик: Ну зачем Вы так? Я полагаю, что подозрения в болезненности психики Сталина не столь уж необоснованны...

Шейх: Мои близкие тоже были репрессированы... Это не мешает мне сознавать, что Сталин был человеком здравого ума... Достаточно сравнить его с другими правителями – и судить по плодам созидательной организации государства. Обвиняющие Сталина в патологии, должно быть, переносят на него собственные слабости. Они, мягко говоря, сами с собой не в ладу. И пишут о Сталине исходя из чувств какой-то мести – за пострадавших родственников, или за себя лично, или за какие-то дорогие им иллюзии, которые были попорчены советской властью. Да, эта власть гнала религию, и не мне, правоверному мусульманину, оправдывать ее... Однако же, нужно различать, где реальность, а где то, что мы выливаем на эту реальность из своего бессознательного... И нужно понимать, что в любом миропорядке есть свои темные и светлые черты и не смешивать одно с другим.

Историк (Физику): Я все-таки отвечу Вам на ваш вопрос... Видите ли, нет оснований полагать, что перестройка расставила все точки над *i* в отношении 30-х или 40-х годов. Давайте проанализируем, как вообще относились к «кремлевскому горцу» – и мы увидим с десяток непохожих подходов, в каждом из которых есть какая-то правда...

Во-первых, это точка зрения Троцкого, главного врага и конкурента, в которой был обобщен опыт многих дру-

гих партийных оппозиционеров. Во-вторых, точка зрения Бухарина («правый уклон», в отличие от Троцкого, хотя в критике сталинского «русофильства» правые и левые загадочно сходятся). Далее “полуэкспромтный хрущевский доклад”, по выражению историка Щетинова. С одной стороны, всем понятно, что хрущевские оценки и сам термин “культ личности” был временным, относительным признанием факта репрессий. С другой стороны, обозревая многие – отечественные и западные, перестроечные и демократические – варианты толкования проблемы, трудно не восхититься тем, как органично и даже грациозно было это тогда проделано Хрущевым. Дальше антисталинизм пошел в сознании диссидентствующей интеллигенции, от Гроссмана, впервые осмелившегося сопоставить фашизм с советским коммунизмом, а Гитлера со Сталиным (по сути, в этом дерзновении уже заключалось, как в зародыше, новейшее: «Сталин хуже Гитлера») – до перестроечных «очернителей». Общество «Мемориал» и движения в защиту жертв репрессий были объективно заинтересованы в нагнетании антисталинской истерии. Тогда-то и начали писать про психические болезни вождя, про его нравственную неменяемость и прочее.

Если проследить положительную трактовку Сталина, то достаточно заглянуть в воспоминания представителей партийной и хозяйственной элиты того времени – чтобы убедиться, насколько вменяемым и адекватным был этот человек. С другой стороны, отношение к Сталину иностранных лидеров (Черчилля, Рузвельта, де Голля и Гитлера, между прочим) весьма красноречиво – они видели в нем выдающегося политика, можно даже сказать, великого политика своего времени. Черчилль в 1959 году как бы в ответ Хрущеву выступил в английском парламенте с речью о Сталине, в которой сказал: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний Россию возглавил гений... Статьи и речи он писал сам и в его произведениях всегда звучала исполинская сила, эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался непревзойденным среди руководителей государств всех вре-

мен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы словно по команде встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям». Гитлер же оценивал Сталина гораздо выше чем русскую нацию в ее среднем. Об этом в своей блистательной статье недавно упомянул и Юрий Крупнов.

Физик: Это как раз один из нынешних нео-сталинистов...

Историк: Можно так сказать, но при этом нужно отдавать себе отчет, что «сталинисты» XXI века весьма своеобразны. Для них характерно ставить проблему не как в советские времена, по-другому. Они рассматривают Сталина как *наследие*, видят в нем не символ реставрации советского мироустройства, но один из продуктивных мифов, один из созидательных образов прошлого... Вот, например, еще один популярный автор Егор Холмогоров пишет о Сталине: «Его гениальный во многих отношениях ум был заточен под учет мельчайших материальных факторов и под оценку материальной действенности духовного». Материальная действенность духовного... Каково?!

Философ: Мне кажется, первым из таких «нео-сталинистов» был недавно упокоившийся отец Димитрий Дудко. Он, в юности сам пострадавший в лагерях за критику Сталина, в старости, после крушения СССР, выдвинул мысль о Сталине как о праведнике на троне, который переломил страшную революционную угрозу, свел ее на нет, так сказать... По мысли отца Димитрия, Сталин устроил так, что в «безбожном» государстве, в «безбожное» время люди жили по божьим заповедям...

Физик: Ну это бред какой-то... И это говорил священник... о правителе, при котором повсюду насаждалось стукачество, весь народ пытались превратить в сексотов...

Кстати, а сколько священников при нем расстреляли и довели до могилы?

Историк: А Вы слышали, что благодаря Сталину многие храмы не были разрушены, многие священники были спасены от гибели, а во время войны и вовсе возвращены из ссылок?..

Физик: Да, слышал. Сейчас об этом принято говорить... Это напоминает «эффект заложника», который часто «благодарен» доброму дяде-террористу. В 1943 году после «замирения» Сталина с Церковью в храмах поминался на ектенью «Богом дарованный вождь». Но почему же он начал восстанавливать Церковь во время войны, а не раньше?

Шейх: Видите ли, не стоит преувеличивать необъятность власти правителей... Если допустить, что под личной вождя пролетариата скрывался патриот и почвенник, то надо же понимать и то, что к власти он пришел все-таки как вождь пролетариата, как интернационалист, как наследник Ленина... Сколько времени и сил нужно, чтобы преобразовать эту энергию в нечто по сути противоположное?.. Вы не чувствуете логики власти, если думаете, что оттуда можно все повернуть в одночасье – что подчиненные на любой приказ отдадут честь и все пойдет поновому...

Философ: К тому же и это «преобразование энергии» должно произойти сперва в самом вожде, это тоже нелегкое дело... Ведь не только он гипнотизировал страну и партию, но происходил и обратный гипноз, как верно заметил наш собеседник...

Физик: Не понимаю, что же это, «страна» заставляла Сталина уничтожать крестьян, взрывать храмы, угнетать инакомыслящих?.. «Страна», что ли, саму себя возненавидела?..

Философ: Вы не заметили, что я сказал не только «страна», но «страна и партия». Ведь это сочиненный идеологами лозунг провозглашал, что «народ и партия едины». На самом деле какое-то подобие единства было достигнуто Сталиным в ходе войны, а до 40-х годов ни-

каким единством страны и партаппарата даже не пахло. Гипноз партии и гипноз страны были противоположны друг другу, схватка двух великих начал велась в 30-е годы за Сталина, за его личность. Они вели невидимую брань... Ведь это страшная драма... Мы даже не догадываемся, как все это укладывалось в сознании вождя.

Физик: Все это мистика... Мне представляется, что дело проще: так же как Ленин ввел нэп, потому что коммунизм был явно нежизнеспособен, так же и Сталин путем проб и ошибок со временем отбраковал наиболее завиральные из марксистских идей...

Философ: Не преувеличивайте так называемую «роль личности в истории». Сталин внимательно следил за формированием своего образа в пропаганде и широкой прессе. Однако бросал он на русскую ниву много слов, а прижились далеко не многие из них. И образ вождя формировался в результате долгого взаимного наблюдения друг за другом власти и массы в одном срезе и власти и субъектов речетворчества (идеологии, печати, литературы) в другом срезе. Не шел ли Сталин какое-то время на поводу у определенного слоя советского государства, прежде всего, того самого своего «союзника» по борьбе, тех самых «кадров», которые «решают все»? Не строил ли он свое поведение исходя из оправдания чьих-то ожиданий? Думаю, в определенном смысле это было так. И Сталин был популистом, но не демократического толка. В отношении бюрократии это был своеобразный административный «популизм», в отношении же широких масс это был более игровой, мифологический «популизм», мимикрирующий под формы исконно русского традиционализма. И здесь я соглашусь с уважаемым шейхом: постепенно все большее внимание вождь обращал на сигналы, поступающие от народных масс и от тех представителей аппарата, которые были еще тесно связаны с народом, не оторвались духовно от него... Народ, с его мягким, кротким, но мощным и не иссякающим магнетическим полем, все больше и больше воздействовал на Сталина, подчинял его себе.

Физик: Я понимаю Вас в том смысле, что эпоха сталинизма отличается особой могущественной магией жеста, а, с другой стороны, герметичностью, замкнутостью на себе. Глядя из столь неуравновешенной эпохи, как те же 80-е, действительно трудно удержать в объективе целую картину. Кто-то предпочитал восхищаться сталинской архитектурой и кинематографом, а кого-то заклинило на смаковании «Архипелагом ГУЛАГом». Но как добиться целостности анализа?

Историк: Но ведь и не все критики Сталина в перестройку так уж потеряли голову. Встречались и взвешенные оценки. Вот, например, Михаил Гефтер, книгу которого не так давно выпустил Павловский и разместил отрывки из нее на Русском журнале. Так вот Гефтер, один из самых тонких критиков сталинизма, поднимается иногда на высоту диалектического самоопровержения. В этих своих «мастер-классах» он прямо говорил, что в репрессиях 37 года Сталин протянул руку стране поверх голов аппарата, как бы соединил себя с национальным духом вопреки партийным перегородкам. Вот у меня в блокноте выписаны слова Гефтера: «В середине 30-х люди шли навстречу ему, навстречу своей смерти, – и им радостно, им хочется жить и жить! То, что позади у них трупы, их не смущает – и они не чувят приближения своей собственной смерти. Их скрытые чувства после страшного погрома на селе, который они с ним сообща учинили в начале 30-х годов, неясны Сталину и уже этим ему несносны... Он как бы предчувствует, что сумма их воля, тайный нерв этой «гласности и перестройки», не вводит его в личный контакт со страной. Террор вытекал из потребности Сталина установить прямые отношения с Россией – связь через гибель. Вот, собственно, в чем суть дела». Видите как! Получается, что действительно два начала боролись за вождя, а он был вынужден между ними маневрировать – и сначала гнобить одно начало в угоду другому (раскулачивание, коллективизация), а затем это другое порезать во имя первого (репрессии против «врагов народа» второй половины 30-х гг.). Заметьте, какая формула была найдена – «враги

народа»! До этого была «контра», пытающаяся поднять народ против власти, – с той покончили. Затем был короткий переходный период разоблачения «спецов», вредителей на производстве. А теперь заход идет с другого конца – это «враги», которые не желают остановиться, бросают вызов самому «народу», норовят сломать его... Сталин в этот момент отождествляет себя с «народом» и стремится к созданию национально-государственного монолита.

II

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором, он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история, народ не забывает!

Уинстон Черчилль

Физик: Не знаю, все же, на мой взгляд, панегирики Черчилля и тому подобные речи не объективны. Я вот читал в свое время книгу Роберта Такера² о Сталине, в которой хорошо аргументировано, что Сталин завоевал партийные круги именно благодаря тому, что не обладал харизмой – в конце 20-х годов государству был уже не нужен «новый» Ленин (то есть некая неповторимая, самоценная революционная личность), а нужен был «второй» Ленин (то есть предсказуемая политическая фигура). Или возьмем Лиона Фейхтвангера, внимательно следившего за событиями в СССР еще задолго до своей поездки туда. Он был человеком, которого нелегко провести. Об этом свидетельствует его книга «Москва 1937»³, фактологически острая и последовательная. Из 37-го года автору представляется, что внутривластная вражда коренилась в оппозиции «борец/работник». «Борец» Троцкий с его «беспримерным высокомерием», субъективизмом, но

2. Такер Р. Сталин. Путь к власти: 1879 – 1929. – М., 1991.

3. Фейхтвангер Л., Москва 1937. – М., 2001.

и талантом оратора противопоставляется Сталину, победителю, победившему потому, что он сумел сочетать в себе качества «борца» и «работника», хотя и не обладал яркой одаренностью «перманентного революционера».

Философ: Этот взгляд неверен потому, что он неполон. Игнорируются пружины, позволившие бледным истинам Сталина побивать блестящие аргументы Троцкого.

Историк: Да. Вероятно, Фейхтвангер некоторым образом попал под влияние Троцкого, который, кстати говоря, в своей книге о Сталине писал, цитирую: «Сталин завладел властью не при помощи личных свойств, а при помощи безличного аппарата. И не он создал аппарат, а аппарат создал его. Этот аппарат со своей силой и со своим авторитетом явился результатом длинной, долгой и героической работы большевистской партии, которая сама выросла из идей... Сталин не создавал аппарат, а овладел им». Однако, что бы там ни говорил Троцкий, Сталин по природе всегда был человеком независимым и мало подверженным чужим влияниям. Странно было бы не замечать в Сталине своеобразного идеологического и тактического таланта.

Физик: Не думаю, чтобы Фейхтвангер попал под влияние Троцкого... Он писал о том, что Троцкий ненавидел не столько лично Сталина, сколько само «государство Сталина», видя в нем восстановление старой имперской России.

Историк: Прежде чем стать жестким диктатором, депотом, поднявшимся над породившей его бюрократией, Сталин был вынужден в течение долгих лет существовать в условиях партийной демократии. В той же книге Троцкий так описывает качества наркомнаца: «Сталин ведет переговоры с представителями различных национальных организаций, ...которые лавировали до поры до времени, стараясь извлечь для себя выгоды из смены режима. В этих переговорах с мусульманами и белорусами Сталин как нельзя более на месте. Он лавировал против лавирующих, отвечал хитростью на хитрость и вообще не давал себя одурачить. Именно это качество ценил в нем Ле-

нин». И в другом месте Каменев якобы поучает Троцкого: «Вы думаете, что Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам по поводу вашей критики? Ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить, сперва морально, а потом, если можно, и физически... Сталин ведет борьбу в совсем другой плоскости, чем вы. Вы не знаете этого азиата...»

Шейх: Враги редко бывают объективны. Однако, по всему видно, что еще в молодом Сталине Троцкий чувствовал противника интернационализма и в некотором роде врага «еврейского засилья» в руководстве партии. Недаром Ленин обвинял «Кобу» в «великорусском шовинизме». Однако этот шовинист был сильным теоретиком в национальном вопросе и под прикрытием интернационалистической идеи ему удалось протащить во многом противоположное содержание (необычайный талант, «азитский» талант!). Ведь сталинская концепция «братства» народов прямо противоположна концепции Коминтерна с его идеалом смешением народов. Фактически во имя «братства» народов (имперского братства!) Сталин разгромил Коминтерн и лишил его политического влияния. Он указал «интернационалистам» их место – быть конспиративной силой на Западе, то есть фактически обернул «интернационалистический» инструментарий против тех, кто его изобретал и внедрял в подрывных целях в «нецивилизованные» страны...

Да-а, со Сталиным все были вынуждены считаться. Он перевел борьбу цивилизаций из плоскости публичных действий в плоскость секретных служб – он отказал Западу в праве на двойные стандарты, создав в противовес им собственный «второй стандарт».

Физик: Интересно Вы говорите. А вот модный ныне исламский философ Джемаль с Вами бы не согласился. Он считает Сталина олицетворением «чингизидской бюрократии», которая всегда «стремится к симбиозу с туземным фактором». Джемаль считает эту политическую позицию реакционной и бездуховной, подчиняющейся влияниям почвы... Я читал у него, что современные му-

сульмане, особенно радикалы типа ваххабитов – это и есть истинные наследники большевиков, так сказать, интернационалисты сегодня, и в этом спасение...

Шейх: Я полагаю, Джемаль вовсе не исламский философ, а «московский», «столичный». Для исламского философа ему не хватает необходимых знаний, без которых не может состояться ни один подлинный религиозный авторитет. Он скорее использует вероисповедные одежды для прикрытия своего «интернационализма» и оправдания «международного терроризма», в том числе чеченского. Любой вменяемый мусульманин понимает, что самостоятельный исламский терроризм – фикция. А Джемаль своим «интернационализмом» по сути поддерживает эту американскую выдумку. Позирует, обнимается на фото с боевиками – которые перед камерой отрезают голову пленному, рассчитывая при этом на одобрение мусульман. Им никогда не понять глубины и правды хадиса: «Злейший твой враг может стать твоим другом».

Физик: Наверное, для Джемалья эти снимки с чеченскими боевиками – акция чисто политическая... Он утверждает, что Дудаев пошел на войну с целью восстановить СССР, а не расколоть Россию...

Шейх: Ну, это выдумки. Не об СССР они хлопотали, но о новом мировом пожаре, подпитываемом сырой нефтью. Эти новые интернационалисты в лучшем случае идут по стопам Троцкого, столь популярного у нынешних антиглобалистов. Антиглобалисты – вот действительные наследники Интернационала.

Философ: Идея интернационализма – отработанный материал русской истории. Почему и европейские антиглобалисты имеют у нас мало шансов. Что удалось большевикам, уже никому в России не удастся. «Интернациональный» бунт до и после большевиков в России всегда был и будет бунтом шпаны (казацкие бунты, Болотников, Пугачев и т.п.). Шпане действительно безразличен фактор этнической иерархии. Но настоящей «контрэлите» этот фактор не может быть безразличен.

Историк (перелистывая свой блокнот): Кстати, в одном месте своей книги о Сталине Троцкий проговаривается. Речь Сталина, пишет он, «заклучала в себе ряд осторожных инсинуаций, которые большинству оставались непонятны, да они и предназначены были для кадров, для людей аппарата. Сталин как бы инструктировал их, как надо выступать перед массами, где нет верхов партии и где можно говорить не стесняясь». То есть получается, что в 20-е годы верхи партии выступали как своего рода надсмотрщики! И для того, чтобы одолеть этих «смотрящих от Коминтерна», Сталин как бы вступал в осторожный сговор с низовым аппаратом и народом...

Философ: Это звучит очень актуально. Все повторяется: и сейчас над нами нависли такие же «смотрящие» от международного капитала и демократических ценностей, и на подходе новые, более современные «смотрящие» – антиглобалисты...

Шейх: С вашего позволения, я продолжу про «реакционное перерождение» государства. Заметьте, потенциал сталинской экспансии был так велик, что СССР даже при нерадивых и халатных преемниках вождя продвинулся еще дальше на юг и на восток – участвуя в столкновениях в Индокитае, внедряясь в Африку и Латинскую Америку, то есть осуществляя проект «братства» народов в масштабах уже трансконтинентальных. К сожалению, после Сталина «коминтерновское» направление начало возрождаться. Но оно так до конца и не оправилось – подрыв СССР был осуществлен через работу секретных служб, только лишь при **фоновой** поддержке движения диссидентов.

Сталин не довел до конца ревизию интернационализма. И структура СССР с ее этническим федерализмом оставалась номинальной до тех пор, пока не «заработала» в конце 80-х годов, когда определенные силы начали разрушение державы. Впору задаться вопросом: не был ли советский федерализм провокацией, миной замедленного действия, заложенного большевиками под Россию?

Философ: Так называемый этнический федерализм в России – это некая коалиция местных национализмов и

автономий за счет русских, национализм которых превращается в жупел и подвергается остракизму. Русские – это как бы всечеловеки, склеивающий материал, они обязаны быть интернационалистичными, на национализм же права не имеют. Это порочная идеология, которая, кстати говоря, не обеспечивает большой стабильности государства и межэтнической гармонии. Как показал исторический опыт, локальные национализмы при таком порядке лишь тихо тлеют и дожидаются очередного «часа икс», когда ослабеет центр и можно будет вырвать у него очередную порцию льгот.

Интернационализм никогда не был свойствен традиционной России. Допускают большую ошибку те, кто видит в интернационализме нечто вроде реинкарнации старого имперского принципа. Интернационализм как массовую манипулятивную идеологию придумали марксисты и советская империя строилась не благодаря, а вопреки ему. В догмах интернационализма есть однозначная связь с идеей мировой революции и в идеале эти догмы ведут к смешению всех рас наций и выведению некоего общечеловеческого гуманоида. Ельцин взял из советского прошлого самое плохое (федерализм и остатки интернационализма, выраженного в лукавой формуле «дорогие россияне»), отбросив самое хорошее.

Историк: Сталин очень рано проявил себя подспудным противником интернационализма. В письме Ленину в 1922 г. он писал: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных национальцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах». Сталин изначально повел курс на восстановление имперского формата России, хотя и под лозунгом «национально-культурной автономии» (это был единственно возможный компромисс). И Ленин поддержал его, хотя и настоял на том, что окраины должны юридиче-

ски входить не в состав Российской Федерации, а в состав союзной конфедерации, внутри которой Россия была бы лишь одной из республик. Эти линии на карте прочертили Ленин и Троцкий. Но Сталин олицетворял противоположную унитарную тенденцию. Однако он так и не посмел (или не успел?) уйти от фиктивного федерализма.... Хотя идея эта очень скоро устарела, но ленинский федерализм остался. Постепенно Сталин вел на него наступление. В 1937 году Пленум ЦК ввел во всей стране обязательное изучение русского языка. РСФСР был признан «старшим братом» по отношению к другим союзным республикам: по Конституции 1936 года вместо сопредседателей союзного ЦИК был введен пост единого Председателя Президиума Верховного Совета СССР, – его занял представитель РСФСР Калинин.

Шейх: Такая особенность сталинского мышления позволяла Троцкому говорить о «национальной ограниченности» наркомнаца, но Троцкий с его космополитизмом оказался в итоге за бортом реальной политики, Сталину же его «ограниченность» позволила стать главным участником создания в России новых, гибридных форм государственности.

Философ: Все-таки Сталин не выработал более зрелой структуры империи, чем социал-демократическая «автономия», хотя его политика «переселений» некоторых народов в 40-е годы была намеком на возможность такой выработки. Путь к имперскому территориальному устройству был для Сталина открыт, но он не продвинулся по нему, ограничиваясь малыми мерами. Я читал книгу Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым»⁴, в которой Молотов говорит: «Надо восхищаться дальновидностью Сталина. Ведь именно благодаря ему Крым был зачислен в состав РСФСР. Туда же в свое время и по той же причине была отнесена Калининградская область, а граница Казахстана прошла не по естественному, казалось бы, рубежу – берегу Волги, а в 100 километрах восточнее». Хорошие меры, но слишком малые, как мы теперь убедились.

4. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. – М., 1991.

Физик: Роберт Такер тоже говорит о «русского красном патриотизме» Сталина. Когда Такер пишет, что «Сталин отождествлял себя с Россией», он имеет в виду обострение в Сталине сознания исторической судьбы (лучше сказать, миссии) России. В Ленине его, по собственному сталинскому признанию, привлекало прежде всего сочетание «русского революционного размаха» с «американской деловитостью».

Однако же Такер как раз сторонник психоаналитической трактовки Сталина, и он утверждает, что схема «душевной болезни» вождя, его интровертной природы связана с репрессиями и культом личности: «Его культ – приоткрывает внутреннюю завесу».

Философ: Профессор, Вы наверное знаете эту теорию? Что Вы думаете о Такере?

Историк: Да, я знаю эту теорию. Такер – ученик фрейдистики Хорни, они вообще все пытаются объяснить по Фрейду. По существу Такеру трудно возразить, но ему и не стоит возражать – сама постановка проблемы обличает многие слабые стороны фрейдизма. Вопрос ведь не в том, приоткрывает или не приоткрывает культ завесу над сталинской психикой, а в том, в какой степени, в каких пропорциях и по каким законам происходит это приоткрывание завес. Где проводить эту разграничительную линию «личности» и «эпохи», личного начала и неличной исторической стихии? Ни Такер, ни Хорни не дают ответа на этот вопрос. Они могут лишь предложить очередную психоаналитическую схему, не отличающуюся новизной.

Не следует забывать, что все это происходило на значимом фоне грандиозных социальных сдвигов. И решая вопрос, верил ли Сталин в насущность и справедливость глобальных общественных изменений, во многом решается и вопрос, удобно ли он чувствовал себя в атмосфере 30-х годов и позднее. Воля Сталина была направлена на укрепление новой партийно-советской государственности и на ее доминирование в мире. Отождествление себя с исторической судьбой страны проявлялось в остром сталинском комплексе «отставания» от передовых стран.

Однако комплекс этот имел реальную почву в свете актуализировавшейся опасности мировой войны. Цепочка «коллективизация – индустриализация – милитаризация» на деле неразрывна и внутренне необходима в связи с целью догнать индустриальные державы «за 10 лет». Нельзя сказать, чтобы были не правы те историки, которые связывают создание системы ГУЛАГа не столько с проецированием паранойи вождя на действительность, сколько с необходимостью наличия максимально дешевой рабочей силы для строительства каналов и решения лесозаготовительной проблемы. Как говорилось в отчетах НКВД, работы лагерей осуществляли народно-хозяйственные проекты «с экономией больше, чем в 4 раза». Вот откуда был почерпнут ресурс роста, вот откуда возникла возможность догнать конкурента за 10 лет. Сталин всегда имел в виду войну, и если июнь 1941 года застал его врасплох, то это был «распдох» скорее тактический, чем стратегический. Имел Сталин в виду и мировую революцию, и активность в III мире.

Критики репрессий пытаются измерить сталинизм по меркам классического гуманизма – а это, мягко говоря, некорректно. Элементы модернизированного гуманизма в сталинизме сочетались с самыми жесткими и консервативными элементами традиционализма. Этот сплав, пожалуй, и обеспечил системе прочность на русской почве, прочность, позволившую победить в войне и долго выдерживать конкуренцию с западными демократиями. Время-то жестокое было, и «капиталистические хищники» не дремали... Это не риторика.

Но недостатком сталинского сплава ценностей является высокая степень абстрактности, оторванности от действительных исторических корней. Это, пожалуй, главное уязвимое место Сталина. Тем не менее, наблюдая этот сплав и рассматривая его в качестве своего детища, Сталин – это вполне вероятно – мог лелеять в себе сознание выполненного долга. Отсюда нетрудно объяснить его пророческие в общем-то слова: «Я знаю, что когда меня

не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет».

Философ: Думаю, что психическое здоровье Сталина, а вовсе не его серость – были той главной отличительной чертой, которой он выделялся среди «старой ленинской гвардии». В молодости он был одним из классических подпольщиков и наиболее надежных организаторов конспирации и экспроприации. Соратники тех лет характеризуют «Кобу» как надежного, волевого революционера, еще на Кавказе он снискал прозвище «второго Ленина» за твердую приверженность курсу большевистского ЦК и лидера партии лично. Если мне не изменяет память, на его счету было 14 псевдонимов и 7 ссылок, членство в ЦК с 1912 года, редакторство в «Правде», «Рабочем и солдате» в 1917 году – все эти факты «послужного списка» свидетельствуют о его роли в партии в предреволюционный период. После избрания его генеральным секретарем ЦК (должность новая по раскрывающимся тогда масштабам административной работы), то есть с 1921 года, Сталин начинает пользоваться в верхнем эшелоне советской власти все большим и большим влиянием («необъятная власть», по ленинское формуле). А такого рода влияние при сталинской умелости и деловитости не могло не стать решающим фактором во внутрипартийной борьбе. К своей зрелой политике Сталин шел целенаправленно, и меня не удивляют появившиеся в последнее время «легенды», что он был послан в большевики некими православными старцами (версия, изложенная в документальном фильме А. Москвиной «Бич Божий»).

Изучая тексты сталинских статей и выступлений, трудно не отметить «педагогической» манеры Сталина, – это не расплавленный поток речи троцкистов, но создание формул, оттачиваемых до заучиваемости. Впоследствии этот стиль, рассчитанный на универсализм его применения на местах, обрастая все новыми подробностями, станет официальным языком газет и собраний. Классическим его образчиком является знаменитый «Краткий курс истории ВКП/б/». Задача Сталина – дать стереотипы мест-

ному администратору, дать язык «безъязыкому» новому человеку. До конца 20-х годов эти тенденции в Сталине едва заметны, благодаря его осторожности и огромному дару тактического выжидания, терпеливой подготовки всех значимых шагов. Даже в 28 году после разгрома объединенной оппозиции, когда сталинский костяк был уже так силен, что не побоялся отмежеваться от умеренных оппонентов (бухаринской группы), стиль мышления Сталина во многом еще оформляется в виде осторожных разъяснений ситуации, комментировании политической программы. Только в речи на апрельском пленуме ЦК в 29 году («О правом уклоне в ВКП/б/») начинает проявляться своеобразная «свирепость» генсека.

Одним из первых произведений новой, сталинской эры можно считать короткий доклад «Год великого перелома», приуроченный к XII годовщине революции. Сразу ощущается дыхание новой политической ситуации осени 29 года, когда последняя серьезная оппозиция «большинству ЦК» и «генеральной линии» (то есть фактически линии самого Сталина) – правый оппортунизм – была без особой шумихи отрезана от властных полномочий. Основой доклада является триумфальное настроение вождя в связи с победами колхозного движения. В данном тексте можно уже обнаружить ощутимые зачатки будущего сталинского парадного стиля, будущего «тоталитарного» монументализма. Это стиль своего рода *догматического диалектизма*. Нарочитый тавтологизм Сталина, как бы подчеркивание темы через повтор ключевого слова (зачастую в каждой фразе цепочки), манера «самоинтервью», создание иллюзии полемики, – все это сталинские изобретения. Но изобретения эти воспроизводят в себе эпические законы, законы речи, наделенной властью и семейно-родовым авторитетом, если можно так выразиться. Постепенно из жестокого и сурового «учительства» педагогизм этот все больше обращается в формы добродушного «отцовства».

Не резонно ли то предположение, что нэп и демократия (внутрипартийная, конечно) были связаны некими

глубинными *внутренними* *узлами*? Так в речи «О работе в деревне» (1933) Сталин произносит слова, которые еще недавно могли бы показаться недопустимыми, направленными на «зажим» инициативы низов или же недооценивающими классового врага: «Не в

Сегодня нашему обществу требуется нечто вроде нового Сталина, не буквальное его повторение, конечно, но тот же дух, та же государственная ответственность. И если Путину не удастся осилить такую задачу, значит на смену ему придет другой лидер, который ее осилит.

крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне».

Мы и сейчас переживаем нечто вроде нэпа, только не большевистского, а международно-олигархического – и вновь встает вопрос о том, *чей гипноз сильнее...* Я думаю, что на вопрос профессора, с которого начался наш разговор, следует ответить так. Сегодня нашему обществу требуется нечто вроде нового Сталина, не буквальное его повторение, конечно, но тот же дух, та же государственная ответственность. И если Путину не удастся осилить такую задачу, значит на смену ему придет другой лидер, который ее осилит.

Историк: Из чего это следует?..

Философ: Лидеру России в ближайшее десятилетие придется решать задачи, типологически сходные с теми, что решал Сталин в 30-е годы. Тогда **свежая стабильность** государства заключалась в том, что аппарат был постоянно терроризируем властью, репрессии не позволяли ему распускаться – это была жесткая, а не рыхлая деспотия, в какую она обратилась в 60-70-е годы. Кстати, первым уподобил Путина Сталину опять же отец Димитрий Дудко, о котором мы уже говорили.

Если сравнивать двух вождей, то я бы сказал следующее: Сталин в 20-е годы был гораздо осторожнее, чем Путин в наше время. Сталин был гораздо либеральнее по от-

ношению к своим врагам. Троцкого он выслал из страны только в 1928 году. А Путин уже в первые годы своей власти по сути выдавил за границу Березовского и Гусинского. В 2003 году Путин наносит удар по последнему оплоту либеральной оппозиции: разворачивается кампания против Ходорковского. В непосредственной связи с этим объявляется отставка Волошина – этого символа «старой ельцинской гвардии» в руководстве России. В 2004 году отставкой Касьянова Путин подводит черту под эпохой целенаправленного выдавливания своих противников из власти. Эти события напоминают разгром «правого уклона» в ВКП(б), который предшествовал «году великого перелома». Через десять лет сталинские репрессии против господствующей партийной элиты достигнут пика. Не ожидать ли и нам в ближайшие годы начала репрессий, а не просто мягкой «ротации» нынешней элиты? Возможно, что Сталин, как говорится «мягко стелил», но потом ожесточился, а у Путина будет обратная тенденция – но тем не менее следует ожидать сгущения туч над «старой элитой», «элитой 90-х»...

Шейх: Сегодня Касьянов с одной стороны, а Березовский и Невзлин из-за границы пытаются использовать свой последний шанс против Путина – Невзлин уже прямо говорит о «новом сталинизме»... (оригинальный материал в Нью-Йорк Таймс, перепечатано «Вестником Израиля») Вот только справится ли Путин с этой задачей? Все-таки современный нэп еще не отброшен «к черту», правительство все еще в руках министров-революционеров...

Физик: Я согласен, пожалуй, что параллель работает... Но вот не так давно вышла книжка в двух томах, называется «Двести встреч со Сталиным»⁵. Там на нашу тему есть очень интересный эпизод. Это встреча Сталина с писателями в 1947 году, вспоминает о ней Константин Симонов. Мысль, которую внушал на этой встрече нескольким маститым писателям Сталин, была такой: воспитывать советский патриотизм, искоренять в интеллигенции преклонение перед заграничной культурой. «Это традиция

5. Журавлев П.А. Двести встреч со Сталиным. В 2-х кн. – М., 2004.

отсталая, она идет от Петра, – сказал Сталин. – Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет снимать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия...» «Надо уничтожить дух самоуничужения... Надо на эту тему написать произведение... Надо противопоставить отношение к этому вопросу таких людей, как тут, – сказал Сталин, кивнув на лежащие на столе документы, – отношение простых бойцов, солдат, простых людей. Эта болезнь прививалась очень долго, со времен Петра, и сидит в людях до сих пор».

Философ: Хорошую Вы цитату откопали... *Уничтожить дух самоуничужения* – вот какую задачу поставил Сталин. Такие слова просто так не рождаются. Как говорится, от избытка сердца говорят уста...

Физик: Но как это понимать? Ведь уничтожение, смирение – это наше традиционное, духовное достояние...

Шейх: Уничужение разное бывает. Сталин говорил о самоуничужении, которое сродни предательству... Вообще же в той мысли, в самой зрелости мысли Сталина заключается какая-то загадка...

Философ: Да. Масштаб мысли Сталина здесь уж очень велик. Может быть, и впрямь его богоносные старцы благословили на «хождение в революцию»? Как думаете?..

ГОРОД ГНЕВА

Выступление на заседании

Изборского клуба в Волгограде

4.11.2013

Нет ничего выше подвига положить душу за други своя. А на втором месте после него высочайшая честь для человека – это почитать подвиг, подвиг своих предков, подвиг своих святых. Это высшая человеческая способность, которая делает человека человеком, прямоходящим, смотрящим вперед и вверх. И в этом смысле нам очень важно огласить, озвучить эту мысль о том, что через имя, в том числе и через имя города-мученика, мы тоже выражаем свою способность почитать подвиг.

Отнятие имени Сталинград в 1961 году, понятно, тогда носило свою сиюминутную политическую подоплеку, но это была попытка отнятия не только имени, но и определенной метафизики победы. Один из бывших врагов, генерал Дёрр писал, что под Сталинградом Россия начала превращаться в мировую державу. Это признал враг. Несомненно, величие этого подвига беспримерно и многие из членов нашего клуба убеждены, что это величайшая победа в истории России, на которой, фактически, вращается, как на некоем стержне, наша история.

Возникает вопрос: но ведь это имя связано с именем Сталина. Мы знаем, что по-разному в нашем обществе относятся к Сталину. И более того, всегда будут относиться по-разному. Однако мы видим, что произошли две большие попытки десталинизации: хрущевская и перестроечная. И в ответ на эти две попытки в народе возникла сначала тихая, а потом все более мощная реакция, некий противоток. Он и сейчас происходит и даже усиливается.

Это говорит о том, что нет какого-то одного истинного образа исторического лидера. Так же как есть летописная история, допустим, образ Владимира Крестителя, Красное Солнышко, а есть былинный образ князя Владимира. Это разные образы, они во многом не совпадают. Но историки бесконечно дискутируют, переоценивают исторические факты, с каждым веком поворачивают их по-новому и предлагают новый их набор. А народ своей сверхрациональной интуицией постепенно намывает золото исторической правды. Народ создает собственный национальный миф, и этот миф не меняется. Потому что то, что передается из уст в уста, – это высшая истина, это интуитивная истина. **Всякая ложь устной традицией отфильтровывается, отбраковывается.** Народное сознание чувствует ложь и правду.

И вот такой же Сталин, Сталин эпический тоже постепенно возвращается на противотоке десталинизации, которая дважды осуществлялась сверху и чуть было не была запущена недавно в третий раз. Сталин возвращается не из документов даже архивных, не из каких-то отдельных высказываний, а из того, о чем сказано в Евангелии – по плодам их узнаете их, узнаете по результатам дел, по добру, которое было принесено.

Несомненно, Изборский клуб тоже родился на этом противотоке. При этом мы не считаем, что возвращение имени Сталинград означало бы торжество неосталинизма. Речь идет о возвращении совсем другого – исторической справедливости, правды исторической. К слову об истории этой земли, действительно, существуют разные трактовки того, почему город назывался Царицын. Но для русского народа, конечно же, Царицын не означал никогда понятия «желтая река» (тюркское «сары-су»). Все-таки, Царицын ассоциировался с высшей духовной реальностью, и для русского народа это был город Царицы небесной.

Переименование Царицына в Сталинград парадоксально оказалось очень точным. Я, как православный человек чувствую здесь глубокую связь, потому что

в 1918 году, когда не стало русского государя, как известно православным, произошло явление Державной иконы Божией Матери, и было откровение, что отныне она будет опекать Русскую землю, будет непосредственно ее царицей. И вот так получилось, что, хотя совершенно невозможно было себе это представить в 20-е годы или в 30-е годы, но спустя десятилетия после Великой Победы мы все больше и больше начинаем понимать, что эти имена связаны. Потому что именно Сталин стал орудием в руках Царицы небесной, именно через Сталина она вернула то, что, казалось бы, вернуть уже было невозможно: вернула державу, и даже вернула православие в определенной степени. Произошли и многие другие важные вещи, которые я сейчас не буду перечислять. Но эта интуиция мне очень дорога, и я считаю, что в этом смысле Сталинград и Царицын друг другу не противоречат. Это единая духовная реальность, прокаленная огнем великих страданий страшного XX века. Сталин был, конечно, проводником не столько милости, сколько гнева, оружием жестоким и кровавым. Милость приходила уже после гнева и наказания. Но важно понимать, что гнев не был чем-то внешним по отношению к народу, он воспламенял и сам народ.

Сталинградская битва произошла здесь еще и потому, что это место было очень притягательно для врага и с точки зрения геостратегической, и с точки зрения символической. Об экономических аспектах сталинградского наступления много и часто говорят. Но когда-то здесь была вторая столица Золотой орды, Сарай-Берке, буквально несколько десятков километров, насколько мне известно, от Сталинграда. Это место, куда приезжали князья за ярлыками на княжение. И в то же время это место, где Дон-батюшка и Волга-матушка сходятся очень близко, эти два великих бассейна, как мать и отец смыкаются и формируют лоно, в котором вырос русский народ. И наш народ всегда мечтал о том, чтобы можно было переплыть из Дона в Волгу. Раньше волоком корабли перетаскивали, а потом стали возникать проекты строительства этого канала. И первый проект восходит к Петру I, потом был про-

ект уже в начале XX века. Но только в советский период и мощь техническая, и кадры необходимые, специалисты и та энергия, которую развил народ – позволили этот проект реализовать. Все это говорит о стратегическом значении этого места, захватив которое враг получал бы серьезные преимущества.

К слову о канале, все три великих русских канала были построены в эту трагическую и великую эпоху, эпоху Сталина. Известно, какой ценой достались они: Волга-Дон, Москва-Волга и Беломорканал. Я сам родился на берегу канала Москва-Волга, и еще в детстве видел вдоль него многочисленные проваленные могилы заключенных. И в то же время мы понимаем, что это было строительство не просто транспортных коммуникаций, это было строительство **очага мировой цивилизации**. Такие огромные свершения, такая огромная созидательная деятельность, которая была развита в ту эпоху, означает, что Россия была предназначена к высшему развитию цивилизации. Мы видим на многих исторических примерах, что когда у власти находятся те люди, которые не планируют превращать свою страну в великую цивилизацию, они ничего здесь не строят, они отсюда все вывозят, и таким образом помогают строить где-то в другом месте. Все это говорит о том, что то была действительно великая эпоха созидания, борьбы, и победы.

Нам думается, что возвращая это славное имя городу, мы будем способствовать возрождению и Волгоградской области, и всей страны. Потому что с именами связан продуктивный национальный миф. (Произнося слово миф, мы говорим это в сугубо позитивном смысле, – миф это не иносказания, не фигуры речи и не фантазии, миф это жизнетворческое начало, способность творить и воплощать то, чего еще сейчас нет или чего, кажется, что сейчас нет.)

У еврейского народа на выходе из Второй мировой войны родился проект Холокост, символизировавший его жертву. А у русского народа до конца так и не сложился проект, символизирующий нашу победу. Я очень был близок с протоиереем Димитрием Дудко, у него была такая

мысль: еврейский народ, несомненно, мессианский, и он сам себя называет богоизбранный. А русский народ тоже мессианский, но не богоизбранный, а богоносный. Как говорил отец Димитрий, это означает, что русский не может жить без Бога, не может оставаться человеком без Бога. Это два разных типа мессианства.

Наш ответ на страшную для всего рода человеческого угрозу гитлеризма и стоящих за Гитлером мировых разрушительных сил, сил сатанинских, был иной, чем у евреев. Наш ответ был связан с тем, что русский человек отвечает на зло активным воинственным началом, воинствующей, гневной борьбой за Божию правду. И вот это мессианство, мессианство гнева и было явлено здесь.

ИМПЕРАТОР-БАТЬКА И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

**(открытое письмо
патриотам Русской земли)¹**

Как нам решить пять сложнейших задач нашего времени? А именно:

Объединить вокруг общего дела большинство патриотов, дав им реальную возможность перестать меряться своими амбициями?

Повернуть в обратном направлении процесс распада исторической России, запущенный в 1991 году?

Повернуть в обратном направлении процесс распределения и растраниживания советского наследия, осуществляемый до сих пор путем приватизаций, разгосударствлений и просто разворовывания нашего общенационального достояния?

Восстановить цивилизационную суверенность державы, свернув на собственный, не-западнический, не-либеральный путь развития?

Найти точку сборки и соединения носителей социалистической, националистической и консервативно-традиционалистской идей и вдохнуть тем самым в наш изверившийся в политике народ надежду и способность доверять новой национально-имперской власти?

1. Это письмо в виде доклада было озвучено автором на консультациях патриотических сил в Институте динамического консерватизма 1 июля 2011 года (где собрались представители инициативной группы по созданию Русской коалиции, Державного союза России, Народного собрания России и др. сообществ). Ведущую идею письма посчитали продуктивной и перспективной многие общественные деятели, в том числе: заслуженный деятель науки Б.А. Виноградов, сопредседатели движения «Народный собор» О.Ю. Кассин и В.Е. Хомяков, писатель Максим Калашников, А.И. Никитин (руководитель ПЗРК «Русь»), А.Н. Савельев (председатель «Великой России»), Д.Ш. Халидов (сопредседатель «Российского конгресса народов Кавказа») и мн. др.

Ответ на все эти вопросы есть!

Более того, в этом ответе содержатся решения еще множества других, весьма болезненных и страшных вопросов текущего момента.

О «народном президенте»

1. Сегодня в России активно формируются несколько центров патриотических сил, имеющих разные оттенки, но охваченных одним замыслом – выдвижением на выборах 2012 года кандидатуры «народного президента».

2. Идея «народного президента» и «альтернативного президента» сама по себе лишь заявка на политическую предметность, но реального предмета для союза патриотов в ней нет. Дело не в недостатке программы, и даже не в отсутствии ясно обозначенной цели, а в отсутствии у нас времени и проектных возможностей для выращивания в столь короткие сроки узнаваемого патриотического вождя. Не замечать этого – наивно.

3. Если бы основная часть патриотов сейчас договорилась сформулировать единую руководящую ими цель и программный минимум для своего будущего кандидата – они, как показывает прежний опыт, в процессе реализации своих договоренностей погрязли бы в идеологических спорах и разногласиях. Результат был бы неминуемо фракционным, а не общепатриотическим.

4. Поэтому, признавая тезис: «В России много достойных людей – прекрасных кандидатов в президенты» – мы мало чего меняем в действительности. Выпускание нескольких больших и сверкающих патриотических мыльных пузырей приведет к срыву самого замысла и к тому, что наиболее амбициозные перессорятся, а все остальные разочаруются.

5. Максимум на что могут рассчитывать такие кандидаты, не обеспеченные реальной консолидированной организационной силой – сыграть в роли Лебеда-2, о чем

я уже писал. Но даже и до роли генерала Лебеда 1996 года нынешним претендентам еще расти и расти.

6. К примеру, сегодня на подобную роль может претендовать Рогозин, фигура вызывающая, мягко говоря, сомнения после краха проекта «Родина», с неаккуратной и неоднозначной передачей его человеческих ресурсов «Справедливой России». А с другого, национал-либерального края, на ту же роль может претендовать Навальный, если американские банкиры и Госдеп его еще «подраскрутят».

7. Необходима очень краткая и ясная сверхзадача и чрезвычайно емкое и убедительное решение. Иначе коалиция коалиций у патриотов не сложится, а если даже и сложится, то тут же скатится к череде расколов и распадов.

8. По моему глубокому убеждению, такое изящное решение есть.

Под предлагаемое здесь решение можно собрать если не поголовно всех, то почти всех подлинных русских патриотов, как русских по племени, так и русских по духу. Это решение позволит не только сплотить большинство патриотических политпартий (естественно, не зарегистрированных Минюстом), общественно-политических организаций, союзов, клубов, сетевых сообществ, но и огромную массу неорганизованного ни в какие структуры народа. Под это решение можно будет собрать достаточный бюджет у инвесторов, в основном среднего и мелкого бизнеса России, стонущего под гнетом многоклановой олигархии. (Во-первых, это бизнес с контрактами в Белоруссии, кровно заинтересованный в ее развитии, а не спаде, во-вторых, это бизнес, который устал от российской искривленной экономики и антинациональной политики, готовый дать деньги под стоящую и заслуживающую поддержки коалицию патриотов, буде такая возникнет.)

Ключевая идея

9. У всех возможных патриотических альтер-кандидатов, несмотря на их таланты, теоретические заслуги

и деловые качества, жизненный опыт и потенциальную гениальность, есть принципиальнейший недостаток – они нуждаются в проверке их способности быть национальным вождем.

10. Сегодня в пространстве русского мира есть лишь один действующий и прошедший все проверки подлинно патриотический государственный деятель, имперский по размаху своих дел, стойкости и мужества. Это Александр Лукашенко. Беларусь бабки держится до сих пор, будучи последним бастионом исторической России, несмотря на огромное давление элит Запада и РФ, несмотря на рукотворные проблемы, конструируемые спецслужбами и стихийные кризисы, подстегиваемые крупными и мелкими спекулянтами.

Лукашенко и внутрироссийские патриотические силы объективно нуждаются друг в друге

11. Но Беларусь, в отличие, скажем, от Украины, демонстрирует при этом невероятно успешную модель выживания, подлинный **русский путь** в постсоветских условиях. Это та самая альтернатива Западу, которая отражает глубинную суверенность, самостоятельность и культурно-историческую самодостаточность России-цивилизации.

12. О народном характере белорусского государства в большой России ходят даже не легенды. О нем у нас **достоверно знают**. Несмотря на оголтелую и порою развязную антилукашенковскую пропаганду в российских СМИ, вплоть до омерзительного и плохо скроенного прошлогоднего фильма «Крестный батька», невзирая на слепую и безоглядную клевету Запада, достаточно заехать в любой провинциальный городишко, в любую деревню, на любую железнодорожную станцию – и там, в случайном ли разговоре с попутчиком, или в задушевной беседе за рюмкой с соседом, земляком, дальним родственником – мы всегда услышим, что реально думает об этом народ. Щедро финансируемые пропаганда и клевета могут сколько угодно бессильно скрежетать зубами, а официозные соцпросы – брезгливо игнорировать действительные цифры. Им никто не верит. (Последний пример – передача

В.Соловьева 30 июня, в которой рейтинг Жириновского явно накручивался, а ведущий попросту не давал Проханову сказать слова в защиту батьки.)

13. Среди профессионалов общеизвестно, что по сравнению с другими государствами СНГ Беларусь *прошла кризис с наименьшими потерями*. Проблема у батьки одна – маленькая экономика имеет мало возможностей для внутреннего маневра, чрезвычайно зависима от внешних рынков сбыта. Нынешний финансовый кризис в Белоруссии, которым наши СМИ напугали даже многих сторонников батьки, ведет в будущем к еще более бурному подъему ее компактной, но мощной экономики, так же как дефолт 98-го года оздоровил гораздо более слабую в производительном плане экономику РФ. Опираясь на Китай и других союзников, батька не отдаст свой выстраданный уклад на съедение транснационалам.

14. Главная опасность для него иная – политическая и военная. Похоже, что душить его будут последовательно и со все возрастающей наглостью и нахрапистостью. И при сохранении в РФ прежних тенденций – обязательно задушат. В России за антибелорусскими либералами в правительстве с их «газовыми войнами» стоят олигархи-сырьевики, которым мешал разработанный в 1996 году единый баланс топливно-энергетических ресурсов. Этот баланс, выгодный народу обоих государств, выгодный нашим потребителям бензина, мазута, газа, не выгоден тем, кто получает сверхприбыли от продажи сырья, – и поэтому он в последние годы был разрушен². Батьке жизненно необходимы мы, русские патриоты внутри большой России. Без нашей победы и ему не выстоять.

15. Сплотить патриотов России, включая представителей всех коренных народов, всех традиционных религий, при этом как сторонников советского типа социализма, так и сторонников национального капитализма – можно через **анти-беловежский сценарий, контр-ельцинскую стратегию**. Наш кандидат объявит себя контр-Ельциным

2. См. научный анализ этих негласных процессов: Годин Ю.Ф. Белоруссия – это «Брестская крепость» современной России. – М., 2008. – С. 145-156.

и провозгласит один главенствующий пункт своей программы, свой президентский обет: начать сшивание разорванной по дьявольскому сговору державы, воссоединяя Белую и Великую России, два исконных куска страны. Не два братских народа, нет! Но две ветви одного государствообразующего народа.

16. Наш кандидат в президенты объявит, что он **идет на выборы не за власть**. Он идет на выборы, чтобы выполнить миссию воссоединения. После его победы немедленно будет объявлен референдум о воссоздании полноценного союза и проведении выборов нового, теперь уже союзного президента с передачей ему верховенства власти. (Конституционные и прочие правовые детали этой комбинации нужно долго и тщательно прорабатывать, но в ней нет ничего юридически и политически нереального.)

17. Таким образом, программа-минимум, программа-символ русской патриотической оппозиции в 2012 году должна звучать очень просто – немедленное воссоединение РФ и Белой Руси по принципу «одно государство – две модели экономики». Это воссоединение может пройти в два этапа: сначала воссоздание союзного государства, а затем, если так решит на референдуме народ Белой и Федеративной Руси, полное слияние двух политических систем. После этого полномочия российского и белорусского президентов могут быть сложены в пользу одного центра власти.

18. В результате избирается один парламент, утверждается одна конституция, формируется единое правительство. Естественно, оно должно не импортироваться из Минска, а сложиться на основе патриотических элит обоих государств. У нас появится один президент, один император – Белой и Великой России, двух Русских земель. Батка – это и есть русское название для императора. Это не просто вождь, не просто полководец и повелитель, но и «отец родной». Здесь сходятся архетипы атамана, царя и старшины, которые отличаются от «просто начальни-

ков» тем, что своих не сдают. Лукашенко это свое звание уже подтвердил.

Технология реализации

19. Автор этих строк прекрасно понимает, что широкое оглашение данной инициативы может сыграть в тактической перспективе и против Лукашенко. Оно может ускорить реализацию стратегии на его удушение. Но и замалчивать эту идею тоже нельзя. Широкая поддержка этой идеи способна и подтолкнуть Кремль к сближению с Белоруссией, сработать как своего рода «принуждение» к доброму делу.

20. Возможны и подозрения: не провокаторы ли мы, не имеем ли в виду цель поссорить батьку с Путиным и К⁹ и т.п. Косвенное доказательство, что это не провокация – тот факт, что данный замысел вынашивается давно и последовательно, впервые идея «двухходовой схемы» была озвучена мной еще на учредительном съезде партии «Великая Россия» в 2007 году и не прошла незамеченной властью. Провокации так не делаются.

21. Подозрения же о том, что это Минск инициирует озвученный план, мы должны отметить. Наши контакты с батькой до поры до времени должны быть минимальны. Проект должен быть внутрirosсийским делом, независимым от Белоруссии и организационно, и материально. Единственное, в чем мы будем нуждаться уже скоро – в качественных информационных материалах о положении в Белоруссии, качественных и оперативных материалах о деятельности и высказываниях Лукашенко. Мы должны будем через интернет, дружественные радиопередачи и газеты, через распространение печатной продукции и дисков уничтожить блокаду и сорвать истеричную игру против батьки олигархических масс-медиа.

22. Далее, переходя к технологии подготовки к выборам, можно видеть несколько ключевых звеньев работы: во-первых, создание крепкой, достаточно монолитной коалиции, чтобы уменьшить в дальнейшем проблемы с теми,

кто будет уводить нас от главной цели, сбивать с пути.

23. Во-вторых, понимая, что личность нашего кандидата, технического, «переходного» президента не обязана представлять собой апофеоз харизматичности – хорошо бы представить себе портрет именно такого лидера, который борется **не за свою личную власть, а за Россию**, такого лидера, который счастлив своей миссией: не занять престол, а подготовить путь к престолу. (Кстати, именно так действовали Минин с Пожарским, не претендовавшие на власть.) Нужен мужественный, непреклонный и праведный человек на эту роль, у него должна быть сплоченная группа единомышленников и, на всякий случай, пусть небольшая, скамейка запасных.

24. Далее, в-третьих, коалиции необходима профессиональная команда исполнителей, опытная и хорошо знающая свое дело – в сфере информации, пропаганды, организации выборных технологий, их юридического сопровождения, наконец, силового прикрытия. Никаких доморощенных, построенных на эмоциях ресурсов, вроде полудремлиющего сайта Лукашенко-2008, быть у нас не должно. Также неприемлемы и никакие чисто общественные, проектируемые на авось, кампании по сбору подписей. Дело слишком серьезное.

25. У нас есть все необходимое, чтобы отчетливо продемонстрировать сравнение двух моделей – лукашенокской и ельцинско-путинской. Особенный упор нужно делать на последние годы, на жесткий анализ текущей ситуации в РФ, на то, что каждый гражданин испытывает на своей шкуре. Нужно показать, кто, на чьи деньги, в чьих интересах и к какому результату ведет все отрасли нашей национальной жизни: промышленность, энергетику, социалку, армию, образование, науку, культуру и т.д. И тут же сличить эти векторы с теми векторами, которыми руководствуется батька.

26. У нас есть и могут быть разногласия о путях развития страны, у нас могут быть и разночтения в том, как мы оцениваем путь, проделанный Белоруссией Лукашенко. Но очевидно другое: на первое место необходимо

поставить цивилизационный суверенитет и собственный путь развития Русской земли. Все остальное – менее существенно и должно быть отложено в сторону.

27. Сила этого замысла в том, что у нас нет необходимости бряцать программой преобразований, которую перед выборами никто в РФ не читает. Нашей программой станет живая Беларусь – неустранимое в своей наглядности доказательство реальности собственного пути исторической России.

На полях замысла

28. В стратегической перспективе такой курс означает развитие процесса воссоединения исторической России (соответствующие предложения Абхазии, Осетии, Приднестровью), а также переговоры с Казахстаном и Украиной по поводу интенсификации путей взаимной интеграции. Император начнет переговоры не только с государствами, но и с распыленными повсюду русскими общинами об их участии в процессе воссоединения. Такой замысел может показаться многим чистой фантазией и маниловщиной. Ведь сегодня так популярны взгляды «кашистов» (по имени О.Кашина) о неминуемом распаде РФ и образовании на ее месте нескольких уютных европоподобных государств. Но для нас кашинский сценарий, так же как другие предложения по уменьшению пространства России, неприемлем. Напротив, мы видим, что о крушении СССР (не как сугубо коммунистического проекта, а как геополитического проекта, то есть империи) сегодня жалеют все его народы. В первую очередь русские, но также и армяне, и таджики, и другие народы СССР в массовом порядке (в последнее время такие настроения заметны даже среди прибалтийских народов). Сейчас еще не упущен уникальный исторический шанс – еще не поздно поднять знамя воссоединения тех, кого обхитрили, предали и продали. И поднять такое знамя и удержать его по силам именно императору Великой и Белой Руси.

Часть III.

ЛОГИКА ПУТИНА

НЕВОСТРЕБОВАННАЯ «ВЕЧНАЯ РОССИЯ»¹

Восемь лет путинского иллюзиона

Восемь с лишним лет правления Путина – эпоха парадоксов. Удалось добиться замирения в Чечне и угасания террористической активности, переформатирования властных отношений в центре и регионах, утроения числа российских миллиардеров – реальной опоры власти. Все остальные перемены носили половинчатый и камуфлирующий характер. За эти годы был проеден данный России Богом существенный ресурс необычайно благоприятной внешней конъюнктуры. Не столько даже нефтяных и газовых денег, сколько ресурс свободы от внешних угроз, когда наиболее агрессивные мировые игроки отвлеклись от России и «не занимались» ею.

Путин прославился как виртуоз двусмысленности – в любом, даже достаточно ясном его публичном утверждении содержался экивок в противоположную сторону. Он оказывался вроде бы как «своим» и для Запада, и для Востока. «Своим» как для патриотов, так и для либералов, как для широких масс, так и для капитала. Он проявил дар нравиться внутри России враждующим антиподам, особенно на фоне опостылевшего большинству нации расчленивателя и капитулянта Ельцина.

1. Статья впервые опубликована в итальянском журнале Limes (2008 № 3).

Но когда руководитель страны выступает в качестве иллюзиониста – это тоже рано или поздно всем надоедает. Во второй президентский срок Путина иллюзион приобретал все более углубленные черты. Он вырос в целую артистическую систему «путинской стабилизации» с показательными акциями. Когда государство верой и правдой служит олигархату, молчаливому сговору между крупными магнатами, такой спектакль выступает как всеобъемлющая операция прикрытия. Именно поэтому так много говорилось в путинской России о стабильности. Внешне речь шла о стабильности всего общества, но в сущности – о фиксации и консервации крупной собственности, стабилизации той системы, которая в 90-е годы была откровенно криминальной, опасной и подвижной. Несомненно, теперь это был уже другой олигархат, наступила фаза установления баланса интересов. Те же, кто попытался нарушить складываемый баланс, опрокинуть Россию обратно в 90-е (Березовский, Гусинский, Ходорковский), поплатился за это.

Одной из ключевых тем путинского иллюзиона стала игра на контрасте: что было в 1999-2000 годах, и что стало теперь. При этом скромно умалчивалось, какую в сущности альтернативу предложил ельцинской эпохе Путин. Для многих вопрос об этой альтернативе – идеологической ли, стратегической ли, подспудной ли – остается загадкой до сих пор. Но что изменилось в действительности – так это атмосфера в СМИ. Пошлости не стало меньше, но стало гораздо меньше злорадства и амбиций. Центральные каналы ТВ все больше возвращаются к тем терапевтическим функциям, которые были свойственны им в эпоху позднесоветского «застоя». Убаюкивающие интонации вызывают у старшего поколения эффект дежа вю.

Даже новые веяния 2006-2008 годов не отменили режима иллюзиона, не превратили неопределенную риторику в какое-то подобие идеологии. Знаменитая речь в Мюнхене была чистой воды иллюзионизмом. Впечатлены этой речью были и в Европе, и в Азии. Мы помним тот нескрываемый восторг, с которым встречали Путина

после Мюнхена на Ближнем Востоке. Но за ярким эффектом не последовало никаких серьезных шагов во внешней политике. В своей риторической борьбе против наступления НАТО и США Путин уже много лет не находит ничего лучшего как сетовать на нечестность западного партнера, которому Россия уступила по всем позициям по доброй воле и намекать на какие-то «асимметричные ответы», на то, что Россия «примет необходимые меры» и т.п. Жесткость ряда англоамериканских газет по отношению к Путину, книги вроде «Новой холодной войны» Эдварда Лукаса оказываются в этом свете элементами внутрироссийского иллюзиона.

То же касается и борьбы с олигархами, о которой годами звенели российские и зарубежные СМИ. Это была расправа с политическими конкурентами, а не с крупным бизнесом как таковым, который остался безраздельным хозяином страны. Медийные «утки» про ползучую национализацию частных компаний в конечном счете обнажили изнанку происходящего – в большинстве случаев государство за огромные деньги выкупало у приватизаторов активы, которые в свое время достались самим приватизаторам за бесценок («бархатная реприватизация»).

Неуклюжая игра в национальные проекты, с помощью которой власть пыталась компенсировать отсутствие нормальной правительственной политики в социальной сфере и преодолеть обычные в России чиновничий саботаж и воровство, также сопровождалась большим иллюзионом. Особенно ярко проявился этот стиль в отношении демографического коллапса – самого острого и болезненного за всю историю России. Если долго повторять, что кризис позади, многие начинают в это верить. В своем выступлении на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года» Путин в очередной раз заявил: *«Недавно, вы помните, мы сформулировали демографическую программу. Было очень много сомневающихся, будет ли какой-то толк от этих государственных вложений. И сегодня я с удовлетворением могу констатировать: толк есть. В прошлом году была от-*

мечена рекордная динамика прироста рождаемости за последние 25 лет. И родилось так много детей, сколько не рождалось последние 15 лет в стране». Эти слова можно было бы расценить как констатацию триумфа, если бы не печальное обстоятельство, о котором президент умолчал: Россия продолжает вымирать и убыль населения исчисляется не единицами, а сотнями тысяч человек. Демографический коллапс не преодолен, а лишь сглажен. Неясно, чего в этом сглаживании больше – спонтанной общенациональной реакции на крушение человеческого потенциала страны в 90-е годы или эффекта от раздачи «материнского капитала». Скорее дело в первом, чем во втором. Но честная формулировка проблемы сегодня не в фаворе.

Это программное выступление Путина на Госсовете 8 февраля строилось все на том же контрасте – демонстрировались «небывалые» цифры роста. И вся Россия по местам недоумевала: о какой стране идет речь, мы ведь живем здесь, и осязательно ощущаем всю эту «динамику» на себе? Вся победоносная риторика скрывала за собой тот факт, что Россия не погибла, что смертоносный распад и деградация ее при Ельцине, состояние ее пульса, граничащее с клинической смертью, – в прошлом. Что по сравнению с инфарктным положением 90-х годов улучшение в разы и даже десятки раз, о чем торжественно рапортует президент – не великое достижение, не возвращение здоровья, а лишь спасение от полной гибели.

Новые тридцатые?

В своей статье я раскрою пять положений, до которых нынешнее руководство страны пока не доросло. Если допустить, что верховная власть (Путин и Медведев) понимают это, значит, они вынуждены об этом молчать и выжидать. Но то, о чем по какой-то причине молчит политик, позволительно сказать вслух философу.

- **Положение первое:** построение инновационной России несовместимо с нынешней бюрократией, которую в случае серьезности намерений пришлось бы подвергнуть радикальной ротации.

- **Положение второе:** инновационный прорыв несовместим так же и с господством крупного бизнеса, на чем строится режим Путина.

- **Положение третье:** Россия как нация и государство никогда не было локальным, но всегда было цивилизационным субъектом, самостоятельным историко-культурным миром.

- **Положение четвертое:** Запад и Россия не части единой христианской культуры, а две разные цивилизации. Наши миры идут не по одной дороге неизбежной глобализации, а в разных направлениях.

- Из двух предыдущих следует **пятое положение:** стремление стать «нормальной страной», стандартным «национальным государством» несовместимо с самой природой России. Миссия России может пребывать в свернутом, спящем состоянии, но история уже подтвердила, что она есть.

Я был бы не просто рад, а счастлив ошибаться относительно намерений российской власти, но несомненно, что путинский план развития России, предъявленный в последний год его правления, так и остается без объяснения целей развития и честного разговора о структуре и правах влияния на процесс заинтересованных сторон (международных субъектов, олигархата, политического класса России, бюрократии, основной массы народа). Вместе с тем, главной идеей финала путинского правления стал вектор на инновационное развитие. Проблема в том, что исходя из условий описанного выше иллюзиона, этой бесконечной «операции прикрытия неизвестно чего», **не остается оснований верить, что тема инновационного прорыва не продолжение все той же операции прикрытия.** Реального идеологического перелома ни в последних президентских Посланиях, ни в речи на Госсовете нет. Его,

как обычно, можно при желании найти между строк, а можно – при противоположном желании – и не найти.

Более того, в разговоре об отсутствующей идеологии страны оба лидера кривят губы: Путин неодобрительно высказывается о «национальной забаве – поиске русской идеи», а Медведев называет дискуссию на эту тему малоэффективной. Презрительное отношение к проблематике «национальной идеи» (а по существу миссии России) органично сочетается с курсом на вытеснение из политического дискурса национально ориентированных сил. При этом недавно Путин сделал забавное признание, говоря своим немецким коллегам о Медведеве: *«Он не меньше, в хорошем смысле слова, русский националист, чем я, и нашим партнерам с ним будет работать не проще»*. Трудно сказать, что следует понимать под словосочетанием «русский националист в хорошем смысле слова», особенно если это высказывание адресовано немцам. Сам Медведев пояснил это в интервью одной из западных газет: речь идет о том, чтобы быть националистами во внешнеполитическом и внешнеэкономическом «треках». Вовне России власть не может позволить себе быть либералом или демократом. Но, таким образом, «хороших националистов» во внутренней политике быть не должно. Сложилась система, близкая к однопартийной – право быть «хорошими националистами» есть лишь у одной партии – «Единой России», которую один из кремлевских администраторов предложил называть «партией нового типа – партией партий».

Представим себе, что сценарий развития возобладает и режим иллюзиона, наконец, сменится, на реальное инвестирование в будущее страны. Ближайшее десятилетие рисуется при таком сценарии как аналог 30-х годов с их индустриальным прорывом, с их решительным очищением государства от саботажа и формированием определенного цивилизационного лица СССР как исторического и геополитического преемника Российской империи.

В такой постановке вопроса есть своя четкая логика. Задачи 30-х годов типологически схожи с теми задачами,

которые объективно определяются нынешней ситуацией. Сталин не был графом Дракулой XX века, его режим строился не от репрессий, а от инноваций, не от параноидальной жестокости к оппонентам, а от требований индустриального прорыва, диктующего логику мобилизации всех сил. Репрессии были вызваны во многом необходимостью политической борьбы и выстраивания госаппарата нового типа. Другое дело, можно ли было при Сталине обойтись без превышающих разумную меру издержек ротации элит? Скорее всего, можно было. И тем не менее масштабная ротация элит – это неумолимое требование и нашего времени, без которого невозможно развивать страну.

Противоположный вариант – дальнейшее усугубление иллюзиона: демонстративные мероприятия, которые будут декорировать дальнейшую стагнацию России. В качестве примера можно привести кампанию, связанную с новыми победами российских полярников – экспедицию «Арктика-2007», действительно воспроизводящую сталинский стиль. (Проблема в том, что в 30-е годы СССР не просто совершал показательные полеты и рейды, но занимался полномасштабным освоением Севера, создавал дрейфующие станции, организовал грандиозный Северный морской путь, создал целую инфраструктуру «северной экономики» и военных баз.) Декорирующих элементов, которые позволят создать необходимый информационный эффект, для медведевской России можно при желании придумать десятки.

Модель встраивания

Можно описать по крайней мере три сценария ближайшего будущего России. В каждом из них есть как потенциал настоящего «неосталинизма», так и элементы его имитации в качестве лепнины на здании стагнирующей государственности сырьевых олигархов и обслуживающей их бюрократии. На первый взгляд сценарий такой

стагнации с последующим распадом страны и растаскиванием ее территорий между мировыми державами, может быть выгоден мировому сообществу. Но и это сомнительно: гибель России как системного компонента мирового равновесия приведет не к обогащению и благополучию соседей, а к трагической дестабилизации с непредсказуемым исходом.

Сценарий первый – на первых порах сохраняется коллегияльная диктатура, в которой экс-президент Путин будет играть одну из главных ролей. Медведев постепенно набирает силу и вытесняет Путина, проводит новый курс на неприкрытую предпродажную подготовку частей России к абсорбции другими державами (вариант второго Горбачева).

Сценарий второй – на долгие годы сохраняется равновесная модель, дуумвират Медведева и Путина (для России вариант необычный). При таком раскладе наиболее вероятно разделение функций между дуумвирами (социальная у одного и силовая у другого) и затяжное развитие нынешней ситуации с медленной и непоследовательной ротацией элит. Резко возрастает риск кризиса, связанного с авариями изношенной российской инфраструктуры, стабильность сменится на бесконечную борьбу с чрезвычайными ситуациями.

Сценарий третий, наиболее интересный – происходит раскол в российских элитах, острый конфликт, который приводит к резкой смене конфигурации власти (исход может быть самым разным, в том числе возможен вариант, когда приходит к власти новая фигура; возможен и вариант, когда возвращается Путин, но с более жесткой и амбициозной программой, чем сейчас, не исключено и то, что такую программу возьмет на вооружение победивший оппонент Медведев). При таком сценарии наиболее вероятна радикальная смена элит – она возможна в России только в опоре на свежие силы, на союз по-новому понятых традиционных институтов и перспективных корпораций. Результатом такого сценария должно стать формирование **кентавра ортодоксии и инновационной**

экономики, высокой духовности и высоких технологий. В таком кентавре вполне может проявиться лицо той России, какой ей предстоит быть в XXI веке.

Медведев мало кому понятен, он представляет собой для российского общества «кота в мешке». Он не производит впечатления человека, который готов пойти на решение главной и самой болезненной проблемы, блокирующей развитие страны: проблемы неэффективной элиты. Смена элит в том масштабе, который необходим для решения амбициозных задач, при существующем режиме пока невозможна.

Между тем, именно эта тема должна стать главным вопросом ближайшего десятилетия. Обращение к ней означает ускорение объективного хода истории, уклонение от нее – замедление и торможение этого хода. Торможение же означает усугубляющееся отставание России от быстро убегающих вперед держав и повышает вероятность демонтажа Российской Федерации. Такой демонтаж осуществим в форме капитуляции перед западным (ментально) либо китайским (де факто) проектами под видом радикального национализма и сепаратизма, дезинтегрирующихся российских регионов.

Наиболее вероятное объяснение происходящего сейчас – Путин и Медведев мыслят будущее как встраивание России на вторых ролях в западную систему. Такое встраивание необходимо осуществлять под прикрытием риторики, в которой есть место многочисленным ноткам неосталинизма, апелляции к опыту индустриального роста прошлого. Это делается для того чтобы купировать эксцессы, сопряженные с проявлением реваншистского

Смена элит в том масштабе, который необходим для решения амбициозных задач, при существующем режиме пока невозможна. Между тем, именно эта тема должна стать главным вопросом ближайшего десятилетия. Обращение к ней означает ускорение объективного хода истории, уклонение от нее – замедление и торможение этого хода. Торможение же означает усугубляющееся отставание России от быстро убегающих вперед держав.

синдрома в российском обществе – обществе вчерашней сверхдержавы. Но в истории нередко бывает так, что последовательная имитация чего-то приводит к вызыванию в реальность того, что имитируется.

Дело в том, что внутри России силы, заинтересованные в статус кво, хотя и богаты, и влиятельны, но малы. Они составляют ничтожный процент нации. Отсюда возникает неизбежная логика манипуляции обществом со стороны его верхушки. Об этой манипуляции в одном из своих интервью красноречиво выразился модный российский писатель Федор Крашенинников: *«Скорее всего, наша элита живёт с мыслью, что на её век хватит и что никуда Россия не денется, чего бы они с ней не делали».*

Нынешний русский компромисс держится на контракте, который заключили сырьевые олигархи и влиятельное проамериканское лобби, которое призвано как можно дольше сдерживать Кремль и не допускать перехода от навязанной роли к внутренне мотивированной задаче – державной миссии. Инновационная риторика Путина и Медведева объективно противоречит этому контракту, который парализует любое инновационное движение вульгарно монетаристскими догмами.

Несомненно данный режим миллиардеров и либеральных чиновников не мог бы продержаться долго, если бы он не находился под плотной опекой зарубежных патронов. Президент Медведев, тогда еще вице-премьер, выступавший на «смотрюнах» в Давосе 27 января 2007 года, отчитывался не перед российской, а именно перед мировой олигархией. В его выступлении недвусмысленно говорилось о новых возможностях российской экономики, которые откроются перед крупным зарубежным бизнесом: *«Являясь частью европейской экономики и, соответственно, мировой экономики, мы должны принимать правила, сложившиеся в Европе и во всем мире. Мы движемся именно к такой экономике – основанной на следующем поколении технологий, опирающейся и на крупные компании, конкурентоспособные на*

мировых рынках, и на широкий слой малого и среднего бизнеса. В том числе – инновационного».

Если в Давосе Медведев сулил открытие новых рубежей финансовой и экономической интеграции России в западный мир, то уже в своей предвыборной речи на Гражданском форуме он обозначил сам дух и природу этой интеграции: *«Нам не нужно ничего изобретать. Базовые ценности сформулированы человечеством уже давно, но применить их к российской специфике порой бывает проблемой. И главный вопрос в том, чтобы совместить наши национальные традиции с фундаментальным набором демократических ценностей. Это задача, над которой политические и интеллектуальные элиты России бьются лет 150 кряду. Но должен сказать, что сегодня мы значительно приблизились к её решению».*

В свете этих высказываний на редкость бессодержательный лозунг: «Россия – вперёд!», который увенчивал речь Медведева, приобретает конкретное наполнение. Можно понять из приведенных выше цитат, что означает для Медведева слово «вперед».

Возможно ли реальное сближение с западом?

Однако насколько реалистична модель встраивания? Возможна ли она для России как целого или она возможна лишь для той части нации, которая готова обменять патриотизм и лояльность отечеству на европейскую прописку?

Уход Путина с президентского поста на фоне непрекращающегося расширения НАТО на восток и косовского прецедента развеивает надежды на гармоничное сосуществование. Решение косовской проблемы в обход легитимного порядка в 2008 году означает уже не прикрытое никакими оговорками введение двойного стандарта. Там, где это выгодно, новые фарисеи жестко следуют букве международного права и жестко требуют этого же от

других. Там же, где такое не выгодно, они не стесняются создавать параллельную правовую реальность. Главным итогом саммита НАТО в Бухаресте стало согласие альянса на размещение противоракетных баз в Чехии и Польше. Внутрirosсийский иллюзион вновь сработал четко на имидж власти: в СМИ было создано впечатление, что удалось сдержать Запад, отсрочить начало процесса принятия в НАТО Украины и Грузии, хотя самим НАТО на данном саммите такое и не планировалось.

В России очень часто приходится слышать точку зрения, что у нас с Западной Европой единый духовно-культурный базис – христианство. Если говорить о религиозной стороне дела, то Россия входит в другой большой мир – границы этого мира очерчиваются православной ойкуменой, а не абстрактным христианством. Как молодая цивилизация по сравнению с Западной Европой Россия часто не может отличить свою привязанность к науке и технике, бытовым заимствованиям от глубинного духа. В духовном смысле европейцы ничуть не ближе русским чем, скажем, индусы. Если бы мы были родственны друг другу внутренне, то фактор христианства уже давно сплотил бы нас в гораздо более плотное целое. Но даже вопреки христианству сплочения не происходило. Россия отторгает Запад, но – что гораздо ощутимее и в гораздо большей степени – Запад отторгает Россию.

Христианство не может быть узурпировано Западной Европой, но, что даже еще важнее, на Западе сегодня доминирует точка зрения дальнейшего освобождения от христианских корней. Непредвзятый взгляд на эту мутацию культурной программы Европы позволяет вычленить новые черты европейского культурного стандарта, который вряд ли будет приемлем для других цивилизаций (китайской, исламской и российской). Возникает опасение, что духовно-гуманитарный стандарт, который складывается сегодня в Европе, становится смесью мистических и оккультных традиций, которую можно будет использовать для «эзотерической перестройки человека». Вообще фундаментальная черта антихристианской идеологии (что

проявилось в свое время и в марксизме) – стремление переделать человека, вывести новый тип человека. В противоположность этой идеологии ортодоксальная позиция состоит в том, чтобы оставаться достойным человеком, не деградируя.

Пока Путин и Медведев очень далеки от понимания того, что наши с Западом цивилизационные миры идут в разных направлениях и несут в себе во многом противоположные миссии. **Вожди России остаются в плену иллюзии линейной глобализации.** Между тем, внешнее объединение мира во многом оказывается не универсальностью взаимопонимания и родства, а глобализацией разрыва и внутренней пропасти между разными частями человечества. На смену циклам интеграции всегда приходят циклы дезинтеграции, а глобалистические модели работают на поверхностном уровне культур.

Никакая интеграция в Запад невозможна, потому что Россия – это не остров, а материк, который не смогут вместить другие цивилизации. Интеграция возможна только по частям. И по всей видимости – в разные стороны. Россия в этом отношении сопоставима не с отдельными национальными государствами, а с ЕС, с Индией, Китаем, исламским миром и т.д. Сегодня эта истина означает директивную нужду России в сближении с Востоком и резком увеличении роли и значения России в Евразии. Такая ориентация не только возможна, но и крайне необходима. Пока наши экономические обороты с Западом на порядок больше чем с Востоком – это не соответствует никаким справедливым и полезным для самой России соображениям. Восток беднее, но платить и за наше сырье, и за наши технологии, и тем более за нашу готовую продукцию он будет не меньше, а больше, чем Запад. Бедные вообще платят всегда больше, что объясняет известная поговорка: я не настолько богат, чтобы покупать дешевое. Восток скромнее, он не привык указывать другим, как им жить – он гораздо более подготовлен своей историей и судьбой, чтобы искренне любить Россию и русских, признавать ее права, принимать ее правду как высокую

и значимую для всего мира. Потенциал комплиментарности, братства между русскими и восточными народами огромен и не задействован.

Россия – это шанс человечества на возобновление гармонии, выстраивание мира многоголосия, а не катастрофического оползня в хаос. Россия, вступая на путь деятельного восстановления своей идентичности, объективно выступает и как поборница сохранения в мире основных цивилизационных идентичностей, которые уже сложились на данный момент. **России не нужен стандартизированный мир, России нужен гармоничный мир, в котором будут уживаться разные культуры.** Запад сегодня способности к такой гармонизации не демонстрирует. Он проседает по отношению к периферии и не способен предложить мусульманам и южанам достаточно определенную модель, в которую они могли бы встроиться. Запад мутирует в самой своей основе. Одновременно с этим он догматизирует и канонизирует свое понимание демократии и толерантности. В сочетании этих жесткости и неустойчивости есть своя диалектика. Но эта диалектика «столкновения цивилизаций», размывания чужой идентичности, раскола чужой суверенности. Рано или поздно она возвращается бумерангом – и Западная Европа уже ощущает этот бумеранг в лице инокультурного Юга, который все больше проникает на Север, грозя опрокинуть его и размыть идентичность самой Европы.

Миссия России в XXI веке – сдерживать одновременно наступающий хаос периферии и непомерные амбиции сверхдержав (Китая, США) на глобальный контроль. Кроме России, другой способной на такой сдерживающий проект силы в современном мире нет.

КАК ДВА «Б» ОДНОГО ПРЕЗИДЕНТА СВЕРГАЛИ¹

Лондонский Б и технология политликвидаций

Никто не может с уверенностью говорить об одной и окончательной версии последних убийств российских инакомыслящих. С уверенностью можно говорить о другом: эти события формируют новые факторы, воздействующие как на общественное мнение, так и на изменение позиций западной политической элиты. Не важно, верят или не верят на Западе в причастность Путина к взрывам домов в Москве и Волгодонске в 1999 году, а русских спецслужб – к гибели Щекочихина, Политковской и Литвиненко. Логика здесь иная, в чем-то беспроясненная: даже если все это делает некий враг Путина – в этом все равно виноват Путин, доведший своего врага до такого озлобления.

Политический самострел и политическая содомия становятся новейшим оружием антипутинских сил

Сразу после гибели Политковской один из главных личных врагов Путина Борис Березовский раскрыл этот подход в интервью «Новому региону»: *«Очень важно, что это произошло в день рождения президента РФ. Россия возвращается к языческим временам, это – чисто ритуальное убийство, посвященное Путину. Но я бы тут остерегался сказать, что в этом был заинтересован Путин. Но точно, что Путин инициировал это убийство. Своими действиями, разжиганием национальной розни, нетерпимостью к другому мнению. Конечно, за*

1. Статья написана в соавторстве с Азером Алиевым – впервые опубликована в «Московских новостях» в декабре 2006 года.

этим убийством, безусловно, стоит Путин и режим, который он создал».

После убийства Политковской во время визита российского Президента в Германию в европейских столицах синхронно прошли антироссийские митинги. В Мюнхене Путина встречали люди с одинаковыми траурными портретами Политковской, в Дрездене – с плакатами: «Путин – убийца». С другой стороны, в дате гибели Политковской западные аналитики видят и своего рода алиби Путина. Такую мысль высказал известный журналист Петер Шоль-Латур в короткой формуле: «Безусловно, она не была убита по приказу Путина за день до его визита в Германию».

После смерти Литвиненко во многих СМИ логика, озвученная впервые Березовским, нашла свое более резкое воплощение. «The Guardian» пишет 27 ноября: *«Может быть, президент и не отдавал лично приказ убивать Литвиненко, но он – главный человек, узаконивший культуру, в рамках которой такое убийство стало нормой. ...Его противники с пугающей частотой уходят в мир иной, причем самыми страшными путями. Убийство одного российского журналиста, критиковавшего власть, еще можно принять за простую случайность. Но после того, как гибнут два десятка людей, на попытки Кремля заявить о своей невиновности и смешно, и грустно смотреть».* Такую же «железную» логику воспроизводит Independent, The Observer, Time и многие другие зарубежные СМИ. Но наиболее бесцеремонные выступления, как всегда, звучат в России. Так Ю. Латынина в «Ежедневном журнале» выступила со статьей, в которой сравнивает убийство Литвиненко с устранением Яндарбиева в Катаре и пророчествует, что оно превратит Россию в страну-изгоя.

«Сакральная жертва» или самоотстрел команды

Известно, что в свое время Березовский прочил популярного тележурналиста Владимира Соловьева на роль

лидера новой оппозиции. В книге Соловьева «Русская рулетка» есть шумевший эпизод: «После довольно длительной паузы Борис предложил выйти прогуляться по аэродрому.

Смерть в результате отравления радиоактивным ядом Александра Литвиненко, бывшего офицера ФСБ, ближайшего помощника Б. Березовского, несколько меняет общую картину: политические ликвидации становятся серийными. Очевидно наличие определенных сил, которые целенаправленно нагнетают обстановку вокруг Президента Путина и его курса, оказывают на него давление в изощренных формах.

«Есть план, популярность Путина может и упасть, но надо принести сакральную жертву, в интересах демократии, чтобы все содрогнулись и отвернулись от Путина». Стало очевидно, что Борис перешел все возможные границы». По сюжету книги Соловьев после этого уже не общался с Березовским – хотя мотивировал это журналист не столько своим отвращением к политликвидациям, сколько страхом: что «сакральной жертвой» может стать он сам.

Задолго до гибели Политковской по интернету гуляла так называемая «концепция Невзлина», в виде оперативной разработки спецслужб, относительно замыслов, которые вынашивает в Израиле партнер Ходорковского. Согласно этой концепции – Политковская наиболее подходящая жертва для начала дестабилизации обстановки в России.

Что касается Литвиненко, то его личная история начиная с ноября 1998 года – это сплошной «укор» Путину. «Предотвращенное покушение» ФСБ на Березовского. «Организованные» ФСБ взрывы домов. «Упреждение» еще одного (лондонского) покушения на Березовского в 2003 году. Несколько книг с захватывающим конспирологическим сюжетом. Наконец, после убийства Политковской, которую Литвиненко называл своим другом, он делает официальное и прямое обвинение в адрес Путина: «Я знаю, как спецслужбы контролируют эту страну. Журналиста уровня Политковской без санкции президента не тронет никто...» И далее: «Путин убил Аню. И когда в России сменится режим, мы получим этому

подтверждение» (цитаты из выступления на круглом столе Фронтлайнклуб.com). Там же Литвиненко сообщил, что от Путина в адрес Политковской поступали угрозы, их якобы передавали через Хакамаду. (Что касается И. Хакамады, она данное сообщение опровергла в резкой форме, назвав «бредом».)

И наконец последний аккорд, наиболее гротескный. Перед смертью, Литвиненко, известный в Чечне как один из самых жестоких дознавателей, якобы, принимает ислам. Как сообщил глава Фонда гражданских свобод Алекс Гольдфарб, покойный *«просил передать моджахедам Чечни и Кавказа, чтобы они считали его своим братом по оружию и просил Всевышнего Аллаха для себя участи шахида»*. Гольдфарб же зачитал и предсмертную записку Литвиненко, в которой виновником его смерти объявляется Путин.

Верна или нет версия о «сакральной жертве», прямо озвученная Владимиром Соловьевым, она ничуть не менее логична, чем версии обвинителей Кремля. Наиболее дальновидные из окружения лондонского Б – такие как Мельниченко, Чекулин – рано или поздно уходили из сферы влияния своего патрона. Быть в его команде – дело весьма рискованное. Политковская и Литвиненко принадлежали к тем участникам команды олигарха, кого легче всего было представить в качестве героических мучеников и «шахидов» – жертв авторитарного режима и «мстительных злодеев» из одиозного ведомства.

У российских политехнологов существует термин «самострел» – когда черные пиар-ходы вскрываются самими их режиссерами, которые при этом саморазоблачаются в целях рекламы или парадоксального поворота в предвыборном сюжете. Однако метафора иногда оборачивается грозной и неприглядной реальностью. Если эта версия верна, «самострел» лондонского Б обернулся самоотстрелом членов его команды. По существу же – это агония игрока, уже не видящего в своих руках иных, более действенных рычагов воздействия на российский политический процесс.

Московский Б и политическая содомия

По мнению другого, московского Б, Станислава Белковского, Березовский допустил серьезный просчет, не сумев скомпоновать в политическом поле России некий союз либеральных и красных идей. Белковский знает, о чем говорит. В отличие от Березовского, оставшегося ментально в 90-х годах, он весь в будущем – он создает сначала Совет национальной стратегии, а затем одноименный Институт, в котором концентрируются отнюдь не привычные для экспертной тусовки силы. Привлекая новых правых, младоконсерваторов и националистов, которых он объявляет представителями нового поколения российской политики (действительно талантливых и молодых), Белковский разворачивает максимально дерзкую амплитуду идеологического синтеза, стремится нащупать возможности для коалиции крайних либералов с радикальными патриотами, левых с националистами, космополитов с почвенниками и империалистами.

Однако, существует ли непосредственная связь между двумя Б?

Эта связь более чем прямая. Во-первых, московский Б – ученик и подмастерье 60-летнего лондонского Б, его пресс-атташе в лихие девяностые. Очень скоро он вырос из помощника в партнера. По словам самого Белковского, они перестали сотрудничать в 2003 году. В одном из своих интервью он говорит: *«Я и тогда, и сейчас считаю, что Березовский мог быть объективно полезен стране. ...Я познакомил его с Прохановым и у них сложился некий творческий альянс, который не состоялся политически только потому, что Березовский не выжал из этого альянса тех возможностей, которые были в нем заложены. Это и было причиной нашего расставания. Но я считаю, что Березовский мог бы сыграть полезную роль, если бы направил вектор своей деятельности в направлении национального возрождения».*

Белковский действительно отличается от своего старшего партнера, мыслящего более косно и банально. На полном серьезе он говорил о своей мечте – возрождении России как империи, восстановлении монархии, взятии Константинополя русскими войсками и т.п. Однако великодержавно-националистические фантазии Белковского практически малозначимы, гораздо важнее его увлеченность формированием идеологических коалиций из вчерашних непримиримых противников. Путь этот не просто сложный, но в каком-то смысле и безнадежный, поскольку ставка делается на **противоестественные союзы**. Скрестить Лимонова с Каспаровым у Белковского получилось – но это в силу специфичности Лимонова, его изначально извращенного политического инстинкта. Гораздо сложнее сделать это с почвенными, глубинно-консервативными силами, которые органически не переваривают либералов. Впрочем, многие либералы отвечают им полной взаимностью. Выведение подобных гибридов похоже на принуждение к содомии людей традиционной ориентации.

Именно такой политсодомией отдает от дружеских рукопожатий антиподов: когда Сатаров приносит извинения в адрес «Русского марша», называя ошибкой то, что он поставил свою подпись в письме, протестующем против его проведения; Каспаров присылает на конференцию с участием Rogozina и Белова своего представителя, приветствующего хозяев мероприятия как борцов за «гражданское общество»; Аксенов на телепередаче у Познера прибегает к риторике White Power – скрещивая свое либеральное мироощущение с лозунгами скинхедов о «белой европейской цивилизации», призывая к совместному с Западом противостоянию варварству.

Впрочем, попытка повязать «Другую Россию» с националистами, демшизу с нацизой оборачивается лишь пошлым покушением на чистоту диагноза. Однако, если задача исчерпывается проведением пикетов и митингов, отчетностью за само действие – то Белковский несомненно в этом преуспеет.

«Наберись достоинства и умри...»

Белковский падок на поиск заказчика и готов решать проблемы любой идеологической силы в стране. Тем не менее, это не означает, что у него нет собственной мечты и некоего идеала. В вышеупомянутом интервью он говорит: *«Объективный ход истории не допустит полной гибели России. Она обязана возродиться»*. Однако в его книге «Бизнес Владимира Путина» открываются совсем другие перспективы: *«Нет смысла рассуждать о том, что сделает Путин в 2008 году. Потому что и самого 2008 года может с нами не случиться. Российская цивилизация, кто бы что ни говорил, очень стара. Если считать от Рюрика, ей почти 1200 лет... На этом рубеже последний император Запада Ромул Августул сдался герулу Одоакру, а Константинополь склонил христианнейшую голову перед султаном Мухаммедом II. (...) Мы спиваемся и угасаем. (...) Три вещи надо делать с достоинством: опаздывать, стареть и умирать. Надеюсь, нам, прожившим в холодной истории 12 столетий, достоинства в решающий момент хватит. Вот вам и вся политика, и все реформы, и весь, в сиянии славы его, две тысячи восьмой год»*.

Представляется, что в этих словах гораздо больше двух Б, чем во всех их громких речах о строительстве «после Путина» свободной демократической России (из Лондона) или имперского государства (из Дмитровского переулка в Москве).

Похоронив в душе не столько Путина, сколько саму Россию, они с досадой и изумлением наблюдают, как Россия несмотря ни на что сопротивляется своей смерти, преодолевает новые рубежи, как постепенно мертвенный цвет уходит с ее лица.

Размышление финальное, пафосное

История современной России ни с чем не сопоставима. Законы циклов исчерпали свою силу, аналогии неуместны, а её будущее вряд ли доступно и когда-либо откроется людям, для которых политическая игра и оплаченная интрига давно заменили правду поиска. Большим и малым бесам отечественного лихолетья пора на покой, где бы они ни обретались. Пришло время ставить «точки над і», что и сделано в одноименном стихотворении того же Бориса Абрамовича:

*На душе холодок сентября
Ничего так, как было, не будет.
Взвесит Бог все «во имя» и «зря»
И судом справедливым рассудит.*

Пожелаем же г-ну Белковскому чаще обращаться к творчеству старшего товарища, помочь лондонскому изгнаннику в составлении поэтического сборника и, забросив чернокнижие политалхимического синтеза, наконец, обрести душевное и прочее равновесие.

Да, – и оставьте Президента в покое...

ЛОГИКА ПУТИНА (цикл статей 2004 года)

Путин – это Сталин сегодня.

о. Димитрий Дудко

1. Расчистка политического поля

Стиль Путина таков: тактика идет впереди стратегии, идеи легитимности и законности доминирует над идеей порядка, ни к чему не обязывающая риторика вытесняет признаки идеологического строительства. Количественный лозунг «удвоения ВВП» пока не обрел своей качественной составляющей, а «опричная» власть не обрела себе опоры в виде фундаментальных общественных сил, остающихся пассивными наблюдателями политической драмы.

Чем замечательно начало второго срока правления Путина? Как оно вписывается в контекст обозримых восьми лет его властвования?

Для ответа на этот вопрос нужно соотнести злободневные, текущие события с большими тенденциями путинского правления. Что ни говори, президента нельзя обвинить в непоследовательности. Единственное, в чем его можно пытаться обвинять – это в том, что он не следует каким-то правилам, приписанным ему экспертами извне.

Путинский период истории имеет свою логику, которая не укладывается ни в схему «реставрации» советского наследия, ни в схему продолжения радикальной либерализации. Происходит выработка **чего-то третьего**, однако, это третье измеряется не столько идеологическими мерками, сколько мерками политической тактики, «расчистки» пути.

Как и Сталин в 20-е годы, Путин в отпущенный ему минимум (два президентских срока) последовательно расчищает поле своего властвования. Это путь к диктатуре,

путь к имперскому стилю. Как и Сталин, делает это Путин крайне осторожно, неспешно, дипломатично, и крайне «легитимно» (не нарушая тех формальных правил и рамок, которые сложились в государстве в настоящее время). «Легитимность» политической чистки высшей элиты для Путина очень важна не только потому, что это соответствует его «духу», но и потому, что она служит непроницаемым прикрытием для его стратегии.

Стратегия наличествует, идеология, вероятно, тоже не является отсутствующей – но экспертное сообщество остается за дверью по отношению к этим «эзотерическим» реалиям. Стратегия и идеология обсуждаются в ближнем кругу, они достаточно прагматичны, может быть, даже циничны и не вполне отделены от технологии проведения этой политической линии в формах и рамках существующих правил (конституционности, демократии, экономической свободы). В этой скрытости есть своего рода возрождение позднесоветского стиля управления государством, но если тогда это была напряженная «холодная война» при подмораживании внутри, то теперь это балансирование между многочисленными центрами мировой силы при неуклонной концентрации силы внутри России в одних руках. Нельзя сказать, что стратегия Путина не ясна для иностранных держав или для аналитиков, но она по определению не подлежит официальному провозглашению. В наибольшей же мере она скрыта от собственного народа, который, как это обычно у нас бывает, улавливает самое главное интуитивно, а не рационально¹.

1. Действительно значимым и знаковым событием последних ста дней стала своеобразная перетряска банков, в результате которой крупные игроки удержались, а некоторые из средних банков утонули. Проще всего (и это вписывается в сценарий «легитимности») списать произошедшее на халатность и неразбериху в правительстве и ЦБ. Анонимные эксперты говорили автору этих строк в конфиденциальных беседах, что по существу в июне-июле 2004 года на рынке капиталов произошли события, сопоставимые с дефолтом 1998 года. Но тогда они ударили по населению России в целом, а теперь они были локализованы и повешены на несколько банков, в том числе и на банки традиционно стабильные. То, что произошел «скрытый дефолт», достаточно очевидно, другое дело, что скрытый дефолт – это уже не дефолт, поскольку он не имеет тех социальных масштабов. Отсюда и благодушный настрой сопоставляющих события 1998 и 2004 гг. экспертов (в опросе «Финансовых известий»). Насколько далеко готовы были идти режиссеры банковской лихорадки, показало время. Волна кризиса, поглотив ряд достаточно крупных кредитных организаций, натолкнулась на кита

Стиль Путина действительно парадигматически близок стилю КГБ а также его более ранних прототипов: НКВД и особенно «опричнины» Ивана Грозного. Внутри «земщины» никто не знает, чего ждать от «опричников» в данный момент, но все в общем-то знают, чего следует ждать от них вообще, в большой временной перспективе. Поэтому аналитики соревнуются в предсказаниях, каким именно образом пойдет дальше «антиолигархическая кампания», что задумали «силовики» и т.д. Наиболее известный анализ был представлен после президентских выборов британской службой Russian Axis, предрекшей скорое наступление Путина на «Альфу», «Интеррос» и «Русский алюминий». Другие эксперты возразили, что позиции «Альфы» сегодня крепки как никогда.

2. Прирастание власти

Прямые аналогии со сталинской расчисткой поля для единоличной власти работают не так уж и плохо, как это может показаться на первый взгляд. В целом политический стиль вождя, идущего к империи, может быть обозначен как «выдавливание» противников. По мнению Сталина, Иван Грозный был недостаточно последовательным и не довел до конца «расчистку» элиты. Путин не эксцентричен, а последователен, и в этом смысле он близок Сталину.

Сталин стал генеральным секретарем партии в 1921 году, при живом еще Ленине и при кульминации «внутрипартийной демократии». Уже в этот момент обозначилась «левая оппозиция» Троцкого, но сместить Троцкого с руководящего поста Сталину удалось лишь после смерти вождя. Тогда, в 1924 году, фигура Сталина становится достаточно весомой, чтобы говорить о новом центре политической силы, призванном заполнить харизматический вакуум после смерти Ленина.

Сталин был вынужден долгое время мириться с Троцким в политбюро, а из СССР выслал его лишь в 1928 году.

в лице «Альфа-банка», который своей жесткой и агрессивной политикой в отношении вкладчиков по сути дела сдержал разрастание лихорадки.

Весь этот долгий период (почти 5 лет) Троцкий не переставал баламутить партийные массы и интриговать против нового центра государственной власти, складывающегося вокруг Сталина. Очевидно, что этой фигуре аналогичен главный олигарх ельцинского времени Борис Березовский. Путину удалось разделаться с Березовским и вытеснить его из российской политики более решительно, чем в свое время удалось это Сталину в отношении Троцкого.

В 1925 году Сталин повел наступление против «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева, в разоблачении которой большую роль играли уже службы ЧК. Выдавливание из власти Троцкого, Зиновьева и Каменева означало для Сталина признание своей однозначно лидерской функции в партии, которую он метафорически предложил называть «генеральной линией». Этому процессу аналогичен процесс выдавливания сначала из экономики, а затем и уголовное преследование Гусинского и Березовского, вынужденных просить политического убежища в Израиле и Англии.

Сворачиванию внутрипартийной демократии при Сталине аналогична трансформация парламентских институтов при Путине: региональные власти возвращаются в русло прямого подчинения центру через полпредов и через обновленный Совет Федерации, партии и фракции эффективно контролируются администрацией президента, которая кладет конец ельцинской эпохе экспериментального партстроительства.

События 2003 года напоминают разгром «правого уклона» в ВКП(б). В 1928 году Сталин разоблачает ересь бухаринско-рыковской оппозиции, а в 1929 году выводит главных ересиархов из состава руководства. В 2003 году Путин наносит удар по последнему оплоту либеральной оппозиции: разворачивается кампания против Ходорковского и в непосредственной связи с нею объявляется отставка Волошина, этого символа «старой ельцинской гвардии» в руководстве России. В 2004 году отставкой Касьянова Путин подводит черту под эпохой целенаправленного выдавливания своих противников из власти.

Сталин после этого отбрасывает доктрину НЭПа и переходит непосредственно к амбициозной программе коллективизации и индустриализации. Этот момент получил у Сталина название «год великого перелома», с которого начиналась новая эпоха. Дальнейшие репрессии против его врагов в 30-е годы будут носить каче-

ственно иной характер, а именно: интенсивной ротации партийно-хозяйственной элиты. К 1938 году можно будет говорить о полной смене элиты. Такова была последовательность Сталина как политического стратега.

Обсуждения пресловутой «проблемы 2008» затуманивают перспективу дальнейших аналогий, хотя здравый смысл политолога должен подсказывать, что переоценивать значение этой «проблемы 2008» не стоит. Сталин также стоял перед лицом угрозы (по запущенным позже слухам) быть неизбранным на XVII съезде генеральным секретарем. Так или не так, но **логика исторически прирастающей власти сильнее логики конституционных и формальных рамок**, в которых она осуществляется. В какой-то момент власть первого лица становится слишком велика, чтобы ее можно было уступить другому.

Какова же судьба старой элиты? Попытки проанализировать судьбу участников так называемой «семибанкищины», то есть высшей элиты эпохи Ельцина, уже предпринимались газетой «Коммерсантъ». Из девяти наиболее влиятельных деятелей старой элиты (куда в данном рассмотрении не входил Волошин) часть утратила свои позиции еще в 90-е годы (Виноградов, Малкин, Смоленский), другая часть выдавлена (Гусинский, Березовский, Ходорковский), оставшиеся (Фридман, Авен, Потанин) пока органично вписываются в новую ситуацию и нахо-

Из девяти наиболее влиятельных деятелей старой элиты («семибанкищины») часть утратила свои позиции еще в 90-е годы (Виноградов, Малкин, Смоленский), другая часть выдавлена (Гусинский, Березовский, Ходорковский), оставшиеся (Фридман, Авен, Потанин) пока органично вписываются в новую ситуацию и находят с Путиным общий язык. Их сохранение в элите по сути дела уже ничего не решает.

дят с Путиным общий язык. Их сохранение в элите по сути дела уже ничего не решает и не скажется на политической атмосфере новой эпохи, эпохи после «великого перелома».

«Удвоение ВВП» – лозунг со слишком явным перевесом количественной составляющей, без достаточного акцента на качествах роста. Но это уже специфика путинского стиля, в котором идеология в публичном пространстве рассматривается не более как риторика. Власть никак не может привыкнуть к тому, что «идеология» не является прерогативой идущих на выборы партий, но является постоянным, сквозным мотивом любой стратегически осмысленной политики. В контексте «выборов» идеология и впрямь вторична – профессиональные полит-технологи в этом случае брезгливо морщатся: «Ну что такое идеологическая программа, да мы ее вам за одну ночь накропаем!»

Три тысячи дней для Путина – это не предел. За ними могут последовать еще три тысячи. Когда он благополучно минует рубеж 2008 года и справится с задачей «устранить Кирова», либо допустить на свое место подставную марионетку (некто вроде «царя Симеона Бекбулатовича» при Иване Грозном), либо провести референдум о своем пожизненном (условно говоря) избрании – тогда наступит третья путинская эпоха. Именно она может характеризоваться уже не выдавливанием противников и не малыми конфликтами за передел собственности, а масштабными репрессиями и тотальной заменой старой элиты. Но имперский стиль начинает проявлять себя несколько раньше утверждения империи.

3. Ответ на террор-войну

На грани двух веков – XX и XXI – Россия как будто зацепилась за край пропасти, над которой она парила в неловком прыжке в эпоху Ельцина. Но висеть на краю, зацепившись за камни, рискуя, что найдутся желающие подтолкнуть – это, мягко говоря, неудобно. Власть долж-

на была предпринимать действия для отползания от края пропасти. Это отползание происходило, происходит сейчас и будет происходить дальше. Возврата в Смутное время нет.

Президент достаточно окреп для асимметричного ответа на давление и устрашение. Как террористы, так и заказчики террористов, по всей видимости, этого не ожидали. Они все еще действуют по принципу прогнозируемой реакции в рамках существующих правил. Но Путин ответил: правила здесь устанавливаете не вы.

Если представить себе, что евроатлантическая тайная элита состоит из двух отчасти враждующих, отчасти диалектически взаимодополняющих крыльев, то мы догадаемся, что те же силы, которые спровоцировали (либо организовали) атаки 11 сентября 2001 г., сегодня пытались надавить на Россию. Буш и Путин выступали скорее как объекты давления, нежели как субъекты.

В.В. Путин действует гораздо «циничнее», чем это было до сих пор принято в России. Путин стал циничнее и прагматичнее, чем сами заказчики террора. Вряд ли следует признать нормальным состояние, когда СМИ взвинчивают общественное сознание до высоких градусов напряжения без достаточных на то оснований. Но если кто-то использует эффект *гипертрофии события* в СМИ для разложения государства, то почему государство не может направить тот же эффект на противоположные цели?

Террористический акт не способен поколебать конституционные основы. Поэтому и нет никакого «совместного правотворчества» террористов и власти. Скорее нужно говорить о том, что Путин использует всевозможные экстраординарные поводы для своих целей. Повод «террористической войны» довольно ничтожный, как это ни цинично звучит (но только цинизмом сейчас все объясняется). Если бы крупные теракты приводили в истории к серьезным реформам, то динамика истории была бы совсем другой.

Нынешняя историческая ситуация характеризуется дефицитом трагедий. На фоне масштабной войны теракты,

даже с тысячами жертв, оказались бы незамеченными. Террористы не воюют с наступающей империей, они гуляют по просторам схлопывающейся державы, питаясь энергией этого схлопывания. Более того, сам террор является ничем иным как симптомом отступающей империи.

Но важно другое: Путин дал асимметричный ответ не потому, что устарела тактика прямых ответов, а потому, что ему крайне несимметричной видится сама угроза: асимметрия, искривление пролегает в пространстве от инструмента к тому, кто пользуется этим инструментом. Некоторые уже обратили внимание на то, что Путин начал намекать на скрытую действительность террора как инструмента. Так может быть ответ президент не столь уж асимметричен? Может быть, это лучший из возможных ответов? Эксперты и аналитики здесь явно не входят в число посвященных, но являются скорее гадалками и угадчиками.

На мой взгляд, речь идет не о том, чтобы вступать в «третью мировую войну», поскольку у этой войны нет реальных субъектов (строго говоря, коалиции, если она возникнет, не с кем воевать, кроме мифических международных призраков, которых режиссируют нанятые для давления и устрашения террор-технологи). А воевать вместе с Израилем и США против арабских стран и Ирана Россия не будет. Впрочем, возможно, террор-технологи смотрят еще дальше: и им нужно только, чтобы Россия не мешала Америке поставить на колени Сирию и Иран. В таком случае следует признать, что их стратегия в целом оправданна. Но издержки ее внутри России могут перевесить полученные выгоды на Ближнем Востоке.

Как и раньше, главной внутрироссийской проблемой остается отсутствие положительной повестки дня государственной идеологии. «Оздоровление государственного организма» – это все еще риторика. Правда в этой риторике есть очень бодрые сдвиги: Путин последовательно проводит метафору «государство – организм», «страна – организм». А эта метафора сугубо консервативная, традиционалистская. В речи Путина на расширенном заседании

правительства слово «организм» было произнесено 7 раз. Власть мыслит Россию не как мертвую систему, а как живое целое, причем органичность государства мыслится не только как данность, но и как требование и задача: *«Органы исполнительной власти в центре и в субъектах Федерации образуют единую систему власти и соответственно должны работать как целостный соподчиненный единый организм». «Мы должны сделать нашу страну эффективным ...организмом».* В этой же речи прозвучали другие знаковые слова: *«Ослабла страна и государство – и все вспыхнуло сразу. Это внутри каждого организма и каждого государства присутствует... Нам нужно оздоровить весь организм российской государственности и экономической системы. Мы действительно идем по сложному, абсолютно неизведанному пути».*

Ощущение Путина, что мы идем по неизведанному пути, говорит о многом и как минимум о том, что курс на копирование зарубежных политических образцов должен быть отброшен.

Высказывания многих политиков о том, что назначенцы на местах ослабят страну, тогда как «выборные» губернаторы ее укрепляют, мягко говоря, плохо обоснованны. Это так же мало обоснованно, как привычные страхи и «охи» по любому поводу относительно возможного усиления межнациональной розни. Назначенные Москвой губернаторы (пусть даже в большинстве своем русские, а не туземцы) не приведут ни к национальной розни, ни к ослаблению эффективности власти. Возможен рост коррупции, но, во-первых, как говорится, не все сразу, а, во-вторых, если из Москвы не будет проявлена политическая воля к искоренению коррупции, то всенародно избираемые главы регионов окажутся ничем не предпочтительнее назначаемых «по представлению». Если же такая воля будет проявлена и будет проводиться, то снимать и карать воров-назначенцев по поступающим снизу жалобам станет легче.

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД: О ПУТИНЕ НА ФОНЕ МЕДВЕДЕВСКОЙ «ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ»¹

Ситуация после Смутного времени представляет собой некоторый баланс разрушительных и созидательных тенденций. Эта «стагнация коллапса» объективно выгодна некоторым зарубежным державам, а внутри России – лишь узкой прослойке собственников, не сопрягающих свое будущее с реальным подъемом национального хозяйства. **Где-то должна быть точка фазового перехода.** И эта точка очерчивает водораздел между смутой и новой стабильно развивающейся системой – его-то мы и называем моментом «великого перелома».

Путин, подобно Сталину в 20-е годы, давшему возможность внутри НЭПа и партийной демократии вызреть новому курсу на социализм в отдельно взятой стране, дал возможность вызреть в послеельцинской России идеологическому консерватизму – **идеологии России-материка со своими небесными корнями и со своей исторической традицией.** Сталин тогда и Путин теперь обращаются от Смутного времени, от революционного перепахивания России к «новому курсу». В этом состоит смысл «великого перелома» как сценария политического развития.

Для Сталина перелом выражался в том, что он избавился от политических конкурентов, что он преодолел оппонирующие тенденции (левый и правый уклоны), выстроил четко работающую систему госаппарата. Именно это позволило ему объявить новый курс на построение социализма в СССР, на отказ от компромиссного НЭПа, на переход к индустриализации. Для Сталина главным были

1. Статья в виде нескольких глав коллективной работы вышла в 2009 году (Новая русская доктрина: Пора расправить крылья / Аверьянов В.В. и др. – М., 2009). В настоящем издании статья приводится в измененной редакции 2013 года.

не конкретные механизмы, оттачивающие социально-экономическую систему НЭПа, а выстраивание разумной кадровой политики в верхах государственного аппарата, подготовка условий для установления безоговорочной единоличной власти в партии. Так же и теперь: главным содержанием современной политики были не отдельные реформы, а формирование нового баланса крупных финансовых и политических группировок.

Всякая аналогия, как известно, хромает. На мой взгляд, эта таблица показывает глубинный параллелизм эпох. Объективные задачи двух эпох имеют разительные сходства².

Сталин	Путин
1922 Пост генсека, руководство аппаратом партии	1999 Пост премьера и затем и.о. президента
1923 Постепенная аккумуляция «необъятной власти»; борьба с «левой оппозицией»	2000 Избрание Президентом. Начало выстраивания «вертикали власти», создание 7 федеральных округов. Арест и выдавливание Гусинского
1925-1926 «Новая оппозиция» Зиновьева и Каменева. Выведение Троцкого и Зиновьева из политбюро, формирование «сталинского» состава высшего партийного руководства	2001-2002 Переход НТВ Газпрому. Закрытие ТВ 6, его «отъем» у Березовского. Обуздание региональных автократов – трансформация Совета Федерации.
1928-29 Высылка Троцкого из СССР; «Правый уклон» Бухарина и Рыкова (в течение года смещены с основных постов); «зеленый свет» новому поколению партийных функционеров	2003-04 Дело и арест Ходорковского; отставка Волошина. Вытеснение так называемых «правых» из парламента. Отставка Касьянова. Удвоение за 2004 год числа миллиардеров

2. При этом два лидера не так уж похожи. Особенно ярко это различие проявилось в период 2008-2012 гг., во время президентства Медведева, которым Путин фактически маскировал сохранение режима личной власти. (Эта самоуверенная маскировка и игра с легитимностью чуть было не привела к революционному сценарию в 2011 году.)

Сталин	Путин
<p>1929 1-й пятилетний план; сплошная коллективизация; отбрасывание НЭПа (1929-й объявлен «годом великого перелома»)</p>	<p>2006-2007 Ускоренное формирование государственных и около-государственных производственно-имущественных корпораций. Четыре «нацпроекта»; затем демографическая программа, декларация о переходе от стабилизации к инновационному развитию (послание-2007)</p>
<p>Начало 30-х годов Индустриализация. Борьба с вредителями, чистки в аппарате. Раскулачивание, гонения на церковь. Позднее Сталин назвал этот период своей политической биографии более страшным и тяжелым, чем война[*]</p>	<p>2008-2012 Президентство Медведева – частичное, косметическое опрокидывание к 90-м, при сохранении закулисной власти Путина. Период увенчивается «болотным» протестом в 2011 году – попыткой цветной революции.</p>
<p>Середина – втор. половина 30-х Убедительные успехи индустриализации. Урбанизация. Милитаризация. Репрессии против «старой большевистской гвардии» («врагов народа» с теми или иными оттенками «троцкизма») – Большой террор. Формирование режима полной и безоговорочной личной власти Сталина (сталинская диктатура).</p>	<p>2012 и следующие годы. Возвращение Путина, возобновление прежнего курса. Многомиллиардные вложения в ОПК, объявление о переводе средств Фонда национального благосостояния на цели развития инфраструктурных и транспортных проектов. Усиление национал-консервативных идеологических тенденций. Подстегивание интеграционных процессов в СНГ</p>

* В мемуарах Черчилля этот фрагмент приведен в следующей редакции: «Скажите мне, – спросил я, – на вас лично также тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?» Эта тема сейчас же оживила маршала. «Ну нет, – сказал он, – политика коллективизации была страшной борьбой». «Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, – сказал я, – ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей». «С десятью миллионами, – сказал он, подняв руки. – Это было что-то страшное, это длилось четыре года. (...) Все это было очень скверно и трудно, но необходимо.» (Черчилль У. Вторая Мировая война. М., 1991. глава 5).

Путин не Сталин. Принципы и ценности двух политиков не совпадают и не могут совпадать. Сама канва их пути также не может быть полностью аналогичной.

Вместе с тем, логика исторически прирастающей власти сильнее логики конституционных и формальных рамок, в которых она осуществляется. До президентства Медведева и во время этого президентства для меня оставалось очевидным, что Путин, как и Сталин, не оставит большую политику.

Система, которая складывается в России по многим параметрам ближе к «национальной диктатуре», чем к стандартной либеральной демократии. В своей развитой фазе это должна быть **не диктатура олигархов, не диктатура стагнации, а «диктатура развития», «диктатура**

Задачи 30-х годов типологически схожи с теми задачами, которые диктуются нынешней ситуацией. Так, например, репрессии отчасти были вызваны необходимостью политической борьбы и выстраивания госаппарата нового типа. Но ведь ротация элит – это неумолимое требование и нашего времени, без которого невозможно развивать страну.

инноваций». Ближайшее будущее России рисуется при таком сценарии как аналог 30-х годов с их прорывным индустриальным развитием, с их решительным очищением государства и формированием определенного цивилизационного лица СССР как исторического и геополитического преемника Российской империи.

Задачи 30-х годов типологически схожи с теми задачами, которые диктуются нынешней ситуацией. Так, например, репрессии отчасти были вызваны необходимостью политической борьбы и выстраивания госаппарата нового типа. Но ведь ротация элит – это неумолимое требование и нашего времени, без которого невозможно развивать страну. С репрессиями или без репрессий, но власти придется решать схожие задачи и наверняка преодолевать сопротивление многих коррумпированных кланов и групп. Как преодолевать его – отдельная тема, в том числе и тема нравственная.

Второй момент как раз связан с ответом на вопрос, можно ли избежать в этой связи нежелательных издержек. Осознавая аналогию 30-х годов, мы не вызываем «дух Сталина», а вооружаемся знанием о рисках и опас-

ностях того пути, по которому идем. Мы будем способны трезво смотреть на свои поступки и на собственную государственную политику только при одном условии: если мы будем понимать, что мы входим в определенном смысле в «новые 30-е». А вовсе не тогда, когда мы будем отмахиваться от этой мысли, как если бы мы относились к теме исторических аналогий как какой-то запретной, кощунственной (а именно к этому склоняют нас те из либералов и антисталинистов, которые воспринимают тему не здраво, а истерически, с нетерпением никаких возражений, с претензией на то, чтобы принуждать других, о чем можно думать, а о чем даже помыслить нельзя³). Именно применяя аналогию и здраво относясь к ней, мы сможем в значительной степени избежать тех издержек, которые были свойственны сталинской политике в трагические 30-е годы.

Одно из самых вероятных и нравственно оправданных решений – нынешняя элита должна сама признать, что она некачественно и неэффективно служит нации, что она внутренне не готова идти на жертвы и уступать в чем-то, в том числе отказаться от тех излишеств и возможностей, которыми она пользовалась. Признать это и приступить к самоисправлению – вот самый простой способ избежать издержек, связанных с ростом государственного насилия и преследования по мотивам коррупции, причинения политического и экономического ущерба обществу.

«Новые 30-е» подразумевают отбор лучшего и отсеивание худшего из прошлого опыта. Они подразумевают прорывное инновационное развитие, то есть способность за короткий период пробежать расстояние развития, которое другие народы и цивилизации проходили в течение долгого времени, наконец, способность ответить на внешние вызовы и угрозы. История повторяется. Наступает критический период, когда становится понятно: если Россия не решает таких задач, ее оттирают на обочину. В нашем случае это означает не просто прозябание

3. Не в этом ли кроются причины попытки еще одной «десталинизации» при Медведеве?

на задворках истории, но и гибель, потому что оттирание России в сегодняшнем мире повлечет захват и перераспределение ее территорий и недр.

Образ врага, который нужно создать для успешного наступления в будущее – это не обязательно конкретный геополитический враг. **Нашим главным врагом является собственная неорганизованность, неготовность пойти на самоограничение, неспособность планировать и выстраивать собственное развитие, собственную жизненную стратегию.**

Наше цивилизационное конкурентное преимущество, как показывает история, – способность к опережающей инновационной деятельности. Используя аналогию с 30-ми годами, как эпохой самого бурного и стремительного в истории России инновационного развития, гораздо важнее удерживать в сознании не негатив, а позитив, созидательный потенциал этой эпохи великих строек. Построение такой аналогии в нашем случае означает не «сталинизм», не символ реставрации советского мироустройства, а рассмотрение государственного опыта Сталина как *наследия*, один из продуктивных мифов, один из созидательных образов прошлого.

30-е годы – пример того, как Россия может обыгрывать конкурентов и споро, в духе тульского Левши, преодолевать исторические и технологические разрывы между нею и конкурентами. Главное, в чем Сталин переиграл противников – это способность реализовать необходимый для прорывного развития человеческий капитал, кадры, которые, как известно, «решают все». Что бы ни говорили недоброжелатели, ему удалось рекрутировать достойные человеческие ресурсы и направить их на созидание по ключевым направлениям национального развития, создать целое поколение блестящих русских конструкторов и изобретателей, директоров и квалифицированных рабочих, офицеров и солдат. Один из главных антисталинских мифов – миф о кровавой и аморальной системе НКВД – по всей видимости, был призван затмить тот факт, что важнейшим достижением системы стало выковывание бес-

прецедентных по своему уровню спецслужб. Сталин сумел повернуть международные инструменты (такие как Коминтерн) на пользу своей стране, фактически обернул «интернационалистический» инструментарий против тех, кто его изобретал и внедрял в подрывных целях в «нецивилизованные» страны. Он сумел на равных поучаствовать в создании нового формата международных отношений, перевел борьбу цивилизаций из плоскости публичных действий в плоскость секретных служб – он отказал Западу в праве на двойные стандарты, создав в противовес им собственный «второй стандарт».

План инновационного развития, в котором проявляется образ будущей, победоносной России, должен, по нашему мнению, содержать, как минимум, следующие пункты:

- В отличие от 30-х годов сегодня для достижения обороноспособности достаточно решить две главные задачи: создание на смену старому советскому нового современного боекомплекта сил ядерного сдерживания; создание небольшой, но динамичной армии с предельно высоким уровнем вооружений и технологий – для купирования локальных задач военной безопасности и помощи в решении подобных задач союзникам по системе коллективной безопасности; и в первом, и во втором случае важно не количество (много ядерных боеголовок в принципе не нужно, много военных частей нового поколения тоже не потребуется), а качество и принцип разумной достаточности создаваемого.
- Нужно сосредоточить усилия на поддержке нескольких главных направлений развития фундаментальной науки, в первую очередь связанных с обеспечением стратегической безопасности; к таким в частности относятся биотехнологии – поскольку здесь возможно направление главного удара со стороны цивилизационных конкурентов⁴.

4. Фактически мы можем столкнуться с революцией, которую род человеческий уже не сможет вынести. Имеются в виду возможные катастрофические

- НИС (национальная инновационная система) должна начертать стратегию новой волны фундаментальных инноваций, придать им новый импульс. Мы должны действовать не в логике вчерашнего и даже сегодняшнего дня, а предложить инновационную программу с опережающими алгоритмами.
- Ключевой движущей силой «пятилетки инноваций» должен стать новый сектор интеллектуальной элиты страны – система продюсеров инновационного развития, топ-менеджеров и концептуальных руководителей (ученых-организаторов), мотивированных на развитие не отвлеченной науки и технологий, а национальных программ развития.
- Создание сети интеллектуальных фабрик, решающих не столько академически-научные, сколько прикладные, практические задачи, в том числе и практически-ориентированные целевые исследования на высшем научном уровне.
- Необходим образ России, первой вошедшей в эру, открывающуюся за индустриальной – в эру когнитивную. Постиндустриализм – вредный миф. Следующая эпоха будет сверхиндустриальной.
- Необходим образ страны, развившей новые технологии, включая закрывающие технологии, новую энергетику, биотехнологии, новые способы развития высших способностей личности.

последствия био-социальной революции, составной частью которых будет революция биотехнологий и био-конструирования, что является не частным научным вопросом, а ключом к будущему. Проявляется это и в глубинном ценностном фоне постсовременной цивилизации, в которой мутируют и искажаются первичные биологические инстинкты, меняется отношение к семье, рождению и смерти, браку и взаимоотношению полов, смыслу и ценности сексуальности. Формирование новых биологических форм и их сотворение из ничего, когда оно перешагивает пределы самого человека и вторгается в человеческую природу – это такой вызов, который способен размыть самые устойчивые ценностные барьеры. Возможны и более агрессивные (милитаризованные) решения в плане создания био-оружия. Чтобы добиться обороноспособности на этом направлении, нужно как минимум развивать собственные исследования.

МЫ ГЛАШАТАИ ТЕРМИДОРА (беседа на РСН 7.07.2013)

Ведущая Евгения Волгина: Так как вы представитель Изборского клуба, Виталий, я предлагаю обсудить те темы, которые есть на сайте Изборского клуба, а именно: последний доклад, 29 июня он был опубликован, называется «Русский поворот: от угрозы смуты к свободе и справедливости». Вы есть в списке его авторов. Там анализируется нынешняя ситуация в стране, и, в частности, там написано: есть большой риск срывов в глобальную депрессию. А может так сложится, что именно такой расклад необходим, ведь после падения следует подъем. А пока не упали окончательно, то ничего и не предпринимается.

Виталий Аверьянов: Всегда есть, по крайней мере, две политические логики. Одна известная логика: чем хуже, тем лучше. А другая – что еще можно что-то спасти. А может быть и третья логика – что внутри одной системы вызревает новая система, которая должна придти на смену ей. Например, внутри элиты вызревает контрэлита. Таким образом, подходы к кризису могут быть разные.

Я должен сказать, что этот доклад – далеко не первый у нас. За 10 или 9 месяцев существования Изборского клуба мы подготовили пять масштабных тем, вылившихся в доклады. Главный доклад, первый, «Стратегия Большого рывка» был написан еще осенью прошлого года. И новый доклад, о котором Вы спрашиваете, является его развитием и детализацией. Он эскизно описывает набор необходимых мер госполитики, которые предлагают изборцы.

А между двумя этими докладами была проделана большая работа. Мы с вами как-то говорили про доклад

на тему красно-белого синтеза, у нас выходил доклад по теме военной реформы, потом у нас выходило три авторских содоклада по евразийской интеграции. И вот только что вышел очередной номер нашего журнала, в котором содержится этот доклад, я условно называю его докладом Михаила Делягина, потому что он является основным его автором. Но, тем не менее, готов уже и следующий доклад по теме «анонимной войны», манипуляций сознанием в новейших революциях, революциях 2.0. В частности, это так называемая «арабская весна», то, что происходит в Сирии, то, что сейчас происходит в Египте и то, что в значительной степени угрожает России, как мы считаем. Такая проблематика нами тоже разрабатывается. Но этот только что завершённый доклад выйдет в следующем номере журнала и его, конечно, обсуждать еще рано.

Е. Волгина: Давайте остановимся подробнее на этом эскизном докладе про русский поворот. Как выйти из кризиса, как совершить рывок, как выйти на принципиально иной уровень именно развития, не стагнации, а развития?

В. Аверьянов: Я все-таки хотел бы настаивать на том, что это данный доклад следует рассматривать в связке с нашим первым докладом, во многом, это его детализация. Поскольку слушатели наши, большинство из них наверное, не читали ни тот, ни другой, то, чтобы они понимали, о чем идет речь, я изложу сами принципы нашего подхода. Они содержатся и в первом докладе, и здесь.

Прежде всего, это технология переориентации России на Большой рывок, не только индустриальный, но и социальный, демографический, идейный, можно сказать, творческий рывок. Речь идет о том, что существует определенный магистральный путь выхода нашей страны из этого системного кризиса, и глобального, который нас окружает, и внутреннего, который ему соответствует. Эти два кризиса накладываются друг на друга, вступают в сложный резонанс. И мы указываем на те вещи, которые не объехать конем, они объективно стоят перед страной.

К этим принципам относится переход к Шестому технологическому укладу. Поэтому, соответственно, требуется реиндустриализация, ведь, чтобы выйти на этот новый уклад, требуется подоснова, а этой подосновой является развитая промышленность. Причем, мы подчеркиваем, что сегодня для такого рывка есть ресурсы в стране. То есть, для того, чтобы совершить его, объем капиталовложений нужно увеличить, как минимум, в полтора раза. Но мы уже сейчас можем это сделать, не снижая уровня потребления. То есть, данная задача является вполне реалистичной.

Далее, для того чтобы осуществить такой рывок, необходимо нарастить наш внутренний рынок. Когда я говорю «внутренний», имею в виду не только российский, а рынок макрорегиональный. То есть рынок того пространства, которое вокруг России будет объединяться. Получается, что как ни пляши, а для того, чтобы развитие в России происходило, нужна евразийская интеграция – реинтеграция на постсоветском пространстве. Это объективное требование и условие для развития.

Е. Волгина: Но подождите, вот на этом интересно остановиться, Виталий. Сначала вокруг нас должны собраться или все-таки мы должны в нашей стране что-то создать, чтобы к нам потянулись. Потому, что ну, на каких условиях будут собираться, просто на обещаниях того, что мы станем великими и так далее? Ну, вряд ли.

В. Аверьянов: К нам тянутся даже не потому, что мы что-то предлагаем, а потому, что еще помнят вчерашнее. Я это знаю по опыту общения с представителями постсоветских государств. А если говорить о сегодняшнем дне, да, вы абсолютно правы, приходит на ум коллизия, которая сегодня в Украине существует. Евросоюз или евразийская интеграция – очень серьезная коллизия. Потому что Евросоюз, как будто, предлагает определенные стандарты, которые для условного среднего класса являются очень привлекательными. А Россия, Евразийский союз, такие стандарты не предлагает, хотя, если присмотреть-

ся, она предлагает свои, не менее привлекательные для Украины условия.

Е. Волгина: Для начала, может быть, нам стоит на себе сконцентрироваться, у нас внутри что-то создать? К тому же, когда речь идет о сотрудничестве с нашими соседями, понятное дело, чаще всего хотят видеть ту же самую Украину и Белоруссию, а что касается среднеазиатских государств, – совсем другие настроения.

В. Аверьянов: Наша логика такая. Если мы будем рассуждать в парадигме «сначала – потом», то мы потеряем и то, и другое. То есть евразийская интеграция должна происходить параллельно со сменой курса в стране. Вообще смена курса и евразийская интеграция – вещи между собой системно связанные. Может быть, разница между стартом реальных политических процессов должна быть в несколько недель, но не лет и не десятилетий. Вот в чем наша логика.

Но я продолжу излагать принципы нашего подхода. В этих новых условиях главным субъектом развития будет государство, мы в этом уверены. Это не возвращение в какие-то тоталитарные, как называют на Западе, политические формы. В конце концов, успехи таких стран, как Китай, Корея, Япония, и вообще весь этот вектор смещения экономического роста на Восток, – все это показывает, что новая успешная управленческая экономическая модель не является классически рыночной. Во многом она основана на рецепции нашего же опыта, то есть опыта 30-50 годов XX века, но творчески использованного. И там было оценено...

Е. Волгина: То есть, модифицированного? Правильно я понимаю?

В. Аверьянов: Да, совершенно верно. Если проанализировать, как проводились реформы в Японии, в Корее или в последние 20 лет в Китае, мы увидим, что сильные черты советского строя, сталинской индустриализации, просто заимствовались у нас. И государство станови-

лось основным субъектом развития, оно брало в свои руки рычаги инновационного развития. Я вам хочу тут сказать очень важную вещь. В сущности одной из догм рыночников-монетаристов, которую мы считаем абсолютно порочной и не адекватной действительности, является та, что государство должно уходить из всех сфер, включая науку и инновации, потому что якобы крупный капитал сможет это обеспечить. Так вот, никогда и нигде крупный капитал серьезные прорывные инновации не обеспечил.

Е. Волгина: Где должно быть государственное участие?

В. Аверьянов: Когда речь идет о неких крупных комплексных сдвигах парадигмы, научной парадигмы, новых изобретений и внедрения их в производство...

Е. Волгина: Хорошо, есть Сколково.

В. Аверьянов: Ну, что такое Сколково? Мы знаем, как этот проект запускался. Ведь его спровоцировал наш друг Максим Калашников, член нашего клуба, который много лет стучался, бил во все колокола, призывал к созданию передовых инновационных поселений. И вот в итоге мы имеем Сколково. Ну, как говорить, как умеют, так и делают.

Е. Волгина: Усомнившийся Макар пишет: а вам не кажется, что вы, как и другие аналогичные структуры, приводит в пример усомнившийся Макар ИНСОР и институт Гайдара, с вашими стратегиями и разработками работаете просто в корзину? Высшие руководители России, консерваторы в квадрате, говорит усомнившийся Макар. То есть далее, от теории вы куда-то переходите и кому-то представляете эти доклады?

В. Аверьянов: Ну, наши доклады читают, мы это точно знаем. Другое дело, что консерватизм может быть разным. Институт, который я возглавляю, называется Институт динамического консерватизма. Есть точка зрения, что Путин никогда ничего не поменяет, пока уж совсем не

подопрет. Точка зрения по-своему обоснованная. Но, все-таки нельзя сказать, что ничего не меняется. Давайте просто посмотрим на последние полтора года. На мой взгляд, мы приближаемся к тому моменту, который революционеры, представители «малого народа», разжегшего смуту в стране, называют термидором. Термидор – это когда революция начинает пожирать саму себя, своих детей и общество перерождается во что-то более традиционное.

Какие я вижу признаки этого? Ну, во-первых, распечатываются кубышки финансовых резервов. Сначала на нужды обороны, теперь заявлено, будем надеяться, что это не пустые слова, – начнется строительство инфраструктуры, дорог. Для нас это долгожданная победа, я прямо скажу. Если это произойдет реально, даже если разворуют половину, или больше половины, это все равно огромная победа, потому что наши деньги до сих пор работали на американскую финансовую систему, на ФРС. Если построят дороги, транспортные узлы, магистрали, это будет серьезный шаг вперед, потому что дороги являются одним из важнейших локомотивов развития.

Второй момент. Как бы мы ни относились к антикоррупционной кампании, со всеми ее заказными аспектами, она все-таки набирает обороты, она чем-то начинает напоминать сталинские чистки.

Е. Волгина: Например?

В. Аверьянов: Какой вам нужен пример? Ну, загляните в интернет, наберите там, арестован тот-то, разоблачен коррупционер, кто-то сбежал за границу, кто-то под следствием. Зачем приводить конкретные примеры? Это всем известно.

Е. Волгина: Возможно, нам известны люди, которые находятся под следствием, мелкопоместные чиновники, которые за откат сидят в тюрьме. Но есть же критика всех этих действий антикоррупционных, что они незначительны, скажем так, не радикальны.

В. Аверьянов: Так я и говорю, что она пока набирает обороты, что она не достигла того уровня, который ожидается. Но, кстати говоря, когда она достигнет серьезного масштаба, начнется и другая критика, начнется критика, что режим авторитарный, что он очень жесткий, что идет преследование какого-то класса и т.д. То есть, критики будут всегда. Дело не в этом. Дело в том, что этого еще полтора-два года назад не было в стране, а сейчас есть. Это знак того же термидора, на мой взгляд.

Следующий момент, чиновников ограничивают во владении зарубежной собственностью. Опять же, можно критиковать букву закона...

Е. Волгина: Ну как же, дома им оставили.

В. Аверьянов: Дома оставили, счета не оставили. Это шаг вперед опять же. Не было этого два года назад. Западные НКО начинают выдворяться из страны. Их российские филиалы, которые назвали иностранными агентами, тоже начинают прижимать. Все это первые ласточки.

Е. Волгина: Ну НКО – это отдельная история.

В. Аверьянов: Да, это отдельная тема. Далее, произошел поворот к теме патриотического воспитания. Заметьте, что у нас тема воспитания с 91 года в госполитике вообще отсутствовала.

Е. Волгина: А что мы подразумеваем под тем же патриотическим воспитанием? К этому тоже много вопросов.

В. Аверьянов: Смотря кто. Мы подразумеваем одно. А чиновники, возможно, подразумевают другое. Но интересно, что Путин, когда он заявил об этом впервые, сказал о воспитании в контексте борьбы мировых идеологий. Такое еще вчера было бы опять же немислимо. Это тоже знак изменений.

Знаете, я не апологет нынешнего режима, я вообще считаю, что режим ельцинский и наследующий ему путинский построен на костях наших граждан. На тех, кто

преждевременно умер в 90-е годы, на тех, кто не родился в 90-е годы.

Е. Волгина: Но при этом вы говорите, что ...

В. Аверьянов: Я не апологет режима, я хочу сказать, что приближается термидор и мы, Изборский клуб, будем его поддерживать, этот термидор. Если он будет происходить и в той мере, в которой он будет происходить, мы будем его глашатаями. Потому что мы считаем, что он более чем назрел.

Е. Волгина: До этого вы приводили пример, как можно нашу страну из кризиса вывести, соответственно. Но вот смотрите, вся Азия скоро в России будет. С кем интегрироваться, с нищелюдами, которые за копейку сюда едут работать? Надо не Евразийский союз создавать, а союз славянских государств, и границы закрывать. Вот такие настроения.

В. Аверьянов: Мы считаем, что союз славянских государств – это ядро евразийской интеграции. То есть Белоруссия и Украина для нас – приоритетные партнеры. Фактически сейчас идет битва за Украину. Белоруссия, она все-таки с нами, и она всегда была с нами. Это некий бастион. Я бы больше сказал, Белоруссия является Россией больше, чем сама Россия. То есть она сумела сохранить тот потенциал, который здесь был растрочен. Изборский клуб недавно посетил Приднестровье. Это еще один маленький бастион, который десятилетия продержался, не давая растворить себя ни в Молдавии, ни в каких-то процессах интеграции европейской. Такие бастионы сохранились, они в этом смысле идут впереди России, они даже подстегивают этот процесс. Евразийская интеграция не означает азиатизации России. Евразийская интеграция, еще раз хочу подчеркнуть, это создание масштабного макрорегиона вокруг России. И туда, конечно же, войдут наши партнеры из Средней Азии, с Кавказа и т.д.

Е. Волгина: Виталий, вы перечислили опять же, что нужно сделать, но пока государство должно, государство

дороги проложит, государство заводы построит. А вот в этом рывке какая роль отводится обществу? И нет ли у вас ощущения, что самим обществом сейчас овладела апатия? И, соответственно, тогда вопрос, а как выводить общество из этой апатии?

В. Аверьянов: Совершенно верно. Я ведь еще не описал полный алгоритм, я только начал описывать. Следующий момент, важный, который отвечает на ваш вопрос. Без смены элиты, без формирования нового типа элиты, без обновления, радикального обновления существующей элиты, этот рывок невозможен. Это должна быть элита, которая обладает мобилизационным сознанием. Это практически, ответ на ваш вопрос. Потому что роль общества – это роль в первую очередь тех людей, которые будут рекрутироваться. То есть сейчас нужен новый призыв, в том числе призыв во власть. Ну, сегодня мы не видим этого. Общероссийский народный фронт – это в значительной степени что-то такое театрализованное.

Е. Волгина: А что должно произойти, чтобы мы увидели и сказал, да, вот эти люди – это потенциально новая элита в нашей стране.

В. Аверьянов: Ну, хотя бы, как минимум, мы должны услышать от них правильные слова. Это самое первое.

Е. Волгина: Правильные слова, что это такое?

В. Аверьянов: Очень часто можно услышать: Кремль и так говорит правильные слова. Но я с этим не согласен. Не говорит он, а если и говорит, то не в должной мере. Правильные слова – это большая тема. Ну вот, может быть, стоит взять аспект, особенно для вас интересный. Скажем, когда в сфере медиа градус вот этих преобразовательных слов, интенций, вырастет, – это станет для людей знаком, что приходит новая элита. На наш взгляд, нам нужно создавать в стране патриотический медиахолдинг. То есть, не нужно чистить СМИ, менять главных редакторов, директоров, собственников. Нужно хотя бы создать один крупный холдинг, в котором обязательно должно быть информа-

ционное агентство, несколько журналов, радиостанций, и который...

Е. Волгина: Ну, наверное, весь патриотизм должен быть подкреплен реальными делами. Вам сразу же скажут, Виталий, мы хотим работу, мы хотим зарплату, мы хотим социальные гарантии. И тогда да, мы не поедем из этой страны, мы не будем искать другую страну.

В. Аверьянов: Люди могут сколько угодно говорить о том, что они хотят, но они должны сами себе объяснить, что они могут сделать. Потому, что если люди только хотят, хотят только потреблять, хотят хорошую зарплату, то в итоге они окажутся на мели.

Е. Волгина: А как это поменять?

В. Аверьянов: Вот посмотрите на процессы, которые происходят во всем мире. В той же Африке, в том же Египте, в той же Сирии, в той же Ливии. Мы видим, что приходит к власти тот же Мурси, который обещает свободу, демократию...

Е. Волгина: Ушел уже.

В. Аверьянов: Я говорю о том, что было год назад. И все воодушевлены. Эйфория, сейчас все будет прекрасно. В итоге, все оказываются на мели. Так же и здесь. Если наш потребитель считает, что кто-то ему принесет свободу, права человека и высокий уровень жизни вместе, в одном флаконе, на волне демократизации, свободных выборов, то это очень наивный человек. Очень наивный.

Е. Волгина: То есть, вы этого не видите в обществе, я так понимаю? Этой активности?

В. Аверьянов: Ничего подобного, я все вижу. Я вижу, что есть определенный миф о среднем классе, что, якобы, у нас средний класс ориентирован на Запад, на демократические ценности, на честные выборы, на белоленточную оппозицию. Это очень раздутый миф. Потому что де-факто у нас есть в крупных городах богемный средний

класс и мизерный высший средний класс, то есть достаточно богатый. Но есть основной средний класс, миллионы людей. Это менеджеры, бухгалтера, люди, которые работают в офисах, занимаются малым бизнесом. Это люди, в значительной степени консервативно настроенные, но не в смысле сохранения того, что сейчас есть. Они склоняются скорее к нашим традиционным ценностям, консервативным, а вовсе не к безоглядному броску в объятия...

Е. Волгина: Консерватизм – это наши ценности?

В. Аверьянов: Если говорить о консерватизме, как о традиционных ценностях, то конечно, консерватизм – это наше достояние национальное...

Е. Волгина: Тогда что считать консерватизмом? Что за основу брать? Из вашей речи получается – опыт советской России преобразованный. Самая динамика, не случайно же вы Институт динамического консерватизма возглавляете?

В. Аверьянов: Да, мы говорим о социальном консерватизме. Вот в этом докладе Делягина звучит термин технологический социализм, технократический, высокотехнологичный социализм. Социализм, кстати говоря, это не явление XX века, это глубокая тенденция, которая идет из давних времен.

Звонок слушателя: Вот что в нашей древней истории, именно в политическом плане не учтено в современной нашей истории, я имею в виду в избирательном процессе? Только не отключайте, давайте в диалоговом режиме.

В. Аверьянов: Вы имеете в виду Киевскую Русь или языческую Русь?

Слушатель: Я имею в виду Новгородское вече.

Е. Волгина: Это ваш вопрос, правильно?

Слушатель: Да, только не отключайте, я хочу услышать ответ, а потом задам еще вопрос.

Е. Волгина: Давайте вы сразу все вопросы зададите и вам ответят.

Слушатель: Нет, в диалоговом режиме, вы же любите в диалоге, давайте в диалоге.

В. Аверьянов: Ну, что вам сказать, вопрос серьезный, историософский, я бы даже сказал. Потому что у нас есть целая школа в XX веке сторонников новгородчины, к примеру Георгий Федотов, и многие другие наши мыслители. Или вот Янов Александр, есть такой профессор в Нью-Йорке, который постоянно говорит, что Россия идет уже 600 или 700 лет не по тому пути развития, а у нее были такие проблески настоящего европейского пути. Ну все это похоже на исторические спекуляции.

Слушатель: Я имею в виду...

В. Аверьянов: Вы меня не перебивайте, диалог-то диалогом, но я же вам еще не до конца ответил. Вот последнее звено мысли. Полагаю, что в значительной степени мифологизирована наша вечевая демократия, потому, что она пошла вразрез с развитием страны. Обратите внимание, что де-факто происходило то, что Новгород уходил в Ганзейский союз, уходил в протестантизм. То есть, они готовы были изменить и своему народу, и своей вере. Ради чего? Ради интересов олигархов. Потому, что в Новгороде правил не народ, в Новгороде правили купцы, олигархи тогдашние.

Слушатель: Ну, я в данном случае имел в виду одно, когда голосовали на вече, никакого тайного голосования не было, было открытое голосование. А сейчас у нас в Конституции записано тайное голосование, и невозможно выбрать достойных людей, реально выбрать.

Е. Волгина: Спасибо, Велеслав. Но все это можно было в одни вопрос вам уложить. Да, пожалуйста.

В. Аверьянов: Ну, мысль хорошая, чтобы не было тайного голосования. В принципе, можно рассмотреть такой вариант, я членам Изборского клуба расскажу про

это предложение, каким-то образом узаконить открытое голосование, почему бы и нет? Но, я хочу добавить, что на том же самом Вече был такой феномен как подкупные мужики. Очень большой процент голосующих – их просто подкупали.

Е. Волгина: Здесь еще несколько смс сообщений. Разоблачить и посадить, это разные вещи, замечает 47-й. Здравствуйте, ваш вопрос.

Слушатель: Здравствуйте, ну мне кажется, что правильные слова, – это благополучие всех, а не олигархических корпораций. А вопрос такой, в принципе, по целям по этим, социально-позитивным, довольно активно, но все-таки, довольно странно выступают коммунисты. Вот я, честно говоря, за Делягина и за вас и вообще, вступил бы к вам. И кстати я та самая буржуазия, и тот самый средний класс, который вовсе не за европейские идиотические ценности – ограбь другого. Поэтому я и рад бы, но нужна, как бы, на мой взгляд, мощная патриотическая сила социально-ориентированная.

В. Аверьянов: Ну, мы работаем над этим. Насчет коммунистов, могу сказать, у нас есть коммунисты в клубе. Вот совсем недавно вступил Жорес Иванович Алферов к нам.

Е. Волгина: Академик.

В. Аверьянов: Да.

Е. Волгина: Разные есть мнения. Во что сейчас Египет превратится, есть много опасений, что это будет очередная гражданская война. У вас какой прогноз?

В. Аверьянов: Вполне может быть гражданская война. Вы знаете, вот наше исследование, о котором я говорил вначале, что скоро выйдет новый доклад по глобальной анонимной войне, оно показывает, что в тех процессах, которые происходили в Северной Африке и в некоторых других странах за последние 3 года, в этих революциях и переворотах просматривается почерк очень похожий. Там есть целый ряд признаков, которые указывают на то,

что конечно это не спонтанные процессы. А сами низовые спонтанные процессы, которые там разжигаются, возглавляются и оседлываются не случайными субъектами. Так вот, одним из важных тезисов наших, который в этом докладе тоже звучит, это то, что арабская весна – всего лишь первая фаза этой драмы. И сегодня мы фактически видим попытку перехода к следующей фазе.

Очень многие аналитики говорили: как же так, если бы за этим стояли англосаксы, американцы, если бы за этим стояли крупные транснациональные корпорации, то не пришли бы братья-мусульмане к власти. Ну, во-первых, это вовсе не так. Потому, что на сегодняшний день у власти в Америке находятся не ястребы-неоконы, а падальщики, другая совсем категория экспансионистски настроенных идеологов и конструкторов, инженеров мирового порядка. Падальщикам все равно с кем сотрудничать: с радикалами, с правыми, с левыми, они будут сотрудничать с кем угодно для достижения тех целей, которые перед ними поставлены. Америка, кстати, не является субъектом этих революций, она скорее огромная машина, которой как тараном пользуются, – это касается и НАТО, и США.

Е. Волгина: Но я верну вас в Египет, Виталий. Казалось бы, когда это все произошло, какие претензии выдвигали к Мурси, он не выполнил предвыборных обещаний. То есть экономика никуда не сдвинулась, наоборот, она катится под откос и плюс – он правил страной, исходя из интересов братьев-мусульман, хотя сам из движения братья-мусульмане ушел. Казалось бы, когда это видим, складывается впечатление, что есть некий настрой не на исламистское государство, а на государство как раз светское.

В. Аверьянов: Мубарак был более светский лидер, чем братья-мусульмане. Исламизация за последний год должна была происходить на кадровом уровне, потому, что эта партия, братья-мусульмане, это движение, оно захватило все посты. И в этом смысле исламизация произошла. Теперь возникает вопрос: произошла ли она в самой

политике? Вообще, главным требованием этой революции год назад была справедливость. А справедливость египтяне понимаю так, что должно происходить перераспределение национального пирога и перераспределение политики от интересов олигархов к интересам большинства. Вот этого не произошло. То есть Мурси этого обещания не выполнил, это главная его то ли ошибка, то ли осознанная его политика. Но, тем не менее, получилось так, что они сели во власть, но в стране в сущности ничего не поменяли.

Е. Волгина: А не получится ли такой сценарий, что Египет погрузится в такую вялотекущую гражданскую войну, уж не знаю, сравнивать с Сирией или не сравнивать с Сирией. И в конце концов такая кольцевая композиция произойдет, придет диктатор, да, действительно, возможно, поднимет страну, но она по сути будет закрытой.

В. Аверьянов: Более жесткой, чем при Мубараке.

Я что еще хочу сказать, почему именно в Египте и где-то еще сейчас, в других странах, может заполыхать. Та огромная партизанская армия из нескольких десятков тысяч человек, которая в Сирии терпит поражение, она будет уходить оттуда. Но ее нельзя отправить в безвоздушное пространство, ее надо перебросить на другой фронт. И поэтому, вообще, вся эта арабская весна, на мой взгляд, это некая такая огромная авантюра, которая конечно создана для того, чтобы заработать громадные деньги, для того, чтобы перераспределить активы. Но здесь возникает побочная задача и, при определенных условиях, головная боль: ведь нужно давать работу вот этой интернациональной банде.

Е. Волгина: Вы имеете в виду боевиков?

В. Аверьянов: Боевиков, да. Эти же люди работали в Ливии, сейчас они работают в Сирии, им нужна следующая жертва. Если это не Иран, не Северный Кавказ в России, то может это будет Египет. С этой точки зрения, нам-

то может и полегче, но в любом случае, среди целей есть и Иран, и Северный Кавказ.

Е. Волгина: 692 спрашивает, что при войне будет с Суэцким каналом?

В. Аверьянов: Ну я думаю, что будут проблемы с доставкой грузов по этому маршруту.

Слушатель: Я по многим вопросам совершенно не согласен, и я скажу, почему, вы говорите, что надо обращаться к каким-то консервативным элементам...

Е. Волгина: Федор, мы про Египет уже.

Слушатель: Ну хорошо, есть люди, которые говорят, что происходит заговор, за всем этим стоит Америка. А почему, собственно говоря? И много раз я слышал эту позицию господина Проханова. А почему игнорируется, что народы больше не могут жить при таком режиме деспотичном и, в общем, откровенно фашистском, который в Сирии, который был во многом при Каддафи? Почему обязательно нужно искать какую-то внешнюю руку, хотя очевидно, что и в 17 году у нас в общем-то народ взорвался, и в 91 году советская система рухнула, к которой вы призываете вернуться, и эта политика Путина консервативная. Вот почему вы ищете только в прошлом, а в будущем-то как вы видите движение? К чему вы призываете?

Е. Волгина: Ну ясно, по поводу Египта, ведь есть не внешний фактор, а внутренний.

В. Аверьянов: Ну, я не согласен с нашим радиослушателем, что народ Ливии и Сирии не поддерживал своих «фашистских» диктаторов. Очень даже поддерживали. А то, что так получилось, ну, в значительной степени, ломали через колено. Большинство населения ломали. В Сирии не удалось сломать, мы это видим, пока, по крайней мере, не удалось. Ну, а насчет движения в прошлое, ну это не правильно. Вообще, если посмотреть наши доклады, доклады того же ИНСОРа и того, что говорят официозные публицисты, у нас в Изборском клубе потенциал

развития, нацеленность на развитие страны на сегодняшний день самые высокие, мне кажется. А о чем говорит, допустим, большая часть болотной оппозиции, они вообще что предлагают? У них нет никакой программы для страны, кроме честных выборов и показушной борьбы с коррупцией.

Слушатель: Вы бы предыдущему звонившему объяснили, что манипулируют в том же Египте, в Ливии, в Сирии и вообще везде, это американцы. И это элементарно просчитывается. Человек, который абсолютно ничего не понимает, нулевой, он считает, что там все само собой происходит...

Е. Волгина: Ну все-таки по-вашему, Виталий, если гражданская война, то вялотекущая или какая?

В. Аверьянов: Знаете, Египет не похож на страну, где может долго идти вялотекущая гражданская война. Там, скорее всего, сильно запыляется. Это будет похоже на Ливию и Сирию, другое дело, мы не знаем, какую роль в этом сыграет эта самая интернациональная банда. Если туда ее перебросят, то это будет настоящая горячая война. Что касается вялотекущей, то может, если туда не перебросят эту бандитскую армию, тогда это будут какие-то отдельные теракты, будет какой-то жесткий режим, который будет с ними бороться, и это может продолжаться десятилетиями. Не война, а напряженность с кровавыми эксцессами. Вообще, эти процессы революционные продолжаются не меньше пятнадцати лет обычно. Редко так бывает, что сменилась власть – и все стало тихо и гладко. Смуты предполагают запуск механизмов саморазрушения, и трудно любому обществу быстро найти выход из того глубокого кризиса, в который его подтолкнули. Я согласен, что есть внутренние факторы, конечно, без них никогда не бывает. Но в данном случае, когда продолжается цепная реакция революций, с одинаковым почерком, с одинаковыми приемами, в том числе связанными с блогосферой, с использованием новейших информационных

технологий, которые везде были задействованы, с новейшими ментальными инъекциями...

Е. Волгина: Могут в итоге придти к власти люди, такие, как Мубарак, такие, как Каддафи, например?

В. Аверьянов: Поймите, Мубарак был очень лоялен к транснациональным кампаниям и Соединенным Штатам. Мубарак был очень лоялен. Даже Каддафи, который был не лоялен, он под конец уже сказал: давайте сядем, договоримся. Никто не стал договариваться ни с тем, ни с другим. И диктатор скорее всего будет гораздо более жесткий, чем Мубарак, когда все успокоится и придет к какой-то стабильности.

ВАЛДАЙСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Мы приблизились к тому моменту, который революционеры, представители «малого народа», разжегшего смуту в стране, называют **термидором**. В сущности, путинский термидор по отношению к 90-м годам уже идет полным ходом. Вопрос о точности термина «термидор» представляется мне не самым важным – важным этот вопрос является для революционеров, которые верят в силу и точность аналогий с Великой Французской революцией. Для меня же этот термин символизирует скорее их страх, чем действительно точную метафору происходящего. В частности, таков был страх Троцкого перед «сталинским термидором» как реакцией упрямой страны, не принявшей его, Троцкого, пламенную страсть к новому миру и ненависть ко всему старому, почвенному, корневому, – всему, что он отождествлял с «темным» и «косным» в русской стихии.

Сегодня страх всевозможных эмигрантов вроде Невзлина (из-за границы указавшего на Путина как на реинкарнацию Сталина), всевозможных фурий дикого русского капитализма вроде Полонского (в свое время прямо заявившего, что не человек тот, у кого нет миллиарда) – это страх перед реваншем обобранной ими нации. Термидор – это страх спекулянта и мошенника перед расправой, это страх подстрекателя и поджигателя перед силами порядка и самообороны.

В 2012-2013 году начала складываться качественно новая политическая конфигурация, в которой видна необратимость процессов по отношению к попытке медведевского «реванша» как политического размораживания системы. Слегка размороженная при Медведеве, система вновь ужесточается.

В чем же состоит эта новая конфигурация?

Кубышки финансовых резервов распечатываются: сначала на нужды оборонного комплекса, а теперь и на строительство инфраструктуры (долгожданная победа над монетаристами, дай Бог, чтобы она не ограничилась словами). Со скрипом, со скрежетом, но и антикоррупционная кампания все больше набирает обороты, напоминающая чем-то сталинские чистки. Чиновников ограничивают во владении зарубежной собственностью. Западные НКО все больше выдворяются, их российские филиалы (иностранных агентов) тоже начинают прижимать. Объявлен поворот к теме патриотического воспитания (термин «воспитание» долгие годы после распада СССР был вообще вымаран из госполитики), причем сделано это в контексте борьбы мировых идеологий, что было еще вчера для нашей власти совершенно немыслимым. Создается единая концепция учебника отечественной истории – и если даже первый блин выйдет комом (наверняка так и будет), важен сам почин. Власть задумалась о контроле над интернетом, через который в сознание нашей молодежи тянутся щупальца дистанционных воздействий и манипуляций, формируя не только идеи, но уже и основной социальный фон сознания. Власть объявила о союзе с Церковью и защите религиозных чувств верующих от глумления, дала понять, что защитит от агрессии могущественных западных лобби, таких как ювенальная юстиция, сексуальные меньшинства, растлители, осквернители. Брошен вызов почти всемогущей мафии экологов, терроризирующих национальные государства в глобальном масштабе. Осенью 2013 года началась яростная борьба за Украину, которая, может быть, и будет проиграна, – но она ведется по-новому и не останется без последствий.

Все эти сдвиги до поры до времени могли интерпретироваться превратно и двусмысленно – тем более что они соседствовали и с другими мерами и кампаниями, в какой-то мере им противоречащими. Собственно и модель дуумвирата, наличия двух штабов в стране так до сих пор и не отброшена.

Однако за системой этих сдвигов и отдельных высказываний Путина все больше проступала мировоззренческая система – то, чего раньше в нем не просматривалось. (Раньше Путин был всецело ситуационен – даже Мюнхенская речь была не более чем раздраженным ответом на конкретную обиду и несправедливость.)

Наступил момент, когда мировоззренческая система была явлена, и проступили черты ее целостности. Явился лик Путина – то, что он умудрялся скрывать за туманом своего иллюзиона в течении 13 лет. Осколки разбитой вазы собрались воедино и срослись в стройную форму. Мы вновь обрели голос, звучащий громко и уверенно.

И вот наступил момент, когда эта мировоззренческая система была явлена, и проступили черты ее целостности. **Явился лик Путина** – то, что он умудрялся скрывать за туманом своего иллюзиона в течении 13 лет.

Этот произошло на Валдайском форуме 2013 года, где в выступлении с речью и в особенности в ответах на вопросы из зала президент, идущий на гребне волны сирийского дипломатического триумфа, предстал как лидер уже не государства только, но и возвращающейся Русской цивилизации.

Валдайскому явлению предшествовала статья в «Нью-Йорк Таймс», в которой русский вождь бросил в лицо американцам: «Бог создал нас равными». Но помимо риторики в статье «Сирийская альтернатива» приоткрыт был и секрет путинской решительности, образ его политического и исторического Рубикона. Анализ событий «Арабской весны» и новейших революций 2.0 не оставляет сомнений – России не долго оставаться в стороне от этого глобального процесса. Боевики на стенах полуразрушенных сирийских домов пишут на нескольких языках, включая русский: «Россия, ты следующая!»¹ И в своей статье Путин ясно говорит об этой угрозе, – того, что наемники-бандиты из Сирии окажутся в «наших странах», – угрозе,

1. Эти надписи читали и показали нам в телерепортажах наши друзья по Изборскому клубу, побывавшие в Сирии весной 2013 года.

которая подталкивает его к явлению определенного лика, к прекращению двусмысленности.

Что касается беседы на Валдае-2013, обращают на себя внимание **пять смысловых блоков**, которые впервые были представлены Путиным и которые сами по себе оформляют новую парадигму государственного мировоззрения.

1. Была явлена субъектность, вера в Россию как цивилизацию («у России большое, мощное будущее») и **как судьбу** («Россия – это судьба»), ее возвращение к себе. Путин объявил о завершении так называемого постсоветского этапа: *«Годы после 91-го принято называть постсоветским этапом. Мы пережили, преодолели это бурное драматическое время. Россия, как это уже бывало в истории не раз, пройдя через ломки, испытания, возвращается к самой себе, возвращается в собственную историю. Упрочив свою национальную самобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперед»*. Что же идет на смену «постсоветскому этапу»? Название новой эпохе еще не придумано, а если его и можно угадать – то вряд ли оно покажется достоверным и убедительным.

Однако, это будущее базируется на нескольких аксиомах:

- Россия – это **государство-цивилизация**, «скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской Православной Церковью и другими традиционными религиями России». Россия – это многообразие в единстве, «цветущая сложность».
- «Суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить».
- Дважды в XX веке мы переживали национальные катастрофы, распад государственности и разрушительный удар по культурному и духовному коду нации. Однако, вопреки этому, нам есть чем гордиться

ся в своей истории – эта история для нас целостна: «Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности».

- Копирование чужого опыта, попытки извне цивилизовать Россию «не были приняты абсолютным большинством нашего народа», стремящегося к суверенитету духовному, идеологическому и внешнеполитическому.

2. Тесно связано с предыдущим смысловым блоком то знамя **мировой миссии России**, которое Путин впервые поднял на Валдае – и это знамя имело внушительное подкрепление предшествовавшей дипломатической победой на сирийском фронте. Свою глобальную миссию президент противопоставил западной агрессии, склонности к насилию, выстраиванию диктата и кулачного права. Были предложены следующие аксиомы:

- Миру дано Богом многообразие народов, каждое суверенное государство имеет свое лицо, каждый народ уникален.
- Однополярному, унифицированному миру не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы, отказавшиеся от своего лица.
- «Наша сегодняшняя позиция имеет глубокие исторические корни. Россия сама развивалась на основе многообразия, гармонии и балансов, привносила такой баланс и в окружающий мир». «Сила России, сила победителя» в поворотные моменты истории проявлялась в благородстве и справедливости.
- Евразийская интеграция будет строиться на этих же принципах, в ней «каждый сохранит своё лицо, свою самобытность и политическую субъектность».

3. Путин заявил, что России не по пути с Западом («евроатлантическими странами») в том, что они отказываются от своих христианских корней и фундаментальных исторических ценностей. «Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная,

культурная, религиозная или даже половая». В этом Путин видит деградацию и примитивизацию общества. Путин показал, что он **гнушается** декадансом, нравственным и демографическим упадничеством Запада. Путин произнес знаковые слова:

- Проводится политика (!), уравнивающая веру в Бога и веру в сатану.
- Однополюе семьи, пропаганда социально опасных извращений (педофилии), стыд за свою религиозную принадлежность, удушающая политкорректность, – все это не просто культивируют, но и «пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру».
- «Что ещё может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству?»
- «Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение».

4. С предыдущим смысловым блоком связаны и тезисы об **антинациональной «квазиколониальной части» российской элиты**, которой было выгодно отсутствие национальной идеи. Связка между отсутствием идеологии и паразитическим классом, предпочитающим «воровать и выводить капиталы» – крайне важное и новое для Путина заявление, фактически подводящее жирную черту под эпохой деидеологизации. Другой аспект этой же темы – **«пятая колонна»**, разрушители, политические демагоги. «Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России». Путин заявляет: нам нужны созидатели, нам нужно «настоящее гражданское общество», мы должны знать,

кому доверяем – отсюда новые законы о прозрачности НПО.

5. Слыша все это, можно было бы предположить, что после ухода Суркова в спичрайтеры Путину были набраны люди, ориентирующиеся на национал-консервативную традицию и насыщающие риторику президента соответствующей лексикой и аргументацией. Но дело не только в спичрайтерах. Новая повестка сполна и чрезвычайно убедительно проявилась в устных ответах Путина на вопросы – где он спонтанно, в свойственной ему непринужденной и ироничной манере, расставил наиболее смачные акценты.

Фактически многие ответы Путина звучали как насмешка, как **издевательство над двойными стандартами Западами**, его подчас мелочным эгоизмом:

- «Они привыкли в Европе как? По известному принципу: сначала давайте съедим твое, а потом – каждый свое».
- «Берлускони судят сейчас за то, что он живёт с женщинами, а если бы он был гомосексуалистом, его пальцем бы никто не тронул. *(Смех в зале.)*»
- «Химическое оружие в Сирии появилось как альтернатива ядерному оружию Израиля, мы же это хорошо знаем (...)»

Все эти 5 смысловых блоков – новая явление в политике верховной власти. Всего этого не было в наших первых лицах, начиная с Горбачева. Все это признаки завершающейся, преодолеваемой Смуты. И эти изменения не могут оказаться чистой риторикой. Россия вступает в новую полосу своей жизни – начинается непростая, возможно, крайне трудная и опасная, сопряженная с войнами и жертвами, открытая борьба за достойное место в мире. А это невозможно и без внутренних перемен в стране.

Часть IV. ПРИМИРЕНИЕ «КРАСНЫХ» И «БЕЛЫХ»

ДРУГОЙ ЦАРЬ И ДРУГОЙ СТАЛИН¹

Публикация в газете «Завтра» цикла Сергея Кургиняна «Медведев и развитие» стала явлением в современной публицистике. Разнообразны затрагиваемые темы, глубока и остроумна постановка вопросов. Но многое в этих эссе вызывает как недоумение, так и резкое неприятие.

Поводом к написанию нашей статьи послужили многочисленные оценки Кургиняном политики Николая II и его места в нашей истории. Кургинян порою справедливо обвиняет «борцов с коммунизмом» в упрощении истории и предвзятости. Но вот он сам начинает писать о дореволюционной России – и не просто скатывается к упрощениям и предвзятости, а прибегает к домыслам и ложной аргументации, оборачивающейся голословными заклинаниями и неопытным цинизмом.

Авторы этой статьи были в самой гуще событий в Екатеринбурге во время отмечавшегося в июле этого года 90-летия гибели семьи Романовых, входили в число организаторов «Екатеринбургской инициативы», излагали в многочисленных публикациях свое видение трагедии 1917-1918 годов и последовавшей за ней братоубийственной войны. Своеобразные итоги этих исследова-

1. Статья написана в соавторстве с П.Мульгатули и впервые опубликована в газете «Завтра» (№№ 41-42 2008).

ний и размышлений были сфокусированы нами в новом художественно-публицистическом фильме «Николай II: Сорванный триумф», который в скором времени покажут по телеканалу «Россия».

Что же на самом деле значит для современной России фигура Царя-Страстотерпца Николая II?

Сегодня личность царя уже не повод, как это было недавно, чтобы поглумиться над дореволюционной историей, «свести счеты». Сегодня для значительной части нации Николай II означает символ расставания со многими антироссийскими мифами, имеющими долгую историю. Отнюдь не все мифы, которые избочиваются добросовестными историками, относятся по своему происхождению только к большевистской пропаганде – их основа закладывалась и до 1917 года. Проводниками этих мифов стали и деятели Февральской революции, многие из которых, уже в эмиграции, продолжали всячески чернить последнего самодержца. Этим господам, предательски нанеся по империи страшные удары, было явно не по пути с исторической Россией и до 1917 года, и после него.

Сталин был вынужден выполнять те же задачи развития, которые в свое время враги России руками «февралистов» не дали выполнить Николаю II, сорвав наш триумф в Первой мировой войне. Однако эти же задачи Сталин решал на гораздо более непрочном фундаменте в стране, отброшенной революцией назад на многие десятилетия, в стране с надорванным духом, с разрушенной ментальностью. Отсюда та жестокость, кровь и сверхусилия, с которыми был сопряжен прорыв 30-х годов, отсюда и невиданные жертвы Великой Отечественной войны.

Пять мифов о Царе и царской России

Мы коснемся лишь нескольких ложных стереотипов, поскольку тематика фальсификации предреволюционной истории весьма обширна. Мы предлагаем краткие выво-

ды из исследований, имеющих под собой солидную документальную основу.

Миф первый. Россия Николая II была отсталой и мало-пригодной для жизни страной.

Этот тезис насквозь лжив. Именно в царствование Николая II страна совершила грандиозный экономический, промышленный, демографический скачок. Россия заняла первое место в мире по добыче нефти, обогнав американских нефтедобытчиков, стала претендовать на звание, как сказали бы сейчас, глобальной энергетической державы, построила Китайско-Восточную и Южно-Манчжурскую железные дороги, основала за полярным кругом город с незамерзающим портом Романов-на-Мурмане (Мурманск). В России Николая II выплавка чугуна увеличилась за 20 лет почти вчетверо; выплавка меди – впятеро; добыча марганцевой руды также в пять раз. Протяжение железных дорог, как и телеграфных проводов, более чем удвоилось. Столь же высокими темпами развивался и речной флот – самый крупный в мире. Был достигнут беспрецедентный для своего времени уровень высшего образования (100 вузов со 150 тысячами студентов) и высокий уровень грамотности в народе. Бурно развивалась медицина. Значительно поднялся жизненный уровень всего населения, в том числе крестьянства. Произошел настоящий демографический взрыв – население выросло почти на 50 миллионов человек. Случай небывалый в мировой истории.

Кроме того, если говорить о планах царя, достаточно перечислить лишь следующее: был разработан план электрификации всей страны, впоследствии присвоенный Лениным, а также проекты нефтепровода от Баку до Персидского залива, Беломорско-Балтийского канала, крупных заводов на Урале и Дальнем Востоке и даже БАМа (Байкало-Амурской магистрали).

Обычно сильно преувеличивают данные о финансовой зависимости России от других держав. При том, что к 1917 году средний ежегодный приток иностранных ин-

вестиций увеличился почти в 4,4 раза по сравнению с началом царствования, однако они составляли только 11% всех чистых капиталовложений в России. Индустрия в России была построена в основном на капиталы российского происхождения. При этом русский рубль был одной из самых твердых валют мира.

Миф второй. Его держава была «тюрьмой народов».

Только в Российской империи представитель некоренного народа мог занимать государственные посты, в том числе самые высокие. На большую часть мусульманского населения империи не распространялась воинская повинность, грузинские крестьяне фактически не облагались налогами, которые и без того были в России самыми низкими в мире. Держава являла поразительные примеры веротерпимости, поддерживала религиозные меньшинства. Так, например, все дети мусульман получили возможность учиться в медресе, тем самым, кроме всего прочего, на корню была устранена опасность появления экстремистских настроений. В геополитические планы Николая II входило расширение Империи на юго-восток, постепенное присоединение Тибета и Монголии, народы которых видели в нем традиционный образ «Белого Царя» (перспективы этих присоединений тогда были вполне реальны).

Миф третий. Царь был безволен, был «всепрощенцем».

Этот стереотип не терпит сопоставления с историческими фактами. В разгар кровавой смуты 1905-1907 годов именно Николай II беспощадно подавлял эту смуту, именно им (а не Столыпиным, как принято считать) были введены военно-полевые суды, имевшие санкции приговаривать к смертной казни в 24 часа террористов, стрелявших по войскам. При этом царь не был сторонником репрессивных методов управления страной, удерживал хрупкий баланс согласия в обществе (что вменяют ему в вину многие нынешние ультраконсерваторы, которые, дай им

волю, перестреляли бы всех тогдашних революционеров как бешеных собак). Благодаря мужеству, жесткости и последовательности ему удалось обуздать центробежные силы и вернуть Россию к динамичной модернизации.

Невысокого роста с неброской внешностью, Государь, между тем, по многочисленным свидетельствам, производил сильное впечатление на тех, кто имел возможность общаться с ним непосредственно. Притягательность, внутренняя сила, обаяние личности отмечались как друзьями, так и врагами. Николай II был спокоен и предельно сдержан, отчего на первый взгляд мог казаться мягким. Однако, по выражению историка Сергея Ольденбурга, «у Государя поверх железной руки была бархатная перчатка».

Миф четвёртый. На совести царя жертвы 9 января 1905 года.

Этот миф отчасти противоречит третьему, и в этом стоит разобраться. Известно, что Николай II тяжело переживал «кровавое воскресенье». Им были наказаны ответственные за произошедшее чиновники. Родственникам погибших 9 января лиц были выделены огромные суммы из личных средств Государя.

Что же произошло 9 января? То была, говоря современным языком, первая в истории «цветная» революция, организованная на деньги японской разведки (которые поступали через ее резидента полковника Акаси). Авторство данной провокации принадлежит руководству террористической группировки «партии социалистов-революционеров». Организатор ее – эсеровский боевик Пётр Рутенберг – использовал в своих целях популярного среди петроградских рабочих священника Георгия Гапона. Целью провокации было вызвать в Империи мощные беспорядки – и эта цель была достигнута. Вопреки расхожему мнению, первые выстрелы 9-го января были произведены не солдатами по рабочим, а из толпы по войскам.

Миф пятый. Добровольно отрекся от власти.

Обстоятельства, при которых Император Николай Александрович подписал так называемое «отречение» от престола, до сих пор покрыты завесой тайны. Поныне бытует лживая версия происшедшего, суть которой выразил Александр Блок: «Отрекся, как будто эскадрон сдал». Таким образом «отречение» выносится за рамки общего контекста предшествующих событий и превращается в личный почин «слабого» Царя.

До сих пор ни в одном архиве не найден текст Высочайшего манифеста. То, что выдается за таковой, – сомнительный и неизвестно кем составленный вариант телеграммы со странным названием «начальнику штаба», подписанный карандашом (что само по себе идет вразрез с практикой подписания царем всех официальных документов государственной важности).

Доподлинно мы можем сегодня утверждать только одно: 2 марта 1917 года в Пскове произошла чудовищная и не имеющая примеров в истории измена царю в условиях страшной войны, в канун судьбоносного наступления русской армии. Царь был фактически пленен генералами-заговорщиками, которым он доверял. После этого пленения Николай II и его семья находились в изоляции, и заговорщики имели возможность скрыть реальную канву истории с отречением.

Презренные имена изменников известны. Это председатель Государственной Думы камергер Родзянко, депутаты Государственной Думы Гучков, Милюков, князь Львов, эсер Керенский, начальник Штаба Ставки генерал-адъютант Алексеев, великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант Рузский, генерал-адъютант Брусилов, генерал Крымов, генерал Корнилов.

Но нити заговора тянулись далеко за пределы России. Имена зарубежных участников организации Февральской революции: серый кардинал внешней политики США полковник Хаус, собиравшиеся в Нью-Йорке в своем клубе на Бродвее-120 банкиры Варбург, Шифф, Морган, в Англии – лорд Мильнер, английский посол в Петрограде Бьюкенен.

Любопытно, что на Бродвее-120 находился также и центр по организации Октябрьской Революции: там располагалась банковская контора Биньямина Свердлова, родного брата Якова Свердлова. Обосновался в этом же небоскрёбе и известный английский агент Сидней Рейли, главное связующее звено между Троцким, Свердловым и американскими финансовыми группами.

Альтернативная Россия

Тем, кто вслед за советскими историками продолжает безапелляционно осуждать отречение царя, было бы вполне достаточно ознакомиться с творчеством Михаила Кольцова, чтобы понять всю легковесность собственных утверждений. Кольцов, рассуждая об обстоятельствах так называемого «отречения», писал: *«Где тряпка? Где со-сулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили»*. Эти строки стали широко известны в наши дни благодаря неоднократному переизданию исторического сборника 20-х годов под общим названием «Отречение Николая II». Кстати, последние исследования обстоятельств «отречения», убедительно доказывают, что Государь не только не отрекался добровольно, но и что сам факт подлинности так называемого «манифеста» об отречении вызывает самые серьёзные сомнения.

Падение нашей монархии было выгодно не только Германии, но, как это ни парадоксально, и союзникам по Антанте. До недавнего времени оставалось тайной то, что Николай II добился от них признания за Россией права на черноморские проливы, Константинополь, Средиземноморское побережье и даже Палестину. Так называемым «союзникам» нужно было, использовав Россию, вывести

ее из победоносной войны, поскольку в противном случае она становилась **глобальным лидером**. Когда монархия в России пала, британским премьером Ллойд-Джорджем был дан этому весьма красноречивый комментарий: «Одна из целей войны для Англии, наконец, достигнута».

Глупо и антиисторично отрицать, что в советский период страна достигла огромных успехов в области науки, культуры, образования, здравоохранения, социальной политики. Так же, как и отрицать, что Советский Союз был величайший мировой державой, без которой не могло быть принято ни одно значимое решение в международной политике. Другое дело, что эти успехи могли быть достигнуты гораздо раньше, в начале XX века.

Рассуждая о большевистской модернизации, Сергей Ервандович констатирует: *«Если бы это сделал царь – было бы в чём-то лучше. По крайней мере, крови было бы очевидным образом меньше»*. Но царь не только «мог бы» это осуществить, он эту модернизацию осуществлял! Для чего и понадобились кадеты и большевики – первые, чтобы убрать царя, вторые – чтобы ввергнуть страну в гражданскую войну и тем затормозить, если не уничтожить, естественный рост могущества Русской цивилизации.

Критикуя оппонентов, Сергей Кургинян верно замечает: *«Что же касается красно-белых полемик, то они себя во многом исчерпали. Прошло время, когда можно было проклинать или восславлять. Нужно научиться понимать. Нужно отказаться от расхожих клише и категоричностей»*.

Но сегодняшнюю борьбу между красными и белыми, эту продолжающуюся гражданскую войну в умах нужно изживать вовсе не потому, что страна слишком долго была терзаема данным противостоянием и устала от него. Это не недуг и не род социальной шизофрении. Последствия этой борьбы должны быть преодолены потому, что теперь становится все более и более ясно – дистанция между красными и белыми, между Лениным и «февралистами» не так уж и велика. Они делали одно дело – разрушали

Россию. «Белые республиканцы» начинали – «красные радикалы» заканчивали.

В своей статье в «Завтра» Сергей Кургинян затрагивает тему «ритуального убийства»: *«На месте власти (такой, которая есть) я бы отер холодный пот. Чьи ритуалы, какие ритуальные убийства? Зачем это всё сооружали агитпроп Белой армии в ходе гражданской войны, эмиграция в ходе борьбы с СССР и так далее – понятно. Естественно, говорилось – чьи убийства и что за ритуалы».*

Но какие белые и когда говорили про ритуальное убийство? Существуют книги следователя Соколова и генерала Дитерихса. Где же там тема ритуального убийства? И уж тем более, нет там разъяснение «ритуалов» и их исполнителей! Впервые о ритуальном убийстве Царской семьи написал человек под псевдонимом Энель, исследователь кабалистики, никакого отношения к белым не имевший. Белые же убийство Царской семьи вообще замалчивали, так как им было совершенно невыгодно пропагандировать это событие, поскольку они боялись, что их причислят к монархистам. То же касается и использования «ритуальной» темы для борьбы с СССР. Вообще же безапелляционное обращение с данной темой подозрительно напоминает мнение правительственной комиссии времен Ельцина и Немцова

Кстати, среди так называемых белых образца 1918 года главным советником антантовского генерала Жанена числился родной брат Якова Свердлова – Зиновий Свердлов, прикрывавшийся фамилией Пешков. Именно он курировал с «белой» стороны все обстоятельства Екатеринбургского злодеяния, а затем организовал вывоз вещественных доказательств по делу следователя Соколова.

Но мы говорим о другом. Нас пытаются уверить, что Император Николай II и все та же мифическая «белая элита», погубили страну. Мысль эта не нова и повторена сотни раз разного рода недоброжелателями Николая II. В последний раз ее воспроизвел телеведущий Владимир Соловьев и эстонский писатель Михаил Веллер. Здесь нет

возможности снова, в который раз опровергать это голословное и антиисторическое утверждение. Достаточно вспомнить констатацию Уинстона Черчилля, что сила государства определяется не теми поражениями, которые оно претерпело, а теми ударами, которые оно вынесло и той мощью, которую оно развило. Именно империя Николая II в нечеловеческих условиях всеобщего противостояния, когда Россия вела борьбу с самыми могущественными силами Запада, вплотную подошла к исторической победе в Первой мировой войне, победе, оплаченной кровью ее солдат и огромным напряжением ее народа. Но участвовать в этом триумфе ей не дали!

Хотя, как говорят, история не терпит сослагательно-го наклонения; все же порой представляется полезным видеть и альтернативные сценарии развития событий. Какой была бы Россия-победительница в войне под руководством Императора, сумевшего во второй раз обуздать внутреннюю Смуту и переиграть международный заговор? Несомненно, это была бы держава с собственной передовой индустрией, авиацией, подводным флотом, рекордными темпами роста экономики, культуры, образования, с лучшим кинематографом и искусством, заволаживающей архитектурой, и при этом с мощной армией, сдерживающей нестабильность не только на Востоке, но и на Западе. Возникла бы иная мировая система, другая Лига наций, другое международное право, основанное на православной морали и русском понимании справедливости. Мир, скорее всего, развивался бы без доминирующих коммунизма и нацизма, без Дрездена, Хиросимы, Багдада, Белграда и Беслана.

В действительности, история могла бы пойти совсем по другому руслу. Кровавых событий 30-х годов и Второй мировой войны можно было избежать, если бы в 1917 году русские войска вошли в Берлин, а российское общество нашло бы в себе силы объединиться вокруг царя и отложить государственные преобразования на послевоенный период. Но властная элита дала вовлечь себя

в безответственные политические игры, правила которых были разработаны вне пределов России. Расплачиваться за эту безответственность пришлось царю, который был убит со всей семьёй в Ипатьевском доме, и народу, понёсшему миллионные жертвы.

Император Николай II, несомненно являет, собой пример нравственного политика. Он не видел власти вне категорий долга, и от своих подчиненных также ждал ответственности за судьбы Родины. Своим примером Император Николай II полностью опровергает расхожее представление о том, что «политика – грязное дело». Она становится таковой, когда ее вершат грязными руками. Николай II считал, что цель никогда не оправдывает средства, а решение великих задач не списывает огромные человеческие потери. Не вина Николая II в том, что ограниченное и близорукое российское общество не осознало драматизм переживаемого момента и не разобралось в планах своего Государя.

На той единственной гражданской...

Примером такого непонимания служат работы Юрия Мухина. При этом Мухин – автор весьма достойной книги, где вскрываются ложь и фальсификации «Катынского дела». Почему же Мухин, когда пишет о Николае II, опускается до такого же антироссийского подлога, в каком он справедливо обвиняет своих оппонентов по Катынскому делу?

Так, в одной из своих книг «Россия. Еще не вечер» Мухин пишет о царе буквально следующее: *«Чтобы как-то сгладить то впечатление, которое производила отстраненность семьи Романовых от войны, Николай II в конце лета 1915 г. возглавил армию, но совершенно ею не руководил и даже доклады слушал с явно читаемым выражением на лице: «Как мне все надоело!».* Между тем при наличии царя в Верховных главнокоман-

дующих начальник штаба Ставки генерал Алексеев настоящему командовать не мог. (...) В разгар войны Николай II, главный дворянин России, изменяет присяге, не забыв оговорить разрешение выехать за границу, пока не наступил мир. Октябрьская революция 1917 г. была справедливой – это была удачная попытка потряхнуть с шеи России жидов, на тот момент – дворянских и капиталистических. А Николай II, зашив в подкладку платьев дочерей бриллианты, размышлял где-нибудь скоротать деньки в приятном ничегонеделании и в занятиях любимой фотографией».

Если бы мы не знали, что приведенные выше строчки принадлежат перу Мухина, то решили бы, что их написала какая-нибудь троцкистская дрянь или современный бесноватый «демократ». Рукоплескали бы Мухину и откровенные западные русофобы, ненавидящие Николая II. Ведь здесь каждое слово о Государе является ложью – причем такой примитивной и легко опровергаемой, что удивляешься: неужели «Катынский детектив» и «Антироссийскую подлость» написал тот же человек, что и автор подобного вздора?

Мухин, конечно же, не русофоб. В народе таких называют: «без царя в голове» – в прямом и переносном смысле. Открыто называя себя противником православия, не веруя в Бога, выдумав какую-то свою теорию о жизни «душ после смерти», он просто обязан быть врагом Николая II, и он им является. Он продолжает воевать на «той единственной гражданской», которую не выбьешь из голов как новоявленных «красных», так и «белых».

Нельзя не согласиться, что порой аргументы антикоммунистов не выдерживают никакой критики по той же причине – они опрощают историю, только делают это с другим знаком. Так, Сергей Кургинян весьма уместно обличает подобный подход, приводя следующие слова протоиерея Георгия Митрофанова из интервью Интерфаксу: *«Мы и так уже чрезвычайно опоздали с процессом декоммунизации нашей страны. Мы оказались в двусмыс-*

ленном положении: русский народ, главная жертва коммунизма в мировой истории, ведет себя по существу как народ, ощущающий свою духовно-историческую преемственность по отношению к этому режиму. Как будто всех по-прежнему пытаются убедить, что русский – это коммунист, а самый последовательный коммунист – это именно русский. Это кощунство, когда жертва отождествляется с палачом».

Вообще у о. Георгия есть много высказываний, с которыми, мягко говоря, нам согласиться не позволяют ни убеждения, ни исторические факты. К ним, прежде всего, относятся: героизация предателя Власова и власовщины, очернение всего советского периода нашей истории. Так же, как не может не вызывать недоумение и заявление о. Георгия о недопустимости служения панихид по Сталину. Как известно, по Сталину панихиды служил сам Святейший Патриарх Алексей I, который хорошо знал Генералиссимуса, причем эти панихиды были частными, и никто Патриарха их служить не заставлял. И, наверное, Святейший Патриарх лучше разбирался в этом вопросе, чем о. Георгий. Нельзя согласиться с о. Георгием и в том, что русский народ ощущает себя духовно-историческим преемником коммунистической власти и «жалеет» о гибели советского режима.

Жалеть надо страну, а не режим. И народ жалеет именно страну. Народ чувствует, что Сталина кроют в основном те, кто разрушал государство в конце 80-х. Кроме того, Сталин был Верховным Главнокомандующим в самой страшной войне. В нашем народе жива еще память об этой великой трагедии и народ чтит память того, кто привел его к Победе. Всё это вовсе не означает, что наш народ хочет повторения всего, что творилось при Сталине. Нет, он не хочет ни концлагерей, ни «чёрных воронок», ни колхозного строя. Во все времена люди жаждут справедливости и исторической правды. И мы должны об этой правде говорить, а вместо правды нам снова навязывают разделение на «проекты» – красные и белые!

Какой «красный» проект?

Некоторые из апологетов «красного проекта», утверждая на каждой странице, что Сталин явился «продолжателем Великого Октября», оказывают ему медвежью услугу, ибо как раз **Сталин этим «продолжателем» не являлся.**

Мы не чужды «красному проекту» в его пафосе социальной справедливости. Мы исходим из того, что страна и народ через страдания и огромные жертвы изжили зло и разрушения Смутного времени. Но не верим в пропагандистский блеф о «преемственности» развитого социализма резонанс пламенных революционеров. Россия 70-х годов XX века уже давно переварила этих, по выражению Салтыкова-Щедрина, «нивелиаторов», и всю их патологию, – потому и понадобилась бесноватым разрушителям перестройка, что их предыдущая революция задохнулась. В «Русской доктрине», мы и наши единомышленники писали о событиях прошлого столетия: *«Революционные перевороты и преобразования не вытекали из естественного хода русской истории, не были вызваны глубинными запросами нации, а являлись формами глубочайшего кризиса русской элиты, неспособности сформировать национальную доктрину и выстроить вокруг нее здоровый и сплоченный правящий слой».*

Сомнителен, мягко говоря, тезис о том, что СССР победил в Великой Отечественной войне за счет коммунистической идеологии, а не вопреки ей. (Известны слова Сталина: «Русский народ воюет не за нас, коммунистов, а за Матушку-Россию».)

И когда разрушение СССР именуют «обменом с потерей качества», «метафизическим падением», тем паче таким обменом и падением следовало бы назвать 1917 год и тем большим безумием явились убийство членов Дома Романовых, государственный террор и гражданская война.

Революция была не «избавлением», а извращенным кровавым и порочным исходом из кризиса. Далеко не

оптимальным. Миллионы русских людей – под словом «русский» мы понимаем всех подданных России – легли костями, чтобы этот чудовищный исход не состоялся. Это те, кто был замучен в подвалах ВЧК, расстрелян как заложник, закопан заживо во время рассказывания, утоплен на Неве в баржах палачом Зиновьевым, это те, с кого сдирали заживо кожу в Одесской чрезвычайке, кто был задушен газами в тамбовских лесах, спущен под Кронштадтский лёд; те, кому прибивали гвоздями погоны к плечам, выкалывали глаза, распинали на Царских вратах в церквях и соборах. И это были не только офицеры и дворяне, но и крестьяне, казаки, рабочие, православные священники, а также мусульманские имамы, иудейские раввины, буддистские ламы.

Такова ли цена модерна, такова ли изнанка развития? (О сути и смысле развития поговорить стоит отдельно – слишком бережного и серьезного отношения требует эта тема.)

Известно, что дворян и генералов в рядах Красной армии было больше, чем в Белой. Поэтому, обвинять врагов «красного проекта» в том, что они ненавидят свой народ только на основании их социального происхождения, вряд ли возможно. Разве не известно, что под командованием Колчака воевало 150 тысяч солдат-рабочих, добровольно вступивших в Белую армию? 7 тысяч из них попали в плен к большевикам и были ими хладнокровно расстреляны. 7.000 русских рабочих методично – выстрелами в затылок – были убиты! Как можно говорить о какой-то безоговорочной поддержке народом «красного проекта»?

Никогда и никто не наносил народу России такого вреда, как большевизм Ленина, Свердлова и Троцкого. Никто и никогда не сумел организовать такой широкомасштабный геноцид нашего народа, как большевизм 1918-1929 годов. Это был преступный, людоедский режим, в значительной мере навязанный нам извне. Поэтому утверждать, что русский народ выбрал **такой «красный проект»** – это клеветать на русский народ.

Что же касается инородцев, то, безусловно, они сыграли огромную роль в большевистском успехе в 1918-1919 годах, тогда, когда у красных не было регулярной армии. Общеизвестно, что большевики широко использовали китайцев, прибалтов, венгров, немецких и австрийских военнопленных для расправы с народными восстаниями. Также ясно, что в большевистском руководстве было значительное число людей, которые являлись агентами влиятельных западных спецслужб и тайных организаций. Отрицать это можно только находясь по ту сторону исторической правды.

Два лика России

Сразу оговоримся, что нам претит модное, но нелепое по нашему мнению, понятие «православный сталинизм». Нельзя быть «православным сталинистом», «православным коммунистом», или «православным националистом». Понятие «православный» может сочетаться только с одним понятием – христианин. Мы также далеки от того, чтобы видеть в Сталине единственный «свет в окошке», единственно великую личность в русской истории. У Сталина были фундаментальные просчеты, были и тяжкие грехи перед русским народом. Говоря о роли, которую сыграл Сталин в 30-е годы, нужно помнить, что Сталин был частью той жестокой эпохи и, следовательно, как и его эпоха, был жесток, неразборчив в средствах, и, не жалея людей, рассматривал их преимущественно как ресурс в политике.

Но, будучи жестоким и даже порой беспощадным, Сталин, тем не менее, не был ненавистником России. Более того, в отличие от Троцкого и Ленина, Сталин видел будущее советской власти воплощенным в сильном государстве, в том государстве, которое принято называть «советской империей». А «советская империя» могла базироваться только на русском патриотизме. Сталин это понимал и последовательно, хотя и осторожно, придавал

СССР облик исторической России, сделав существенные шаги в сторону восстановления национального самосознания.

Именно Сталин, начиная с середины 20-х годов, в невероятно тяжелых условиях исподволь сумел уничтожить всю головку большевизма с его человеконенавистнической и антирусской идеологией. Уничтожив Коминтерн и восстановив Патриаршество, он нанес большевизму в России такой удар, от которого тот уже не смог оправиться. При этом Сталин сумел оснастить державу современной промышленностью и вооружением и добиться победы в великой битве 1941-1945 годов.

Не вызывает никаких сомнений, что Сталин в период своего единоличного правления явно был сторонником скорее национального великорусского государства, чем интернационального образования. Об этом свидетельствует вся сталинская идеология военных и послевоенных лет. Нам, естественно, будут возражать, что все это он делал из-за политической конъюнктуры и «патологической» любви к власти. Не желая вдаваться в споры, заметим лишь одно: по каким бы причинам Сталин не принимал те или иные решения, направленные на защиту и усиление России, важно то, что он их делал.

Народ, который не захотел иметь над собой Божьего Помазанника, получил сурового и беспощадного Диктатора, в котором отразилась вся противоречивая послереволюционная эпоха. Сталин, в силу своих субъективных и объективных качеств, был далеко не худшим вариантом возможного развития событий в послереволюционной России. В отличие от пришедшей к власти радикальной секты, ненавидевшей и презиравшей Россию, Сталин себя от страны не отделял. Он был плоть от плоти послереволюционной России, хотя и впавшей в грех богоотступничества, но в душе не утратившей веры в Высший Промысл. Сталин не предал Россию, не отдал на съедение троцкистам, не проиграл ее нацистам и не продал либеральному Западу.

При попытке объективного взгляда на Сталина, из лагеря сторонников «белого проекта» раздаются обвинения в «сталинизме», точно так же, когда заявляешь, что Николай II был великим государственным деятелем, из пресловутого «красного проекта» слышатся обвинения в «монархизме». Что тут сказать? Только одно: наше общество по-прежнему живёт разными «-измами», не желает осмысливать собственную историю, остается, по пушкинскому выражению, «ленивым и нелюбопытным».

Наша цель не апология Сталина, а попытка разобраться в том, что произошло с нашей страной в 30-е – 50-е годы. Надо помнить и учитывать, что для сотен тысяч людей имя Сталина связано с гибелью и мучениями их родных и близких, связано с усеянным костями Беломорканалом, ГУЛагом, с взорванными храмами, с голодом и бесправием. Ряд решений Сталина по геополитическим вопросам (например, о включении Южной Осетии в состав Грузии) отзывается кровавым эхом по сей день. Но точно так же надо помнить и учитывать, что для не меньшего числа людей имя Сталина связано с успехами и выдающимися достижениями, с развитием промышленности и прорывами в науке, наконец, с Великой Победой. Сталин, как бы к нему ни относились, был и остается Верховным Главнокомандующим нашей армии-победительницы в самой кровавой и тяжёлой за всю историю человечества войне. Профиль Сталина отчеканен на медали «За победу над Германией». И только Сталин – единственный из советских, да и постсоветских, деятелей – поднял тост «за здоровье русского народа».

Поэтому оскорбление памяти Сталина, а тем более глумление над ним, оскорбляют и Россию. В пьесе Э. Ростана «Орлёнок» французский офицер королевской армии вызывает на дуэль человека, непочтительно отозвавшегося о Наполеоне. И когда этого офицера с недоумением спрашивают: «Как, вы посланец короля, вы заступаетесь за Бонапарта?», – офицер отвечает:

*Нет, дело здесь о Франции идёт
И Франции наносят оскорбленье.
Кто смеет оскорблять того,
Кого она любила?*

Так и со Сталиным. Когда всю эпоху 30-х – 50-х годов, все что в ней было хорошего и ужасного, сводят только к его имени, это не только несправедливо, но и не исторично, а потому вредно для нашего будущего. А именно о будущем России, о её процветании и благополучии мы должны думать в первую очередь.

Сталин в эпоху своего правления был вынужден выполнять те же задачи развития, которые враги России руками «февралистов» не дали выполнить Николаю II, сорвав наш триумф в первой мировой войне. Однако эти же задачи Сталин решал на гораздо более непрочном фундаменте, в стране, отброшенной революцией назад на многие десятилетия, в стране с надорванным духом, с разрушенной ментальностью. Отсюда та жестокость, кровь и сверхусилия, с которыми был сопряжен прорыв 30-х годов, отсюда и невиданные жертвы Великой Отечественной войны.

Поэтому мы категорически не принимаем конспирологические теории связывающие отмечание в этом году 90-летием убийства Царственных Мучеников с желанием подыграть США с их «неделей поработенных народов». Сегодня мы каемся не за «мнимый грех», не за то, что наши предки убили Царскую Семью, а за то, что они позволили состояться этому лютому злодеянию, положившему начало трагедии всего народа, каемся потому, что и нам сегодня нужна метанойя – «перемена ума» – и пытлиное переосмысление своего прошлого, а не повторение придуманных «старшими товарищами» агитационных клише.

Россия – не Запад, и не альтернативный. Россия – это Россия, и только Россия. Запада может и не быть, а Россия будет, – вот что нужно помнить всем и всегда.

Несмотря на попытки «февралистов» и свердловых-троцких, совместные усилия международных финансовых олигархов и международных революционных мафий (Бродвей-120) вогнать ее в свои проекты как Альтер-эго Запада, самобытность нашей цивилизации не исчезла, не иссякла.

Нам нужен не самоповтор «красного проекта», а новое открытие собственной цивилизации как исторического синтеза, выстраивания преемственности с тысячелетней Россией. Не только со сталинской, но и с николаевской, с Россией Бородина 1812 года, с Россией Полтавы 1709 года, и с Московской Русью.

В такой оптике Николай II и Сталин не только совместимы, они представляют собой два лика России, восстановление, несмотря на революционный разрыв, социальной ткани Отечества. Их союз в надысторическом измерении есть не смешение ценностей, а утверждение, что России – быть. Быть, несмотря ни на что!

НЕОБХОДИМО ПОСТАНОВЛЕНИЕ О СМЫСЛАХ¹

Об упразднении праздников

С 2005 года мы отмечаем день 4 ноября, дату свержения 400 лет назад колониального режима «семибоярщины», за которым последовало восстановление легитимной власти русских царей.

В то же время для значительного числа сограждан 7 ноября, день взятия власти в Петрограде большевиками, остается историческим символом, от которого они не хотят отказываться. И через пять лет это символическое событие ждет вековой юбилей.

На большой высоте метафизической России раскол на красных и белых оказывается фикцией. Одну из важнейших своих задач Изборский клуб видит в том, чтобы дать формулу преодоления идеологических распрей между патриотами. Только примирившись между собой, государственники разных оттенков станут мощной политической силой.

Два этих праздника в угоду политической конъюнктуре выдаются мейнстримными СМИ за полюса конфронтации, за признаки раскола общества. Для кого-то из партии власти новый праздник (хотя он не новый – это «Казанская», всегда отмечавшаяся православным народом) действительно стал поводом глумливо намекнуть на замену и упразднение «главного советского праздника». А вместе с ним – на замену одной части расколотого сознания, «красного» патриотизма, другой его частью: антисоветизмом. Между тем, нет никакой связи между антисоветизмом и победой над Смутой. Совсем наоборот – отрицание целого периода истории и есть признак Смуты.

¹ Статья написана в соавторстве с К. Черемных и впервые опубликована в газете «Завтра» (№ 46 от 14.11.2012).

«Красный» патриотизм же – сложное явление. И если рассматривать 7 ноября как символ всего советского строя, вместе с победами и прорывами космического масштаба – то, конечно же, 4 ноября его никак не исключает, а, напротив, включает в себя. Ведь 4 ноября прежде всего – праздник восстановления национального суверенитета. Значит, когда мы были суверенны и сильны духом, мы ходили под «Казанской». Даже если при этом проводили парады и демонстрации в честь 7 ноября.

Попытки вырвать из нашей истории те или иные периоды как скверные, проклятые – похожи на поведение психопатической личности. Психопат не может ужиться со своим внутренним опытом, отказывается от травмы, полученной в детстве, либо от ошибок юности, либо от недавнего прошлого, которое «вытесняется». Вместе с травмами он выбрасывает, выталкивает целые эпохи собственного «Я» с их нереализованным счастьем.

По Достоевскому, прекрасные, святые воспоминания спасительны для человеческой души, ткнут ткань личности. Подлинно свободная личность не может строить свою жизнь на отказе от предшествующих ступеней развития себя и своего рода. Строки истории не смываются и не вымарываются даже и тогда, когда речь идет о страшных трагедиях, в том числе потому, что и о беде надо помнить, знать ее в лицо. Но в нашей истории есть такие течения самоотрицания, которые рано или поздно оформлялись не просто в общественные движения нигилистов, а в целые «исторические антимиры», угрожавшие самому существованию России. Эпохи, когда это происходило, мы и называем «Смутными временами».

О них нужно знать по возможности все и помнить всегда.

«Малый народ» и его царьки

Разгадка раны «раскола» среди патриотов, которую берегут наши противники, не в том, что красное в 1991-

1993 годах поменяли на белое. Разгадка в том, что третья Смута, начатая при Горбачеве, еще не исчерпала себя. Она продолжает вспыхивать в финансово-экономических дебатах, в межклановых дрязгах, во взаимных наскоках электронных медиа.

Поскольку власть свой окончательный выбор в пользу тысячелетней России и национального большинства так и не сделала, Смута тлеет внутри режима и грозит масштабным саботажем, который может вылиться в подрывные акции, бунты и грабежи.

Дежурные критики власти увидели новые шансы на возрождение Смуты 90-х в белоленточном протесте. Главная проблема «новой оппозиции» – неспособность найти зацепки, которыми она могла бы вовлечь в свое русло патриотов-государственников, разуверившихся в возможности смены либерального курса. Заход с двух флангов: лево-радикального и этнонационалистического – дает слабый результат. Оппозиция, по существу, воспринимается как подготовка нового витка гайдаро-чубайсовского разложения страны. Во что бы ни рядились оппозиционеры, в левое или в национальное – анархический нигилизм и русофобский душок показываются наружу.

Те же самые критики власти – и одновременно Церкви – увидели новую манифестацию Смуты и в «деконструкционистской» контркультуре, с ее непристойной антиэстетикой, демонстративно оскорбительной антиэтикой, выбором для акций символических мест исторических трагедий (размыванием памяти). Кумиры деконструкционистов – Малевич, предлагавший похоронить все памятники национальной культуры; британский певец Хегарти, «отказавшийся от данного Богом пола»; египетская феминистка Асма Махфуз, подстрекавшая мусульман к самосожжению.

Есть ли всему этому определение? Огюстен Кашен определял «людей, которым отвратительны все корни нации, – вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к обычаям своей провинции, своего сословия, гильдии», как малый народ

среди большого народа, или как антинарод. Лев Гумилев использовал термин «антисистема», который в нашем случае можно определить как особую нигилистическую субкультуру, отрицающую реальный народ, реальную традицию во имя абстрактных целей. Антисистемы хотят начать историю сызнова, «с нуля», презирая все, что было до них.

Во все три Смутных времени на Руси мы видим, как разворачивались на пространствах нашей родины, увлекая в свои ряды множество наивных последователей, антисистемные армии. Их действие было похоже на действие паразита, который медленно «переваривает» хозяина изнутри.

Последнее Смутное время, начавшись в 80-е годы с горбачевско-яковлевской «оттепели», сразу же дало антисистеме богатую пищу. В эпоху шизогонии власти, в разгар Смуты, при Ельцине, антисистема расцвела. Реализовалась давняя мечта всех самозванцев и русофобов – им удалось институционализировать Смуту, превратить ее в псевдогосударство «малого народа», паразитирующее на большом народе и старом, советском наследии. Однако цикл жизни Смутного времени ограничен – и поэтому столь болезненно реагируют они на путинскую политическую модель 2012 года, в которой появляется все больше признаков конца их, казалось бы, уже одолевшей страну, антисистемы.

Недавние итоги выборов в Координационный совет оппозиции, несмотря на интенсивную агитацию за создание «безлидерного» руководящего органа, завершаются избранием «среди себя» самой узнаваемой фигуры, то есть очередного некоронованного «царя малого народа». Ни левым, ни правым «крайним» не близок рецепт излечения российских корпораций путем насыщения их советов директоров иностранцами. А иных инициатив, кроме вполне перестроечного «сбрасывания балласта Кавказа», этот «царь» не предлагает. Что поделаться: каков народец, таков и его царь. Прошли лучшие времена антисистемы, когда кумир масс Борис Николаевич в образе «гонимого»

политика очаровывал огромные аудитории интеллигенции, рабочих, служащих.

Гламурно-богемные «лидеры» с лицами отщепенцев неубедительны ни для кого, кроме совсем зеленой и беспочвенной молодежи и паразитических прослоек мегаполисов. Хотя некоторые считают, что это еще не агония антисистемы, что даже такие неубедительные раки могут стать на безрыбье хищной политической рыбой и в случае обвала перехватить падающую власть.

Важная задача Изборского клуба

Перед Изборским клубом объективно стоит сложнейшая задача сшивания разорванных частей народа. Для этого, как видится нам, нужно сделать следующее.

- Аналитически глубоко описать механизмы русских Смут с учетом как внутренних кризисных процессов, так и активности внешних сил.
- Сформулировать критерии для распознавания агентов Смут во всех их разновидностях.
- Предложить ключевые принципы политики предотвращения Смут.
- Написать эскиз национального «пантеона», в который должны войти исторические фигуры, образцы патриотизма и жертвенности, приемлемые для большинства патриотов-государственников.
- Разработать проект «постановления о смыслах», излагающий идейные основы примирения государственных разных оттенков и направлений.
- Продумать акт национального единения, в центре которого мог бы быть значимый символ. Пример такого символа, о чем газета «Завтра» уже писала, — предложение А.В. Недоступа о создании скульптурной группы, представляющей собой двух участников братоубийственной войны («красного» и «белого»), преклонивших колени перед примиряющей их матерью.

Только договорившись между собой, государственники разных оттенков станут мощной политической силой. Чтобы пойти на примирение, надо научиться слушать друг друга и видеть перед собой высокую цель, более высокую, чем «приватизированные истины». Иначе не достичь искомой – объективной – соборности.

Этот путь – единственный. Именно таким путем выживают и восстанавливаются после потрясений великие цивилизации. А если они хранят свою мудрость – то могут и превентивно пресекать Смуты. Как это произошло в Китае, где коллективный разум высшего партаппарата позволил избавиться от своего Горбачева – Чжао Цзяяна, и этим спас нацию.

Типажи Смуты

Обратной стороной такого примирения, так же как и построения галереи героев, должно быть и символическое размежевание с антигероями Смутных времен – предателями своего народа и их внешними покровителями. Эти образы должны быть узнаваемы, их дух должен быть внятен не только историкам, но и всем пытливым русским людям. Эти персонажи должны быть отделены от тех идеологов, которые они вбрасывали в народ с манипулятивными целями, от тех лозунгов и фраз, которыми они стравливали русских людей.

Имеет смысл остановиться на нескольких типажах этих антигероев.

1. Внешние заказчики

В первую Смуту XVII века их роль выполняли орден иезуитов и ряд институтов Ватикана, рассчитывавших на обращение русских в католицизм. Речь Посполитая стала инструментом этих планов, а после выхода Швеции из-под ее контроля обе стороны стремились посадить на московский престол своих ставленников.

Во вторую Смуту начала XX века крупные банковские семейства Запада вступали в антироссийские союзы сначала с Японией, затем с Британией и «странами оси», отчасти финансируя военные расходы, а параллельно – радикальную российскую «пятую колонну». В центре этой интриги с 1905 г. до самой гражданской войны находился крупный финансист Якоб Шифф, которому принадлежит афоризм: «Россия – враг всего человечества». Итогом так называемой «первой революции» стала реформа 17 октября, бунт был постепенно погашен. И тогда в 1912 году усилиями «Круглого стола» и того же семейства Шиффов-Лебов-Варбургов создается более масштабный революционный фонд в офисе American International Corporation (Бродвей, 120). Интересы этого фонда были напрямую связаны и с интересами Дж.П. Моргана, главного выгодоприобретателя Первой мировой войны, заработавшего миллиарды на военных поставках в Российскую империю. Таким образом, банковские кланы Бродвея-120 одной рукой доили царский бюджет, развивая на эти средства американскую промышленность, а другой рукой финансировали ниспровергателей царского режима (кадетов, эсеров, большевиков – партийность для них не играла большой роли, хотя более охотно спонсировали «левых»).

Были в революции, конечно, и «английские деньги» (в частности, привезенные в январе 1917 лордом Мильнером), и финансы Германии и Австро-Венгрии. Но основным инвестором разрушения оставался интернациональный банкирский круг, мир которого был очень тесен. Поэтому неудивительно, что Керенский прекратил расследование по поводу «немецких денег» Ленина: ведь ниточки вели туда же, откуда финансировали и Февральскую революцию.

В третью Смуту мы видим еще более сложную и изощренную сеть заказчиков-выгодоприобретателей, в центре которой вновь стояли спецслужбы США и Великобритании. События этих 25 лет Смуты еще ждут своих дотошных историков. В сеть заказчиков органично входили отдельные магнаты, как, например, Джордж Сорос, сначала

поддерживавший диссидентов, а затем приручавший через свои спецфонды неприкаянных ученых.

Громадные капиталы, уведенные из постсоветского пространства на Запад, возвращались малой толикой для поддержки антисистемных структур – под лозунгами насаждения толерантности и демократичности. Изгнание ключевых грантодающих структур этого рода из России началось только сейчас, в 2012 году.

2. Кураторы (представители заказчика)

Важнейшие миссии на территории страны-жертвы осуществляются под непосредственным руководством представителей заказчика, иностранных консультантов, экспертов и т.п. Такие представители были приставлены к самозванцам первой Смуты. В их число входили польские советники, «переходящая жена» Лжедмитриев Марина Мнишек, державшая «революционную кассу», гетманы, реально распоряжавшиеся военными ресурсами. Изменников-бояр обольщали посулами – землями, конфискованными у проигравшей стороны.

Во вторую Смуту кураторы активно осуществляли «скупку элит» как напрямую (например, через русские отделения National City Bank), так и конспиративно (через американскую миссию Красного Креста во главе с золотопромышленником Уильямом Б.Томпсоном). Важную роль кураторов при организации февральского переворота играли английский и французский послы и представители разведки «союзников» по Антанте.

В третью Смуту, которую часто считают второй, и более удачной, попыткой Февральской революции, система скупки элит была поставлена уже на индустриальную основу. Е.Гайдар назвал этот процесс «обменом номенклатурной власти на собственность». Де-факто кураторы реализовали беспрецедентный сценарий, при котором старая номенклатура в своем большинстве не становилась «бывшими людьми», а пересела на новых криминально-капиталистических коньков, предав свое советское прошлое. Предательство оплачивалось уже не только из нью-

Йоркских банков, но и за счет средств, украденных в самой России. В 90-е годы XX века «реформы» осуществлялись под бдительным оком таких кураторов-консультантов, как Джеффри Сакс, который напрямую вмешивался в политические расклады и гипнотизировал обитателей Кремля, или как «гарвардские мальчики» А. Шлейфер и Дж. Хэй, помогавшие Чубайсу в приватизации и при этом сами наживавшиеся на ней.

3. Продюсеры-организаторы

Важную партитуру второй Смуты разыграла зловещая семья Свердловых – три брата, каждый из которых взял на себя свою часть миссии. Яков Свердлов стал ключевой фигурой – «смотрящим» от лица заказчиков прямо в большевистском Кремле (по новейшим данным историков, до 1917 года он не состоял в РСДРП, его как будто неожиданно «назначили» извне, и он сделал молниеносную карьеру, в кратчайшие сроки поднявшись на уровень конкурента самого Ленина). Он был, как известно, главным инициатором «красного террора» и рассказывания, а также организатором убийства Царской семьи (и для отвода – глазом руководителем «комиссии» по расследованию факта цареубийства). Свою комиссию по этому вопросу создали и белые в армии Колчака, причем куратором этого дела выступал старший брат Якова Зиновий Пешков (Свердлов), будущий французский генерал. Наконец, Вениамин Свердлов еще в 1912 году уехал в США и основал под покровительством Шиффа свой банк на Бродвее-120, контролируя ключевые звенья финансирования большевиков. В январе 1918 года он возвращается в Россию и становится наркомом путей сообщения.

В третью Смуту роль ключевого продюсера перемен играл прибывший из «канадского холода» А.Яковлев, приложивший руку и к конфликту в Закавказье, и к расколу КПСС, и к медиа-дуэлям правоверных большевиков с радикальными либералами. Другие продюсеры вышли из шинели фон Хайека (как П. Авен) или Поля Вейриха (как Г. Бурбулис). Нанесенный так называемыми «рефор-

маторами» ущерб России, ее экономическому и демографическому потенциалу, вполне сопоставим с потерями и жертвами, понесенными в первых Смуты, а в чем-то значительно превосходит их.

4. Идеологи

За рубежом накануне Смут всегда формировалась целая пропагандистская мифология о России как государственно-монстре и народе-чудовище. Эту пропаганду про «московитов» развивали и поляки в XVI веке, и заказчики второй Смуты, и целый аппарат «советологов», изучавших СССР и выработывавших рекомендации по демонтажу «империи зла». В 1910-х гг. ключевым стратегом-экспертом был полковник Э.М. Хаус, советник президента Вильсона, который как будто «реинкарнировал» спустя 70 лет в З. Бжезинском.

Однако Смута была бы невозможна, если бы ее идеология не находила опоры внутри страны. В первую Смуту группа противников Годунова стала естественной почвой для слухов и легенд о спасенном царевиче. Тогда этой спички было достаточно, чтобы воспламенить страну. Во вторую Смуту средой идеологической подготовки стали левые и либеральные партии, каждая из которых готовила свой вариант революции. В третью Смуту на первом плане были диссиденты, из которых на острие событий оказался А.Сахаров. Однако были также идеологи не политического, а поначалу рафинированно-интеллектуального свойства. Например, рыночники, выпестованные в знаменитом учреждении ВНИИСИ – Гайдар, Авен, Березовский, Дубов. Или создатели «теории административных рынков»: от Найшуля, обосновавшего тотальную приватизацию и придумавшего ваучер, до технологов передела собственности, где были свои централисты (Чубайс, Кох) и регионалисты (Каганский, Кордонский).

Идеи этих теоретиков в ключевой момент Смуты – в начале 90-х годов – захватили монополию над умами ельцинской верхушки, несмотря на то, что в стране работали масштабные экономические умы, знавшие и китайский

опыт, и творчески переосмысливавшие опыт советский. В итоге вместо предпринимательского класса Россия получила компанию из привилегированных экс-комсомольцев и амнистированных расхитителей. Изучать и описывать чудовищную экономику Смуты предстоит следующим поколениям.

5. Проектировщики-аферисты

Смутное время – простор для мошенников и авантюристов, готовых предложить свои услуги и свой интеллект как заказчикам (если к ним есть доступ), так и самозванцам. Во вторую Смуту мы видим целую плеяду подобных политических гешефтмахеров. Самый яркий персонаж – А. Парвус, уникальный своим участием в геополитической деструкции одновременно России, Германии и Турции (притом что он получал средства на свою революционную деятельность от Берлина и Стамбула). Парвус адресовал германскому МИД знаменитый «План русской революции» (1915), из которого можно процитировать несколько строк:

«Стачки то здесь, то там, голодные бунты, нарастающая политическая агитация – все это введет в заблуждение царское правительство. Если оно прибегнет к репрессиям, это вызовет растущее негодование, если оно будет проявлять терпимость, то это будет воспринято как признак слабости, что приведет к возрастанию революционного движения... Если тем временем русская армия потерпит крупное поражение, то движение против режима может принять небывалые размеры».

Борис Березовский стал спустя 80 лет бледной тенью Парвуса, но рассчитывал на сопоставимую прибыль от расчленения страны, о котором также писал прямым текстом. И точно так же, успев насладиться влиянием, дирижируя политическими процессами, оказался в итоге не у дел.

6. Самозванцы-харизматики

Ключевая и в то же время инструментальная фигура Смуты – самозванец. В монархической по духу стране са-

мозванец мог апеллировать лишь к легенде о «спасенном царевиче». Надо сказать, что тогда на эти роли выдвигались фигуры чрезвычайно харизматичные, с неутомимой энергией и даром убеждения.

В стране со свергнутым монархом самозванец это ставленник «антисистемы», которого она двигает на место власти. И он тоже обязательно харизматичен. Во вторую Смуту – это лидеры Временного правительства, затем – вожди партий и армий в гражданской войне. В 90-е годы такой фигурой стал Ельцин, плод консенсуса внешних сил с внутренними компрадорами. Ельцин был виртуозным самозванцем, сумевшим оседлать чаяния значительной массы народа в 1989-90 гг., и чрезвычайно ловко маневрировавшим все бурные 90-е годы, осаживая других претендентов на самозванческий трон (Руцкого, Хасбулатова, Лебеда).

7. Окружение самозванцев – олигархат

В первую Смуту после свержения Василия Шуйского в Москве утвердилась семибоярщина, которая какое-то время колебалась между самозванцем и идеей приглашения на царство иностранного монарха и затем склонилась ко второму решению. Ярким образчиком ренегатского боярства стал М.Г. Салтыков (по прозвищу Кривой) – уникальная фигура по своей способности к смене хозяев и чутью на новых лидеров Смуты. Он умудрился вовремя предать и Годунова, и обоих Лжедмитриев, убедил главу семибоярщины Мстиславского сделать ставку на королевича Владислава, издевался над патриархом Гермогеном, когда тот отказался поддерживать замыслы бояр-изменников. Во время польской оккупации Москвы Салтыков стал правой рукой гетманов Жолкевского и Гонсевского, подстрекая их избить все способное к сопротивлению московское население. В итоге он скрылся со своей семьей в Польше.

Во вторую Смуту аналогичную семибоярщине роль сыграло Временное правительство, которое также было нацелено на расчленение России (чего А. Керенский не скрывал и в эмиграции). Большинство министров и функ-

ционеров Временного правительства, как и членов исполкома Петросовета, принадлежали к масонской ложе «Великий Восток Народов России» (ее генсеком был Керенский). Для них принципиально важным было выполнять поручения своих зарубежных братьев («война до победного конца»), а также добиться образования на месте империи целого ряда разрозненных государств. Частично эта их миссия была исполнена (в отношении Польши и Финляндии), тогда как стоящие следующими по масонскому списку в очереди на суверенитет Украина и Закавказье остались ждать «до следующего раза», – то есть до следующей Смуты.

В третью Смуту, с легкой руки журналистов, подобное же олигархическое правительство прозвали «семибанкирщиной». Впервые в истории Смут центр, заказывающий саму Смуту, начал смещаться из-за рубежа внутрь России – фактически сформировался внутренний штаб по ликвидации «предприятия Россия». Семибанкирщина стала возможной после операции с «залоговыми аукционами», которая породила группу миллиардеров, способных финансировать решение любых политических задач. Власть этой группы в третью Смуту была очень продолжительной.

Важное отличие третьей Смуты от второй состояло в том, что в ней уже на первом этапе, к 1991-1992 годам, произошло освобождение России от «геополитического балласта» союзников и окраин. Такое стало возможным благодаря конфедеративному устройству страны, навязанному большевикам агентами левого масонства и Коминтерном. Мины будущих Смут закладываются задолго до их применения.

Красная и белая традиции России

Сегодня нам необходим взгляд с высоты птичьего полета или с дистанции нового поколения, для которого красные и белые ипостаси разделенных смыслов стали

уже легендарными. Силы старших слишком часто тратятся на ожесточенные споры, унаследовавшие родовую память невольных участников братоубийства. Раны гражданской войны, душевную боль исполнителей и жертв последующих чисток и террора продолжают намеренно тревожить телеведущие с улыбками вивисекторов.

Если старшим не под силу справиться с застарелым гневом, это под силу по-настоящему любящим их детям: пусть они станут третейскими судьями, которые объявят спор честных государственных устаревшим. Уже Сталин гениально предвосхитил тот синтез, который сполна может быть осуществлен только в XXI веке. Этот синтез состоит в том, чтобы обновить и очистить белую державную традицию, а с другой стороны – исправить и окрестить красную державную традицию, приблизить её к историческим истокам своей страны.

Одна и та же сила, транснациональная группа воротил, дважды за сто лет разрушила нашу державу, используя для этого и красных, и белых, и энергию держав-конкурентов России. Но сама эта сила без цвета и не различает цвета. Для нее партийные споры не имеют значения, главное, чтобы «просвещенные» люди и «патриоты» своих идей воевали и дрались друг с другом, а по итогам войн приводили к ней на заклание тучного быка.

Витии белой Смуты (масоны-«февралисты» и их наследники – «демократы» 90-х годов) несли в массы либеральный космополитизм, трибуны красной Смуты – радикальный интернационализм. Россия же понималась ими как топливо, предназначенное в топку глобализации. Хотя и заворачивали они это свое представление в разные слова.

Два крыла антисистемы пересекались и перекрещивались, иногда играя в две руки, как наперсточник. Русский народ, несмотря ни на что, изживал Смуту, огромными жертвами преодолевая ее последствия, растворяя ее яд. Он делал свое дело: на месте красной Смуты строил свою традицию, традицию народной справедливости, труда и созидания, окрашенную в кумачовый цвет. И на месте

белой Смуты мы, изживая ее, вновь построим белую традицию – не «февральскую», не «белогвардейскую», не «перестроечную», а традицию «белого царства», наших великих государей, собирателей земель, создавших империю и выпестовавших самый жизнестойкий народ на земле. Для нас обе традиции – красная и белая – наше достояние. И смуты – как бы они сами ни перекрашивались – к этим традициям не причастны, они им, по существу, противоположны. Они отличаются от выстраданной народом традиции так же, как болезнь отличается от выздоровления. Вирусы старых Смут дремлют в истории, действуют как якобы-красное общество политкаторжан, а затем якобы-белое общество «Мемориал» и иже с ними – цепь ненависти тянется в будущее и не прекращается, одна ненависть порождает другую.

Красным и белым государственнымникам предстоит побрататься над Смутой, сварить два исторических конструкта в прочный нераздельный каркас. И не маскировать при этом сварные швы. В 1612 году земцы и казаки простили друг другу взаимные жертвы. Простить брату брата завещал и государь Николай II.

И сейчас, как в те Смутные времена, противоречия полезны только общему врагу – внешнему и внутреннему. 400-летие освобождения Москвы Вторым ополчением, действовавшим «вместе заодно» – достойный совет, который дают нам наши предки, достойный повод, чтобы сказать: это наша общая земля, это наша Правда.

**«ЖИВАЯ РОССИЯ БУДЕТ
СОБИРАТЬ СЕБЯ ВО ВРЕМЕНИ»
Интервью для АПИ-Урал 18.04.2013**

В преддверии приезда знаменитого Изборского клуба в уральскую столицу, исполнительный секретарь клуба, директор Института динамического консерватизма, доктор философских наук Виталий Аверьянов, рассказал чем делегация займется в Свердловской области и какие идеи постарается донести до жителей Урала.

– Виталий Владимирович, стало известно о предстоящем визите Изборского клуба на Урал. Расскажите подробнее о программе поездки.

В первый день пребывания в Екатеринбурге мы посетим Храм-на-крови, место убийства Царской семьи и проведем пленарное заседание на тему «Преодоление раскола двух традиций российской государственности: советской и дореволюционной». В ходе этого заседания будет презентован 3 номер журнала «Изборский клуб», который содержит наш новый доклад по обозначенной проблеме. В этом номере журнала каждый автор по-своему подходит к «красно-белой» теме. Например, Максим Калашников написал большой рассказ в четырех письмах – «Юному другу из 2050 года», в котором он описывает из нашего будущего, как успешно была преодолена эта рознь.

– Вы являетесь, автором-составителем нового доклада. Расскажите о нем подробнее. Поделитесь, какие свежие идеи вы привезете в Екатеринбург.

– Над докладом работало порядка 10 экспертов, хотя можно говорить и о том, что в него внесли свой вклад очень многие выступавшие на наших круглых столах в Ульяновске, Москве и других городах. В докладе мы попытались решить две главные задачи: во-первых, выявить и продемонстрировать непривычные для широкой публики исторические данные о Российской империи и СССР, которые указывают на родство двух этих этапов становления нашей страны, во-вторых, дать эскиз того, что Проханов называет «Пятой империей», а мы, авторы Русской доктрины, в свое время назвали «Пятым проектом» исторической России. В рамках этого эскиза мы показываем, как в будущем переплетутся черты старого Московского царства, Романовской империи и Советского строя. Этот путь – путь синтеза – в нашем понимании не просто верный, но и единственно возможный. Живая Россия будет собирать себя во времени, а не разбрасывать.

Для нас не было самоцели дать какие-то свежие, шокирующие идеи. Однако, на мой взгляд, постановка вопроса все равно получилась нетривиальной. Мы показали корни двух русских Смут, показали, как Россию вовлекали в «право-левые» игры, добиваясь раскола нашего общества – и как в результате рушилась держава. Это произошло дважды за один век. И дважды, сначала в Феврале 1917 года, затем в августе 1991 года, такая «цветная революция» удавалась. Мы показываем в докладе, что традиционная православная империя шла к своему органичному госсоциализму, что после революции 17 года сталинский СССР начал мучительный разворот к традиции, который был приостановлен, а затем свернут при Хрущеве, когда началась ползучая «революция стяжателей». Но пересказывать доклад бессмысленно – его текст уже выложен на официальном сайте Изборского клуба. Возможно, участники наших уральских встреч успеют его почитать.

Жертвы России, которые приносит ее народ ради изживании Смуты, последствий слома государства и гражданской войны, очень велики. По мнению многих наших коллег, сегодня Россия вновь стоит перед угрозой раско-

ла, когда «красных» и «белых», левых и правых растащат по разные стороны баррикад. Во всяком случае, «розово-голубой» (лево-либеральный) альянс уже намечается. Эту же технологию мы наблюдаем в так называемых революциях 2.0 в Африке и на Ближнем Востоке. Сейчас идет гражданская война в Сирии. И в 3 номере журнала «Изборский клуб» тема войны «красных» и «белых» органично высвечивается в том числе и через репортаж из Сирии, который привезли нам недавно побывавшие там Проханов, Шевченко и Леонтьев. Думаю, что на Урале они расскажут о своих сирийских впечатлениях.

– Насколько современное общество, на ваш взгляд, созрело для примирения двух сторон гражданской войны?

– Мы видим протесты против идеи союза государственников и со стороны «левых», которые держатся за букву своей «красной веры», и со стороны «правых», которые замкнулись в своей правоте и обиде и не хотят прощать. И те, и другие не видят очень важного: того, что сама жизнь показал мощь и правду как «белой» традиции православной державы, так и «красной» традиции советского строя с его воплощением идеала социальной справедливости. Воплощение идеалов – всегда очень трудное дело. И тем более этот опыт ценен, что справедливость всегда была высшим ориентиром в жизни нашего народа. Не случайно тема мира между государственниками сочетается в нашей поездке с темой подъема промышленности, уважения к рабочему человеку, суверенной экономики.

По существу же отвечая на Ваш вопрос, полагаю, что значительная часть нашего общества уже созрела для примирения. Я знаю многих людей, которые, являясь советскими патриотами, одновременно воцерковляются и становятся верующими людьми, одновременно проникаются уважением и благоговением к опыту старой России, Святой Руси. Вижу и встречную сторону того же процесса: как православные, монархисты, сторонники «белого» на-

чала учатся ценить разрушенный нашими врагами советский уклад, признают, что в начале 90-х годов нужно было избрать другой, более мудрый путь национальной эволюции. Без развала, без распада страны, без впадения в безумие неолиберальных игрищ.

Этот феномен нового синтеза хорошо заметен у Вас, в бывшем Свердловске, где идет интенсивное осмысление трагедий прошлого. Но и сам Изборский клуб – это во многом символ происходящего синтеза. Приходит новое историческое поколение, не столько по возрасту, сколько по внутреннему устройству – поколение «собрания камней».

Советские патриоты сегодня воцерковляются, все больше проникаются уважением и благоговением к опыту старой России, Святой Руси. А с другой стороны, православные, монархисты, традиционалисты учатся ценить разрушенный нашими врагами советский уклад, признают, что в начале 90-х годов нужно было избрать другой, более мудрый путь национальной эволюции. Без развала, без распада страны, без впадения в безумие неолиберальных игрищ.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ СЕБЯ ИЗЖИВАЕТ

Интервью «Областной газете»

23.04.2013

В Свердловской области продолжает свою выездную сессию Изборский клуб, объединяющий сторонников идеи сильного государства и национального своеобразия России. 22 апреля в Екатеринбурге члены клуба обсудили тему преодоления раскола «белой» и «красной» традиций русской государственности (об этом «ОГ» рассказала вчера), в Нижнем Тагиле в центр своей вчерашней дискуссии они поставили реиндустриализацию, а сегодня в Верхней Пышме обсуждают проблемы национальной экономики. Об этом «Областной газете» рассказал исполнительный секретарь Изборского клуба, директор Института динамического консерватизма Виталий Аверьянов.

– Виталий Владимирович, одной из целей вашего прибытия в Свердловскую область объявлялось создание здесь Уральского регионального отделения Изборского клуба. Оно создано?

– Вопрос будет решаться в последний день нашей работы в Верхней Пышме, но я думаю, что Уральское отделение будет создано, потому что здесь есть много людей, которые этого хотят.

– Кого из известных свердловчан вы бы назвали своими единомышленниками?

– У нас есть очень близкие друзья среди духовенства Урала – это и митрополит Кирилл, это и владыка Иннокентий, это и ректор Уральского института бизнеса отец Александр Меняйло, и другие. Среди светских людей могу на-

звать Сергея Писарева, возглавляющего фонд «Русский предприниматель». Он в своё время очень помог нам в разработке «Русской доктрины». Идеи, которые мы тогда заложили в доктрину, сегодня реализуются в Изборском клубе. Очень много новых наших единомышленников заявили о себе уже сейчас, в дни нашей работы в Свердловской области.

– Но в Свердловской области есть немало сторонников и других идей. Сейчас, например, в УрФУ проходят «Ельцинские чтения», для участия в которых из Москвы приехали Геннадий Бурбулис и другие соратники и почитатели первого Президента России. А вы бы могли принять участие в таких чтениях?

– Если организаторы чтений лояльно относятся к антиельцинистам, я бы мог принять в них участие. Ведь Изборский клуб стоит на позициях жёсткой критики горбачёвского и ельцинского периодов жизни нашей страны. При этом мы понимаем, что, возможно, Ельцин был неплохим главой региона (уральцам это виднее), когда возглавлял Свердловский обком КПСС. Но каким он был Президентом России, известно всей стране. В этом качестве он оставил о себе недобрую память.

– Изборский клуб выступает поборником преодоления раскола русской государственности. В одном комментарии прочёл, будто вы хотите найти общие смыслы в трёх периодах отечественной истории. Речь о дореволюционном, советском и неолиберальном периодах?

– В выступлениях и в докладах членов клуба речь действительно идёт о синтезе трёх периодов русской истории. Можно было бы вести речь и о четвёртом, о Киевской Руси, но это слишком давние времена. А мы ведём речь о синтезе Московской Руси, Петербургской России и советского периода российской истории, о ценностях, которые объединяют все эти периоды. Что же касается синтеза с неолибералами, то этот вопрос обсуждается в Изборском клубе, у нас есть авторы, которые пишут на эту тему статьи, предлагают варианты. Но пока решения, которое удовлетворило бы всех членов клуба, мы не нашли.

– То есть период 90-х годов XX века вы как бы вычёркиваете из нашей истории?

– Изложу свою личную позицию по этому вопросу. Я – автор концепции трёх смутных времён России: это начало XVII века, начало XX века и это конец XX века. То есть Россия пережила три глубоких кризиса национальной идентичности. В смутные времена под угрозу ставится сама национальная традиция. 90-е годы не были, конечно, годами полного мрака, но они не предложили никакой новой традиции. Можно усматривать только какую-то завязь новой традиции, например, факты героизма наших солдат во время Чеченской кампании, какие-то отдельные поступки людей, которые шли вопреки мейнстриму. Но это было именно вопреки неолиберализму, явившему всё своё антинациональное лицо в 90-е годы. Синтез с людьми, преуспевшими в те годы, возможен. Но только на платформе либо советских, либо традиционных православных корней, связанных с исторической Россией. А неолиберализм изживает себя сегодня.

– Какое отношение это имеет к проблемам развития российской экономики?

– Предметно-экономические вопросы мы будем обсуждать завтра и послезавтра в Нижнем Тагиле и Верхней Пышме. Но если говорить об исторических аспектах этих вопросов, то в докладе, который мы привезли в Екатеринбург, мы говорим о том, что начиная с начала XIX века, и особенно после Отечественной войны 1812 года Российская империя вырабатывала новый социально-экономический уклад, которого раньше в истории не было. Внутри России развивался государственно-социалистический уклад. На рубеже XIX-XX веков Россия находилась на взлёте, но взлёт этот был осложнён Первой мировой войной. А в феврале 1917 года России был нанесён удар в спину. Огромную роль в этом сыграли наши геополитические конкуренты. Теми же методиками они воспользовались и в 1991 году – вовлекли Россию в политические игры, при которых идёт раскачивание нации, усиление полярностей, полюсов, крайностей. Это мы и преодолеваем сегодня на выходе из очередной смуты.

НЕОБХОДИМА СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ В ГОЛОВЕ

Беседа на РСН 12.05.2013

Ведущий Е. Волгина: Я предлагаю, Виталий Владимирович, начать с заседания Изборского клуба, которое было пусть и в конце апреля, но все-таки, довольно значительное событие, и там обсуждались разные совершенно вещи. И про промышленность, насколько я знаю, и про экономику российскую говорили. Но мне запомнилась выдержка из вашего интервью: «Приходит новое историческое поколение, не столько по возрасту, сколько по внутреннему устройству, поколение собирания камней». Кто эти люди, что это ха поколение?

Аверьянов: Обычно я говорю в этом смысле о самом Изборском клубе, как о знаковом явлении. При этом само поколение тех, кто в нем состоит, давно уже пришло. Большинство членов Изборского клуба еще в начале 90-х годов были людьми известными, входившими в общественную жизнь, но, тем не менее, мы постепенно шли к тому, чтобы собраться вместе. И вообще, у многих из наших сторонников это вызвало очень большой прилив оптимизма, что мы наконец-то собрались в клуб, который, пусть не создает полное единомыслие, но создает определенный фронт мысли, определенный фронт взаимной поддержки. Пока еще поддержки идей, смыслов, но, как мы надеемся, за поддержкой идей последует и поддержка действий. Действий сначала интеллектуалов, сначала идеологов, а затем и наших сторонников, тех, кто мыслит так же, как мы.

Е. Волгина: Ваши сторонники, вы имеете в виду в политике? Чтобы ваши идеи уже воплощались в жизнь, но посредством политики? Нет?

Аверьянов: Среди членов клуба мало политиков, у нас...

Е. Волгина: Нет среди сторонников, я имею в виду.

Аверьянов: Члены клуба – это в основном идеологи, мыслители. Когда мы говорим о сторонниках, то это сторонники нашей идеологии, естественно. Мы пока не создавали и не собираемся, скажем так, создавать партию. Но некоторые из наших членов клуба уже создают свои партии, как тот же Николай Стариков, например, или Максим Калашников.

Е. Волгина: Но вот все-таки, поясните по поводу этого нового исторического поколения, о чем идет речь, кто эти люди? И когда возникло это поколение?

Аверьянов: Тут важен контекст цитаты, что я имел в виду про собирание камней. Еще некоторое время назад постановка вопроса такая, какая у нас, о примирении красных и белых, была невозможна. Для этого нужно определенное историческое ощущение того, что что-то произошло, что-то изменилось, что-то накопилось. А с другой стороны, что-то уходит в прошлое, потому, что в значительной степени вот эта полемика, эта холодная гражданская война, которая идет не между ветеранами Врангелевской армии и Красной гвардии, а между строителями и созидателями разных эпох, традиционалистами и социалистами, советскими патриотами и патриотами православными, – вся эта ожесточенная полемика себя изживает. Потому что, по большому счету, созидателям делить нечего, у нас одна страна. И строя Россию в XXI веке...

Е. Волгина: Нет, делить путь. Делить путь, новые хотя бы возможности.

Аверьянов: Мы должны разделить между собой нашу краюху хлеба, наш путь, общий путь, нашу судьбу, но мы не должны делить сам путь. Мы не должны, грубо говоря, вот эту железную дорогу, по которой нам предстоит ехать, растаскивать на винтики и детали из-за того, что мы между собой в чем-то не согласны, понимаете? То есть, наш паровоз должен двигаться дальше.

Е. Волгина: Это возможно?

Аверьянов: Мы уверены, что это возможно. Я уверен, что это возможно. Потому что я наблюдаю, как последние 10 лет многие советские патриоты все больше проникаются уважением к православию, к традиционной России, даже к монархии. И, наоборот, наши традиционалисты все больше начинают ценить советский опыт. То, что еще вчера им казалось немыслимым. Сегодня они понимают, что это был ценный опыт. И собственно, в этом докладе, который мы презентовали в Екатеринбурге, помимо того, что мы проанализировали какие-то исторические вехи, мы также обратились в будущее, и обрисовали такой образ России, которая должна возникнуть и она будет собирать в себе все сильные черты. Соединит в себе сильные гены белые и сильные гены красные. Но под белыми, я хочу подчеркнуть, мы подразумеваем не Белую армию, которая воевала в Гражданскую войну, не Февральскую революцию и не Временное правительство. Под белыми мы подразумеваем тех, кому дорога держава Белого царя (так называли русского государя с XVI века). Белое для нас — это старая традиционная имперская Россия.

Е. Волгина: Я понимаю вас, но многие скажут: почему мы постоянно обращаемся в поисках национальной идеи, в поисках вот этого нового пути российского, в прошлое? Как будто то бы там мы можем найти ответы на вопросы. Ведь то были другие реалии.

Аверьянов: А кто это «мы»? Вот вы спрашиваете, мы обращаемся. А разве 90-е годы не характерны тем, что мейнстримная элитарная прослойка, которая задавала тон и в политике, и в общественных дискуссиях, обращалась к нашему прошлому? Она, в первую очередь, обращалась на Запад и оттуда черпала рецепты и образцы для реформирования страны или, по крайней мере, притворялась,

что это делает. Потому, что неизвестно насколько реально то, что они почерпнули там ценного – воплощалось. Но, так или иначе, мы имеем опыт западничества, при чем агрессивного западничества, отрицания собственных корней. И у нас есть опыт патриотической мысли, патриотической идеи. Изборский клуб символизирует собой опыт синтетический, потому, что в этой Пятой империи, о которой говорит Александр Проханов, или в Пятом проекте, о котором мы писали в Русской доктрине в 2005 году, соединяется не только Московская Русь, петербургский период и советский опыт, в ней соединяются еще и такие черты, которых в нашей истории вообще никогда не было. Мы об этом тоже пишем.

Е. Волгина: И насколько реально все это синтезировать? Просто мы помним, что когда появился Советский Союз, фактически отказались от того, что было в Российской империи. Когда пал Советский Союз, был период, те же самые 90-е годы, когда, по сути, страна отказывалась от того, что было у нее в прошлом, наступил вот этот период и в этот период повисли где-то. И куда идти – непонятно. То есть, с одной стороны, казалось бы, возрождаем 1 мая, появился тот же самый герой труда. Но опять же, есть мнение, что по сути, это какая-то оболочка, конфетки-то внутри нет, то есть, черпаем откуда-то, а конфетки нет.

Аверьянов: Ну да, вы еще ГТО упомяните. Я тоже считаю, что эти вещи являются чисто декоративными. Они не являются столь знаковыми, как можно было бы подумать. Но, отвечая на ваш вопрос, что нам нужно сбрасывать с парохода, с корабля современности, какие-то старые ценности...

Е. Волгина: А что брать на него?

Аверьянов: Или не сбрасывать? А вот эта сама задача сбрасывания всегда возникает в эпохи слома, Смутные времена. Так было и в 17 году, так было в 91 году. А потом вдруг приходит осознание, что не надо сбрасывать, – это просто бесполезная разрушительная деятельность. Вот о чем идет речь. Другое дело, что не все нужно брать. И я

не знаю, что вас больше интересует, я могу перечислить, какие черты, например, советского периода мы считаем важными. Я могу очень долго об этом говорить. Это, к примеру, сохранение и защита национального достояния как результата всеобщего труда.

Е. Волгина: Что конкретно? В данный период времени?

Аверьянов: Речь о том, что все, что строилось всеобщим трудом, трудом народа, было своего рода сакральной ценностью, это было святыней, это защищалось, в том числе и

Е. Волгина: Строилось что, конкретно?

Аверьянов: Индустрия, допустим, строилась, инфраструктура, медицина, образование, наука, все, что угодно.

Е. Волгина: Ну, как строилось, так это быстро все разрушилось...

Аверьянов: Нет, это оставалось определенной ценностью высочайшего уровня до самого конца советского периода. Я сейчас говорю не о том, что потом разрушилось, а о том, что можно брать из советского периода. Далее, создание новой физической стоимости как основа экономического развития. Подчеркиваю – новой физической стоимости. То есть это реальная экономика. Далее, это непосредственная связь гражданских обязанностей, профессионального долга с совершенствованием и размещением производительных сил. То есть было понятно, что мы не просто создаем огромное количество бухгалтеров, экономистов, финансистов, которые непонятно где будут работать, и непонятно на кого, но мы знаем, что нам нужно и мы соответствующим образом строим и образование, и науку, и всю систему размещения производительных сил. И это всего лишь маленький срез из этого большого перечня.

Е. Волгина: Как много времени может потребоваться, чтобы вот это все лучшее оттуда взять и применить к нашим новым рыночным реалиям?

Аверьянов: Чем раньше мы встанем на новый курс, который предлагает Изборский клуб, тем меньше нам потребуется времени.

Е. Волгина: А встанем?

Аверьянов: Встанем, у нас нет другого выхода.

Е. Волгина: Виталий Владимирович, ответьте пожалуйста на вопрос слушателя. Без оглядки на прошлое не будет никакого будущего, так Сталин принес в Советский союз многие традиции царской России. Согласны ли вы, что будущее современной России – это синтез коммунизма и православия?

Аверьянов: Формулировки могут быть разные. Вот у нас членов клуба 27 человек, каждый свои предлагает. Есть и похожие на те, что предложил наш слушатель. Я бы не сказал, что это синтез коммунизма и православия. Это синтез скорее социалистических элементов, элементов сильного государственного социализма с традиционными, и рыночными в том числе...

Е. Волгина: Социализм, да еще и рыночные элементы, насколько это сопоставимо?

Аверьянов: Вот вы сейчас воспроизводите стереотип. Потому что в сущности очень мало на земле есть стран, где господствует неограниченный рынок. Как правило, это страны переходные, которые поглощаются более мощными цивилизациями. Все серьезные устойчивые страны – это страны, в которых есть значительный сектор государственного регулирования.

Е. Волгина: Например, какие страны?

Аверьянов: Да любые. Какие вы ни назовете...

Е. Волгина: Гондурас?

Аверьянов: Серьезные страны, которые считаются суверенными, скажем так.

Е. Волгина: Соединенные штаты, Франция, Германия?

Аверьянов: Да, они все используют серьезнейшие рычаги государственного регулирования. Но в России эти рычаги должны быть еще более мощными, на наш взгляд.

Е. Волгина: Я поняла вас. Теперь я бы хотела остановиться на Дне победы, который Россия отметила. Вы были в Москве в это время?

Аверьянов: Да.

Е. Волгина: Скажите, по вашему наблюдению, меняется ли атмосфера 9 мая в России?

Аверьянов: Я не был на параде Победы. Я был в парке, салют смотрел. Отвечая на ваш вопрос, если брать большой период времени – изменилось. Потому что в 90-е годы было такое настроение одно время, что многие считали, непонятно, насколько мы все-таки верно воспринимаем эту победу, и какой ценой она далась. Сейчас тоже конечно отдельные лица и отдельные публицисты выступают с такими настроениями. Но в массе, где-то я так думаю, примерно с 2001-2002 года настроения сильно поменялись, они вернулись к патетическим, к воодушевлению. Но в отличие от того, чем была Победа в советское время, когда еще ветераны были молоды и во многом задавали тон отношения к Победе, сегодня тон задает молодежь. Это следующее поколение, которое войну не видело, которые знает ее только из фильмов, книг и т.д.

Е. Волгина: И какой тон она задает? На самом деле, меня очень тронуло, когда я видела по бульварам Москвы шли и молодые ребята, школьники, студенты, держа в руках фотографии и ордена своих дедов, прадедов, которые воевали.

Аверьянов: Этот тон доминирует сегодня. Среди нашей молодежи он доминирует. Это не случайное явление, потому что человек всегда ищет, на что ему опереться в прошлом. И когда 9 мая в 2001 или в 2002 году возникли эти массовые настроения торжества, это означало, что после ельцинских времен возникший тогда вакуум просто нельзя было не заполнить. И он начал заполняться, как бы мы ни относились к Владимиру Путину. Мы в клубе Изборском к нему относимся по-разному, и очень критично относятся многие. И особенно важно в отношении молодежи, если бы этот вакуум сохранялся и в 2000-е годы, целые поколения людей провалились бы в него. Провалились просто как личности, потеряли бы личностную ориентацию. И вот 9 мая было первой точкой опоры, на которую могло опереться сознание молодого человека.

Е. Волгина: Насколько крепко оно опирается на эту точку? Ведь заканчивается праздник, все разбегаются, и это единение остается разве?

Аверьянов: Вы задаете очень серьезный философский вопрос. Я с вашего позволения на него так и отвечу, ведь я философ. Вообще, для нас, для русских, не знаю, как для других народов, характерно такое определенное состояние: когда у нас долго нет большой беды, какой-то большой войны, какой-то катастрофы, которая нас сплачивает, мы постепенно уходим в какую-то энтропию, в какое-то расслабление. И напротив, когда рядом с нами происходит беда, она нас обжигает и мы становимся религиознее, мы становимся более чуткими к жизни. 9 мая и память о великой войне – это напоминание о таком огненном опыте. Другое дело, что это не личный опыт, пережитый большинством, скажем, молодого поколения. Хотя у нас есть тоже ветераны чеченской кампании, например, которые могут поделиться подобным опытом.

Е. Волгина: Получается, только трагедия реально может нас сплотить?

Аверьянов: К сожалению, отвечая на ваш вопрос, насколько это единение прочно, оно будет прочно только тогда, когда нас что-то сплотит, какая-то серьезная угроза. Это не обязательно война...

Е. Волгина: Видим ли мы примеры единения в том же самом Крымске, каких-то лесных пожаров...

Аверьянов: Конечно.

Е. Волгина: Получается, что реально людей может сплотить только действительно какая-то серьезная трагедия. Мы дружим против кого-то. Против агрессоров дружим мы, сплачиваемся, против стихийного бедствия. А когда все это нивелируется, когда опасность исчезает, мы сами становимся как отдельные атомы?

Аверьянов: Во-первых, мы атомизируемся, хотя есть и «дружба» атомизированных индивидов, когда соседи по даче могут поддерживать друг с другом отношения ради того, чтобы было комфортно. Я не глашатай каких-то бед, не кликуша. Я просто констатирую факт, что у нас истори-

чески так получалось: через катаклизмы мы очищались и приближались к самим себе, к своей сущности. Вот, обратите внимание, даже если посмотреть на ту великую войну, Великую Отечественную, – как сильно изменился народ за 4 года. Как изменились мужчины. Они превратились в стойких, способных вынести все, настоящих героев, людей, которые полностью владеют собой и способны жертвовать собой. Это своего рода русское чудо. Я все-таки полагаю, что не для всех народов это характерно. Но для нас характерно.

Вопрос слушателя: Вам не кажется, что эта каша направлений ни к чему хорошему не приведет? Потому, что опираться можно только на новые идеи, коммунистические идеи, еще какие-нибудь идеи, чтобы построить новую страну. А тащить в будущее прошлое, ну может мы еще крепостное право притащим или графов возродим?

Аверьянов: Я сторонник другой точки зрения. Я вообще отношу себя к традиционалистам, и считаю, что в первых, ничего нового нет и не бывает. Новое – это хорошо забытое старое, по пословице. И потом ведь, как бы ни старались модернизаторы, обновленцы, радикалы, революционеры сильно поменять мир, в сущности, мы видим воспроизводство старого, опору на огромный фундамент прежней культуры. Все великие перемены – лишь поветрия и в сущности иллюзии, иллюзии того, что мир можно сильно изменить. Но с другой стороны мир идет своей дорогой, происходит глобализация, идет наступление е таких сил, которые способны привести нас, в том числе и к утрате человеческого начала, к расчеловечиванию. Эти угрозы, эти риски реальны, но и человек существо живучее, адаптивное. И я уверен, что без опоры на традицию в этом мире выстоять нельзя. Без веры в Бога очень трудно выстоять, а если нет веры в Бога, то без высоких ценностей, которые выстраивают человека от его младенчества к зрелости, делают его прямоходящим, так сказать, вертикальным существом, а не на четвереньках ползающим. Если мы будем только на новое ориентироваться, только на изобретения, то мы потеряем эту нить, эту связь с пред-

ками. Причем, заметьте, мы ведь не против нового, мы за изобретателей. Просто получается так, что изобретатели изобретают, а плодами их пользуются приобретатели. Потребители забывают, да просто не знают, какой ценой достались те, в том числе технические изобретения, научные открытия, которые легли в основу современной цивилизации. Вообще, все научные открытия и все культурные достижения построены на том, что человек глубоко смотрит внутрь себя и своей традиции. Без этого они невозможны.

Е. Волгина: Слушатель пишет: не нужна нам трагедия для объединения, достаточно Москве дать понятный сигнал окраинам, и тогда Советский Союз соберется воедино за полгода без какой-либо крови. Не нужна трагедия, а нужна идеология. В чем плоха идея воссоздания СССР в новом, улучшенном виде, не имеющем недостатков прошлого?

Я продолжу, вы тут говорил о вере в Бога, религии, но мы знаем нынешние настроения, и события последнего года, действительно, могут сказать, что наблюдается некое ожесточение, поэтому правильно ли за идеологию брать какие-то религиозные принципы?

Аверьянов: Идеология не является религией, и никогда не может ею быть, она может быть в лучшем или худшем случае какой-то квазирелигией, какой-то пародией на религию. Но что я имею в виду, когда говорю, например, о религиозных принципах и об их использовании в идеологии? Это очень богатая тема. Я вам один пример просто приведу. Известный такой православный термин – симфония властей. Он идет из Византии, и означает такой порядок, когда духовная власть и светская власть, царь и патриарх, условно говоря, друг друга поддерживают и создают определенное пространство гармонии в обществе. Так вот, без даже буквального прочтения этого принципа, который вполне разумен сегодня был бы, я могу его прочесть фигурально. Нам необходима сегодня гармония между рациональным и интуитивным началом, то есть между умом и сердцем, между верой и знанием. Потому,

что воинствующие атеисты в этом плане оказались людьми однобокими, односторонними. Они не могут адекватно ответить на многие вопросы бытия, подменяя все разнообразие мира лишь наукой, рациональностью. А вот эта симфония властей в голове, – она тоже необходима...

Е. Волгина: Главное, чтобы не получилось как тогда, когда говорили о законе о защите чувств верующих. Когда могли просто до абсурда довести, что, к примеру, люди почувствовали себя оскорбленными просто потому, что их собеседник, условно говоря, не верит в Бога или говорит, что Бога нет. Здесь такая грань тонкая.

Аверьянов: Знаете, я вам откровенно скажу, это скорее проблема юристов, чем верующих. Потому, что если они бездарно сформулировали закон, это их вина, а не вина самих верующих, которых те пытаются защитить негодными средствами. Тут хороший юрист просто нужен, он формулирует и правильный закон.

Е. Волгина: Поняла вас. Конопель: «только что вернулась из Нидерландов, так они как-то сплоченнее. Этого я не ощущаю в России. Мы дикие, закомплексованные, это чувствовалось в сравнении нашей тургруппы с европейцами.

Аверьянов: Ну, я тоже бывал в Европе. Мне кажется, что сплоченность, солидарность европейцев между собой носит несколько поверхностный характер. Она может быть где-то демонстративна, например, проявляется во время спортивных соревнований. Но вы меня простите, конечно, патриотизм футбольных фанатов и тот патриотизм, который связан с Великой отечественной войной, это разные вещи.

Е. Волгина: И Виктору еще ответьте коротко: «Пока будем выстраивать свой гибрид, мир уйдет от России еще дальше. Единственный способ пойти по этому пути – полная изоляция России от остального мира».

Аверьянов: Не очень понял вопрос.

Е. Волгина: Ну, это по теме как мы можем пойти в будущее, скомпилировав...

Аверьянов: Мне кажется, что здесь мир никуда не уйдет, потому, что мир не идет в одном направлении. Мир идет в разных направлениях. На сегодняшний день очень сильно растет Китай, он идет своим путем, при этом он использует все другие цивилизации для своего роста. Запад идет в каком направлении? Тоже очень сейчас растерян, там нет полного единства и понимания, в частности, у США и Евросоюза единства становится все меньше. Исламский мир идет в своем направлении. Куда от нас уйдет мир? Да никуда он не уйдет. Нам нужно придти в себя, разобраться в себе. Мы до сих пор до конца не пришли в себя, понимаете?.

Е. Волгина: Терапия долгая, что и говорить. Денис на Русновости пишет: «Идеология любой религии – это убить волю человека, разучить его думать. Требует только слепого повиновения тому или иному взгляду проповедника». Конопель по поводу сплоченности европейцев и не сплоченности нас: «Ерунда, европейцы удивительно сплоченны. Мы это видели в том, как водитель автобуса приветствует каждого входящего, как входящий реагирует, как они коммуницируют между собой». Если вы были в Европе и видели только футбольных фанатов, то Конопель понимает вашу точку зрения. Имеется в виду, что во взаимодействии друг с другом, мы как будто боимся друг друга. То есть, граждане того самого Европейского союза, может быть Соединенных штатов Америки более дружелюбные, что ли.

Аверьянов: Ну, однозначно более дружелюбные по отношению к согражданам и в тоже время, если мы возьмем, скажем, новые страны европейской зоны, страны вчерашней периферии, то там мы увидим довольно сильную ксенофобию. Но если говорить о странах ядра европейского, они дружелюбны на улице. Но это не есть настоящая солидарность внутренняя. Настоящая солидарность, она все-таки проявляется во взаимопомощи, во взаимной поддержке в серьезных вещах, а не в мелочах. Я не отрицаю, там это есть, просто не стал бы говорить, что в этом смысле мы очень сильно отличаемся от них.

Е. Волгина: Ваз 287, его заинтересовала ваша должность, как директора Института динамического консерватизма, и он спрашивает, что такое динамический консерватизм.

Аверьянов: На эту тему книги написаны, лекции прочитаны, трудно одну короткую формулу дать. Но я так определяю: динамический консерватизм – это способность изменяться, не изменяя себе. Вот эта формула самая короткая, которая доступна для сознания не философа, для сознания любого человека.

Е. Волгина: Еще 297-й замечает, что в Западной Европе чтут законы, а у нас нет, ни в чем порядка нет.

Аверьянов: Ну чтут законы, пожалуй, даже слишком сильно, на мой русский вкус...

Е. Волгина: Ну они же для этого и придуманы?

Аверьянов: Там зарегламентированность жизни и способность быть преданным правилам, в том числе тупым и глупым правилам, просто иногда поражает воображение.

Е. Волгина: Ну, возможно, это способ обезопасить себя?

Аверьянов: Возможно. Это определенный инстинкт самосохранения, определенный, я бы даже сказал, инфантилизм в этом просматривается. Потому что, конечно, взрослый человек и без правил нормально обойдется. А ребенку нужны правила для того, чтобы он там из окна не выпал или не обжегся, не обварился кипятком. И если западному человеку нужны подробные инструкции, как пользоваться зубной пастой, как не проглотить крышку тюбика, ну тогда, извините, это очень своеобразная культура, конечно...

Е. Волгина: Я бы хотела затронуть еще одну тему. Президент Литвы заявила, что для восстановления взаимоважания с Россией нужно 40 лет. Я полагаю, говорит далее Грибоускайте, что девять лет, а Литва член НАТО и Евросоюза с 2004 года, малый срок в истории и культуре, применительно к смене ментальности. Сохранилось немало болевых точек со времен нашей общей истории. И вот она говорит, для нас это выражается в усиленном воен-

ном присутствии на границе и в экономическом давлении со стороны России. Например, ценах на энергоносители. Таким образом, выпад делает госпожа Грибаускайте в сторону России, что Россия как будто бы тормозит вот то самое единение, которого возможно жаждут литовские власти. Ну вот с кажите, отсутствие взаимоуважения, насколько оно реально? Это политическая полемика или это на каком-то генетическом уровне уже у людей сформировалось?

Аверьянов: Ну, во-первых, Грибаускайте сейчас находится в эйфории, насколько я знаю. Она недавно получила премию Карла Великого в Германии, и в то же самое время ее избрали профессором Джорджтаунского университета. Она сейчас находится на самом верху своей карьеры. Поэтому, ей нужно обязательно отработать эти премии.

Е. Волгина: То есть это пустые слова, вы считаете?

Аверьянов: Нет, это крик души, наверное, но понимаете, крик души тоже бывает разный, в разной ситуации по-разному воспринимается. Она долго к этому шла, она шла к этому много лет, она была еврокомиссаром, потом она в определенный момент стала президентом своей республики. И очевидно, поскольку она фанатичный сторонник Евросоюза и проводник его идеологии, именно, самый фанатичный, пожалуй, из президентов стран Балтии, то ее так и отметили. И она это фиксирует, в данном случае, проводя определенную линию цивилизационного разлома между Западом и Востоком. Кстати, проявляется это не только в этом высказывании. Недавно она же говорила, что они не будут покупать энергию в Калининградской области, что эта станция не очень безопасна и вообще, начинает апеллировать к Чернобылю. При этом сами они строят у себя станцию по технологии такой же, как Фукусима японская. И это для них нормально. А Чернобыль для них это синоним ада. Почему? Потому, что другая цивилизация. Литовцы себя причисляют, в данном случае, к западной цивилизации.

Е. Волгина: Но, смотрите, когда у человека заканчиваются аргументы, он начинает кричать, ругаться, раздражаться на своего оппонента. Не похожая ли ситуация сложилась в Прибалтике, в той же Литве? 20 лет они демонстрируют всячески свою самостоятельность, и, таким образом проявляют ее, своего рода отторжением, отказом от своего прошлого с другим государством, то есть с нами.

Аверьянов: Ну, вы знаете, в народе литовском определенное раздражение по отношению к Советскому Союзу было всегда. А сейчас, если говорить о новых настроениях в Прибалтике, особенно в Эстонии, ну и в Литве и в Латвии тоже, насколько мне известно, идет определенное возрождение симпатий к русским к Советскому Союзу. Но вот политическая элита этих стран, напротив, даже передавливает антирусскую риторику, потому что им надо подтверждать лояльность Евросоюзу. Они хотят войти в зону евро, причем любой ценой.

Е. Волгина: Подождите, а разве тест на то, чтобы войти в эту зону – это обязательная антироссийская полемика?

Аверьянов: Это одна из составляющих, хотя выдвигаются конечно экономические требования. И, кстати, эти требования очень жесткие. Европейцы требуют буквально серьезнейшим образом затянуть пояса, экономить на всем, покупать только то, что соответствует стандартам и нормам Евросоюза, в том числе электроэнергию. Всяческие бюрократические рогатки выставляются, чтобы они покупали все подороже и у своих, в данном случае, у европейцев. И на все это литовский президент покорно идет. Что об этом думает литовец, который считает свой домашний бюджет? Я думаю, он думает немножко по-другому, чем Грибаускайте.

Вопрос слушателя: Вот ваш Изборский клуб очень много статей опубликовал, уже два десятка статей, если не больше, и вы стараетесь этот материал подать туда, в Кремль. А у меня складывается впечатление, что Кремль на вас внимания не обращает.

Аверьянов: У нас вышло три больших доклада. Статей мы не пишем, каждый член клуба пишет статьи, сколько хочет, Делягин, например, несколько статей в неделю может написать, он очень плодovit. Кто-то по одной статье в месяц. Первый наш доклад был посвящен стратегии Большого рывка, и он был представлен президенту. Второй доклад был посвящен военной реформе, как раз тогда Шойгу пришел к руководству министерством. А третий доклад, который мы недавно презентовали, адресован уже обществу и посвящен теме примирения красных и белых. Какова реакция сверху? То, что мы слышим в администрации президента, по крайней мере, в ответ на наши доклады, это некоторое выражение симпатий.

Е. Волгина: Присматриваются.

Аверьянов: Присматриваются. Со стороны губернаторского корпуса уже немало наших единомышленников, их становится все больше и больше. Это даже меня поразило, я сначала очень удивлялся, сейчас перестал удивляться. Со стороны среднего звена аппарата, предпринимателей – очень много единомышленников. То есть, скажем так, то, что мы называем «элитой» в кавычках и часто при этом говорим, вот у нас элита в стране, которая чужда народу, – а в сущности, ведь выбор-то невелик. Либо они стоят на позициях, близких нам, либо они стоят на позициях, близких Болотной, допустим, площади, Немцову, Каспарову и т.д. Можно найти какие-то экзотические траты, четвертые варианты идеологии, но магистральных путей всегда немного. И вот этот определенный поворот лицом к патриотической идеологии, на мой взгляд, все-таки происходит. Другое дело, что мы мало видим этого в реальной политике. Мы это видим в основном в риторике власти.

Е. Волгина: 297 говорит очень хорошо по поводу Литвы, что они от нас отделились, Россия их кормила и везла на своем горбу. Пусть их теперь Евросоюз кормит.

Аверьянов: Евросоюз не будет никогда никого кормить, он будет наоборот, подвампировать новых своих членов.

Е. Волгина: То есть, получается такое, что в определении стран Балтии, той же самой Литвы, термин «взаимоуважение» означает: дайте нам поблажек, то есть, снизьте нам цену на топливо, и тогда будет все прекрасно.

Аверьянов: Ну и кроме того, они еще хотят, чтобы мы выступали в роли психотерапевтов. Потому что если Россия и Белоруссия проводят военные учения, они, все три прибалтийские страны, рассматривают это как какой-то страшный намек. Но это их параноидальные комплексы. А как мы можем не проводить учения с нашим союзником? Конечно, мы должны проводить учения. Мы лечить их от психических болезней не собираемся, пусть они нанимают психиатров лучше из фрейдистской школы, откуда-нибудь оттуда. А насчет цен на энергоносители, ну, извините, теперь цены у нас какие есть, такие и будут. Тут уж ничего не попишешь...

Е. Волгина: Виталий Аверьянов, директор Института динамического консерватизма, исполнительный секретарь Изборского клуба был на Русской службе новостей. Виталий Владимирович, я Вас благодарю, приходите еще...

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ ПРОВОДИТ ПСИХОТЕРАПИЮ

Эфир на радио «Комсомольская правда»,
18.05.2013

И. Чубайс: Сегодня у нас в гостях доктор философских наук Виталий Аверьянов, он возглавляет Институт динамического консерватизма, так, кажется?

В. Аверьянов: Совершенно верно.

И. Чубайс: Я изначально хочу немножко зацепить, раззадорить, чтобы мы тут поспорили. Вообще мы хотим поговорить о том, что представляет собой Изборский клуб, какую идеологию он нам готовит, и вообще, какая идеология нам нужна. Вот Виталий, я его называю Виталий, потому, что он явно молодой человек, намного моложе меня, он представляет этот самый Изборский клуб. К сожалению, клуб так уже немножко прославился в эфире, тут на одной радиостанции была драка, когда представитель этого клуба сломал нос моему товарищу Володе Лаврову. Я надеюсь, что представители этого клуба, они способны вести дискуссию, а не драку... Хотя я в общем к любому варианту готов. Но вот давайте поговорим, что это за клуб, какая идеология, нужна ли нам идеология, как понимается прошлое России, как понимается ее настоящее, будущее, – вот об этом я предлагаю поговорить. И мы приветствуем вопросы, звонок бесплатный. Ну, может быть, для начала надо будет просто послушать.

Виталий, вы, конечно, будете отрицать, но ваш клуб – это проправительственная организация, которая финансируется не из собственного кармана, которая финансируется государством. Но не будем уходить в эту сторону. Расскажите, а что вообще вы делаете? Какие идеи, какая цель, какая концепция?

В. Аверьянов: Я готов осветить все вопросы, и отрицать правду не буду, если это правда. Ну, скажем, о конфликте Черняховского и Лаврова, я думаю, мы тоже можем поговорить, если хотите, там есть интересные подробности. Во всяком случае, скажу, что в данном случае Черняховский действовал не от имени Изборского клуба, а в личном качестве.

Вообще же клуб был создан в сентябре прошлого года, на Псковщине, в городе Изборск, отчего и название такое. Город необычный, там всегда шло противостояние экспансии западной, причем очень жесткое. Наш клуб объединил около двух десятков постоянных членов, сейчас уже 27 человек достаточно известных экспертов, каждый из которых в течение десятилетий так или иначе себя проявил и показал, кто он есть, своими делами и своими трудами. Первые полгода существования клуба о нем можно было судить преимущественно по этим фамилиям. Если хотите, их можно перечислить.

И. Чубайс: Ну, несколько назовите.

В. Аверьянов: Председатель клуба Проханов, исполнительные секретари – Александр Нагорный и Ваш покорный слуга. Далее, перечисляю: Сергей Глазьев, Михаил Делягин, Александр Дугин, Леонид Ивашов, Максим Калашников, Андрей Кобяков, Наталия Нарочницкая...

И. Чубайс: Понятно, люди очень разные, между прочим.

В. Аверьянов: Да, очень разные. Мы не можем сказать, что это моноидеологический клуб. Это клуб, который осуществляет синтез идей. Ну, в частности, красной и белой идеи, выражаясь условно. У нас последний доклад называется «По ту сторону красных и белых». В нем мы показывали, что помимо тех, кто участвовал в гражданской войне как непримиримые идейные противники, в русской истории можно говорить о таком феномене, как красные созидатели и белые созидатели. И, если говорить об этом феномене, то здесь синтез возможен, здесь возможен диалог. И строительство будущей России, на наш взгляд, пойдет именно по пути синтеза.

И. Чубайс: Понятно. Я, честно говоря, считаю, что это фундаментальная ошибка, неразрешимая задача соединить белых и красных. Я занимаюсь этой проблемой не с сентября прошлого года, а двадцать лет. Мои книги переводились, одерживали победы на конкурсах, за рубежом, и у нас в стране. У меня нет такой возможности, как у вас, издавать журнал, но я, поверьте, говорю это не из зависти, меня интересует решение проблемы. И, может быть, для начала, я бы такой вопрос вам задал. Потому, что есть вещи, в которых мы совпадаем, несомненно... Как вы считаете, почему мы 20 лет живем вообще без стратегии, без программы, без концепции, без идеологии? Вот это, если перевести на обыденный язык, представьте, что мы с вами вышли в море, в мировой океан, кругом курсируют разные там военные, гражданские транспорты, у всех свой курс, лоцман, а у нас ничего. Мы как-то болтаемся то туда, то сюда, и при этом чего-то хотим добиться. Нет государств, у которых не было бы своей концепции, своей идентичности, или, как в России когда-то говорили, своей самобытности, или русской идеи. У нас сегодня нет ничего.

В. Аверьянов: В России нет официальной идеологии, нет какой-то признанной консенсусной национальной идеологии, но есть немало идеологов. Вот вы идеолог, много лет этим занимаетесь, я тоже достаточно давно. Вы, кстати, напрасно говорите в пику нам «не с сентября прошлого года», а у нас большинство членов клуба...

И. Чубайс: Я 20 лет этим занимаюсь.

В. Аверьянов: У нас большинство членов клуба тоже 20 лет этим занимаются.

И. Чубайс: Моя книга победила в Гарварде на конкурсе еще 16 с лишним лет назад. А написана была почти 20 лет назад.

В. Аверьянов: Вы помните, был такой термин, красно-коричневые, где-то в 93 году?

И. Чубайс: Да, был.

В. Аверьянов: Он тогда ассоциировался, в частности, с газетой «День», с тем же Александром Прохановым.

И. Чубайс: Да.

В. Аверьянов: В его понимании, это был не красно-коричневый, а как раз красно-белый синтез, потому что там, среди участников этого процесса были как представители православной среды, монархисты, люди, которые ценили традиционную Россию, так и советские патриоты. И они тогда уже объединялись, так что это не вчера началось...

И. Чубайс: Ну я не хотел сразу переходить на эту тему, но что значит советский патриотизм? Что это такое? Это патриотизм ГУЛАГа, КГБ, цензуры? Как вот можно быть советским патриотом? Можно быть российским патриотом, это я понимаю, а что такое советский патриот? Это просто в принципе непонятно. Это какой-то абсурд.

В. Аверьянов: Советский патриотизм – это чрезвычайно распространенная статистическая...

И. Чубайс: Идеологическое клише.

В. Аверьянов: ...статистическая категория. Если проводить исследование, у нас больше половины населения советские патриоты.

И. Чубайс: Вот определите, что это такое.

В. Аверьянов: Хорошо, я попробую дать определение. Советский патриотизм – это такой своеобразный тип неоконсерватизма, который апеллирует не к далекому прошлому, а к тому прошлому, которое более знакомо массам, знакомо, скажем так, обывателю. Он, грубо говоря, понимает, что такое машина «Волга», машина «Жигули» если он, к примеру, автомобилист. Он понимает, что такое индустрия советская, как инженер или даже как потребитель. Но ему, допустим, очень трудно понять, что такое индустрия царской России. Потому что он не историк, и, как мы знаем, историкам верить тяжело. Ведь они между собой спорят и часто спорят до мордобития, к чему мы в сегодняшней передаче уже прикоснулись.

И. Чубайс: Ну это понятие уже не научное, не историческое...

В. Аверьянов: Вот этот советский консерватизм и патриотизм – это определенная установка, которая сегодня

в обществе постепенно растет. Не скажу, что она полностью доминирует, но она становится одной из самых значимых. И, если говорить об ее идеологическом оформлении, то мы имеем его в целом ряде авторов и мыслителей, в том числе и членов нашего клуба, которые показывают, что этот вид патриотизма, этот вид консерватизма имеет право на идеологическое оформление. На эту тему пишут книги – тот же Николай Стариков, например, или Максим Калашников, известные писатели.

И. Чубайс: Я вас понял.

В. Аверьянов: Но что интересно, эти люди, о которых я сейчас говорю, являются не теми патриотами советскими, которые отгораживают советский период, отрывая его ото всех других периодов нашей истории. Они готовы идти на этот синтез, они готовы идти на эту сшивку исторических эпох. Но я бы не хотел ограничиваться только этой темой, мы ведь и другие доклады написали.

И. Чубайс: Конечно.

В. Аверьянов: Мы начали с доклада «Стратегия Большого рывка», представили его президенту. Затем написали доклад по военной реформе, представили его новому министру обороны Шойгу. Вот это третий «красно-белый» доклад мы представили общественности и презентовали в Екатеринбурге недавно, и тоже там была достаточно горячая полемика вокруг него. Но что касается инцидента на радиостанции... Я тоже знаком с Лавровым, потому что в 2008 году занимался таким проектом «Екатеринбургская инициатива». Сам я человек православный, из тех, кто поддерживал канонизацию Царственных Страстотерпцев, из тех, кто считает, что нам действительно нужно обращаться к опыту дореволюционной России. Это был очень ценный опыт, особенно последнее царствование было чрезвычайно ценно и насыщено в том числе и, на мой взгляд, социалистическими тенденциями, тенденциями к строительству государственного социализма в стране. Так вот, я помню атмосферу 2008 года, когда отмечался этот трагический юбилей царевубийства, и там было много представителей этой организации, в которой и вы состоите,

общество «Возрождение», да? Есть такое? И у меня сложилось впечатление, что среди тех, кто тогда участвовал в этом процессе, были люди искренние, но были и люди, которые не столько ратуют за возрождение исторических названий и исторической памяти, сколько все-таки продолжают воевать на гражданской войне, хотят отомстить за какие-то обиды, нанесенные им в советское время. Вот такое ощущение у меня возникло тогда. Я откровенно говорю. И мне кажется, что здесь нужно отделять одно от другого: личные какие-то пристрастия и обиды от исторического взгляда. Мы стараемся это сделать.

(...)

И. Чубайс: Скажите, чем вас не устраивают либералы, я так понял, что вы не симпатизируете, ваш клуб не симпатизирует либералам. Признаться, я крайне негативно к ним отношусь. Они меня не пускают на свои станции, в свои самые новые газеты, я не могу в них публиковаться. Может у нас здесь совпадение, а может быть нет.

В. Аверьянов: Во-первых, у нас 27 членов клуба, и естественно, есть разные трактовки в том числе и понятия либерализм. Ну, например, тот же Черняховский, о котором мы сегодня не раз упоминали в связи с дракой, он считает, что либерализм – это священное понятие, которое восходит к XVIII веку, оно связано с социальным прогрессом. Но большинство членов клуба считают, что мы сегодня, в нашей политической реальности, не видим этих либералов классических. Мы имеем либо квази-либералов, либо псевдо-либералов, потому что, если бы в России появились либералы для России, то есть, примерно так же, как есть либералы для Англии, или для США, которые трудятся над реализацией национальных интересов своих народов, – то, может быть, с такими либералами мы бы сели за стол переговоров. Но в политической плоскости мы таких либералов не видим. Поэтому понятие «либерал» стало синонимом человека, который работает по двойным стандартам. То есть, он пытается вестернизировать Россию, но встраивает ее во внешний мир не на равных условиях и правах, то есть ставя Россию

в заведомо проигрышные конкурентные условия. Вот это для нас либерализм.

И. Чубайс: Понятно. Вы знаете, здесь действительно многое совпадает, я бы только вот буквально два слова добавил, здесь нам спорить не о чем. Во-первых, я отличаю системных либералов, которые во власти и просто либералов, – это не совсем одно и то же. Для системных либералов самое главное, это копировать Запад, по крайней мере, формально, то есть они бросают свою страну, они все пишут латинскими буквами, начиная от таких вещей, и заканчивая ценностями. Все ценности там, туда надо удирать, уезжать, а это все какая-то Рашка. А кроме того, еще одна важная деталь, там очень много точек различия, но одно объединяет. Либералы критикуют очень многое, очень со многим не согласны. И я тоже критикую. Но у либералов виноват народ. Даже в ГУЛАГе виноват. Я с ними спорил, говорил им: «Ну что ж, сами на себя доносили и сами себя расстреливали?» С их точки зрения, виноват сам народ.

А вот с точки зрения нормальной демократии виновата власть. Власть должна за все отвечать. А у системных либералов за все отвечает сам народ. Народ подвергся невиданным в истории испытаниям, террору, насилию, красный террор был объявлен, большой террор, а виноват сам народ.

Дмитрий: Вопрос у меня такой. Будут ли коммунисты и большевики просить прощения, извиняться и возвращать награбленное то, что было тогда, до 60-х годов отобрано у русских. И мне кажется, что ваш гость подменяет понятия, он называет советский «аппаратизм» патриотизмом. Может он откроет толковый словарь и посмотрит, как это правильно?

И. Чубайс: Понятно, хорошо, вопрос понятен, вот с точки зрения Изборского клуба ...

В. Аверьянов: Я отвечу сразу на два вопроса. На ваш, когда вы сказали, что патриотизм не может называться советским, потому, что не было советской власти. Я понимаю, о чем вы говорите. Был Советский союз. Здесь чи-

сто риторические игры ни к чему. И для людей, которые апеллируют к этому 70-летнему историческому периоду, а может ни ко всему 70-летнему периоду, но к периоду со-зидания, строительства, технологических прорывов, кото-рые с ним связаны, – это именно Советский союз. Поэтому и патриотизм их советский. Я обещал вам в перерыве ска-зать, что есть масса ценностей, которые мы можем взять в будущее из периода СССР, естественно, я все их перечис-лять не буду. Чтобы их увидеть, нужно почитать наш до-клад, он напечатан в журнале, на сайте нашем выложен и широко обсуждается. Но несколько таких ценностей я бы назвал. Ну, во-первых, это способность консолидации сил на прорывных ииновационных направлениях...

И. Чубайс: Лучше не по бумажке, а своими словами.

В. Аверьянов: А вы заметьте, какая у нас лапидарная чеканка формулировок...

И. Чубайс: Да, как-то вы сложно говорите, но я слушаю внимательно и слушатели тоже.

В. Аверьянов: Вот на тех инновационных направле-ниях, которые сначала выделялись в особые сектора го-сударственного проектирования, а затем превращались в локомотивы технологического развития. Я считаю, что СССР в этой области достиг образцовой способности, и этот образец нужно брать с собой в будущее.

И. Чубайс: Жить по законам военного времени.

В. Аверьянов: Это не только военная ...

И. Чубайс: Все бросить, все для фронта, все для побе-ды.

В. Аверьянов: Мирный атом по-вашему – тоже воен-ная технология?

И. Чубайс: Мирный атом – это следствие военного атома. И наоборот.

В. Аверьянов: Конечно. Потому что развитие науки и промышленности связано именно с военными технологи-ческими прорывами. Все это взаимосвязано.

И. Чубайс: А что для народа было сделано? Те же «Волги» и «Жигули» не были в свободной продаже.

В. Аверьянов: Вы хотите сказать, что от энергии атомных электростанций народу ничего не доставалось?

И. Чубайс: Да нет, у вас она следствие.

В. Аверьянов: А вы знаете, что многие ученые считают, что благосостояние народа в современной цивилизации измеряется не чем иным, как количеством электроэнергии. Это прямо соотносящиеся цифры.

И. Чубайс: Да, и вот вы же работаете на власть, а это власть провела реформу РАО ЕЭС, в результате которой цена электроэнергии увеличилась в 12 раз...

В. Аверьянов: Ну, теперь давайте о власти поговорим. На которую мы работаем. Изборский клуб действительно общается с властью и передает ей все, что пишет. Мы получаем оттуда довольно неоднозначную реакцию, прямо скажу. И Изборский клуб, на сегодняшний день, все, что он делает, делает, исходя из собственных представлений. То есть все, что мы формулируем, мы формулируем без оглядки на наших там, условно говоря, власть предержащих.

И. Чубайс: Да Бог с ним. Мы же все грамотные люди и слушатели тоже. Все всё прекрасно понимают.

В. Аверьянов: Я за свои слова отвечаю. А насчет финансирования клуба...

И. Чубайс: Ну вот я увидел ваш гляцевый журнал и все понятно.

В. Аверьянов: У нас в клуб, между прочим, входят и несколько предпринимателей, достаточно крупных.

И. Чубайс: Да, ну вот входили бы они, если бы клуб был против режима и был бы оппозицией. Им бы быстро объяснили, вместе с Навальным и со всеми остальными.

В. Аверьянов: А вы знаете, например, что пишут Делягин, Калашников постоянно? Вы что, хотите сказать, что это прокремлевские идеологи или политики?

И. Чубайс: Нет, просталинские. Только просталинские...

В. Аверьянов: Но разве мы их не можем назвать оппозиционными, или по-вашему оппозиционные – это обязательно Болотная площадь?

И. Чубайс: Да Болотная площадь не вся оппозиционная, там разные люди.

В. Аверьянов: Тем более.

И. Чубайс: Но мы сейчас уйдем немножко в другую сторону. Я хотел разобраться вот с вашей концепцией, с вашим видением. У меня такой вопрос. Вот как вы оцениваете нынешнее состояние страны, тем более, что вы говорите, в ваших документах о прорыве. Вы призываете к экономическому прорыву. Вот, что-либо делать в экономике, в политике, с моей точки зрения, да и не только с моей точки зрения, и вы согласитесь, можно только давая реалистичную оценку. На мой взгляд, ситуация сегодня на грани катастрофы экономической. У нас впервые цены на нефть и газ растут, а экономика остановилась, стагнация произошла, нет экономического роста, у нас сегодня невозможно создать новые технологии, новые предприятия в стране. Я сейчас сошлюсь на некие источники, опубликовано, это не открытие. Вот один из крупнейших наших олигархов, то есть, не владелец какого-то там киоска, а крупнейший производитель, типа там, Североникель, Норникель, вот он установил немецкое оборудование, новейшие линии, с фильтрами и т.д., к нему приходит технадзор и говорит, у вас там труба какая – 53 метра? Сколько фильтров? Один. А по нашим нормативам 1960 года должно быть два фильтра. Он говорит, слушайте, у меня новейшие технологии из Германии, фильтр стоит три миллиона евро. Вот спор кончился тем, что он посчитал, что взятки будут дороже, чем поставить второй фильтр, абсолютно никому не нужный. То есть, сегодня, экономические условия, правовые условия, нормативные условия, бюрократические условия таковы, что невозможно создать современное производство. У нас угасание. У нас было 12 регионов доноров, сейчас осталось по-моему, восемь. Это за полгода произошло. То есть, идет угасание, а вы говорите о прорыве. Вы адекватно оцениваете ситуацию? Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию, которая в нашей стране, экономическую?

В. Аверьянов: Ваши замечание критические, по поводу экономической ситуации в нашей стране, полностью соответствуют Изборскому клубу. Вас хоть завтра можно принимать к нам.

И. Чубайс: Но меня не примут, даже если я подам заявление.

Я общался с вашими, с Калашниковым, например, он просто слова не давал мне сказать. Дискуссия – дискуссия, он просто затыкал рот и не давал говорить.

В. Аверьянов: Просто он большой мастер, видимо, полемики. Мне так пока не удастся.

И. Чубайс: Да, большой, у него много аргументов.

В. Аверьянов: Я хочу сказать, что если посмотреть наши доклады, – я не знаю, смотрели вы их или нет, – вы увидите там чрезвычайно критичное отношение к современной экономической, но не только к экономической, к социальной политике тоже. Там изложена конкретная программа прорыва. Мы говорим не о том, что прорыв начинается, а мы излагаем модель и программу прорыва. Причем начали мы это делать не в сентябре, вот ваш покорный слуга, наряду с теми же Калашниковым и Кобяковым, еще в 2005 году написали фундаментальный труд на эту тему, который называется Русская доктрина. Где была изложена концепция, в том числе и большого прорыва: индустриального, экономического и социального. То есть, прорывного развития.

И. Чубайс: Прошло 8 лет – ни с места. Ситуация ухудшилась.

В. Аверьянов: Прошло 8 лет, Русскую доктрину, скажем так, пытались использовать, раздербанивая на какие-то отдельные элементы в качестве декораций режима. Мы не увидели сколько-нибудь масштабного воплощения наших идей пока. Сегодня ситуация в корне не поменялась. Мы до сих пор стоим на какой-то грани. Вроде бы Глазьев стал советником, вроде Rogozin возглавляет крупный сектор экономики, вроде бы Мединский стал министром культуры. Какие-то люди, близкие нам по взглядам, проникают выше во власть. Еще пять лет назад этого не

было. И, тем не менее, ни о какой смене курса мы не можем говорить. Этого нет. Есть какие-то микроскопические, иногда смехотворные шаги, ну, например, как апелляция к этим самым советским патриотам, когда там нормы ГТО вводятся, герои труда...

И. Чубайс: Я в интернете высказался по этому поводу.

В. Аверьянов: Это все поверхностные явления.

И. Чубайс: В условиях эксплуатации частной собственности, нам предлагают не бороться, а чтобы они побеждали в капиталистическом мире.

В. Аверьянов: Совершенно верно.

И. Чубайс: Еще больше трудились. Это же цинизм.

В. Аверьянов: Было бы органично, конечно, для существующего порядка, если бы ввели какую-то награду вроде «герой воровства». Наверное, это было бы более органично. Здесь мы с вами не спорим, я думаю...

И. Чубайс: Нынешнее состояние, как вы его оцениваете? То есть, оно для вас...

В. Аверьянов: Нарастает мировой кризис и Россия в его рамках рискует оказаться последним, а не первым, как там Кудрин нам говорил, что наша подушка безопасности нас ото всего спасет. Мы можем оказаться самыми пострадавшими, потерпевшими в результате этого кризиса. Вот риск, который сегодня реально уже не просто стоит, он уже проявляется. В этом текущем году по экономическим показателям мы уже видим, что он проявляется.

И. Чубайс: У нас сейчас будет перерыв.

(...)

Сочетаемы ли эти понятия, Сталин и патриотизм?

В. Аверьянов: Когда англичане спрашивали у Сталина где-то в 40-е годы: вот вы пережили такой тяжелый исторический период, что вам показалось самым трудным?

И. Чубайс: Тяжелее, чем война, это война с единоличниками?

В. Аверьянов: Да. Он назвал коллективизацию. Он сказал, что коллективизация была самой тяжелой страницей. Вот, отвечая на ваш вопрос. В этот момент, когда она

проходила, мы не можем говорить о единоличной власти Сталина. Это была коллегиальная власть, и вот эта сама сталинская оценка, она показывает, что сам он переживал это как нечто для себя далеко не однозначное. О единоличной власти Сталина или, скажем так, о режиме Сталина, когда он уже владел страной и владел полностью ситуацией, мы можем говорить именно с конца 30-х годов. То есть как раз после большого террора, начиная с этого момента мы можем говорить, что теперь Сталин приблизительно подошел к тому, чего он хотел, как он это видел. Хотя этот процесс продолжался и потом, и в 40-е годы, и в начале 50-х. Поэтому, возлагать на Сталина ответственность за преступления большевиков, – а самые страшные преступления, как мы знаем, это преступления 18-го, 19-го годов, это гражданская война, это красный террор, это та страшная резня, которую устроили большевики, ...

И. Чубайс: А голод 32-33 года? А голод 46-47 года?

В. Аверьянов: Я еще раз говорю, это самые страшные преступления, связанные с этим периодом. Это на Сталина мы возлагать не можем, во всяком случае, всецело.

И. Чубайс: Он был в оппозиции, в белом движении...

В. Аверьянов: Ну, белые тоже себя неплохо проявили во время гражданской войны. Он мог бы и с той стороны заниматься тем же самым, понимаете?

И. Чубайс: Но красный террор объявили красные, а не белые.

В. Аверьянов: Красный террор объявили, в ответ уже был другой террор. Поэтому, несомненно, это был жестокий политик. Как наши многие святые отцы говорили, тот же Иоанн Кронштадский, что если Русь не удержит царя, то на смену придет страшный царь, кровавый тиран. Так и произошло.

И. Чубайс: Это еще Лермонтов писал в 1948 году, в 16 лет он написал стихотворение о том, что ждет Россию. «Предсказание» называется.

В. Аверьянов: Ну, вообще в XIX веке много было предсказаний, мы и у Пушкина это видим. И мы помним эту замечательную формулу де Местра о Пугачеве с универ-

ситетским образованием. Это фактически пророчество о Ленине, да?

И. Чубайс: Нет.

В. Аверьянов: Хотя Ленин не закончил очный университетский курс.

И. Чубайс: Нет, это совершенно другое. Пугачев хотел восстановить тот же строй, который был, только встать во главе царем, а этот уничтожал всю русскую систему.

В. Аверьянов: Я говорю сейчас не о самом Пугачеве, я говорю о пророчествах XIX века. Так вот, что касается Сталина, мы полагаем, что да, он выработал своеобразную форму патриотизма. Нового патриотизма, который начал вот этот самый процесс воссоединения. Когда мы, кстати, говорим о красно-белом синтезе, мы не должны забывать, что его начинали при Сталине. И в нашем этом докладе целый ряд...

И. Чубайс: Это совершенно ново для меня.

В. Аверьянов: Целый ряд фактов, демонстрирующих, как это воссоединение начиналось. Где-то с середины 30-х годов оно начиналось и достигло своего апогея как раз в начале 50-х годов. Когда Сталин говорил уже о своеобразных народных демократиях в мировом масштабе, говорил не просто о строительстве социализма в отдельно взятой стране (эта идея, которая восходит еще к концу 20-х годов, он ее тогда впервые высказал), но он фактически перешел на цивилизационные рельсы, отказавшись от идеи мировой революции, фактически закрыв Коминтерн и превратив ...

И. Чубайс: Как он отказался, слушайте, ну это просто невозможно!

В. Аверьянов: Он отказался от идеи мировой революции.

И. Чубайс: Он отменил Коминтерн потому, что он хотел захватить Европу не под красным флагом, а как освободитель, а потом уже установить красный флаг. Ну что вы говорите?

В. Аверьянов: Он отменил Коминтерн по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы не иметь пятую колонну

в его лице внутри СССР. Во-вторых, для того, чтобы использовать тех, кого можно использовать внутри Коминтерна, в качестве разведывательной силы. То есть, он повернул оружие англосаксов, которым оно против нас борется в течение многих веков, против них самих. Это был гениальный поворот.

И. Чубайс: Это очень неожиданная трактовка, которая неведома в истории. Ну, давайте примем еще хотя бы один звонок, потом продолжим.

Олег: Я хотел поблагодарить первого, позвонившего к вам, что нам нужно создать какую-то книгу покаяния коммунистического режима, ведь немцы полностью отказались от нацизма, там даже упоминание об этом считается неприличным, а у нас все это... И второе, я не экономист, но я считаю, что вступление в ВТО нас окончательно угробит, это однозначно. И третье, современное правительство проявляет якобы заботу о населении, то есть, давайте бороться все с курением, давайте уволим проводников, которые в поездах курят, людям негде курить, хотя курящих половина. Позаботились бы о ценах на лекарства. О бесплатном лечении. Этого у нас нет и не будет. Наша страна потихонечку гибнет. Давайте проводить олимпиады, всякие конкурсы красоты, а то, что в селе по пять тысяч получают, это уже мелочь.

И. Чубайс: Понятно, спасибо. Сейчас я дам слово Виталию, я только в подтверждение того, что услышал, называю такую цифру, которая недавно появилась и которая является позорной. Вот в наших многодетных семьях 14% детей недоедают. У родителей в многодетных семьях просто нет средств, при том что у нас едва ли, как пишет интернет, не каждый губернатор – миллиардер. 200 официальных миллиардеров, что же вы делаете, как же так можно. В стране люди голодают, а эти жиреют, толстеют и набивают карманы. Пожалуйста, Виталий, вам слово.

В. Аверьянов: Ну я отвечу по всем пунктам. Я с пафосом нашего слушателя согласен. Относительно покаяния, вопрос заключается в том, в каких формах. Вообще, покаяние – это метанойя по-гречески, это перемена ума, когда

мы меняем свой ум, меняем свое отношение к своему собственному прошлому. Но ведь очень важно, относясь к своим старым прегрешениям, я имею в виду личность человека, не заниматься самобичеванием и не отсекают прошлое свое, свою юность,

Необходимо, каюсь в собственных грехах и отказываясь от собственных ошибок, в то же время вспоминать те лучшие вещи, которые были. Если же мы полностью вымарываем целые периоды нашего прошлого, то в итоге мы оказываемся травмированным народом, с травмированной национальной психикой и ментальностью.

свою зрелость. Необходимо наоборот, каюсь в собственных грехах и отказываясь от собственных ошибок, в то же время вспоминать те лучшие вещи, которые были. Вот мы в своей работе этим и занимаемся, мы проводим в каком-то смысле психотерапию. Потому что если мы полностью вымарываем целые периоды нашего прошлого, то в итоге мы оказываемся травмированным народом, с травмированной национальной психикой и ментальностью. Это ответ на первый вопрос.

И. Чубайс: Вымарывать нельзя, надо правильные оценки давать. Забывать ничего нельзя.

В. Аверьянов: Мы стараемся правильно это сделать. Второй вопрос по ВТО. Наш институт являлся той организацией, на базе которой было создано движение против вступления России в ВТО. Это было три года назад, мы попытались остановить этот процесс, у нас не получилось, хотя мы активно сражались. По поводу курения и олимпиады, ну я уже высказывался по этому поводу. В России есть масса декоративных элементов, в том числе и такие дорогостоящие, как олимпиада или чемпионат по футболу. Полагаю, что мы могли бы, при правильной государственной стратегии, при разумной политике, эти средства использовать с гораздо большей пользой, скажем так.

А что вы сказали о миллиардерах, это вообще одна из наших главных тем. Мы постоянно, и в Русской доктрине, и в наших теперешних докладах, и наши коллеги в своих статьях, – постоянно говорим о том, что России необходима мощная социальная политика, что России необходима

разумная налоговая политика, которая уведет от тех чудовищных диспропорций, которые мы сегодня наблюдаем. Когда разрыв между самыми богатыми и самыми бедными, известный есть у экономистов специальный термин для описания этого разрыва, – децильный коэффициент – он самый большой в мире. Невиданный, можно сказать, для современной эпохи.

И. Чубайс: Понятно. Но я все-таки хочу хотя бы коротко еще к одному вопросу вернуться, о котором мы уже говорили, можно ли соединить советское и российское, историко-российское. Вот пусть наши радиослушатели представят такую ситуацию, вот двойня в семье, мальчикам по 10 лет. Мать в день рождения отвезла одного из них в Кремль и вот он спрашивает, что такое мавзолей. Мать отвечает, здесь Ленин, это вождь, ты должен вырасти, как Ленин. А второго отец отвез в Питер и показал захоронение Николая Второго. Тот спрашивает, кто такой Николай. Николай был император великой России, ты должен быть как Николай Второй. Вот один уедет к одной бабушке и вырастет, как Николай Второй, а второй уедет к другой бабушке и вырастет, как Ленин. Когда им исполнится 25 лет, один убьет другого. Вы предлагаете соединить то, что, к сожалению, несоединимо, здесь другой путь лечения и другой путь выхода. Но, возможны, наверно, разные точки зрения. Я благодарю Виталия Аверьянова.

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ И ГЛАВНЫЙ ВОПРОС ЭПОХИ

Вопрос о советском наследии тесно связан с обретением Россией потерянного лица

Болевая точка

С момента возникновения Изборского клуба нами было подготовлено несколько аналитических докладов, из которых наибольший резонанс вызвал, пожалуй, доклад «По ту сторону красных и белых», презентованный в апреле. Другие доклады были не менее значимы, однако, критиков их нашлось не так много, а сама критика носила поверхностный характер. Доклад на тему синтеза «красных» и «белых» и провозглашение такого синтеза попали в болевую точку общества. Причем болезненная реакция началась задолго до публикации самого доклада, когда председатель клуба Александр Проханов впервые заговорил о том, что такой синтез является стратегической задачей современной России. Среди раздраженных этой идеей синтеза есть и либералы, и консерваторы-монархисты, и левые ортодоксы, а также представители других идейных течений – каждый из них нашел, чем оскорбиться в предложенных постановке вопроса и интерпретации исторических фактов.

Из последних откликов обращает на себя внимание статья Александра Янова «Русская идея и Путин» на сайте «Дилетант», в который известный нью-йоркский ревизор исторического пути России (а в прошлом – советский журналист и автор диссертации про «вырождение русского национализма») в концентрированном виде воспроизводит свое мировоззрение, находя для этого новые, смелые

выражения. Так, например, он определяет нашу страну как «испорченную Европу», а русскую идею как «символическое воплощение всей старой московитской порчи». И сегодня эту порочную тенденцию олицетворяет Изборский клуб.

Янов сравнивает испуг Путина перед болотным бунтом с испугом Николая I перед декабристами – отсюда его прогноз: госпатриотизм будет усиливаться, «главный европеец» в стране вынужден будет менять курс в сторону официальной народности и поддерживать те идеи, которые предлагает Изборский клуб. Изборяне, говорит Янов, имеют сегодня конкурентные преимущества перед «европеизаторами» и отобилизованы на полемику и пропаганду гораздо лучше.

Из лагеря национал-либералов также звучит жесткая критика. Так Лидия Грот в статье «Изборский клуб и его обитатели» (на сайте АПН.ru) утверждает, что изборцы не могут предложить реальный синтез «красных» и «белых», поскольку *«белых среди них нет, есть одни красные, которые объединились в комфортный междусобойчик и от щедрот душевных решили простить белых»*. В статье содержится множество выпадов, на которые отвечать нет смысла – исчерпывающие ответы на подавляющее большинство из них можно найти в самом тексте нашего доклада.

В еще более бескомпромиссном варианте отповедь Изборскому клубу звучит на различных радикальных сайтах, например, таких как «Имперский казачий союз» – причем в данном случае сам сайт напоминает пошлую версию голливудского прочтения России (иконы в лубочном стиле, «сапоги всмятку», театральное эмигрантско-казачье негодование и т.п.), и статья на нем звучит как ученический цэрэушный текст.

Изборский клуб действительно может выглядеть как новое издание «московитской порчи», славянофильства и евразийства. Все это лестные оценки для нас из уст тех, кто так мечтает перекорчевать реальную Россию, изменить саму ее природу. Что же касается доли «красных»

и «белых», то в клубе их примерно поровну – при этом, чтобы быть верно понятым, мне необходимо сказать несколько слов о терминах.

Под «белыми», которые с нашей точки зрения должны вступить на путь примирения и синтеза с «красными», мы понимаем **традиционалистов**, сторонников возрождения принципов исторической России, суверенной державы, традиционных ценностей, включая религиозные. Поэтому в нашем понимании апологеты Февральской революции в категорию «белых» не попадают, так же как не попадают в нее многие представители собственно «белой гвардии» – в гражданскую войну дело сводилось скорее к узурпации символов «Белого Царства», а также к подражательному рефлексу русских политизированных интеллигентов по отношению к Великой Французской революции. Не попадают в наше понимание в категорию «белых» и представители «белоленточного» протеста последних лет, поскольку в массе своей они скорее антитрадиционалисты, чем традиционалисты.

Под «красными» же мы понимаем **советских патриотов**, тех, кто ценит масштабнейший созидательный порыв нашей цивилизации, осуществленный в XX веке, тех, кому дорога Великая Победа 1945 года. (С другими «красными», разрушителями, воинственными безбожниками, мировыми революционерами мы не призываем вступать в какой-либо синтез.) При этом и традиционалисты, и патриоты СССР выступают поборниками социального государства, либо социалистического в буквальном смысле, либо же, по крайней мере, государства с сильной социалистической составляющей.

Для непримиримых с обеих сторон Изборский клуб сливается с их антиподами. Так, если либералы убеждены, что наш клуб «красный», то радикальные коммунисты, напротив, утверждают, что Изборский клуб состоит сплошь из реакционеров, которые заигрывают с левыми и марксистами, чтобы ослабить истинно левое движение (об этом, в частности, пишет сайт РКРП – Российской коммунистической рабочей партии). Тот факт, что клуб кому-

то кажется красным, а кому-то белым, является косвенным подтверждением того, что «красно-белый» синтез, по крайней мере, внутри самого клуба, не какая-то иллюзия, что он происходит в действительности.

Критики справа

Историк Петр Мультатули, ведущий научный сотрудник РИСИ, автор исследований о Николае II и его эпохе, выступил в газете «Радонеж» со статьей «Редиска наоборот. Куда ведёт Изборский клуб?». Его статья написана в запальчиво-обличительном духе и в ней содержатся резкие нотки одергивания православных мирян, священников и даже архиереев: дескать, как вы смеете сотрудничать с изборцами! Нашу деятельность Мультатули объявляет «красно-сталинской пропагандой», в истоке которой – ересь прохановщины.

Надо сказать, что выступления, тем более такие неуравновешенные, критиков с этого идейного фланга лично у меня вызывает горечь, поскольку эти критики многие годы были моими друзьями и единомышленниками. В 2008 году вместе с Мультатули мы работали над проектом «Екатеринбургская инициатива» а также фильмом «Николай II: Сорванный триумф». Можно что угодно сочинять про изборскую ересь, но достаточно перечитать нашу с Мультатули статью «Другой Царь и другой Сталин» (Завтра 2008 №№ 41-42), и будет ясно, что автор сих строк стоит на тех же позициях, что и 5 лет назад, а вот Петр Валентинович проделал немалую эволюцию¹.

В той статье мы искренне писали: *«В отличие от пришедшей к власти радикальной секты, ненавидевшей и презиравшей Россию, Сталин себя от страны не отделил. Он был плоть от плоти послереволюционной России, хотя и впавшей в грех богоотступничества, но в душе не утратившей веры в Высший Промысл. Сталин не предал Россию, не отдал на съедение троцкистам,*

1. См. данную статью в настоящем издании.

не проиграл ее нацистам и не продал либеральному Западу. Нам нужен не самоповтор «красного проекта», а новое открытие собственной цивилизации как исторического синтеза, выстраивания преемственности с тысячелетней Россией. (...) В такой оптике Николай II и Сталин не только совместимы, они представляют собой два лика России, восстановление, несмотря на революционный разрыв, социальной ткани Отечества. Их союз в надисторическом измерении есть не смешение ценностей, а утверждение, что России – быть».

Другой пример – более раннее, чем статья Мультатули, выступление в Екатеринбурге его шефа, директора Российского института стратегических исследований Л.П.Решетникова, человека заслуженного и хорошо известного в патриотических кругах. Выступление Леонида Петровича, которое отчасти также являлось реакцией на высказывания Проханова, было напечатано в «Православной газете Екатеринбургской епархии» (№№ 44, 45 за 2012 год). Это выступление, на мой взгляд, на 90 процентов верное и точное. Но что-то как будто происходит с автором, когда он заводит речь об идее красно-белого синтеза. Не считая возможным искать какую-либо принципиальную разницу между подходами Ленина, Троцкого и Сталина, Решетников и нас предупреждает против такого поиска, а также против опасной тенденции совмещать «дьявольское с божественным». Весь большевизм и соответственно весь советский проект от начала до конца объявляется монолитным безбожием, нравственным падением и даже чем-то инфернальным: *«Достоевский одним коротким, но очень точным словом охарактеризовал сущность этих людей – бесы. Именно бесовщина была питательной средой пресловутой большевистской «нравственности», позволявшей уничтожать людей сотнями тысяч».*

Возражая Решетникову, необходимо отметить, что символика «бесов» у Достоевского, несомненно, нелинейна. Сам он дал ключ к прочтению этого образа в одном

из эпитафий к роману, взяв стихи Евангелия от Луки (VIII, 32-36), в которых говорится, что бесноватый освобожден Христом от мучивших его демонов и сел у ног Спасителя, «одетый и в здравом уме». Затем, в финале романа Степан Трофимович Верховенский, ссылаясь на ту же цитату, в предсмертном бреде говорит о бесах, оставляющих Россию. К сожалению, и у Решетникова, и у Мультатули бред умирающего Верховенского про заговорщиков из романа распространяется не только на революционеров-террористов, но и вообще на все советское. Лейтмотивом проходит этот сильный (слишком сильный!) аргумент, в подоплеке которого лежит отождествление человеческого и демонического. *«Православный человек не может быть ни «сталинистом», ни «совпатриотом», – пишет один из них. – Невозможно одновременно почитать святых мучеников и их мучителей, нельзя славить и Бога, и дьявола. Это равносильно отречению от Христа».* Другой же, имея в виду КПРФ, как будто вторит: *«Сотрудничать с наследниками одного из самых кровавых режимов в мировой истории – означает предать эту священную память. Никакими сиюминутными политическими выгодами, никакими политическими соображениями нельзя оправдать союз с дьяволом».*

Однако даже человек одержимый бесами все-таки человек, а не дьявол. И как раз к человеческой сущности советского проекта наши критики остаются слепы. И это очень странно. Другая странность этой позиции – какая-то безоглядная идеализация России до большевиков. Причем сами обличители советского периода, будучи образованными историками, прекрасно знают и даже пишут в своих работах о глубоком духовном упадке правящей элиты России в начале XX в., упадке и во власти, и в Церкви, и тем паче в интеллигенции.

Здесь остается только добавить, что это отречение от традиции идет из более давних времен, и восходит оно по меньшей мере к XVIII веку с его бытовым и эстетическим западничеством, духовным экспериментаторством российских масонов и спиритуалистов, полным отчуждением

от почвы, включая и сам русский язык, ставший для многих дворян чужим. Политически эта тенденция выразилась в декабристском заговоре (здесь мы подхватываем мячик, отправленный в нашу сторону А. Яновым) а затем в нигилизме середины XIX века. Революционный проект в его разрушительных чертах родился не в 1917 году, и даже не во времена Достоевского – он вызревал в течение веков и во второй половине XIX века им была инфицирована значительная часть как высшей прослойки Российской империи, так и его средних слоев. Зараза эта не имела четкого классового характера, а повредила душу и разум миллионов людей из всех сословий, в том числе смутителей народа в низах общества, проповедников бунта и красного петуха, и носителей сладострастия разрушения, этой, по выражению Максимилиана Волошина, «религиозной истории», завернутой в упаковку идейности.

Все это лишний раз указывает на неразрывность истории, внутреннюю связь дореволюционной России с Россией советской. При том что времена революции просматривались в пророчествах за 100 лет до нее – так Жозеф Де Местр предрек нашей стране Пугачева с университетским образованием. И не в XX веке Пушкин написал Чаадаеву прекраснородное пророчество про «обломки самовластия», а Лермонтов свое мрачное пророчество про «России черный год». Сама же inferнальность большевизма, которой некоторые пытаются замазать сложный вопрос об отношении современной РФ к советскому наследию, имела не менее inferнальных прародителей не только за границей, но и в петербургской империи.

О государственном прахе

Православный дух – дух синтеза. Именно он позволил старой Московской Руси окрестить орду, вовлечь в свою орбиту иноверцев. А если кого не удавалось окрестить, русский православный дух располагал принять, обнять их державной энергией. В этом смысле православный чело-

век может быть и «сталинистом» – конечно, не в расхожем, а в специфическом прочтении термина. Тем более что сталинизм в 50-е годы XX века, и сталинизм начала XXI века различаются кардинально. Православные сегодня в массовом порядке становятся «сталинистами» не в смысле исключительной ориентации на Сталина, а в том смысле, что история научила их ценить поправное и отверженное современностью наследие, отличать в этом наследии зерна от плевел. Верующие люди не ставят Сталина вровень с христианскими святыми – в нем видят подобие новозаветного Савла, обратившегося в Павла. Сталин и впрямь выступил как Савл русской истории XX века, преобразившийся в апостола распятой и воскресшей России.

Образ примирения Царя-Мученика и генералиссимуса Сталина, насколько мне известно, впервые прозвучал в книгах протоиерея Димитрия Дудко, священника, который для многих православных служит камертоном в духовном понимании политической жизни. В работе «Посмертные встречи со Сталиным» он изображает встречу царя и диктатора: Сталин, разглядев, кто перед ним, бухнулся в ноги государю. А Николай II в разговоре с советским вождем признает: «Сталин старался сохранить страну как империю».

В отличие от новейших экзорцистов коммунистического беса отец Димитрий еще в 70-е годы был жесточайшим обличителем неправд советского режима, и страдал за это. (К слову, свой лагерный срок в 1948 году он получил не за что-нибудь, а за обличительное стихотворение о Сталине.) Но он же первым в 90-е годы пришел к пониманию, что в новой исторической ситуации коммунисты уже не наследники палачей и гонителей, но сами стали гонимыми. Поэтому отец Димитрий повернулся лицом к коммунистам, а не к дорвавшимся до власти антикоммунистам, под прикрытием отрицания советского строя обделяющим свои темные дела. Кто-то может усомниться в трезвости отца Димитрия – но всякий, близко его знавший (к которым относится и автор статьи), подтвердит, что он сохранял кристальную ясность сознания и глубину духовного зрения до конца своих дней. Вот что он

говорил: *«Я так думаю: коммунисты были наши враги. Но как в Писании сказано: «Любите врагов ваших, благословляйте, а не покарайте гонящих вас, благотворите ненавидящих вас». Это о коммунистах. А что сегодня: как уже сказал – более всего соблазняют. Уже не гонят, не ненавидят, а именно – соблазняют. Сказано: «...А такому человеку лучше не родиться на свет». Соблазнители ещё хуже. Но я не унываю, не сомневаюсь, мы все переживем, потому что природа россиян тесно связана с православной традицией (даже те, кто был коммунистом, таил в себе Христа). Многие мои прихожане в разное время говорили: да, работа была связана с коммунизмом, но в душе жило христианство. Вот что важно-то!»* (Литературная Россия 22.02.2002)

На этой цитате можно было бы и остановить полемику с новыми ревнителями, поскольку слова отца Димитрия, много потерпевшего от советской власти, весят гораздо больше их запоздалых анафем.

Однако, обращает на себя внимание и целое течение, которое не без косвенной помощи Изборского клуба вышло на поверхность в последние месяцы – это течение объединилось вокруг темы скорейшего выноса из мавзолея тела Ленина и предания его земле. Тема периодически возобновляющаяся уже в течение 20 с лишним лет. На этот раз участники круглого стола в Госдуме, организованного под покровительством Жириновского в конце марта, детально обсудили перспективы аналога Нюрнбергского процесса над коммунистическим режимом. Юрий Бондаренко из общества «Возвращение» призвал в пикну Изборскому создать Московский клуб – для объединения людей вокруг темы возвращения исторических названий. Другой активист этого направления доктор исторических наук Владимир Лавров предложил принять закон о преступлениях советского режима. Он же в одном из более поздних выступлений повторил тезис Решетникова и Мультатули, но уже в адрес Изборского клуба – *«это одержимые люди, одержимые темными силами. Силами, стремящимися сбить страну с пути духовно-нравственного возрожде-*

ния, запутать всех и втравить в авантюру. (...) И если власть окажется под их контролем, то нового ГУЛАГа не избежать».

Наверное, таким из наших коллег по клубу как Наталия Нарочницкая и архимандрит Тихон (Шевкунов) было бы весьма любопытно узнать, что их причисляют к провозвестникам нового ГУЛАГа. Впрочем, горячие нападки Лаврова объясняются еще и субъективной причиной – его столкновением с Сергеем Черняховским в прямом радиоэфире, в результате чего Лавров попал в клинику с травмой носа. (Черняховский, надо сказать, принадлежит внутри Изборского клуба к крылу крайне левых, коммунистов-ортодоксов – по его убеждению, рефреном проходящие через выступления Лаврова слова об осквернении Красной площади мавзолеем оскорбили миллионы людей.)

В том же марте 2013 года было опубликовано открытое письмо «круглого стола» Русского дворянского собрания Путину, Медведеву, Патриарху Кириллу, лидерам парламентских партий и политической оппозиции, – в нем от имени русской эмиграции заявлено, что просьбы президента РФ об участии соотечественников в развитии экономики нашей родины не будут выполнены без вынесения Ленина из Мавзолея. Наконец, в эту же, по всей видимости, согласованную кампанию вписывается и недавнее заявление представителей Дома Романовых на ту же тему.

Что можно ответить на эти призывы по существу? Известно широко распространенное мистическое настроение, которое, наверное, в самой короткой форме передано в иронических строках известного рок-поэта:

*Пока не зарыт государственный прах,
Эта баржа вряд ли покинет мель...*

Верна или не верна мистическая интуиция о судьбоносности того момента, когда не станет мавзолея на Красной площади, очевидно, что с 1924 года наша страна

жила сложной жизнью, переживала и взлеты, и падения. «Баржа», мягко говоря, не стояла на мели. Среди членов Изборского клуба нет никого, кто отрицал бы исторически достоверные факты преступлений и репрессий. Изборцы, пожалуй, лучше многих других видят недостатки СССР – по той простой причине, что хорошо знают сам предмет, изучают его, с любовью, с требовательностью, с критическим подходом. В частных беседах между собой у членов клуба звучат такие факты и подробности про язвы и слабости советского проекта, которые и не снились «коллективному Сванидзе» с его набором штампов 25-летней давности и «советологической» пробы. Но мы видим и великую силу и правду этого исторического проекта, его связь с ходом становления всей Русской цивилизации.

В нашем понимании советский строй прошел огромный путь, и за 70 лет в нем сменили друг друга несколько поколений политиков, воинственных идеологов, создателей и творцов, хранителей и реставраторов. Это был богатый мир, целый космос, в котором находилось место и всем нынешним представителям зрелого поколения, включая тех, кто призывает «проклясть и забыть» это 70-летие.

Среди членов Изборского клуба к Ленину отношение разное. Во всяком случае, в Ульяновске в декабре прошлого года тост за Ленина пить не стали. Решение проблемы мавзолея и его нахождения в символическом центре страны, на мой взгляд, станет возможным только на пути гармонизации и взаимопонимания советских патриотов и традиционалистов-консерваторов. То есть на пути того самого синтеза, о котором мы радуем. Решение этой проблемы невозможно на волне новой декоммунизации и десоветизации, новой перестройки и оголтелой пропаганды. А если бы такое стало возможно, то это вновь, как и 20 с лишним лет назад, означало бы самоуничтожение и самоотрицание нашей цивилизации. (К сожалению, некоторые представители эмиграции не понимают, не чувствуют всего этого, в силу, быть может, своей многолетней оторванности от России.)

Кстати говоря, в Ульяновске мы услышали в ходе обсуждения синтеза красной и белой традиций государственности свежее предложение – перенести мавзолей на родину большевистского вождя, в создаваемый там на базе Музея Ленина «Музей СССР».

Советское наследие стало камнем преткновения

Сегодня советский период истории оплеван больше чем любой иной. Искажения советской истории местами не менее вопиющи чем искажения истории царствования Иоанна Грозного или Николая II. Но если с нашими государями «справиться» легче, то осуществить еще одну десталинизацию страны гораздо труднее. Миллионы людей, которые помнят свое недавнее прошлое, не дают манипулировать ими так легко, как это получается у историков-пропагандистов в отношении отдаленной старины.

Самое же важное заключается в том, что на пути выработки общенациональной идеологии нового образца вопрос о советском наследии становится камнем преткновения. Принимать это наследие или отказываться от него – ожесточенный спор, который разделил многих. Среди причин этого ожесточения есть и личные обиды многих людей, которые представляют себя не реализовавшимися в прежней советской жизни, а также семейные обиды, неготовность простить за репрессированных родственников. Все это достаточно очевидно.

Однако, главной причиной, на мой взгляд, является то, что **советское наследие было приватизировано**, и послужило материальной базой для крупного капитала. С точки зрения принципов нового порядка, должна быть вытравлена память о том, каким трудом, какими и чьими усилиями создано все то богатство, растрачиванием которого живет нынешний правящий слой. При этом духовная составляющая советского наследия, которая де факто продолжает питать все здоровые слои общества через преемственность в литературе, искусстве, бытовом укла-

де, в легендах, афоризмах, даже анекдотах, принимается по умолчанию, как нечто само собой разумеющееся и незначимое в том, что касается его «советского» происхождения.

Некоторые критики, как, например, Игорь Чубайс недоумевают, как можно говорить о советском консерватизме. Однако, в конечном счете, если какой-то весомый консерватизм, имеющий опору в реальных людях и структурах, и возможен в нашей ситуации, так это преимущественно консерватизм советский. Современная Россия и бывшие республики СССР в значительной мере живут **внутри советского наследия**. Это неустранимый и действенный фактор жизни. СССР реально и зримо присутствует в сохранившейся индустрии, инфраструктуре, во всем ландшафте исторического и технологического пространства, наконец, в ключевых кадрах производства, науки, образования, которые продолжают передавать свой бесценный опыт молодому поколению. СССР, даже после своего распада, продолжает культурно связывать те народы, которые были объединены общей исторической судьбой в XX веке и ранее, он накладывает свои скрепы через живую память людей, а не через слишком древние и от того более абстрактные дореволюционные связи и традиции.

Сегодня призывы о покаянии русского народа за коммунизм должны быть отвергнуты и повернуты в иную сторону. Необходимо призвать бывших и актуальных «антисоветчиков» к метанойе, перемене ума, исправлению вывихнутых мозгов – ведь их злобные нападки на целый исторический период строятся лишь на выпячивании преступлений, репрессий, гонений, безбожия и т.д. Однако непонятно, на чем зиждется их желание вычеркнуть советский период из славной истории державы. Ведь немалые несправедливости можно без труда отыскать и в дореволюционной России (к примеру, царствование Петра I по жестокости мер и неразборчивости в средствах явно идет впереди эпохи Сталина; вообще XVIII век с его неорганичным крепостничеством и отрывом дворянства

не только от простонародья, но и от национальной традиции, может соперничать с XX веком).

Один из крайних и во многом справедливых аргументов критиков советского строя – о жестком атеизме и воинствующем безбожии этой эпохи. Однако правильно ли поставлен перед обществом этот вопрос? Оставляя за скоб-

ками проблему «малого воцерковления» страны в 40-е годы, процесс которого в 50-е годы был приостановлен а после ухода Сталина вообще перечеркнут, примем для удобства рассмотрения за аксиому, что это были 70 лет безбожия. Даже при такой постановке вопроса в нашем понимании вопрос должен стоять не о закреплении и не о фиксации памяти об атеизме и гонениях на верующих. Сущностный вопрос в другом: что помешало нам как народу, как государству, сохранив потенциал и лучшие завоевания советского проекта, окрестить и воцерковить его? И почему в годы перестройки, в том числе и во имя борьбы с безбожием, мы утратили этот потенциал? Не получается ли, что в данном случае Церковь, которая получила «свободу», была использована внешним врагом для ослабления страны и народа? Иными словами, православие использовали для ослабления в конечном счете самого же православия – ведь растерянный, заклеванный и вымирающий народ не явит сильной веры.

Что помешало нам как народу, как государству, сохранив потенциал и лучшие завоевания советского проекта, окрестить его? И почему в годы перестройки, в том числе и во имя борьбы с безбожием, мы утратили этот потенциал? Не получается ли, что православие использовали для ослабления в конечном счете самого же православия – ведь растерянный, заклеванный и вымирающий народ не явит сильной веры.

Многие наши либеральные критики гнезда Суркова и в адрес советского строя, и в адрес старой дореволюционной России часто бросали упрек в избыточности жертв, обилии крови, насилия и надрыва в русской истории. И в их устах жертвы и сверхусилия обесценивали и как будто обесмысливали саму нашу историю. Однако, если жертвы были напрасны, тогда и сами наследники напрасно

живут на земле. Не извлекают уроков и не умеют хранить добро. Жертвы и усилия русского народа как до революции, так и в советский период – аргумент не против сохранения всего нашего драгоценного наследия, а за такое сохранение, бережное соби́рание. Народ переваривал в своем духовном котле все мерзости разрушителей и преступников истории, преобразуя яд в бальзам. Сверхусилия и подвиги порождали великую цивилизацию, огромную силу добра, а вовсе не империю зла и не инфернальную реальность. Это в полной мере относится к советскому периоду. Громадное сосредоточение добра и веры в будущее счастье советских детей трудно отрицать представителям нашего поколения, тем, кто в 70-е – 80-е годы рос в советских городах и селах, учился в советских школах, воспитывался на советских песнях и книжках, во многом вобравших дух классической и народной русской культуры. По-моему, людям, жившим тогда на родине, невозможно отрицать этот потенциал добра, если, конечно, мы говорим о людях нормальных, не с искаженным нравственным мерилом, не о ослепленных обидами и чувством мести.

Дискуссия о советском прошлом не должна вестись как бесконечное перетягивание каната между партией обличителей ГУЛАГа (а также: террора, классовой борьбы, ликвидации старой интеллигенции, крестьянства и духовенства и т.д.) и партией воспевателей мирного атома (а также Великой Победы, первого спутника и Гагарина, достижений советской науки, высокой планки советского образования и т.д.). Нужно уметь видеть все вместе, в объемной картине прошлого. История всегда такова – в ней не отыщешь золотого века.

И не стоит ли нам взять пример с китайцев, которые одновременно возрождают конфуцианство, даосизм, почитают своих древних императоров, но при этом не отказываются ни от красного диктатора Мао с его политическими перегибами, ни от его преемников? А, кроме того, китайцы внимательно изучают и опыт Запада, и опыт СССР, и другие страны. Изучают и негативный опыт (так, целый китайский институт исследует нашу «перестройку»

ку» – с целью не допустить у себя повторения подобного коллапса). Китайцы нанизывают будущее на настоящее, а настоящее на прошлое. Они не откидывают предыдущие ступени развития, не сжигают мосты, которыми их народ шел по своему пути к своему процветанию, пусть порою и с использованием для этого чужих учений и знаний.

Была ли «демоническая» составляющая в большевизме? Несомненно, была.

Был ли советский период продолжением великой истории великого народа? Несомненно, был.

Но главное в другом. Необходимо ясно видеть те принципы советского уклада, которые не просто желательно, а прямо-таки необходимо брать с собой в будущее. Назову лишь некоторые из них:

- связь прав граждан с их обязанностями перед обществом;
- военная служба как почетный долг;
- строительство реальной экономики, создающей новую физическую стоимость, осязаемое общественное благо как основу социального развития;
- организация инновационных прорывных направлений для решение стратегических задач а затем и в качестве локомотивов технологического развития всей страны;
- гарантии прав на образование, труд, жилище, охрану здоровья, отдых, пенсии, социальную поддержку за счет целенаправленного формирования общественных фондов потребления;
- обязательность в работе СМИ и массовой культуры преобразующего ментального результата, поднимающего, а не занижающего планку «нормы» общенародного сознания;
- ясный ответ на вопросы: кем трудиться, где трудиться, на кого трудиться, ради чего трудиться – связанный не только с индивидуальными желаниями и стремлениями человека, но и с общенациональной задачей размещения и совершенствования производительных сил.

Мы призываем путинский «термидор»

Главный вопрос эпохи – когда и каким путем произойдет переход от промежуточной компромиссной путинской формации к «Пятой империи», к новому имперскому проекту. Черты этого проекта уже описаны – в том числе в разных работах и выступлениях многих членов Изборского клуба. Одни при этом делают акцент на евразийском характере будущей империи. Другие – на динамическом консерватизме и русском православном традиционализме, который при этом создает комфортное пространство для мусульман, буддистов и других иноверующих. Третьи – на том, что в новой империи произойдет естественное возрождение тех сильных черт советского проекта, которые были отброшены и разрушены в 90-е годы (речь идет об отборе именно сильных свойств, доказавших свою оправданность, а не тотальном возврате в СССР). Четвертые постулируют инновационный характер будущей империи, ее глубокое проникновение в парадигму нового технологического уклада, без чего она не сможет выстоять в борьбе цивилизаций. Пятые указывают, что она укрепится в своем противопоставлении мировой верхушке, управляющим капиталистическим миром кланам с их механизмами виртуальных денег и специально придуманных экономических рычагов доминирования, с их оторванностью от реальной экономики, от производства благ. Есть и другие нюансы и оттенки того многоголосого мировоззрения, которое являет Изборский клуб.

Главный вопрос эпохи – сумеет ли государство выйти из компрадорской ловушки, из-под опеки оффшорной аристократии на столбовой путь национального развития или, под влиянием интересов этих групп, фактически являющихся филиалом мировой финансовой олигархии, Россия вновь опрокинется в Смуту.

Главный вопрос эпохи – сумеет ли государство выйти из компрадорской ловушки, из-под опеки оффшорной

аристократии на столбовой путь национального развития или, под влиянием интересов этих групп, фактически являющихся филиалом мировой финансовой олигархии, Россия вновь опрокинется в Смуту. И тогда под знаменами «Болотной площади», под знаменами мнимых «красных» и мнимых «белых», под обманными лозунгами свержения диктатуры, завоевания свободы, честных выборов, показной ненависти к коррупции, под лукавыми спекуляциями на экологии природной среды, защиты прав меньшинств и прочая и прочая – на смену не очень симпатичному путинскому режиму придет нечто гораздо худшее. Придет революция паразитов, лицемерно присваивающих право судить и обличать других так, как будто они новые жрецы новой церкви. Они уже и сегодня присвоили это право обличать «подлецов», «фарисеев» и «палачей». Однако совесть правозащитников, которые очень жалеют Ходорковского и очень не любят Лукашенко, очень сочувствуют извращенцам и очень не сочувствуют верующим христианам – это не совесть русского народа. У нас разные совести, разные церкви и разные боги.

В первую Смуту в XVII веке исходом ее стала реставрация прежней системы (Минин и Пожарский, Земский собор). Во вторую победила антисистема (Ленин и Троцкий, Коммунистический интернационал). Именно антисистемностью большевизма по отношению к России как цивилизации объясняется продолжительный террор большевиков – притеснения «бывших», искоренение духовенства, коллективизация с массовым уничтожением крестьянства. Но и сама антисистема, в соответствии с принципом смены волн, пожирает собственных детей и постепенно перерождается. Изнутри «малого народа» выявился диктатор, который год за годом изничтожил «ленинскую гвардию», и впервые осуществил, пусть еще не прочный, сплав «красного» и «белого», вернее модерна и традиции. Сделал он это ради жизнеспособности государства.

В третью Смуту антисистема вновь победила (семибанкирщина, всевластие олигархов, обокравших богатейшую страну, перевертышей, конвертировавших советскую

власть в постсоветскую «власте-собственность»). И сегодня, когда история приблизилась к новому «термидору», «термидорианскому перерождению» (так «малый народ» называет начало своего конца, предел своему разгулу), они пытаются взять окончательный реванш. Потому что в противном случае им не удержаться.

Изборский клуб придает форму тому глубинному сопротивлению Большого Народа, народного духа, которое, казалось бы, уже иссякло. Мы не охранители режима, сложившегося в 90-е ельцинские годы на костях миллионов преждевременно умерших и на трупиках миллионов не рожденных детей.

Но мы выступаем за прекращение политической оргии. И мы видим приближающийся термидор Путина и будем поддерживать его, если, конечно, Путин сумеет пересилить внутренние сомнения и внешние влияния и дозреет до этой исторической задачи.

Главный вектор политического момента – решительный поворот к прорывному развитию, к Большому рывку, чему Изборский клуб посвятил первый свой доклад. Для этого необходима мобилизация и солидарность Большого Народа, национального большинства. Если кто-то не вписывается в эту солидарность, будь он сверхбогатый собственник или свободный художник – он не вправе рассчитывать на политическое влияние и приоритетную защиту его интересов. Богатство и талант обязывают. «Кому много дано, с того много и спросится».

Для расстановки точек над *i*, для того чтобы «термидорианская» смена курса стала необратимой, остается не так уж и много: нужно положить предел растаскиванию патриотов на правый и левый фрагменты – нужен единый патриотический фронт. Цели такого объединения станут консолидаторами народа. Так начнется новый глубокий синтез советского модерна и русского традиционализма. Так потерянное лицо России начнет вновь проявляться и проступать сквозь рассеивающийся туман Смутного времени.

СТОЛКНОВЕНИЕ МИССИЙ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)¹

Известный лозунг «Россия для русских», который был официальным лозунгом российской империи в эпоху Александра III, в наше время намеренно толкуют в превратном смысле. Если бы толкование этого лозунга как тупоголового кредо «погромщиков», лиц, пытающихся исключить из Империи всех чужаков, было верным, – то царствование предпоследнего Императора было бы не таким, каким оно было на деле. А было это очень тихое и стабильное время, «тихая заводь», по выражению О. Манделъштама. Такая стабильность, классовый и межнациональный мир покоился именно на основании «русского порядка» и православного представления об идеальном государстве: «да тихое и безмолвное житие поживем во правоверии, и во всяком благочестии и чистоте».

Надолго отрезать русских от своего великого цивилизационного стиля, от перспективы большого проекта может желать только крайне недалёковидный и близорукий общественный деятель. Нужно быть очень невнимательным, ненаблюдательным и неблагородным человеком, чтобы, живя в России всю свою сознательную жизнь, **допускать мысль** о том, что русские лишены миссии, превышающей стандартные цели и конституции обычных, средних «национальных государств». Не любя Россию, не ценя ее своеобразия, нужно все-таки различать, где нелюбимое, нежелательное, а где несуществующее. Антирусское, антинационалистическое крыло современной российской элиты отличает тем, что выдает в России нежелаемое за недействительное. Однако, **нежелаемое ими вполне действительно** и оно уже заявляет о себе.

1. Статья в различных редакциях была напечатана в 2004 году в альманахе «Волшебная гора» и в 2005 году в журнале «Русский предприниматель».

«Россия для русских» – это не лозунг изоляционистов, ксенофобов и вытеснителей всего нерусского, хотя им и могут прикрываться «придурки и провокаторы», цепляясь за его буквальный смысл. «Россия для русских» – это определенная имперская и историческая норма. Сущность этой нормы и ее логика заключены в том, что коренному государствообразующему племени, главному носителю и проводнику русского цивилизационного начала никто не должен препятствовать внутри самой России. Никто внутри России не должен сметь мешать нам осмысливать, выражать, трансформировать, вновь формулировать и отстаивать уже во внешних пределах державы нашу национально-культурную, духовную и цивилизационную миссию.

Россия как цивилизационный организм развивалась всегда в имперской форме, то есть в готовности к столкновению с любыми другими мировыми миссиями и замыслами. В худшем случае, как сейчас, Россия существует в качестве империи, свернувшейся в свою возможность. Россия перестала бы быть империей с потенциалом «миродержавия» только тогда, когда она перестала бы быть.

Национальная идея в массах может выступить и как дурная идея. Но космополитизм в массах – идея с самого начала безобразная. Массового космополитизма можно пожелать только человеческому стаду, иванам, не помнящим родства, более того, уже лишенным родства. Если интеллигенты, эти «среднячки» образованных сословий, могут быть пошлыми, это понятно и порою естественно, ибо интеллигенция есть плод унификации через всеобщую стандартизацию культуры и образования. Но народ, племя в его целом не может и не должен быть пошлым. Глыба не может быть пошлой в силу своей дикости, необработанности. Народ несет в себе определенное варварство, но с возможностью гения в себе. Это глыба, к которой не подступился еще художник.

Космополитическая же масса (законченная в себе «нация») уже обработана бездарным скульптуром, это испорченный материал. Ни произведения не получилось, но и дикости уже нет.

Догадки Розанова о противостоянии цивилизаций

Розанов был мастер раскрытия больших философских тем в работах малого жанра. В своем очерке «1812-14 годы и их возможное идейное значение» (Новое время, 4 сентября 1912 г.) он дал глубокое понимание цивилизационного противостояния миров России и Запада. За два года до развязывания первой мировой войны Розанов впервые четко описал это противостояние не как технологическое или военное (таковым в чистом виде оно никогда не являлось), но как духовную проблему.

Сама по себе проблематика войны Запада и Востока широко обсуждалась в русской и европейской мысли. Но именно Розанову принадлежит попытка прямого отождествления разных измерений противоборства: по существу двуединства противоборств духовного и волевого (силового), или, переводя на язык древней философии, номотического и физического. Внешнеполитическая канва противостояния (Н. Данилевский), его культурно-историческая канва (К. Леонтьев), наконец, попытка интерпретировать его как задачу конвергенции цивилизаций (П. Чаадаев и В. Соловьев) – вся эта длительная «диатриба» русских мыслителей у Розанова переплетается и получает свое новое выяснение и разрешение.

Россия не увидела и не могла увидеть в побежденном Западе того «историзма», который отвечал бы ее размаху. Вместо насущного пути от атомов к человеку и далее к космосу русские заразились совершенно не нужным нам нигилизмом, духовным вирусом разложения космоса и атомизации самого человека, – заразились этим вирусом от побежденных носителей вовсе не высшей, а просто-напросто старейшей культуры (поэтому Розанов сравнивает Европу с Персией Дария, а Россию с Элладой Александра): *«Случилось то, что позднее случилось с Эллинами при Александре Македонском: победитель заразился от побежденного началами его духа и цивилизации. Маль-*

чик бросился жадно и любопытно на старческие сладости и пороки, на старческую мудрость, на старческую расслабленность и изнеженность».

В очерке Розанова дается своего рода упование на начинающийся XX век: выражается надежда, что люди нового века вернуться к углубленному взгляду на окружающий мир, прекратят одностороннее разложение на элементы всего наличного бытия, включая естество самого человека, но осуществят новое «очеловечивание» природы: *«Началом переворота было бы представление физико-химического мира под веяниями антропоморфизма, прозрение, что везде в природе уже предносится человек, что до известной степени природа пропахла человеком раньше, чем он родился».*

Карл Шмитт в попытке угадать «новый номос»

Именно в указанном и завещанном Розановым направлении – поворота обратно к человеку – развивалась философия Карла Шмитта, стремящегося воспринимать мир как целое. Шмитт в своей блестящей работе «Новый номос земли», написанной на полвека позже очерка Розанова и соответственно учитывающей реалии мировых войн а также опыт нарождающейся геополитической науки, перекликается с Розановым в том, что новейшая история идет по пути поиска и нахождения новых сценариев, в которых воплощались бы старые модели мировой гармонии и мирового порядка. Любопытно, что одним из исконных значений греческого «номос» («закон» и «жительство» – по греч. этимологии) был и музыкальный «лад». Шмитт обрисовал несколько возможных сценариев становления нового номоса планеты, которые можно проинтерпретировать как поиск межличностного равновесия, баланса лиц истории, ее антропоморфных сущностей. Мысль Шмитта о мерах и пропорциях в «новом номосе земли» поэтому напоминает «покой творения» у Хайдеггера – покой как результат противоборства «мира»

и «земли».

Обладающий опытом **трех** мировых войн (ведь наполеоновские войны для своей эпохи были поистине мировыми), Шмитт невольно описал Россию как ловушку для западного демона Земли (демона Суши). Этим демоном был одержим сначала Наполеон, затем страны «тройственного союза», а затем – фашистского ядра Европы. Запад раздваивался на враждующие начала, которые была призвана мирить и умирять друг в друге великая восточная цивилизация – Россия, сама все больше проникающаяся смыслом и заботой этих западных споров, но по внутренней своей природе не способная слиться с этими спорами и заботами, отождествиться с ними. Россия выступила как экзорцист Запада, силой изгоняющий из него революционных демонов («Россия – жандарм Европы»), а также демонов с идеей мирового господства, этих «предтеч Антихриста» (Россия – инициатор «Священного союза», основной участник Антанты и антигитлеровской коалиции).

Драма русской истории, которой не касается Шмитт, но которой всецело увлечен Розанов, – это раздвоенность между чужими вопросами и собственной, заложенной в естестве России, закваской, которая еще не взошла, но подспудно действует в русской жизни и направляет ее настоящий рост и ее собственную судьбу. Россия и сама не вполне сознавала, какая существенная, ключевая роль в истории Нового времени ей отведена свыше.

Неравная борьба

Шмитт и Розанов по-разному оценивают смысл наполеоновских войн. Для Шмитта большое значение имела надежда Гете, *«что благодаря власти и мудрости Наполеона Англия будет побеждена и твердая суша опять вступит во все свои права»*. Получается, что западный демон Вод всегда извлекал выгоду из мощи Востока до тех пор, пока весь мир не оказался разделенным на две

половины. Для Розанова понятно, что Россия, вовлеченная во внутриевропейский кризис и европейскую жажду переопределения «номоса», несет в себе залог совсем другого переопределения и потому идет по Европе и по западной душе, как бы скользя, не открывая ей свою заветную мысль, оставаясь «вещью в себе». *«Русские духа не принимают, – писал Розанов в статье «Возле русской идеи». – Чужие, соединяясь с нами, принимают именно дух. Хотя на словах мы и увлекаемся будто бы “идейным миром” Европы... Это только так кажется».*

Шмитт как германец смотрит на ситуацию XX века глазами европоцентриста, несмотря на то что на словах он называет войну 1914-1918 годов концом европоцентризма. У духа мирового господства (по-шмиттовски «номос» восходит к «захватывать», «делить» – а по-розановски это немецкое *grafen* и *haben*, «грабить», «хапать») нет конца, этот демон обязательно вселяется в кого-нибудь еще.

В сущности, борьба за сушу и море закончилась, и вместе с началом новой эры – покорения воздуха а затем и открытого космоса – это уже борьба не за море, не за сушу, даже не за небо, а за **жизненное пространство** вообще. Но бороться за пространство, находя в этом предельный смысл своего номогенеза, может лишь саморазложившаяся, самораздвоенная цивилизация. Различные же миры, традиции-цивилизации обречены на борьбу не столько за пространство, сколько за господство над чем-то более важным: над временем и историей.

В этой последней борьбе Россия представлялась всегда более отсталой, более неподготовленной, чтобы давать зрелые ответы на вызовы действительности. Главная проблема России, с точки зрения Розанова, это запаздывание в осмыслении своей самостоятельной мировой роли. Само это запаздывание естественно для более молодой цивилизации. По существу Россия запаздывала с этим и в эпоху византизма, и в эпоху после крушения Константинополя, и в эпоху Петра, и в XIX веке. Мальчик боролся со стариком, ученик – с мастером.

Однако, как показал Розанов, в XIX – начале XX вв. рус-

ские не просто не созревали до современного и адекватного провозглашения своей цивилизационной и духовной сверхзадачи, но под давлением западных идей страдали атрофией духовного автогенеза. Переходя на язык виталистов, суть номогенеза состоит в том, что самое главное, самое существенное для органической цивилизации, для живой культурной традиции – это не воздействия внешней среды (фактор хорогенеза), но фактор внутренний, вложенный в саму природу организма. Атрофия этого самого автогенеза была причиной глубочайшего русского кризиса (Смутного времени) во время первой мировой войны.

Номогенез земли не представляет собой чего-то законченного, пока он является суммой номогенезов особых и своеобразных цивилизаций, в многоголосии которых и состоит суть истории человечества. Пока история продолжается, внутри «номоса земли» будут возрождаться новые центры силы, пульсировать новыми артериями жизни. Земля будет вкачивать в древние жилы традиций и в натруженные вены цивилизаций обновленную горячую кровь.

Но что за кровь струится в традициях, в цивилизациях, что за огонь заставляет их восставать из руин в новых невиданных и чудных комбинациях? Это огонь крови человечества – его миссий, заданностей, целеполаганий, стремлений к скачку в будущее.

Какова миссия России?

Проявившаяся в истории **невольная миссия** России – снимать западноевропейские (начиная с папских), а если присмотреться, то и восточноазиатские (монголы, османы) претензии на мировое господство – связано таинственно с замыслом Божиим обо всей мировой истории. Не то чтобы некто нарочно восстанавливает равновесие сил на земле, но земля как целое стремится избежать гомогенности, обмануть энтропийную тягу к монополизации мира.

Получается, что «миродержавие» (термин Н. Данилевского) заключено вовсе не в господстве над всеми племенами и народами, а в **сдерживании тех, кто жаждет такого господства**. Это миссия хотя и «негативная», «отражающая», но по своему архетипу самая высокая (миссия Хранителя гармонии, Спасителя мирового лада). И это служение Стража мира до сих пор было миссией России.

В то же время во всякой миссии есть и положительное измерение, «символ веры», содержательное качество, которое несут миссионеры всему миру. Однако парадоксальным образом, именно единственность миссии, единственность истины (или, по русскому выражению, Правды) сама дает питательную среду для своей же собственной альтернативы. Действие производит противодействие – даже распространяемое благовестие апостолов вызывает в ответ усиленную подпольную работу «тайны беззакония», даже Христос порождает не только Церковь, но и свою тень, дробящуюся в «лжепророках» и символически интегрированную в фигуре Антихриста.

Русское «миродержавие» (термин Н.Я. Данилевского) противоположно идее глобализма. Мы не «покрываем» собою мир, а примираем в себе культуры и миры.

Так и на уровне геополитики усиление одного из полюсов вызывает противодействие в других точках ойкумены. В работе «Новый номос земли» Шмитт набросал три сценария будущего: называя их современными терминами, это, во-первых, тотальный глобализм, во-вторых, альтерглобализм при доминировании атлантистских сил, наконец, многополярный номос земли (о котором громко заговорили «на Востоке» в эпоху Ельцина и при живом еще Дэн Сяопине): «Первой и по-видимости самой простой возможностью, – говорит Шмитт, – было бы то, что один из обоих партнеров сегодняшней всемирной противоположности победит другого. Современный дуализм Востока и Запада был бы тогда только последней стадией перехода к окончательному, закрытому единству мира. (...) Вторая возможность состояла бы

в том, что делается попытка удержать структуру равновесия прежнего номоса... Это означало бы, что известное из истории морское владычество Англии усилилось бы до соединения морского и воздушного господства. Здесь, правда, следует говорить не о маленькой островной Англии, а нужно учитывать только Соединенные Штаты Америки. Они являются, так сказать, самым большим островом... Третья возможность основана также на идее равновесия. Но не того равновесия, которое держится и контролируется комбинацией глобального морского и воздушного господства, осуществляющей мировую гегемонию. Может быть так, что образуются многие самостоятельные большие пространства или блоки, которые осуществят между собой равновесие и тем самым установят новый порядок Земли».

Уже самим своим существованием – путь даже пассивным и даже отчасти попустительским по отношению к нынешней первенствующей атлантистской империи – Россия сдерживает ее триумфальное шествие по миру. Представим себе на миг, что России нет или отсутствует хотя бы ее термоядерный потенциал – мы получим совсем другую картину мира, совсем другой «номос земли», мы получим апокалиптическую гомогенность, растворение всякого сопротивления и всякого своеобразия человеческих качеств в мире одинаковой количественной кислотности под полным диктатом Новой Великой Блудницы и Последнего Зверя.

Поэтому Россия была и остается мировой державой просто по факту своего существования. И это нужно рассматривать не как повод для какого-то самоуспокоения, но как стартовую площадку для скорейшего включения все новых и новых кругов нашего общества в перспективные проекты, которые определяют будущее. Если в фазисе СССР Россия взяла на себя роль второго (восточного) полюса мира, то сейчас она должна занять место лидера нового многополярного номоса земли (третий сценарий Шмитта). Очевидно, что сегодня

вырисовываются как минимум пять демонстрирующих мощную динамику «трехмерных» (вода – суша – воздух) цивилизаций, которые в разных соотношениях реализуют принцип автаркийного пространства (то есть такого пространства, которое в случае необходимости может полностью замкнуться в себе и обойтись внутренними ресурсами и возможностями). Совершенно неизбежно и уже отчасти происходит столкновение этих миров, которые демонстрируют последнее время мощную динамику (подавление атлантическим миром наиболее агрессивных очагов мира исламского, небывалый рост Китая а вместе с ним пояса «третьего мира» и т.д.). Не стоим ли мы на пороге формирования пятиглавого номоса земли? Не угадывается ли в этой многоглавости мирового порядка мотивов из «Откровения» Иоанна Богослова? (Бросим эту кость экзегетам и герменевтам, а сами последуем дальше.)

Идея автаркии не является какой-то ересью и отсталостью по сравнению с идеей глобализации – две эти идеи суть инструменты в умелых руках, не более чем инструменты. Но если кто-то (как наши нынешние глобализаторы или, с другой стороны, сторонники узконационалистической линии) превращает эти инструменты в идолов, на которые молится и которым вынуждает приносить человеческие жертвы, то подобных идолопоклонников следует гнать в шею из политической и культурной элиты. Наши доморожденные евроатлантисты и наши националистические изоляционисты, проповедующие новую «Московскую Русь» в пределах государства Ивана Грозного до взятия Казани – это две головы одного и того же змея, цель которого – заглушить ростки реставрации державы.

Энтелехия или наша мечта о самих себе

Предложенная в моей книге «Природа русской экспансии» концепция динамического консерватизма одним из аспектов своих предполагает осмысление России

как единого комплекса традиции-цивилизации. В данном случае эту диаду дополняет третья составляющая. Традиции (корням) и цивилизации (энергетически-силовой оболочке, живому телу исторической общности) соответствует еще третий, наименее уловимый элемент: **энтелехия** «культурно-исторического мира». Этот элемент может быть осмыслен как национально-государственная **миссия**, как задание большого **стиля** цивилизации или ее великого **проекта**. Но в сущности он является чем-то вроде «живого воображения», способности к фантазии и мечте, которая усваивается не только индивидууму, но и общине. **Мечта**, которую прочерчивает в будущее каждый самостоятельный мир (она же его миссия) – это в конечном счете и есть то, что коренным образом отличает мир самостоятельный от мира вторичного и онтологически зависимого от других миров.

У разных цивилизаций разные мечты, разные виды на будущее мироустройства. И при общем «номосе земли» это означает, что наш долг – придти в гармонию между собой, а не игнорировать друг друга. В конце концов, в свете пределов жизни и смерти, обмануть историю и самих себя невозможно. Миссия может тихо дремать в цивилизационном мире, она может не декларироваться, поскольку первоприсуща самой душе народа-целеполагателя, народа, беременного мировой задачей. Нередко острое чувство своей миссии народ начинает испытывать под воздействием извне, под угрозой для своей идентичности.

Номогенез проистекает из самой природы цивилизации, из ее этнокультурного субстрата, ее племенной, географической, хозяйственной специфики. Энтелехия, которая прорастает в судьбе народа, – парадигма другого уровня. Она действует как закваска, вложенная в скрытой сердцевине традиции. Есть нечто высшее того, что в культурном плане можно объявить номосом, а в цивилизационном плане выступает как гештальт. Есть нечто обнимающее собою и номос, и гештальт данной эпохи и данного народа – это его энтелехия, которая на разных

стадиях своего исполнения образует разные идиографические целостности, разные лики. В учении Э. Юнгера о гешталте, где он вел подходы к такому пониманию, просматривается очевидный цивилизационный акцент: техника органически связана с ее носителями – «техниками», «технарями» и выступает как магическое alter ego расы.

Собственно, большая миссия «исторических миров» есть не что иное как череда акматических ликов, цепь покоренных вершин, исполненная традиция. В живой истории это традиция не в смысле зарывшихся в почву корней, а в смысле раз-вернутого к будущему фронта, которым, как грудью, живой организм встречает свою судьбу. Миссия представляет собою нечто еще невыполненное в исто-

До сих пор миссия России состояла не в том, чтобы добиваться господства над всеми племенами и народами, а в сдерживании и обуздании тех, кто жаждет такого господства. «Спячка» России ведет к тому, что на мировую арену вырывается агрессивный «зверь из бездны» и разрушает хрупкую гармонию историко-культурных миров.

рии, миссия – это сам процесс наполнения и исполнения традиции. Поэтому действующая, живая традиция похожа на просыпающийся время от времени вулкан. В жерле традиции клокочет испепеляющий огонь, имеющий свой исторический ритм и выдающий все новые и новые толчки расплавленной «материи», которая затвердевает в цивилизационной форме. Магическая власть цивилизации всегда временна, всегда сменяема юной и более продвинутой наследницей. Внутри традиции заложено переплавляющее ее плоть откровение, Божий бич, причина одновременно страданий человеческих, но и человеческих взлетов. Поэтому зачастую решающим в истории является не фактор победы, а фактор поражения, опыт сокрушения и смирения. Большая беда, приходя к народу-целелогагателю, очень часто выступает как источник его переплавки и перековки, ведущей к новому цивилизационному росту.

Традиция-цивилизация не сломлена до тех пор, пока дух ее не сломлен. Магическое господство над простран-

ством – внешняя рамка истории, всегда относительная, как любые средства и орудия. Внутренняя сущность истории – раскрытие энтелехии каждого лица, предложение этим лицом своей миссии и, как результат, плодотворное **столкновение миссий**, в котором лица в полноте своего существа предстают перед Тем, Кто вкладывает в свои создания вдохновляющее их неповторимое начало, аристотелевскую «энтелехию», евангельское «горчичное зерно».

Без оплодотворения миссией носители традиции обречены оставаться неполноценными, они засыхают как осенняя ботва. Если же некоторая персональная или эпохальная миссия выполнена – то она «прилагается» к традиции как ее новый слой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

**Мы крепки задним умом
(вместо предисловия)**

Часть I.

СМУТА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

- Три Смутных времени в России
- Наша «Казанская»
- «Вернулись поляки, казаков привели»
- Сусанин наоборот
- Преображение через падение
(к 15-летию ГКЧП)
- От юбилея революции к исцелению от Смуты
- О причинах русской «революции»

Часть II.

ИМПЕРИЯ – МЕЖДУ МОНАРХИЕЙ И ДИКТАТУРОЙ

- Царство Россия
- Опричнина – модернизация по-русски
- Империя и воля
- Сталин и русские
(из несократических диалогов)
- Город гнева
- Император-батяка
и цивилизационный суверенитет

Часть III.

ЛОГИКА ПУТИНА

- Невостребованная «вечная Россия»
- Как два «Б» одного президента свергали
(в соавторстве с А. Алиевым)
- Логика Путина
- Расчистка политического поля
- Прирастание власти
- Ответ на террор-войну
- Фазовый переход: О Путине
на фоне медведевской «десталинизации»
- Мы глашатаи термидора
- Валдайский перевал

Часть IV.

ПРИМИРЕНИЕ «КРАСНЫХ» И «БЕЛЫХ»

- Другой Царь и другой Сталин
(в соавторстве с П. Мультатули)
- Необходимо постановление о смыслах
(в соавторстве с К. Черемных)
- Живая Россия будет собирать себя
во времени
- Неолиберализм себя изживает
- Необходима симфония властей в голове
- Изборский клуб проводит психотерапию
- Изборский клуб и главный вопрос эпохи

Заключение.

Столкновение миссий

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

Изборский клуб экспертов – создан в сентябре 2012 года в городе Изборск Псковской области. Инициаторами клуба выступили известные политики, мыслители и общественные деятели государственного-патриотической направленности. Председателем клуба был избран А.А. Проханов, а исполнительными секретарями – В.В. Аверьянов и А.А. Нагорный.

Идеологическое направление Изборского клуба можно обозначить как социальный консерватизм, синтез в единую идейную платформу различных взглядов русских государственников (от социалистов и советских патриотов до монархистов и православных консерваторов). Изборский клуб нередко рассматривается как альтернатива многочисленным клубам и площадкам либеральной направленности, долгое время претендовавшим на выражение и интеллектуальное обслуживание официальной политики РФ. В то же время необходимо видеть, что Изборский клуб отражает не новоявленный, а зрелый и давно сложившийся политико-идеологический полюс, который долгое время не удавалось институционализировать в силу различных субъективных факторов и целенаправленного регулирования экспертного поля со стороны властей, курирующих внутреннюю политику. О зрелости и укорененности в российской почве данного направления свидетельствуют дела, труды и биографии основных участников Изборского клуба.

WWW.DYNACON.RU

club@izborsk-club.ru

redaction@izborsk-club.ru

Коллекция
Изборского
клуба

Виталий Аверьянов
ИМПЕРИЯ И ВОЛЯ
ДОГНАТЬ САМИХ СЕБЯ

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 12.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru